

МИССИОЛОГИЯ

Учебное пособие

Издание 2-е,
исправленное и дополненное

Миссионерский отдел
Русской Православной Церкви
2010

*По благословению и под общей редакцией
Высокопреосвященнейшего ИОАННА,
архиепископа Белгородского и Старооскольского,
председателя Синодального миссионерского отдела
Русской Православной Церкви*

Ответственный редактор —
священник Александр Гинкель,
кандидат богословия

Миссиология. Учебное пособие. Издание 2-е, исправленное и дополненное. — М.: Миссионерский отдел Русской Православной Церкви, 2010. — 400 с.

© 2010 Миссионерский отдел Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1. БОГОСЛОВИЕ МИССИИ	9
1.1. Предмет и задачи православной миссиологии	9
1.2. Место православной миссиологии в системе богословских и исторических дисциплин	11
1.3. Богословское понимание миссии Церкви	14
1.3.1. Библейское понимание миссии	14
1.3.2. Тринитарное основание миссии	20
1.3.3. Миссия как апостольство	25
1.3.4. Миссия как свидетельство (христоцентричность миссии)	31
1.3.5. Экклесиологическое основание миссии	38
1.3.6. Эсхатологическое понимание миссии	48
1.3.7. Каноническое основание миссии	54
1.3.8. Миссия как сотрудничество Богу (антропологический аспект)	59
1.3.9. Сакраментологическое основание миссии	63
1.4. Миссионерский императив Евангелия	71
1.4.1. Евангелие и культура	71
1.4.2. Инкультурация и рецепция культуры	80
1.5. Цели и задачи православной миссии	97
1.5.1. Сотериологические задачи миссии	97

1.5.2. Кафоличность православной миссии	103
1.5.3. Вселенский характер православной миссии	107
1.5.4. Локальные задачи православной миссии	112
1.6. Миссия и прозелитизм	118
1.7. Библиография к 1-й части	123

2. ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ

МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	127
2.1. Методология Православной миссии	127
2.1.1. Формы и методы современной миссионерской деятельности	131
2.2. Образ и качества современного миссионера	138
2.2.1. Миссионерство и ученость	143
2.2.2. Миссионерская эстетика	148
2.2.3. Ошибки миссионера	153
2.3. Внешние средства благовестия	165
2.4. Миссионерские вызовы современной церковной жизни	168
2.5. Особенности современного «миссионерского поля» Русской Православной Церкви	172
2.5.1. Правовые основания осуществления миссионерской деятельности	175
2.5.2. Понятие субкультуры	181
2.6. Практические рекомендации по тематике и методике проведения духовно-просветительских бесед	189
2.6.1. Методика корректного общения с оппонентом	192
2.6.2. Язык проповеди и миссии. Проблема перевода	212
2.6.3. Церковь и СМИ	215
2.6.4. Проповедь в Интернете	225
2.6.5. Проповедь в воинской среде	236
2.6.6. Проповедь в молодежной среде	241
2.6.7. Проповедь в образовательных учреждениях	261
2.6.8. Проповедь среди заключенных	264
2.6.9. Проповедь в иноверческой среде	273

2.6.10. Методика диспута с сектантами	294
2.6.11. Проповедь среди мигрантов	303
2.7. Миссионерское служение мирян	307
2.8. Миссионерский приход	320
2.9. Миссионерский стан	327
2.10. Миссионерское богослужение	334
2.10.1. Об изменяемости и неизменности богослужения.....	338
2.10.2. Богослужебный язык	343
2.11. Миссионерские экспедиции.....	363
2.12. Миссия и катехизация	371
2.13. Основные принципы планирования и организации миссионерской деятельности на общецерковном, епархиальном, благочинническом и приходском уровне	384
2.14. Перспективные направления миссионерского служения	391
2.15. Библиография ко 2-й части	392

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость возрождения миссии в Русской Православной Церкви вызвана сегодня не только внутренней потребностью «церковного организма», но и состоянием общественной жизни, в которой (применительно к данной теме) необходимо выделить два аспекта.

Во-первых, это сложное духовно-нравственное состояние нынешнего общества, разделяемого как финансово-экономическими и политическими нестроениями, так и питаемого антихристианскими мировоззренческими принципами гедонизма и нигилизма. Вторым аспектом является прозелитическая деятельность некоторых неправославных конфессий, религиозных сект и движений, которые на общем фоне недостаточной осведомленности населения, пользуясь религиозной жаждой людей, привлекают в свои ряды все новых и новых членов.

Оставаясь верной традиции Древней Неразделенной Церкви и продолжая дело апостольского служения, Русская Православная Церковь свидетельствовала о Христе на протяжении всей истории ее благовестнического делания, видя для себя смысл миссии прежде всего в просвещении светом веры Христовой людей, живущих на географической территории государства, называемого Святая Русь. С другой стороны, дело миссии Церкви мыслилось и в плане воцерковления того народа, который был крещен в Православной вере, составляя большинство христианского населения современных славянских стран, окормляемых Русской Православной Церковью.

В ваших руках находится уникальный учебник по Миссиологии, в котором отражен опыт многолетних трудов миссионеров Русской Православной Церкви на ниве благовестия. Уни-

кальность учебника заключена в рецепции огромного количества материала, переработанного, осмысленного, дополненного и изложенного доступным языком. В составлении первого издания учебника принимало участие двадцать три автора¹, известных своей активной миссионерской и преподавательской деятельностью, которые специально изложили свой опыт в виде статей, отчетов и материалов, вошедших практически целиком в данный учебник. Сюда же вошли материалы, которые использовались для преподавания в Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью) на протяжении ряда лет. В силу этого данный учебник должен рассматриваться как коллективный труд людей, занимающихся делом возвещения Христовой истины и передающих знание об этом «деле» всем тем, кто желает стать «соратником у Бога» (1Кор. 3.9).

Миссиология призвана приоткрыть тайну священноапостольства, тайну распространения благодатного света в непросвещенном мире. Для этого нужно дать представление о мире, спасаемом и просвещаемом благодатью Божией, описать человека и то, как он становится членом Церкви, строит свою жизнь в отношении и к Богу, и к другим людям, и к миру. Необходимо понять, как человек может в свою меру — меру образа и подобия Божия — быть сотрудником Богу в Его благодатном просвещении другого человека. Следует приоткрыть тайны границ Церкви, соотношение Церкви и мира. Тогда на основании православных антропологии, ексlesiологии и сотериологии приоткрывается тайна священноапостольства, возникает богословие миссии — миссиология.

¹ Игумен Пантелеимон (Бердников) (преподаватель МДА), игумен Петр (Еремеев), игумен Софроний (Китаев) (преподаватель Белгородской ДС), игумен Агафангел (Белых) (преподаватель Белгородской ДС), протоиерей Дионисий Поздняев, протоиерей Дмитрий Карпенко (преподаватель Белгородской ДС), иеромонах Никанор (Лепешев) (преподаватель Хабаровской ДС), иеромонах Никодим (Шматько) (преподаватель Сретенской ДС), священник Сергей Царев (преподаватель Воронежской ДС), священник Даниил Сысоев (преподаватель Перервенской ДС), священник Георгий Рой (преподаватель МинДА), священник Андрей Хвьяля-Олинтер (преподаватель Белгородской ДС), священник Александр Гинкель (преподаватель Белгородской ДС), протодиакон Андрей Кураев, диакон Владислав Серков (преподаватель Белгородской ДС), Лученко К.В., Максимов Ю.В., Пашин А.В., Пивоваров А.Б. (преподаватель Свято-Макарьевского Православного Богословского института г. Новосибирска), Полетаева Т.А. (преподаватель Белгородской ДС), Самойленко В.Ф., Чапнин С.В., Ярасов А.В. (преподаватель Тульской ДС).

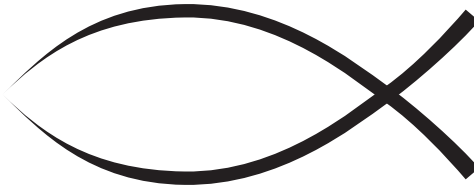
По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла во втором издании учебника была изменена структура. Было решено опустить историческую часть, так как по истории миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в настоящее время написано большое количество работ, среди которых можно выделить таких современных православных авторов, как игум. Пантелеимон (Бердников), свящ. Сергей Широков, А.Б. Ефимов, и другие. Основное внимание было обращено на методологическую часть учебника, которая в настоящем издании более расширена, исправлена и дополнена.

В подготовке материалов для второго издания учебника принимали участие следующие авторы: прот. Олег Кобец, прот. Павел Вейнгольд, прот. Димитрий Карпенко, игум. Агафангел (Белых), свящ. Петр Иванов, свящ. Александр Гинкель, диак. Георгий Максимов, Пивоваров А.Б., Якунцев В.И., Лукин В.П.

Учебник создается с целью заполнения образовавшегося вакуума в области преподавания Миссиологии. При этом необходимо отметить, что это первый труд, удовлетворяющий учебным запросам духовных школ Русской Православной Церкви. Многочисленная информация публикуется впервые и носит характер «миссионерских записок» людей, делящихся своим личным опытом проповеди Евангелия в современных условиях секуляризованного мира и общества.

Второе издание учебника составляют две части: богословие миссии (необходимое для знания основ, целей и задач миссионерства), принципы и методы миссионерской деятельности (как базовый практический ориентир для православных миссионеров).

Данный труд рекомендуется в качестве учебного пособия для преподавания предмета «Миссиология» в Духовных семинариях и училищах Русской Православной Церкви, и в частности, Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), для нужд которой издается. Книга может быть интересна и полезна всем православным христианам, желающим следовать за Господом Иисусом Христом и Его апостолами в деле домостроительства Царствия Божия в сердцах человеческих.

1. БОГОСЛОВИЕ МИССИИ

1.1. Предмет и задачи православной миссиологии

Миссиология является дисциплиной, рассмотрению которой подлежит благовестническая деятельность Церкви. Под «миссией» (лат. *missio* — отправление, посылка, поручение) понимается:

1. Направление миссионеров (как проповедников) в определенные страны, их деятельность, а также организация (Церковь), миссионеров отправляющая.

2. Особое служение, направленное на углубление и расширение христианской веры, чаще всего в лишь номинально христианской среде (воцерковление формальных христиан).

3. Но самое первоначальное значение этого понятия — проповедь веры среди нехристиан, распространение Царствия Божия в мире и созидание новых Церквей. По словам свт. Иннокентия, митр. Московского, апостола Сибири и Америки, миссионеру необходимо «оставить родину и идти в места отдаленные, дикие, лишённые многих удобств жизни для того, чтобы обращать на путь истины людей, еще блуждающих во мраке неведения...» (Наставления Высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского нушаганскому миссионеру, иеромонаху Феофилу).

Латинское слово «*missio*» является переводом греческого «*αποστέλλω*» (отправлять, посылать), и потому в первоначальном значении своем оно применялось для указания на Божественный план спасения человечества: Бог Отец посылает Сына (Ин. 5.36), затем через Сына — Духа Святого (Ин. 15.26), после чего Сын посылает Своих учеников (Ин. 20.21).

Предметом миссиологии являются формы и методы возведения Благой вести о спасении человечества, осуществляемом Триипостасным Богом, а также изучение деятельности Церкви по евангелизации и путей, которыми она ее осуществляет. Миссиология — это наука о миссиях, миссионерской истории, миссионерской мысли и миссионерских методах.

Задачи православной миссиологии формулируются с учетом двух противоположных направлений, одновременно присутствующих в православной миссии. С одной стороны, благая весть звучит о наступлении Царствия Божия, призывает к познанию Истины и освобождению от греха в Духе Святом. «Положительные» задачи самой миссии кратко сформулированы апостолом Петром в его первой проповеди на площади Иерусалима после сошествия Святого Духа на апостолов: «покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа» (Деян. 2.38), то есть существуют определенные этапы спасения, более подробному рассмотрению которых будет посвящено дальнейшее исследование.

С другой стороны, миссия Церкви есть протест против «мира», под которым подразумевается зло, существующее в человеческих отношениях. Задачи «отрицательные» выразил апостол Иоанн Богослов в своем первом Послании: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1Ин. 2.15-17). Только в эсхатологической перспективе для христианина раскрывается вся бессмысленность мирских материальных и культурных ценностей, направленных на удовлетворение человеческих инстинктов, сводимых, в конечном счете, к требованиям черни на античных амфитеатрах: «Хлеба и зрелищ!» «Отрицательные» задачи также будут рассматриваться далее.

Таким образом, миссия Церкви обращена к миру, но при этом несет в себе отрицание «мирского» и призывает к сущностному обновлению мира. Коротко задачи, формулируемые миссиологией перед миссионером, можно изложить словами «Концепции миссионерской деятельности РПЦ»:

«Православная миссия состоит в том, чтобы приближаться к миру, освящать и обновлять его, вкладывать новое содержание в старый образ жизни, принимать местные культуры и способы их

выражения, не противоречащие христианской вере, преобразуя их в средства спасения».

В «горизонтальном» измерении различают внутреннюю и внешнюю миссии. Внутренней миссией называют миссию внутри канонических, официальных границ Православной Церкви, то есть обращение к тем, кто как бы «числится» в Церкви, будучи крещен, но не просвещен. Такую миссию можно назвать «евангелизацией». А под внешней миссией понимается, в этом случае, служение Церкви по распространению и утверждению духа христианства вне своих канонических границ, что включает в себя приведение ко Христу людей через «свидетельство — научение — оглашение (катехизацию) — крещение».

1.2. Место православной миссиологии в системе богословских и исторических дисциплин

Миссиология включает в себя довольно широкую область аналитического исследования, опирающуюся на исторические и богословские дисциплины.

Правильное понимание миссии коренится в знании не только основ, но и глубин православной веры, что предполагает собой изучение основного и догматического богословия, и прежде всего разделов по триадологии, онтологии, антропологии, сотериологии, сакраментологии и эсхатологии. Главным источником, из которого черпается все это учение, является Священное Писание, представляющее собой «фундамент» деятельности миссионера. Продолжением его служит богатейшее святоотеческое письменное наследие, изучаемое такой богословской наукой, как патрология.

Говоря о святоотеческом наследии, невозможно составить полный список всех трудов, которые, так или иначе, касаются предмета миссиологии, по причине их огромного количества. Если понимать «миссию» в широком смысле слова, как проповедь христианского вероучения, то большая часть всех святоотеческих сочинений посвящена именно этой теме. Можно выделить лишь три направления, которые определяли письменные творения Святых Отцов в деле миссионерского служения: проповедь среди незнающих христианства (язычники, иудеи и т.д.), проповедь среди искажающих христианство (гностики, еретики и т.д.), проповедь среди неутвержденных в христианстве (катехизация, наставление и т.д.).

Следующей неотъемлемой для миссионера дисциплиной является литургическое богословие, точнее осознанное восприятие церковного богослужения и участие в Святах Таинствах.

Наконец, немаловажными, хотя и прикладными областями знания для миссиологии являются культурология, сравнительное богословие, история религий, сектоведение и т.п. дисциплины, необходимость которых обуславливается конкретными обстоятельствами времени и места проповеди Евангелия.

К прикладным дисциплинам можно также отнести исторические и филологические науки, хотя в некотором роде, при определенных обстоятельствах (например, во время «внешней» миссии) их знание является первейшим и определяющим фактором миссионерской деятельности.

Особое место в миссиологии занимают письменные труды русских миссионеров XIX в. (огласительные слова, поучения к язычникам, и особенно их теоретические работы и практические наставления, адресованные братьям-миссионерам и другим церковным лицам). Такое же особое место принадлежит и истории духовных миссий XIX в., признанных в свое время образцовыми (в частности, Алтайская и Японская Духовные миссии), а также история других выдающихся миссионеров прошлого. Изучение и анализ этого образцового опыта и письменных трудов русских миссионеров XIX в. (в контексте их эпохи) нужно в первую очередь для понимания общих, существенных принципов православного миссионерства, но также может быть полезно и с точки зрения конкретных способов.

Что касается современного развития миссиологии как науки, то в Русской Православной Церкви среди богословских дисциплин она не имела четкой научной систематизации вплоть до конца XX в., составляя собой обширную сферу исторических, богословских и практических материалов, трудов, записок и публикаций, не имеющих часто единого «стержня» для их реального применения.

В 1994 году в Москве состоялся Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, который издал определение «О православной миссии в современном мире». В определении говорилось о необходимости возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. Также в этом документе Священному Синоду было поручено образовать рабочую группу по планированию возрождения православной миссии, а Учебному комитету разработать и внедрить в программу учебных заведений предмет миссиологии.

Рабочая группа, которую возглавил Преосвященный Иоанн, епископ (ныне архиепископ) Белгородский и Старооскольский, подготовила «Концепцию возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви»¹. Концепция была утверждена на заседании Священного Синода 6 октября 1995 года (№ 4043). В ней излагаются основные богословские константы Православной миссии, обязывающие каждого христианина как члена Апостольской, то есть посланнической Церкви, встать на путь православного свидетельства.

26 декабря 1995 года постановлением Священного Синода был образован Миссионерский отдел Московского Патриархата, председателем которого назначен епископ (ныне архиепископ) Белгородский и Старооскольский Иоанн. Ведению Миссионерского отдела поручено было осуществлять методологическую и практическую миссионерскую деятельность на канонической территории Русской Православной Церкви.

17 июля 1996 года определением Синода РПЦ было принято решение об открытии в Белгороде Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью)². На торжественном открытии семинарии, которое состоялось 28 сентября того же года, присутствовал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Ректором семинарии назначен Преосвященный Иоанн, епископ (ныне архиепископ) Белгородский и Старооскольский.

27 марта 2007 года на заседании Священного Синода была утверждена «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви»³, разработанная Синодальным Миссионерским отделом Московского Патриархата. Концепция формулирует общие принципы, цели и задачи миссионерского служения Русской Православной Церкви, которые могут творчески развиваться в епархиях, с учетом местных условий и возможностей. Текст Концепции основывается на документах и материалах Поместного Собора 1917-1918 годов, Архиерейских Соборов Русской Православной Церкви 1994, 1997, 2000 и 2004 годов,

¹ Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. — Изд. Рабочей группы по планированию возрождения православной миссии на канонической территории Русской Православной Церкви, 1995. В тексте все ссылки на этот документ даны курсивом.

² Далее в тексте — БПДС (с м/н).

³ Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. — Изд. Миссионерского отдела Московского Патриархата Русской Православной Церкви, 2007. В тексте все ссылки на этот документ даны жирным курсивом.

опирается на рекомендации докладов Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, а также «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», постановления и итоговые документы Всецерковных миссионерских съездов, прошедших до 1917 года и в 1996-2002 годы.

Наконец, в 2009 году, по благословению и под общей редакцией Высокопреосвященнейшего Иоанна, архиепископа Белгородского и Старооскольского, председателя Миссионерского отдела Русской Православной Церкви, издательством БПДС (с м/н) был издан первый в истории Русской Православной Церкви учебник по миссиологии, в который вошли статьи 23 авторов — миссионеров, богословов и преподавателей, составленные специально для данной работы.

1.3. Богословское понимание миссии Церкви

1.3.1. Библейское понимание миссии

Все принципы православной миссионерской деятельности основываются и выводятся из Священного Писания, как самого авторитетного источника вероучения Православной Церкви. Они или даны непосредственно Господом Иисусом Христом, или же выработаны апостолами в процессе проповеднического служения.

Наставления Спасителя ученикам при послании их на проповедь (до Воскресения Его из мертвых) изложены в Мф. 10 гл. и Лк. 10 гл. Основные темы наставлений: «Проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное» (Мф. 10.7; Ср.: Лк. 10.9); «Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10.16; Ср.: Лк. 10.3); «Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10.27-28); «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается» (Лк. 10.16; Ср.: Мф.10.40).

После Своего Воскресения Господь делает следующие повеления апостолам, благословляя их на проповедь: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века»

(Мф. 28.19-20); «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16.15-18); «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1.8).

Разница между этими наставлениями лишь в том, что до Своего Воскресения Христос заповедует апостолам проповедовать в мире о наступлении Царства Небесного, а после Воскресения из мертвых Спаситель повелевает ученикам принимать людей в Свое Царство посредством крещения.

Принципы миссионерской деятельности, применяемые апостолами, изложены в книге «Деяния святых апостолов», а также в соборных и пастырских Посланиях (преимущественно апостола Павла).

В ветхозаветные времена существовал иудейский народ, богоизбранничество которого заключалось в несении и сохранении истинной веры Господу Богу Саваофу. Но вера эта была не рассудочным знанием факта существования истинного Бога, а жизненным доказательством верности Ему. Вера в Бога была напрямую связана с исполнением Его заповедей, то есть жизнью по Его закону, записанному Моисеем.

Когда народ израильский отходил от веры в «Яхвэ», то Он Сам посылал людей, целью которых было напомнить народу об его богоизбранности. Такими людьми были пророки, первые «посланники» Господа, ставшие первыми миссионерами.

Миссия пророков сводилась главным образом к одному — к проповеди о Боге среди народа иудейского, который по тем или иным причинам начинал изменять Господу или о Нем забывать (т.н. «внутренняя миссия»). Однако проповедь пророков не ограничивалась лишь пределами Израиля, но также часто распространялась и на язычников, живущих по соседству с иудеями. Но специально обращать их в ветхозаветную веру у пророков задача не стояла. Новая форма миссионерской деятельности (т.н.

«миссия внешняя») появляется лишь в Новом Завете, и то только после Пятидесятницы.

Чтобы понять, о чем проповедовали пророки, необходимо рассмотреть некоторые описания того, каким образом осуществлялось их призвание Господом. Как пример будут приведены три призвания «великих» пророков — Исаии, Иеремии и Иезекииля.

Первое описание — видение пророку Исаии Славы Божьей: «В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня. И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6.1-10).

Следующий пример — призвание святого пророка Иеремии. Вот как он сам описывает его: «И было ко мне слово Господне: прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя. А я сказал: о, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я еще молод. Но Господь сказал мне: не говори: «я молод»; ибо ко всем, к кому пошлю тебя, пойдешь, и все, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя, сказал Господь. И простер Господь руку Свою, и коснулся уст моих, и сказал мне Господь: вот, Я вложил слова Мои в уста твои. Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать,

созидать и насаждать. И было слово Господне ко мне: что видишь ты, Иеремия? Я сказал: вижу жезл миндального дерева. Господь сказал мне: ты верно видишь; ибо Я бодрствую над словом Моим, чтоб оно скоро исполнилось. И было слово Господне ко мне в другой раз: что видишь ты? Я сказал: вижу поддуваемый ветром кипящий котел, и лицо его со стороны севера. И сказал мне Господь: от севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли. Ибо вот, Я призову все племена царств северных, говорит Господь, и придут они, и поставят каждый престол свой при входе в ворота Иерусалима, и вокруг всех стен его, и во всех городах Иудейских. И произнесу над ними суды Мои за все беззакония их, за то, что они оставили Меня, и воскуряли фимиам чужеземным богам и поклонялись делам рук своих. А ты препояшь чресла твои, и встань, и скажи им все, что Я повелю тебе; не малодушествуй пред ними, чтобы Я не поразил тебя в глазах их. И вот, Я поставил тебя ныне укрепленным городом и железным столбом и медною стеною на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей. Они будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя; ибо Я с тобою, говорит Господь, чтобы избавлять тебя» (Иер. 1.4-19).

И, наконец, еще один пример — призвание пророка Иезекииля, описанное им после явления ему Славы Божьей и видения четырех символических животных: «Увидев это, я пал на лице свое, и слышал глас Глаголющего, и Он сказал мне: сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою. И когда Он говорил мне, вошел в меня дух и поставил меня на ноги мои, и я слышал Говорящего мне. И Он сказал мне: сын человеческий! Я посылаю тебя к сынам Израилевым, к людям непокорным, которые возмутились против Меня; они и отцы их изменники предо Мною до сего самого дня. И эти сыны с огрубелым лицом и с жестоким сердцем; к ним Я посылаю тебя, и ты скажешь им: «так говорит Господь Бог!» Будут ли они слушать, или не будут, ибо они мятежный дом; но пусть знают, что был пророк среди них. А ты, сын человеческий, не бойся их и не бойся речей их, если они волчцами и тернами будут для тебя, и ты будешь жить у скорпионов; не бойся речей их и не страшись лица их, ибо они мятежный дом; и говори им слова Мои, будут ли они слушать, или не будут, ибо они упрямы. Ты же, сын человеческий, слушай, что Я буду говорить тебе; не будь упрямым, как этот мятежный дом; открой уста твои и съешь, что Я дам

тебе. И увидел я, и вот, рука простерта ко мне, и вот, в ней книжный свиток. И Он развернул его передо мною, и вот, свиток исписан был внутри и снаружи, и написано на нем: «плач, и стон, и горе». И сказал мне: сын человеческий! съешь, что перед тобою, съешь этот свиток, и иди, говори дому Израилеву. Тогда я открыл уста мои, и Он дал мне съесть этот свиток; и сказал мне: сын человеческий! напитай чрево твое и наполни внутренность твою этим свитком, который Я даю тебе; и я съел, и было в устах моих сладко, как мед. И Он сказал мне: сын человеческий! встань и иди к дому Израилеву, и говори им Моими словами; ибо не к народу с речью невнятною и с непонятным языком ты посылаешься, но к дому Израилеву, не к народам многим с невнятною речью и с непонятным языком, которых слов ты не разумел бы; да если бы Я послал тебя и к ним, то они послушались бы тебя; а дом Израилев не захочет слушать тебя; ибо они не хотят слушать Меня, потому что весь дом Израилев с крепким лбом и жестоким сердцем» (Иез. 2.1-3.7).

Эти три примера призвания великих библейских пророков очень похожи между собой. Они имеют одинаковые признаки и цели. Их сравнение раскрывает смысл пророческого служения как миссионерской задачи, поставленной Господом. Причем можно привести много параллелей и с новозаветным призванием апостолов, описанным евангелистами. Итак, в чем же заключалась миссия пророков?

Прежде всего, призвание пророков начиналось с явления Славы Божьей, с видения таинственности и могущества Божества, слышания Его голоса. Это было первой необходимостью, так как пророк не мог говорить о каком-то абстрактном «Боге», которого он не знал, не видел и не чувствовал. Именно живой опыт богообщения являлся для Божьего посланника (миссионера) тем движущим фактором, который питал и согревал его душу во время различных испытаний и невзгод.

Более того, пророк должен был говорить слова Бога, являясь посредником, «представителем» Бога среди народа, к которому он посылался для проповеди. А для этого необходимо было внутреннее очищение пророка и его дальнейшая духовно-нравственная жизнь, сообразная с жизнью Духа Святого, обитавшего в его сердце и уме. Видимым знаком освящения пророка являлось очищение его уст, так как это свидетельствовало о правдивости всех слов, произносимых этим человеком, и его слова после этого должны восприниматься как слова Самого Господа. («Слуша-

ющий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается» (Лк. 10.16); «Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня; кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника» (Мф. 10.40-41)).

Чтобы проповедь была более действенна и убедительна, Господь обещает Свое покровительство и помощь в деле пророческого (посланнического) служения. Доказательством истинности слов пророка являлось не только исполнение его предсказаний, но и чудеса, творимые от Имени Всевышнего. («Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16.17-18); «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф. 10.8)).

Пророки посылались, прежде всего, к народу Израильскому, чтобы обратить его от ложного пути и через покаяние привести снова к Господу. И хотя Господь предсказывает безнадежность проповеди среди Своего народа по причине их закостелости, однако Он все же не оставляет этого народа, посылая им обетования и Своих посланников для свидетельства того, что любовь Божия карает неправедных и милует кающихся. («На путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева; ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное» (Мф. 10.5-7)).

Господь повелевает Своим посланникам быть мужественными перед лицом неправды и скорбей, и обещает Свою помощь и поддержку в деле миссионерского служения. Более того, Он свидетельствует, что малодушие является неприемлемой слабостью для пророка, и сулит наказание за измену пророческому призванию. («Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, кто может и душу и тело погубить в геенне... Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10.28,32-33)).

Таким образом, пророческое служение является прообразовательной формой миссионерского делания, и даже в какой-то мере ее необходимым условием, так как главная сила пророчес-

кого слова — это не предсказание будущего, а свидетельство от лица Самого Бога, боговдохновенность речей, произносимых Духом Святым. И именно это является гарантом истинности пророческого служения и правдивости слов, произносимых миссионером. («Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10.19-20)).

1.3.2. Тринитарное основание миссии

«Богословское понимание православной миссии основывается на ее тринитарном измерении: источник миссии — в Пресвятой Троице, которая выражает Себя через послание Иисуса Христа Отцом и ниспослании на апостолов Святого Духа (Ин. 20.21-22). Послание Иисуса Христа включено в план Домостроительства нашего спасения, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3.16)».

«Тринитарное понимание миссии предполагает, что задача миссии состоит в проекции на человеческие отношения отношений, которые существуют внутри Святой Троицы. Бог в Самом Себе есть жизнь общины, и Божие участие в истории направлено на приведение человечества (и творения вообще) в эту общину самой жизнью Бога».

Божественные Внутритроичные отношения, распространяющиеся в тварном мире, свидетельствуют об идеальной гармонии жизни и общения для разумных существ, призванных к подражанию этим отношениям через вступление в божественное бытие, актуализирующееся в единстве и святости Церкви, как Тела Христова, где многие личности имеют одну природу — богочеловеческий организм, подобно тому, как и Лица Святой Троицы имеют одну Сущность.

Человечество обретает спасение «от Отца через Сына в Духе Святом» — именно такой формулировкой выражается действие Божественного Домостроительства после грехопадения людей. Об этом пишет апостол Павел: «Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы

мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (Тит. 3.4-7).

Отношение к падшему миру Бога Отца: «Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши» (1Ин. 4.9-10);

Отношение к падшему миру Сына Божия: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить... Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, [так] и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино» (Ин. 17.3-4,21-22).

Отношение к падшему миру Духа Святого: «Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам, и Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден... Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам» (Ин. 16.7-11,13).

Божественный Основатель и Глава Церкви — Господь Иисус Христос осуществил в Своем Лице посланническое (апостольское) служение: Он пришел не Сам от Себя, но Отец посылает Сына во Святом Духе (Ин. 20.21-23). Слова «послал», «пославший» по отношению к Иисусу Христу встречаются в Новом Завете около 50 раз.

Автор послания к Евреям прямо называет Иисуса Христа Апостолом: «Итак, братия святые, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа» (Евр. 3.1). Посланничество Сына Божия в мир — это благая весть, и Сам Он являет служение благовестия: «и другим городам благо-

вествовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан» (Лк. 4.43). Царство Божие открылось с явлением в мир Христа, и Он Сам проповедует об этом. Он и Евангелие и Евангелист в одном Лице. Как образ Отца, Христос Сын Божий свидетельствует об Отце. Он — первый Апостол, Евангелист и Свидетель.

Посланничество Христа имеет абсолютный характер. И те дела (чудеса), которые совершал Христос, Он Сам выдвигает как свидетельство о Его посланничестве: «Я же имею свидетельство больше Иоаннова: Самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня» (Ин. 5.36). Это Посланничество подтверждает Его Божественное происхождение и, своего рода, оправдание в глазах обвинявших его фарисеев и законников. Именно указанием на Посланничество от Бога Он подтверждает Свое Богосыновство и равночестность Богу, говоря: «Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий?» (Ин. 10.36). На Посланничестве от Бога Отца Он основывает любовь к Себе: «Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня» (Ин. 8.42). Посланничество Христа раскрывает миру эсхатологическую перспективу Свидетельства. На пришествие Посланника указывает апостол в подтверждение своих слов о кончине мира: «когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего [Единородного]» (Гал. 4.4).

После того, как Сын исполнил Свою Миссию, Он посылает от Отца Святого Духа Утешителя (Ин. 14.16; 15.26), Который «приходит не во имя Свое, но во имя Сына, чтобы свидетельствовать о Сыне, как и Сын пришел во имя Отца», чтобы свидетельствовать об Отце — «Лица Святой Троицы не Сами по Себе утверждают, но Одно свидетельствует о Другом» (Лосский В.Н.). Дух Святой свидетельствует о Божестве Христа и открывает «познание того Божественного дела, которое Отец соделал во Христе». Таким образом, вся Пресвятая Троица являет Себя миру: через Божественное посланничество двух Своих Лиц призывает вновь обрести утраченное общение о Собою.

Как лица Пресвятой Троицы не мыслятся отдельно друг от друга, так и свидетельство Трех необходимо рассматривать в единстве. «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино» (1Ин. 5.7). Дух Святой свидетельствует о Божестве Христа и открывает познание того Божественного дела, которое Отец соделал во Христе. Это откровение Свя-

того Духа реализуется в Таинствах Церкви Христовой как живое и животворящее свидетельство. «И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном» (1Ин. 5.8). Бог Сам в Себе являет единение любви, и Божественная миссия Лиц Пресвятой Троицы ставит целью привлечения человека и всего творения в общение любви. Это общение любви созидает евхаристическую общину, именуемую Церковью или, иначе, «Собранием» (от греч. *Εκκλησία*).

Зримым выражением свидетельства Лиц Пресвятой Троицы является гениальный шедевр русской иконописи — «Троица» Андрея Рублева. Вот что писал об этой иконе прот. Павел Флоренский: «Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей..., среди этого глубокого безмизрия... открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «свышний мир» горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дольнем, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струящийся широким потоком прямо в душу созерцающего от Троицы Рублева, эту ничему в мире не равную лазурь — более небесную, чем само земное небо..., эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг пред другом покорность — мы считаем творческим содержанием Троицы».

Взоры Сына и Духа устремлены к Отцу, Который благословляет их на «кеносис» (умаление, снисхождение), необходимый для спасения грешного человечества. И в центре «кеносиса» является чаша с головою Агнца: Крестная Жертва, которую совершил Сын, и Евхаристические Дары, которые совершает Дух Святой.

«Миссия посланных в мир двух Лиц Пресвятой Троицы неодинакова, хотя Сын и Святой Дух совершают на земле одно и то же дело: Они создают Церковь, в Которой происходит соединение людей с Богом» (Лосский В.Н.). По учению апостола Павла, Церковь — это мистическое Тело Христово, и одновременно — полнота Духа Святого, Наполняющего все во всем (Еф. 1.23). Христос обожил человеческую природу в Себе, а Святой Дух дарует Свою благодать человеческим личностям.

Православная миссия стремится к проекции в земную реальность вечных отношений Лиц Святой Троицы. По слову апостола Иоанна Богослова, «Бог есть Любовь, и пребывающий в

любви пребывает в Боге и Бог в нем» (1Ин. 4.16), поэтому миссия Церкви — это, в первую очередь, миссия Божественной Любви.

Существуют определенные условия приобщения человека к Богу. Как пишет В.Н. Лосский, «Дух Святой был послан в мир или, вернее, в Церковь во имя Сына» («Утешитель, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое» (Ин. 14.26)). Следовательно, нужно носить имя Сына, быть членом Его Тела, чтобы воспринимать Духа». И святой Ириней Лионский говорит, что «приобщиться благодати Святого Духа можно только в Церкви, в Теле Христовом». В то же время и истинное восприятие Христа возможно только в Церкви, в Духе Святом. «Христос исторический, «Иисус из Назарета» такой, каким Он представляется взорам чуждых свидетелей, Христос вне Церкви, всегда восполнен в полноте Откровения, дарованной истинным Его свидетелям — сынам Церкви, просвещенным Духом Святым» (Лосский В.Н.).

Дело Посланничества Христова продолжается в его учениках до «скончания века». Это есть свидетельство Божественной любви. Те, кто услышал о Христе и уверовал в него, не могут не ответить на Его любовь взаимностью потому, что «кто не любит, тот не познал Бога, — говорит апостол Иоанн Богослов, — потому что Бог есть любовь» (1Ин. 4.8). Познавший Бога обретает любовь Его в себе и жаждет открыть ее тем, кто нуждается в ней. Это Откровение Божественной любви раскрывается в таинстве Евхаристии, где Христос являет себя Посланником, пришедшим к конкретному человеку, так, что причастный Церкви как Телу Христову, ставший живой клеточкой в церковном организме, может наравне с апостолом сказать: «И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру» (1Ин. 4.14).

Таким образом, вне Церкви не может быть полноценной христианской миссии, адекватного свидетельства о Христе. Это ставит под сомнение возможность сотрудничества в миссионерском деле Православной Церкви с так называемыми «христианскими сообществами», от нее отделившимися. Сегодня можно столкнуться с феноменом множественности проповедуемых «евангелий» и, соответственно, множественности проповедуемых «христов». Речь здесь идет не о лже-Христах и лжемессиях, число которых в настоящее время достаточно высоко, но именно о многообразных человеческих интерпретациях истинного Евангелия Христова и об иных пониманиях образа Единого и Единственного Господа Иисуса Христа. Православная Церковь сви-

детельствует, что не может быть и речи о равноценности этих человеческих «евангелий» с Евангелием, хранящимся в Церкви, и Христос, пребывающий в Церкви не одно и то же, что Христос, возвешаемый вне Ее.

1.3.3. Миссия как апостольство

«Миссия, как апостольство, всегда составляла главнейшую из обязанностей церковных людей как исполнение заповеди Господа Своим ученикам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча соблюдать их все, что Я повелел вам» (Мф. 28.19-20)...

...Все члены Церкви, как Тела Христова, призваны быть миссионерами в широком смысле слова и нести общецерковное апостольское служение. Поэтому каждый православный христианин обязан осознавать возложенную на него ответственность свидетельства».

Апостолы — личные избранники Господа Иисуса Христа: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод» (Ин. 15.16). Он Сам посылает их продолжать дело благовестия, и дарует им Духа Святого: «Мир вам! как послал Меня Отец, [так] и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго» (Ин. 20.21-22).

Отсюда «апостол» — «посланник» (от греч. *αποστέλλω* — отправлять, посылать). Сам Христос является Апостолом Отца на земле: «Братия святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему Его» (Евр. 3.1-2). Подобно этому и посланники Христа в мире являются апостолами Самого Бога: «Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (Мф. 10.40).

После Вознесения Спасителя христиане призываются к апостольству Духом Святым: «В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учителя... Когда они служили Господу и постились, Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их» (Деян. 13.1,2-3).

«Апостольство» в широком понимании заключается в несении света Христовой веры миру, погрязшему во тьме, путем просвещения этим светом собственной жизни и реализации его через внешние действия: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5.14-16).

«Апостольство» в узком понимании является одним из призваний в церковном служении, направленном на распространение Церкви в мире, и требует от человека особой харизмы и способностей к гомилетике. В этом смысле «апостольство» есть особое призвание Бога: «Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова» (Еф. 4.11-12).

Основание института апостолов коренится в домостроительной миссии Сына Божия: «Как послал Меня Отец, и Я посылаю вас» (Ин. 20.21; 17.18). Как пишет святой Климент Римский: «Апостолы были посланы проповедовать Евангелие нам от Господа Иисуса Христа, Иисус Христос от Бога. Христос был послан от Бога, а апостолы от Христа; то и другое было в порядке по воле Божией». Апостолы — необходимое звено в проповеди Евангелия миру. Подобное явление присутствует и в опыте человеческой реальности. Любой учитель мудрости, основатель философской школы или религиозный лидер, как правило, находится в окружении ближайших сподвижников — учеников, разделяющих и наиболее адекватно воспринимающих его идеи. Они являются свидетелями активного периода его жизни и по смерти учителя распространяют его взгляды. Естественно ожидать, что такое же окружение будет иметь и Божественный Учитель, осуществляющий Свое служение в конкретных исторических условиях. Вместе с тем, это естественное явление имеет и уникальные черты в силу Божественности своего происхождения. Облечение в апостольское достоинство возможно только через личное избрание, призвание и поставление Богом: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас» (Ин. 15.16); «не двенадцать ли вас избрал Я» (Ин. 6.7). Апостол Павел пишет в

послании к Галатам: «Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею.., чтобы я благовествовал» Сына Божия (Гал. 1.15). Подобная формула служит вступлением и некоторых других его посланий (См: Рим. 1.1; Гал. 1.1; 1Кор. 1.1; Кол. 1.1; Деян. 10.40-41; 13.2; 22.14).

В таком призвании — главный критерий истинного апостола Христова. И, напротив, самочинное присвоение апостольского права характеризуется как «лжеапостольство» (2 Кор. 2.13); (Ср: «как проповедовать, если не будут посланы» (Рим. 10.15)). Другим неперенным условием вхождения в апостольское достоинство было сопутствие Господу в Его земной жизни от Крещения до Его Вознесения, а также явление этому последователю воскресшего Господа (Деян. 1.21-22).

Но вместе с тем возможность призвания к лику апостолов не утратилась и после Вознесения Спасителя. «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3.8). Для Бога не может быть временных ограничений в даре благодати любого служения. Когда появился «избранный сосуд» — фарисей Савл, способный вместить эту благодать, то нелюбимый Бог ничем не умалил его от прочих, высших апостолов и сделал его свидетелем явления Своего во плоти. Для самого апостола Павла не было никаких сомнений в равноценности по достоинству его апостольства со служением Двенадцати (Гал. 1.12-16).

Призвание к апостольству имело необратимый характер, и это служение свидетельства простиралось на всю жизнь апостолов до их смерти. Но избранием и призванием не ограничивалось действие Божие в отношении апостолов.

В тайны, которые им предстояло возвещать Вселенной, «желают проникнуть Ангелы» (1Пет. 1.12); тем более они были труднодоступны человеческому разуму, поврежденному грехопадением. Даже пережитые апостолами смерть и Воскресение Христа только частично приоткрыли для них смысл спасительной миссии Бога в мир. Господь по Своем Воскресении «отверз им ум» к разумению ветхозаветных пророчеств (Лк. 24.45), но для полного познания дела Христова и тайн наступающего Царствия Божия была нужна в отвержении внутренних очей и просвещения от Божественного Духа, Который «все пронизает, и глубины Божии» (1Кор. 2.10). Полнота этого познания, а также сила возвещать эти тайны миру были дарованы в Пятидесятницу. Исполнились обетования Спасителя: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и

напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин. 14.26); также: «вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями ... до края земли» (Деян. 1.8).

Таким образом, подлинным действием вхождения в апостольство являлось участие в этом акте Трех Лиц Святой Троицы — избрание от Отца, призвание через Сына и освящение Святым Духом. После Пятидесятницы свидетельство апостолов получило всю полноту спасительной вести о Христе. Они не только возвещали реальность исторических событий из земной жизни Иисуса Христа, но и проникали в сотериологическое содержание исторического факта. Непреходящее значение и ценность свидетельства апостолов в том, что они были очевидцами и пережили те события, о которых свидетельствуют: «о том, что... мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали, и что осязали руки наши, о Слове жизни» (1Ин. 1.1). Они безусловно уверены в реальности явлений Воскресшего Господа: «Они (Двенадцать) с Ним ели и пили по Воскресении Его из мертвых» (Деян. 10.41). Апостолы были «гарантами» того, что Иисус, крестившийся от Иоанна на Иордане и проповедовавший по городам и селениям Палестины, есть Тот же, что воскрес из мертвых и вознесся на небо (Ср.: Деян. 2.22-24,32-36; 3.21; 4.10; 5.31-32; 10.39). Но смотрели они после Пятидесятницы на Христа Распятого и Воскресшего глазами веры. В их сознании произошло как бы завершение непосредственно запечатленного образа Христа, открылась как бы некая духовная внутренняя перспектива, плоскостной рисунок исторической реальности преобразился в объемное изображение «великой благочестия тайны» (1Тим. 3.16). Причем, если для Двенадцати эти ступени познания были разделены по времени, то в случае с апостолом Павлом произошло одновременно и переживание прошедших событий, и проникновение в их духовный смысл.

Момент восполнения апостольского дара, освящения апостолов Святым Духом считается днем рождения Церкви. Апостолы явились «передающим звеном» между Христом Богочеловеком и основанной Им Церковью; они — условие существования Церкви, в которую они «как богач в сокровищницу вполне положили все, что относится к истине» (свт. Иринея Лионский). «Церковь потому и называется апостольской, что содержит и хранит вверенное апостолам благовестие. Апостолы, как личные свидетели о Воскресшем Христе и получившие особую харизму, являются не просто проповедниками (и в этом коренное отли-

чие их от миссионеров), но гарантами пребывающего в Церкви истинного и неповрежденного спасительного учения» (иеромонах Венедикт (Кантерс)).

В связи с этим апостольский институт имеет хотя и временный характер, но непреходящее и уникальное значение для Церкви. По своему существу это служение не могло быть повторяемо, но по функциям не должно было прекращаться в Церкви. И апостолы тщательно заботились о точной передаче благовестия и других своих назначений — таких, как священнодействие (особенно — Евхаристия) и руководство жизнью общины своим ученикам. Так возникло необходимое для Церкви явление — апостольское преемство. С одной стороны передавалось учение: «что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2Тим. 2.2), с другой — через руковоложение — дарована особая благодать Святого Духа для исполнения этого служения и как залог возможности передачи ее другим. Через апостольское преемство в Церкви получается и передается опыт живой веры в Воскресшего Господа, основанный на уверенности самовидцев Слова и свидетелей Его Воскресения.

«Созерцая подобный небесам образ первой Церкви Христовой, начертанный в книге Деяний Апостольских, мы видим, что она вся была Апостольской, что дружина действователей не ограничивалась ни числом двенадцати, ни числом семидесяти апостолов, но возрастала с удивительною быстротою; что все верные или действовали непосредственно как апостолы, или содействовали и помогали апостолам., что все принимали живейшее участие в деле Иисуса Христа, которое было своим для каждого... Но как Господь Иисус Христос вовеки Един и Той же и обещался не разлучаться со Своими до скончания века, то первая Церковь Его есть образец, которому Христианская Церковь должна подражать во всяком веке. И хотя внешние выражения, в которых открывается дух Евангелия, могут принимать изменения, но самый дух истинной Церкви Христовой всегда один и тот же — любовь к Богу и к людям во Христе Иисусе. Чем изобильнее и явственнее сей дух чистой любви Божией в Христианской Церкви, тем более жизни и света Христова в сей Церкви. А чем более жизни и света Христова в Церкви, тем в ней более ревности, усердия и способности к распространению благодатного Царства Божия на земле, тем в ней имя Церкви Апостольской плодотворнее» (архим. Макарий (Глухарев)).

Церковь приняла написанные Евангелия в канон Священных Книг потому, что образ Христа, запечатленный в них, был идентичен с тем Его образом, который был воспринят сознанием Церкви посредством апостольской проповеди. Всякое иное, неапостольское, видение Христа не принималось Церковью. Перед лицом завершения жизненного пути одной из главных забот для апостолов стало обеспечение преемственности истинного благовестия в Церкви. Апостолы точно выразили истину, полученную от Бога, а их ученики должны были сохранить «переданное» им неповрежденным и в таком виде обеспечить в свою очередь его дальнейшую передачу (1Тим. 6.20). «Только та проповедь должна осуществляться в Церкви, которая имеет преемственную связь через ряд учеников к апостолам, а от них к Христу» (иеромонах Венедикт (Кантерс)).

Проповедь преемников апостолов должна соответствовать их «здравому учению», которое имеет авторитет правила веры (2Тим. 3.10,14; Тит. 2.1). Об этом пишет и святой Иринеи Лионский: «Должно повиноваться пастырям, находящимся в Церкви, то есть тем, которые имеют преемство от апостолов и которые вместе с преемством епископства по благоволению Отца приняли несомненный дар истины», именно у них «пребывает здоровое, безукоризненное учение и неискаженное, неповрежденное слово». И своего наставника — святого Поликарпа Смирнского — святой Иринеи представляет «достовернейшим и надежнейшим свидетелем истины» по той причине, что «он всегда учил тому, что узнал от апостолов».

Следует сказать о некотором искажении идеи апостольского преемства, его юридическом понимании на Западе, которое повлияло и на синодальное «школьное» богословие. Как пишет отец Иоанн Мейендорф, под ним обычно подразумевается «личное преемство власти, восходящее к апостолам и получаемое епископами при рукоположении, идея апостольского преемства как бы механизмуется и сводится к одному лишь понятию «действительности» рукоположения, а, следовательно, и всех таинств», тогда как в православном представлении оно «всегда обусловлено единством церковной веры. Епископы поставляются для возглавления определенных Поместных Церквей. Вне Церкви нет и преемства, а само преемство... существует в рамках всей Церкви как целого, а не на уровне отдельных личностей, как у гностиков. Истина принадлежит всей Церкви, и невозможно говорить об апостольском преемстве вне связи с апостольской истиной —

одна лишь Церковь, водимая Духом Святым, может засвидетельствовать эту Истину».

Епископы (а в терминологии Нового Завета и пресвитеры) являются хранителями и распространителями «апостольского преемства» в Церкви. По словам апостола Павла, они, прежде всего, блюстители чистого, истинного, здравого учения: «Итак, внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями — пасти Церковь Господа и Бога» (Деян. 20.26; Тит. 1.9). Лица церковной иерархии предстоятельствуя в Церкви и потому несут особую ответственность за чистоту веры и проповеди, и их соответствие апостольскому учению. «Предание апостолов открыто во всем мире, — пишет св. Ириней, — и мы можем перечислить всех епископов, поставленных апостолами в Церквях и преемников их до нас». Апостольское преемство, таким образом, стало правилом жизни Церкви, необходимым условием ее существования. При этом все члены Церкви — «род избранный и царственное священство» (1Пет. 2.9), а потому свидетельство об истине и восприятие благодати принадлежит всем «верным» членам Тела Христова.

Таким образом, миссионер, стремящийся соответствовать апостольскому идеалу, должен быть, прежде всего, «живым» членом Церкви (то есть участвовать в ее благодатной жизни) и проповедовать в согласии с учением церковной иерархии, хранящей в чистоте православную веру. Тогда он будет провозвестником истинного учения, но только еще внешним образом. Для внутреннего усвоения этого учения и получения благодатной силы для возжигания светильников веры в других людях, ему надо стремиться соделаться участником личной Пятидесятницы, стать свидетелем открытия в себе самом Царствия Божия.

1.3.4. Миссия как свидетельство (христоцентричность миссии)

«Миссионерский призыв, выраженный апостолом Павлом: «...если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!» (1Кор. 9.16), — выражает внутреннюю потребность миссионера делиться той радостью спасения, которую он обрел во Христе».

«Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями» (Деян. 1.8) — это были последние слова Господа Иисуса Христа ученикам перед Возне-

сением на небеса. Он повелевает им свидетельствовать о Себе как об Истине, несмотря ни на что. И поэтому именно свидетельство является главным аргументом апостольской проповеди: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, — о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение — с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом» (1Ин. 1.1-3).

Апостолы были свидетелями вечной жизни, которая открывалась во Христе Духом Святым: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы с начала со Мною» (Ин. 15.26-27). Главным доказательством этой вечной жизни было Воскресение Господа из мертвых, так как оно приносило человечеству надежду на бессмертие.

Именно вера во Христа дает человеку победу над смертью и вечную жизнь: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин. 11.25-26). Свидетельствовать об этом были призваны апостолы, которые опытно убедились в реальности физического Воскресения Господа Иисуса.

Апостол Петр: «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели» (Деян. 2.32); «Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых. И Он повелел нам проповедовать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых» (Деян. 10.40-42).

Апостол Павел: «Получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, [то есть] что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам» (Деян. 26.22-23).

Факт Воскресения Христова является основной темой апостольской проповеди, на нем основывается вера в Божественность Христа, это «краеугольный камень» христианства. Апостол Павел дает довольно развернутое разъяснение этому событию: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, [то есть], мертвые не воскресают; ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1Кор. 15.13-20).

В центре миссионерской проповеди всегда стоит Личность Христа, и не только как великого Учителя, но как Богочеловека, Победителя смерти и ада, Источника вечной жизни и спасения. «Так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему. И Я пошлю обетование Отца Моего на вас» (Лк. 24.46-49).

Посылая апостолов на проповедь, Спаситель заповедал им быть мудрыми в простоте и кротости сердца (Мф. 10.16). Потому что простота сердечная делает людей наследниками Царства Небесного: «Блаженны кроткие; ибо они наследуют землю» (Мф. 5.5).

Оберегая апостолов от самоуверенного вольнодумства, Господь обещал Свою неотступную помощь не только в знамениях и чудесах, но и в словах проповеди: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10.19-20).

О чем же проповедовали апостолы? О том, что видели и слышали, и чему были свидетелями (Деян. 1.8), удостоверившись на собственном опыте. Ибо хотя и называли Христа Сыном Божиим, но отреклись от Него, видя Его в позоре и унижении че-

ловеческом. Хотя и кричали: «осанна Сыну Давидову!», но потонул этот вопль в криках: «распни Его!» Видя свет Преображения — погрузились во тьму Распятия. Быв свидетелями многочисленного спасения страждущих, с горькой надеждой взирали на Крест, ожидая, что Спаситель спасет и Себя Самого.

И лишь ощутив руками язвы гвоздиные, и узрев воочию Христа Воскресшего, убедились они, что Сей есть Истинный Господь и Бог (Ин. 20.28). О чем и свидетельствовали они по всей земле, зная, что истинно свидетельство их (Ин. 21.24).

«Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели» (Деян. 2.32). Вот главная тема проповеди апостолов! Вот то важнейшее свидетельство, вокруг которого строится все христианство! «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа» (1Кор. 15.14-15).

Но потому и живо христианство, потому и действенна была проповедь апостолов, дававшая надежду отчаявшемуся человечеству, потому что «Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1Кор. 15.20-22).

Факт Воскресения Христова был широко известен в Иерусалиме, что и способствовало массовому обращению иудеев в христианство, «ибо это не в углу происходило» (Деян. 26.26), а было достоверно доказано самими язычниками, охранявшими Гроб Господень.

Подкупив стражников, и научив их говорить, что ученики выкрали тело Иисуса, фарисеи, досадуя на апостолов Петра и Иоанна за то, «что они учат народ и проповедуют в Иисусе воскресение из мертвых» (Деян. 4.2), однако не предъявили апостолам ни разу этого обвинения, хотя те неоднократно говорили им о Воскресении «Иисуса Христа Назорея» (Деян. 4.10). Главным обвинением фарисеев в адрес апостолов было только то, что они хотят навести на них кровь Господа Иисуса, т.е. доказать их причастность к распятию Христа (Деян. 5.28).

За это апостолов били и, запретив проповедовать, отпустили, но те «пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Деян. 5.41). И в этом виден еще один аспект свидетельства — как перенесения скорбей за имя Христово вплоть до принятия смерти.

Собственно, греческое слово *μάρτυς* — «свидетель» и *μαρτυρία* — «свидетельство» очень часто на русский язык переводится как «мученик» и «мученичество», что указывает на важнейшую сторону христианского свидетельства как исповедничества.

Пример добровольного мученичества Своими крестными страданиями и смертью лично явил Господь Иисус Христос. Явившись апостолам после воскресения, Христос сказал: «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями (*μάρτυρες*) в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1.8).

С распространением гонений на христиан этот дар свидетельства приписывается по преимуществу мученикам, которые своей добровольной смертью за веру засвидетельствовали силу данной им благодати, превратившей страдания в радость; тем самым они свидетельствуют о победе Христа над смертью и о своем усыновлении Христу, то есть о реальности Царствия Небесного, достигнутого ими в мученичестве. В этом смысле «мученичество есть продолжение апостольского служения в мире» (В.В. Болотов). Вместе с тем мученичество — это следование путем Христовым, сопричастность страстям и искупительной жертве Христа. Христос выступает как первообраз мученичества, свидетельства собственной кровью. Отвечая Пилату, Он говорит: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать (*μαρτυρήσω*) об истине» (Ин. 18.37). Отсюда и наименование Христа свидетелем (мучеником) в Апокалипсисе: «...от Иисуса Христа, Который есть свидетель (*μάρτυς*) верный, первенец из мертвых и владыка царей земных» (Откр. 1.5).

А потому апостол Петр пишет в своем первом Послании следующее: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1Пет. 4.12-13). Здесь апостол лишь напоминает христианам слова Самого Господа, произнесенные во время Нагорной проповеди: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше как бесчестное за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах» (Лк. 6.22-23).

Два этих аспекта мученичества в полной мере проявляются уже в подвиге первого христианского мученика, архидиакона Стефана. Стефан, предстоя осудившему его синедриону, «воз-

зрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (Деян. 7.55-56); таким образом, он свидетельствует о Царствии Небесном, открывшемся для него во время и в результате мученичества. Само же мученичество напоминает Страсти Христовы. Когда Стефана побивали камнями, он «воскликнул громким голосом: Господи, не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил» (Деян. 7.60). Слова прощения реализуют тот образец, который дал Христос при распятии, сказав: «Отче прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23.34). Таким образом, в своем мученичестве Стефан следует путем Христа, к которому должен быть готов каждый христианин, свидетельствующий о своей вере и истине: «Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1Пет. 2.21).

В ранний период Церкви Христовой именно мученичество более всего способствовало распространению Евангелия, и в этом плане оно также выступает как продолжение апостольского служения. Первое рассеяние Церкви, благодаря которому благовестие вышло за пределы Иерусалима, соотнесено с мученичеством св. Стефана (Деян. 8.4 и дал.), этим мученичеством было подготовлено и обращение апостола Павла (Деян. 22.20). Одиннадцать из двенадцати апостолов (кроме ап. Иоанна Богослова) закончили жизнь мученическим подвигом. И в дальнейшем, вплоть до Миланского эдикта 313 г., мученичество как сильнейшее свидетельство веры было одной из основ распространения христианства.

«Никакая изысканная жестокость ваша не приносит вам успеха — она скорее располагает в нашу пользу. Чем более вы истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь мучеников есть семя христианства» (Тертуллиан).

Задача апостольского служения мучеников — пробудить уснувшую и изжившуюся совесть окружавшего христиан язычества, заставить людей серьезнее взглянуть на свои религиозные обязанности, своим личным примером высокого самоотвержения показать окружающему их миру факт того, что религия есть дело самое важное, и в известных случаях приходится лучше пожертвовать самой жизнью, чем сберечь ее. Мученики, не прибегая ни к каким аргументам, предлагали свою кровь вместо доказательства той истины, в которой они были убеждены, которая для них, «свидетелей», имела очевидность факта. Выведывать истину под пытками (выпытывать ее) — было традицион-

ным явлением для древнего судопроизводства, и мученики удостоверяли, засвидетельствовали неложность факта Воскресения, сопричастниками которого становились по благодати.

У мучеников «само упрямство, — пишет Тертуллиан, — за которое вы нас осуждаете, является наставником. Ибо кто, видя его, не захочет дознаться, в чем тут дело?» И это приносило огромную пользу: язычники, присматриваясь внимательно к христианам, ближе знакомясь с ними, убеждались не только в полной невинности христиан по отношению ко всем возводимым на них обвинениям, но и в высоких достоинствах христиан и добродетелях их жизни, начинали любить христиан и обращаться в христианскую Церковь. Так, Иустин Философ писал о себе, что в то время, «когда еще услаждался учением Платона, слышал, как обносят христиан, но, видя, как они бесстрашно встречают смерть и все, что почитается страшным, почел невозможным, чтоб они были преданы пороку и распутству. Ибо какой распутный и невоздержный может охотно принять смерть, чтоб лишиться своих удовольствий?»

Эта серьезная позиция мучеников удивляла язычников, пробуждала их уснувшую совесть, заставляла по-иному посмотреть на происходящее. Перед язычниками вставал трудный вопрос: либо вера мучеников-христиан — безумие, обман, ложь; либо религия язычников — вне истины. О примирении между позицией, истиной христиан и ложными языческими взглядами не могло быть и речи — нельзя было быть и язычником, и христианином одновременно и полноценно. Истина могла быть лишь у одной стороны; но язычники уже давно не относились серьезно к своей религии, и столкновение с такой поразительной твердостью, убежденностью в правоте, безусловно, сильно действовало на них. К тому же само поведение христиан, их самоотвержение, добродетельность, незлобие, любовь, мужество доказывали, что они не могут лгать, доказывали их правоту, правильность их веры, их искренность. Язычники сталкивались с истиной — и неприятие ее могло быть лишь в случае внутреннего согласия с ложью, в случае внутренней испорченности, озлобленности. Поэтому люди искренние, правдивые, добродетельные, честные, ищущие истину, сразу же с решимостью принимали христианство, становились мучениками, шли за Истиной на смерть. Такие люди были открыты для восприятия благодати Божьей, привлекающей их к познанию Истинного Бога. Этим и объясняется огромный успех мученичества в деле миссии.

«Кровью мучеников созидалась Церковь Христова первых веков христианства. Кровью мучеников и исповедников созидается и наша Русская Православная Церковь, которая, выйдя из эпохи гонений и преследований, совершает духовное и нравственное обновление нашего народа» (Святейший Патриарх Московский Алексей II).

1.3.5. Экклезиологическое основание миссии

«Миссия (свидетельство) — проповедь для пробуждения веры — присуща самой природе Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви и заключается в провозглашении Благой вести всему миру: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16.15). Она направлена на спасение каждого человека. Православная Церковь именуется Апостольской не только потому, что члены Церкви «утверждены на основании апостолов» (Еф. 2.20), но и особенно потому, что через нее проповедь апостолов Иисуса Христа продолжается до сего дня. Она непрерывно растет как единосущная той Церкви, которая родилась в День Пятидесятницы, когда крестилось «душ около трех тысяч» (Деян. 2.41)».

«Истинно говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18.19-20) — в этих словах первичное основание Церкви, как молитвенного «собрания» во имя Христово. Отсюда «Церковь» — греч. εκκλησία — общее, народное собрание.

После сошествия Духа Святого Церковь становится живым богочеловеческим «организмом», в котором люди объединены с Богом и между собой по четырем признакам: единству, святости, соборности и апостольству. Единство во Христе является мировоззренческим и онтологическим принципом; святость — целью жизни; соборность — административно-организационным принципом существования Церкви; апостольство — реализацией проповеди о новой реальности, открывающейся во Христе Духом Святым.

Церковь есть «Тело Христово», «полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1.23), и вхождение в эту «полноту» возможно лишь через новое рождение человеческой души, осуществляемое в акте крещения: «Истинно говорю тебе,

если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3.5).

Распространение Церкви есть присутствие Царства Небесного на земле, направленное на преобразование человеческих душ и всего мироздания. К этой цели призывает Сам Бог, Который «долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2Пет. 3.9).

Согласно святому Кириллу Иерусалимскому, Церковь названа «ἐκκλησία» (собрание), так как она призывает все народы — собирает их вместе. В православном богословии нельзя найти исчерпывающего определения Церкви, но можно найти описание того, что есть Церковь, ее характеристики. Как подчеркивает прот. Георгий Флоровский, «невозможно начать с формального определения Церкви. Ибо, строго говоря, нет ничего, что могло бы провозгласить какое-либо доктринальное основание. Ничего нельзя найти ни у отцов, ни у учителей, ни даже у Фомы Аквинского. Никакого определения не было дано ни Вселенскими соборами, ни последующими Великими соборами Запада».

Церковь — это мистическое Тело Христово, живой организм, а свойство всего живого — расти и умножаться. Благовестие, миссия — это то средство, через которое Тело Христово получает свое приращение (Еф. 3.6), а благовестники, апостолы поставлены Христом для созидания Его Тела (Еф. 4.12).

Святитель Филарет Московский в своем Катехизисе дает следующее определение Церкви: «Церковь есть Богом установленное общество людей, соединенных православной верой, законом Божиим, священноначалием и Таинствами». Иными словами можно сказать, что Церковь — это общество (собрание, «эккlesia») верующих в Иисуса Христа, объединенных любовью к Нему (то есть вера и любовь являются главными библейскими характеристиками Церкви и именно они определяют реальное нахождение человека в этом святом «обществе»).

Другие образы Церкви, раскрывающие ее таинственную природу — дом, устроенный Богом (Евр. 3.4-6), Божия нива (1Кор. 3.9), Богочеловеческий организм (1Кор. 12.12). Как пишет прот. Павел Флоренский, русское слово Церковь, а также соответствующие слова на других славянских и некоторых европейских языках, происходят от греч. слова «κυριακόν» (κύριος + οἶκος) и означает буквально «дом Господень» или «жилище Господа». В осно-

вание этого дома положено благовествование о Христе и совершенном Им спасении человеческого рода, а также Его учение. Сам Спаситель сказал, что на исповедании апостола Петра о том, что Христос — Сын Бога живого, как на твердом и непоколебимом основании Он созидает Церковь Свою (Мф. 16.16-18). Посылая после Воскресения Своих учеников на служение, Господь также прежде всего повелевает им проповедовать Евангелие всей твари, то есть благовествовать о Спасителе и спасении (Мк. 16.15). Через это в людях возрождается вера во Христа, и они могут посредством Крещения войти в Церковь и привиться к Лозе Христовой. Таким образом, апостолы и их духовные преемники являются домостроителями. Это Божие строение возводится постепенно, и завершение его видится в эсхатологической перспективе: кончина мира наступит после того, как Евангелие Царствия будет проповедано всем народам (Мф. 24.14), и Церковь, совершившая свою миссию, претворится в Царствие Божие, которое она призвана являть до скончания человеческой истории.

Малая закваска в трех мерах муки, горчичное зерно (Мф. 13.31-33) — это другие евангельские образы, через которые Господь раскрывал миссионерский аспект Церкви.

Никейский Символ веры дает четыре отличительных признака Церкви: «μία» (единую), «αγία» (святую), «καθολική» (соборную) и «αποστολική» (апостольскую). Эти признаки определяют полноту ее бытия, и если Церковь лишится хотя бы одного из четырех признаков, она уже не будет Церковью.

1) «μία».

Церковь, согласно апостолу Павлу, есть «Тело Христово» (1Кор. 12.27), живой организм, состоящий из всех возрожденных духовно людей Божиих, «ибо все мы одним Духом крестились в одно Тело» (1Кор. 12.13). Спасение людей Богом есть спасение в общине, потому что «Бог соразмерил тело» (1Кор. 12.24). «Когда кто-либо из нас падает, он падает один; но никто не спасается один. Тот, кто спасен, спасен в Церкви, как Ее член, и в единстве со всеми другими Ее членами» (А.С. Хомяков).

Отсюда проистекает цель православной миссии — создание евхаристических общин. Не простое научение христианской вере, не интеллектуальное принятие Христа, а опытное познание Христа благодатью, участием в таинственной жизни Церкви и соблюдении заповедей, устрояющих благочестивую жизнь.

Являясь единственной по существу, Церковь эмпирически и исторически существовала сначала в виде отдельных, рассеянных по всей вселенной общин, управляемых епископами, а затем — в виде множества Поместных Православных Церквей, которые тождественны друг другу и разделяются только в территориально-административном плане. Такое единство в многообразии устройства Церкви не только допустимо, но и необходимо.

«Церковь одна, — пишет свт. Киприан Карфагенский, — хотя с приращением плодородия, расширяясь, дробится на множество. Ведь и у солнца много лучей, но свет один; много ветвей на дереве, но ствол один, крепко держащийся на корне; много ручьев истекает из одного источника, но хотя разлив, происходящий от обилия вод, и представляет многочисленность, однако при самом истоке все же сохраняется единство. Отдели солнечный луч от его начала, — единство не допустит существовать отдельному свету; отломи ветвь от дерева, — отломленная потеряет способность расти, разобщи ручей с его источником, — разобщенный иссякнет. Равным образом Церковь, озаренная светом Господним, по всему миру распространяет лучи свои, но свет, разливающийся повсюду, один, и единство тела остается неразделенным. По всей земле она распространяет ветви свои, обремененные плодами; обильные потоки ее текут на далекое пространство: при всем том Глава остается одна, одно начало, одна мать, богатая преспеянием плодотворения».

Следовательно, то, что обозначено признаком Церкви — «μία» (единая) — является провозглашением стремления к духовному единству с другими членами Тела Христова, это определяет и мотивацию православной миссии — мотив любви. Митрополит Московский Макарий, обращаясь к святителю Гурию, архиепископу Казанскому, как нельзя лучше выразил эту мысль: «Завоюй доверие сердец татар и не веди их к крещению по другому мотиву, только по любви».

Но эта любовь есть отклик человека на любовь Бога. «Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне?» (Пс. 115.3), «любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев» (1Ин. 3.16). Апостол Иоанн говорит о любви Троицаго Бога, Который из любви к миру отдает Своего Сына, посылает его в мир в Духе Святом, чтобы все верующие имели жизнь вечную. Это тринитарное измерение церковной миссии играет решающую роль в экклесиологическом ее обосновании. Как отмечает проф. Петр Вассили-

адис, «обучение бессмысленно без отношения к «крещению во имя Отца и Сына и Святаго Духа». В конце концов, призыв Церкви к миссии укоренен в факте, что Христос Сам был послан Отцом в Святом Духе. «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас... примите Духа Святого» (Ин. 20.21-22). И, идя немного дальше, послание Христа было следствием внутренней динамики Святой Троицы. Фактически оправдание христианской миссии может только быть найдено, если мы будем понимать нашу миссионерскую задачу как проекцию на человеческие отношения жизни общины, которая существует внутри Святой Троицы».

Эта же мысль содержится и у проф. Ионы Бриа: «Тринитарное богословие указывает на факт, что Бог в Самом Себе есть жизнь общины и что Божие участие в истории направлено на приведение человечества и творения вообще, в эту общину самой жизнью Бога». Смысл этого суждения для понимания миссии очень важен: миссия не нацелена главным образом на пропаганду или передачу интеллектуальных убеждений, доктрин, нравственных установок и так далее, но на передачу опыта Богообщения.

2) «Αγίαν».

Евангелие от Иоанна отождествляет Христа и Логос, это означает, что Христос не только «Спаситель наших душ», не только Основатель Церкви и Ее Глава, но и последняя Истина о начале, развитии и конечной судьбе Божьего творения. Божественный Логос говорит в Своей Церкви Духом Святым. «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5.25-27).

Церковь свята своим Главой, Господом Иисусом Христом, но в то же время она свята присутствием в ней Святого Духа и Его благодатными дарами и свята своей связью с Небесной Церковью. Святоотеческое богословие называет Церковь «Храмом Духа Святаго», «ибо, где Церковь, там и Дух Божий, а где Дух Божий, там и Церковь и всякая благодать. Дух же есть истина» (святой Иринеи Лионский).

Святость Церкви, данная ей как следствие ее реальной связи со Христом, передается и верующим, которые пребывают с ней в общении. Святость членов Церкви можно рассматривать

в двух аспектах. Во-первых, это святость, происходящая от еврейского слова «кадо́ш» — «святой», понимаемого не в смысле духовно-нравственного совершенства, а как «посвященный, избранный»: «народ святой» (Втор. 14.2), посвященный на служение Богу. «Святой» — значит «освященный» Богом, и этот термин апостолы Петр (1Петр. 2.9) и Павел (1Кор. 1.2) применяют ко всем христианам, освященным Духом Святым и посвященным Богу в Таинстве святого Крещения. Православная миссия призывает всех к этому избранничеству. И хотя, по слову Спасителя, не многие из званых становятся избранными, долг Церкви постоянно посылать глашатаев, созывающих на брачную вечерю Агнца.

Во-вторых, обращение в христианство не может быть формальным, но требует глубокого внутреннего изменения, перемены образа жизни. В связи с этим другой аспект святости членов Церкви состоит в их духовном совершенствовании с целью достижения ими Богообщения. Отсюда цель миссии Церкви состоит в том, чтобы все люди познали Христа и в Нем нашли бы общение с Богом, то, что Святые Отцы называют «обо́жением».

Церковь, как новая жизнь во Христе, руководимая Святым Духом, как общество святых, совершает миссионерскую деятельность в этом мире уже самим присутствием. Верные духовно совершенствуются в Церкви и без этого не могут выполнить свою божественную миссию в мире. Если нет духовного совершенствования, не может быть и подлинной миссии. Православное понимание миссии исходит из того, что личное обожение является расширением миссии Церкви в мире. «Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи» — давал совет прп. Серафим Саровский.

Следует также отметить, что святость христиан — один из лучших аргументов истины христианства. А потому всякий рядовой член Церкви, который ведет духовную борьбу со своим «ветхим человеком» и стремится жить по Евангелию, уже одним своим присутствием свидетельствует о Христе в настоящем мире.

Однако обожение отдельной личности невозможно вне священнотаинственной жизни Церкви, и поэтому осуществляется в контексте местной Церкви со своей богоустановленной иерархией. Отсюда следует и устройство Церкви во образ Царства с выделением епископа — главы Поместной Церкви. Церковь со времен апостолов, а особенно послеапостольского периода, имела свое управление, но она никогда не уклоня-

лась в институционализм, не теряла своего пророческого или харизматического характера.

Таким образом, в реальном воплощении миссии Церкви, местная община становится центральной точкой для миссионерского делания. В основании миссии Церкви большая роль принадлежит епископам.

«Епископ — представительная глава общины. Он не только представляет Христа в Евхаристии, он также представляет людей. Молитвы, которые священник возносит за литургией, — от первого лица множественного числа, кроме молитв о прощении личных грехов священника. Когда понятна роль епископа, как говорящего за Церковь, тогда действие епископа является действием от имени всей местной Церкви. Вся Церковь, священники и миряне, ответственны за правильную доктрину, но обычно епископ является авторитетным учителем истины. Поэтому можно сказать, что Церковь в лице епископа вовлечена в миссию» (И. Стамулис).

Церковь реализуется в своей полноте и своем единстве в евхаристическом собрании. Евхаристическая экклезиология дает возможность осмыслению роли мирян в Церкви, в православной миссии. Согласно свт. Василию Великому, церковные дела не могут осуществляться без участия всей полноты Церкви, по крайней мере, без одобрения, утверждения мирян (Письмо 230). Но миссионерские действия мирян не обязательно должны согласовываться с иерархией Церкви, потому что «иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1Кор. 12.28), и так как каждый христианин несет на себе «печать дара Духа Святого», то он призван всегда и везде свидетельствовать о Христе, а не только после «согласования» с вышестоящими лицами⁴.

3) «Καθολικήν».

«Церковь есть средоточие вселенной, среда, в которой решаются ее судьбы. Все призваны войти в Церковь, ибо, если человек — «микрокосмос», то Церковь, по св. Максиму Исповеднику, — «макроантропос». Она возрастает и формируется в исто-

⁴ Здесь речь не идет о специальных миссионерских «программах» или «поручениях», которые требуют особого контроля и руководства уполномоченных на это лиц.

рии, вводя в свое лоно избранных и соединяя их с Богом, — писал В.Н. Лосский. — Мир стареет и ветшает, а Церковь непрестанно оживляется Духом Святым, источником Ее жизни. В определенный момент, когда Церковь достигнет полноты своего роста, установленного волей Божией, внешний мир, истощив все свои жизненные силы, умрет, и Церковь явится тогда в своей вечной славе Царствием Божиим».

Таким образом, Церковь обладает свойством кафоличности — «καθ-όλον» — «относящийся ко всему».

Святой Кирилл Иерусалимский, определяя соборность Церкви, понимает под этим следующие характеристики: «Церковь называется соборной, так как:

- а) она существует в мире от одного конца земли до другого;
- б) она в целом и полностью учит всем догмам, которые должны быть известны всем людям;
- в) она подчиняет каждую расу благочестивых людей, независимо от их социального положения и образования (правлящих и управляемых, ученых и неграмотных);
- г) она лечит и исцеляет каждый вид греха;
- д) она обладает внутри себя всем, что названо добродетелью, в делах, словах и духовных достоинствах».

Кафолическая Церковь есть та, которая содержит полноту истины и является свидетелем апостольского предания. В.Н. Лосский говорит о соборности (кафоличности) как о качестве Истины или способе познания Истины, свойственной Церкви, посредством которого эта Истина становится ясной для всей Церкви, как для Ее самых маленьких частей, так и в целом: «Именно в свете догмата о Пресвятой Троице раскрывается в его истинном христианском смысле самое дивное свойство Церкви — ее кафоличность, и понятие это не может быть передано абстрактным термином «вселенскость». Ибо вполне конкретный смысл слова «кафоличность» (или соборность) содержит в себе не только «единство», но и «множество». Оно говорит о соотношении между тем и другим или, вернее, о некоей тождественности между единством и множеством, отчего Церковь кафолична как в своей совокупности, так и в каждой из своих частей. Полнота целого — не сумма ее частей, так как каждая часть обладает той же полнотой, что и ее целое. Чудо кафоличности открывает в самой жизни Церкви строй жизни, присутствующий Пресвятой Троице. Троичный догмат — догмат преимущественно «кафоличный», есть образец, есть «канон» всех церковных канонов, основа всякой экклесиологической икономии».

В православной экклезиологии обычно различают поместное измерение кафоличности и вселенское ее измерение.

Согласно первому, Поместная Церковь, собранная во имя Христа, совершающая Евхаристию и возглавляемая епископом, является «кафолической Церковью», Телом Христовым во всей Его полноте. «Там, где Христос, там кафолическая Церковь» — известное определение сщмч. Игнатия Богоносца. Церковь кафолична благодаря Христу, а не Ее членам. Очень важно, что поместное измерение кафоличности дает понятие о местной христианской общине не как о части Тела, а о Самом Теле. Это особенно ярко выражено в проскомидии Божественной литургии, когда священник готовит Святой Агнец и вынимает частицы в память Божией Матери и всех святых.

Для миссии Церкви поместное измерение кафоличности означает закономерную возможность культурного, литургического и богословского разнообразия в Единой Христовой Церкви. Миссия Церкви неизбежно приходит в столкновение с секулярным обществом, но еще более остро становится вопрос в отношениях «миссия и культура», «миссия и нация».

«Царство Божие не устраняет натурального миропорядка, но преображает его, изнутри его освящая и просвещая, оно вырастает в этот натуральный миропорядок, ибо предполагает свободное обращение человеческой души, всего человечества (как космического центра, как истинного микрокосмоса) к Богу, — пишет прот. В.В. Зеньковский. — Национальная «плоть», наличность национальных групп никогда не отвергалась на Востоке, хотя идеал единства церковного был там не менее силен и глубок, чем на Западе, — только он понимался как идеал внутреннего, а не внешнего единства».

Эти экклезиологические предпосылки всегда служили основой для православного понимания миссии. «Традиционное употребление в богослужении языков разных народов (так называемая кирилло-мефодиевская идеология) само по себе уже обозначает, что христианство не упраздняет туземные культуры, но воспринимает их в объединенное разнообразие кафолического предания». Эта мысль прот. Иоанна Мейендорфа очень важна для ответа на вызов националистических движений, которые пытаются обвинить православную миссию, например, в России в XIX в., в русификации малых народов, колониализме и т.д.

Православные миссионеры главное внимание уделяли вхождению Истины Божией в жизнь и мысль народа. Миссионер постепенно, живя с народом, становился «одним из них», «плоть от плоти» национальной культурной традиции. Понимание времени и уважение культуры народа, просвещаемого Светом Христовой Истины, изучение местных обычаев, языка, работа по переводу текстов Священного Писания на национальный язык, обучение и подготовка священнослужителей из числа местных людей — все это постепенно погружало народ в католическую глубину церковной полноты.

Хорошо известен случай, происшедший со святителем Иннокентием (Вениаминовым), когда он при переводе молитвы «Отче наш» на национальный язык заменил слово «хлеб» словом «рыба», потому что для этого народа именно рыба была «хлебом насущным».

Следует отметить, что миссионеры были очень осторожны в отношении привнесения в национальную культуру достижений цивилизации. Для этого они сознательно подражали в своем образе жизни Господу, Который «будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» (2Кор. 8.9). Миссионеры жили в «евангельской нищете», чтобы не производить радикальных изменений в местной культуре. Однако такое погружение в туземную культуру имеет свои границы, так как не христианизированный образ мысли местного народа может стать почвой для ереси или синкретизма, и тогда местная Церковь может нарушить свою католичность.

4) «Αποστολική».

В православном богословии встречается преимущественное понимание «апостольства» Церкви в том, что апостолы положили историческое начало Церкви, сохранили и передали Церкви учение веры, установили священнодействие, преемство епископства и канонический строй Церкви. Церковь была утверждена «на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем» (Еф. 2.20).

Отец Павел Флоренский дает характеристике «αποστολική» миссионерское измерение. Он пишет: «Церковь должна возрастать, ассимилируя себе, вчлняя в себя все большее и большее многообразие церковных органов. Этот рост совершается посредством научения и крещения тех, которые еще не включены в Тело Христово, а средством к научению и крещению служит

апостольство в самом широком смысле слова (αποστολικήν), как отправление Церкви в мир, чтобы проповедью, примером жизни, чудесами, знамениями, воспитанием, устройением всей жизни и т.д. научать других, пробуждать религиозное сознание в необращенных, углублять его и усиливать в членах Церкви. В этом смысле Господь назван «Апостолом», и тем же именем обозначаются первые ученики Его, как может быть обозначен и каждый член Церкви. Сама же Церковь в этом смысле зовется апостольской (αποστολική), как сказано в книге Премудрости Соломона: Премудрость «сама обходит и ищет достойных ее, и благосклонно является им на путях, и при всякой мысли встречается с ними» (Прем. 6.16)».

Апостолы были посланы Господом для проповеди Царствия Божия и принятия в него всех людей. А потому каждый действительный христианин, находящийся в Царствии Бога, земным отражением которого является Церковь, не может не нести этой благой вести окружающим заблудившимся душам. Человек, нашедший спасение во Христе, побуждается любовью к тому, чтобы и ближнему своему раскрыть тайну спасительной любви, привести его к дверям Царствия Божия, войти в которое можно либо через Крещение, либо через Покаяние (если человек уже крещен).

Благодаря этому свойству Церкви проповедь Христовой истины продолжается до сего дня, и Церковь постоянно возрастает. У Церкви всегда есть «край земли» (Деян. 1.8) для того, чтобы начать свое апостольство. «Край земли» — это духовная граница, за которой начинается жизнь, лишенная света Христовой истины. Этот «край» может находиться и в центре громадного города и далеком селении сибирской тундры и аравийской пустыни. Наконец, этим краем может оказаться и местная община, если она лишилась сознания кафоличности.

1.3.6. Эсхатологическое понимание миссии

«Православное понимание миссии предполагает, что вселенская миссия является эсхатологическим событием, когда Евангелие будет проповедано «до скончания века» (Мф. 28.20). Именно эта эсхатологическая перспектива определяет правильное взаимоотношение между миссией и национальной культурой, ведь целью миссии всегда остается преобразование всего космоса — человечества и природы, по слову апостола Павла, «да будет Бог все во всем» (1Кор. 15.28)».

Земная история человечества неразрывно связана с проповедью Евангелия, так как весь мир должен услышать свидетельство о Христе, прежде чем наступит его конец. «Проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24.14).

Таким образом, проповедь христианства является приготовлением земного тварного мира к пришествию Мессии, Который будет судить все народы с точки зрения отношения их к Богу, как общеизвестному Благу, которое проявляется в отношении к другим людям: «Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили?.. И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25.37,40).

Второе Пришествие Христа есть окончательный акт победы Света над тьмой, Добра над злом, Бога над дьяволом, и к приготовлению этой победы призваны все «воины» Христовы, все те, кто избрал вектором своей жизни свет и любовь.

«Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22.20) — слова надежды, веры и любви всех христиан, ожидающих полноты Царства Божия. Потому и проповедь имеет эсхатологическое измерение, что она должна приготовить как можно больше человеческих душ для этого радостного возгласа, призывающего Спасителя для царствования в мире, который будет обновлен и воссоздан.

Примером такой всеобъемлющей человека проповеди служат слова апостола Павла: «Я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией» (Деян. 20.24). И потому средством для проповеди может служить любой положительный порыв человеческой души, любое доброе дело в человеческой жизни, любое не противоречащее Христу проявление человеческой культуры.

Эсхатология (греч. *ἔσχατος* — последний, конечный) — учение о конечных судьбах мира и человека, опирающееся на учение Церкви о Втором Пришествии Христовом, Страшном Суде

и конце света. Эта наука, раскрывая историю взаимоотношений между Богом, человеком и обществом, объясняет причины неизбежности кончины мира.

Весь мир создан Богом и создан по Его благодати. А Господь Бог, являясь всемогущим и обладая полнотой совершенства, не может согрешить или создать несовершенные вещи: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1.31). И если созданный мир совершенный, то зачем полагать ему конец? Такая установка противоречила бы праведности Божией. Поэтому, создав мир совершенным, Бог создал его и вечным. В связи с этим под кончиной мира следует понимать только тот мир, который осквернен грехом падшего человека. Да и сама кончина мира в Священных текстах понимается не как разрушение «космоса», а именно как его преображение, очищение при помощи огня: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят... Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2Пет. 3.10,13).

Изначальная причина кончины мира, повлекшая первое и затем будущее второе Пришествие Христово и Страшный Суд, заключена в тленности земного мира, которую вызвало грехопадение Адама и Евы.

Создав землю, Бог создает Адама и отдает ему в управление созданный Им мир, для того, чтобы Адам, будучи в полноте знания, приобрел навык послушания и любви к Богу. Приобретая их, Адам должен был обрести и свое совершенство. Управляя миром, он должен был привести и его к полноте совершенства. Но так как он не устоял в послушании и усомнился в заповеди Божией, то в него вошел грех, и через него осквернилась вся земля и все твари. И чтобы «познание добра и зла» Адама в злопроизволении не стало его вечным состоянием, Бог положил для человека временную смерть как «начаток» покаяния и как сдерживание развития зла в человеке и человечестве: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Эдемского» (Быт. 3.22-23).

В страхе смертном, через неотвратимость временной смерти и возможности обретения вечной смерти Адам обрел страх согрешать перед Богом в нарушении закона, а через веру в Иису-

питателя своих грехов он обрел надежду на спасение. Обретя надежду в вере, Адам направил свою волю на покаяние и исправление последствий своего греха. Он стал одним из многих соработников промыслительной воли Божией о спасении человека. Тем самым и весь мир получил возможность освобождения от греха после страшного суда, но конечно не через Адама, а через спасительную Миссию Иисуса Христа.

1. Два уровня «познания добра и зла»:

— личный уровень познания добра и зла в совершенствовании через влечение ко злу или послушания Богу;

— общественный или цивилизационный уровень, когда все человечество совершенствуется в добре или во зле через послушание Богу или противление Его воле. «Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще» (Откр. 22.11).

Как итог всему возникает мздовоздаяние Божие делам людей. Те люди, которые в своей жизни стремились творить правду Божию, в совершенствовании своей доброй воли навечно укрепляются в делании этой правды в Царствии Небесном. Та же часть людей, которая по своему злопроизволению постоянно стремилась делать зло, навечно в своей злой воле коснеет в совершенствовании делания зла: «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне — псы и чародеи, и любодееи и убийцы, и идолослужители и всякий любящий и делающий неправду» (Откр. 22.14-15).

Из этой греховной природы мира, в котором временно перемешаны добро и зло, и строится предмет исследования эсхатологии. Отсюда вытекает еще одно определение эсхатологии — это наука, изучающая причины, ведущие к кончине зараженного грехом мира и мздовоздаяние правды Божией людям за плоды их дел (для назидания многим).

На основе христианского мировоззрения эсхатология решает три основные задачи: производит разделение дел человеческих или духовных процессов цивилизации на добро и зло перед правдой Божией; раскрывая внутреннюю мотивацию процессов и высвечивая результат их деятельности, постепенно раскрывает эволюцию этих процессов, как их духовной деградации, так и духовного роста; на основе предания Церкви и ее догматического учения показывает, каково будет мздовоздаяние правды Бо-

жией за выбранный путь людей, участвующих в развитии того или иного процесса.

Решение первой задачи происходит посредством раскрытия категорий «добра» и «зла», а также проистекающих из их природы глобальных процессов. В основе этих процессов рассматривается духовная мотивация их деятельности, после чего осуществляется анализ исторических событий и дается каждому процессу евангельская оценка.

2. «Покаянный период» воли Божией в мире:

Для понимания форм миссионерского служения в эсхатологической перспективе необходимо более подробно остановиться на рассмотрении действий воли в общем Промысле Божиим. «Общий Промысл — тот, который объемлет весь мир вообще, также роды и виды существ» (митрополит Макарий (Булгаков)). В общем Промысле Божиим выделяются три «периода» действия воли Божией: покаянный, искупительный и теозисный.

«Покаянный период» — это подготовка человечества к принятию спасительного Искупления (от грехопадения Адама до Благовещения), целью которого является воспитание человечества.

Задачи «покаянного» периода:

— Бог, промышляя, через пророков возвещал людям Свою волю (Аг. 1.13), наставлял их, вразумлял, укреплял в благочестии и истинной вере в Спасителя мира — Мессию (4Цар. 17.13; Иер. 25.4), и когда необходимо, наказывал, посылая для вразумления и отрезвления иноплеменное иго. Однако после вразумления всегда подавал им такую силу, что ни один враг избранного народа не мог устоять, тем самым показывая Свое величие миру и действие спасительного Промысла через Свой народ;

— переселяя и рассеивая богоизбранный народ по миру, Промысл Божий готовил и другие народы к принятию спасительного учения.

3. «Искупительный период» воли Божией в мире:

Вторым и самым главным действием Промысла Божия является Богоявление и спасительное Искупление (от Благовещения до Пятидесятницы). Главной целью «искупительного» периода является искупление человека от первородного греха и греха вообще, освобождение от уз вечной смерти и власти сатаны. Конечной же целью этого действия является победа над смертью, Вос-

кресение и Вознесение плоти человеческой в Царствие Небесное. Следовательно, приведение человека к полноте Богообщения.

Задачи «искупительного» периода:

— первой задачей искупительного периода является Божественная миссия Спасителя по искуплению от власти греха, смерти и дьявола. Ее мог совершить только Тот, кто Сам никогда не был под властью греха и мог быть сильнее всякого греха. Им, по решению Святой Троицы, мог быть только едиnorodный Сын Божий: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3.16). Но Миссия искупления не могла быть полноценной, если бы только заключалась в жизни без греха. Для того, чтобы принести Богу «равноценную» жертву за преступление заповеди и, следовательно, вывести человека из-под проклятия, миссия Сына требовала через послушание Отцу претерпения всей полноты человеческих страданий. При этом страдать должна была не Вторая Ипостась Божия, а полноценный Человек, родившийся и принявший плоть человеческую. Миссия требовала полноценного искупительного страдания на Кресте. Поэтому Господь, как Сын Человеческий, прилагал огромные усилия воли, чтобы вполне и до конца исполнить волю Божию.

— Для того чтобы после решения глобальной задачи ее семена возросли и приносили далее свои плоды, необходимо было, чтобы Иисус Христос осуществил «миссию Учительства». «Миссия Учительства» — это вторая цель, в которой заключено благовестие Евангелия.

— Третьей целью является упразднение ветхозаветной Церкви и создание новозаветной Церкви. Тем самым происходит замена кровавого жертвоприношения на бескровное.

4. «Теозисный период» воли Божией в мире:

Третьим действием Божиим становится участие Церкви в Богочеловеческой полноте (после Пятидесятницы) — «обожение». Целью его является передача всему человечеству всех необходимых средств к Богообщению и преображению человеческого естества (через церковные таинства) при водительстве и свидетельствовании Духа Святого.

Задачи периода «обожения»:

— Миссия Учительства, продолжающаяся в учениках Господа. Они научаются у Него Евангельской истине и идут в мир для

проповеди Евангельского учения. Этот процесс можно назвать евангелизацией.

— Организационное устройство Церкви Христовой во всем мире для преобразования падшего мира и приобщение его уже здесь к полноте Богообщения. В соединении с процессом евангелизации этот процесс можно назвать христианизацией.

Все эти три периода человеческой истории характеризуют только лишь первое Пришествие Мессии — Господа Иисуса Христа. Целью Его пришествия было уничтожение зла, греха и смерти. Но, однако же, все эти категории продолжают существовать в жизни человечества. И потому среди малоцерковных людей очень часто возникает вопрос: так для чего же приходил Христос, если в мире существует зло?

Сын Божий, ставший Сыном Человеческим, «искупил нас от клятвы законной честною Своею Кровью... бессмертие источил человекам» (Чин проскомидии), но сделал Он все это только лишь в отношении Церкви, как Своего Тела, в которой спасаются конкретные личности, а не все человечество. Чтобы исцелить все человечество от зла, греха и смерти, необходимо Второе Пришествие Мессии, во время которого «когда придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую» (Мф. 25.31-33).

Но, исцелив зло и грех в человеческом сердце, Спаситель прообразовательно указывает и на будущее исцеление всего человечества, когда дает возможность спасения индивидууму в «обществе», именуемом Церковь.

А потому распространение Церкви на земле не только свидетельствует о Победе Христа над злом, но также приближает конец зла (Мф. 24.14), является осуществлением «парусии» (греч. *παρουσία* — присутствие, пришествие), то есть постоянного ощущения присутствия Христа в Церкви и предвкушения встречи с любимым Господом в момент Его Второго Пришествия.

1.3.7. Каноническое основание миссии

«Каноническое основание миссии предполагает наличие «территории пастырской ответственности», в рамках которой совершается миссия Поместной Церкви. Обычно принято обозначать

такую территорию понятием «миссионерское поле». В евангельском понимании миссионерское поле Церкви есть все мироздание, лучше всего оно обозначено в притче о Добром сеятеле: «Поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы» (Мф. 13.38-39). Миссионерское поле — это духовное пространство, где борются свет и тьма («и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1.5)), а поле битвы — сердца людей».

«Каноны, как связующее звено между Церковью-организмом и Церковью-организацией, призваны выражать и отражать догматические истины о Церкви. Согласно апостолу Павлу, каждый апостол по жребию получил свой апостольский удел, какой назначил ему Бог (2Кор. 10.13). В современных терминах «апостольский удел» обозначается как «каноническая территория» Поместной Церкви. Апостольские Правила и Соборные Правила (Ап. 58; Шест. 19, 20; Сард. 11) определяют епископа как главу Поместной Церкви, ответственного за проповедь и научение благочестию народа и запрещают кому-либо учить всенародно, особенно тогда, когда это унижает или в чем-либо умаляет местного епископа. Поэтому любое миссионерское делание, устрояемое без благословения епископа и его участия, лишается кафоличности в силу того, что епископ Поместной Церкви несет ответственность за вселенское общение всех церквей и без его благословения ничто не может происходить на территории его епархии... Русская Православная Церковь, как держащая полноту Истины и являющаяся свидетельницей Апостольской истины, исходит из того, что на ее канонической территории православие было и является историческим и культурным основанием для объединения людей и приведения их ко Христу. Применение законов светского общества, без учета этого фактора, как правило, приводит к конфликтам и разобщенности людей».

Первейшая обязанность епископа — блюсти чистоту веры и целостность вверенного ему «стада Христова»: «Внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителеми, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею» (Деян. 20.28).

Сама «каноническая территория», которая включает в себя определенную «паству», живущую в данной местности, управляется тем человеком, которому поручено это

Духом Святым через должностных лиц церковной иерархии, являющихся в свою очередь такими же «блюстителями» Церкви Христовой.

Размывать или разрушать «границы» Поместной Церкви не решались даже апостолы. Апостол Павел писал римским христианам: «Я старался благовествовать не там, где [уже] было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании, но как написано: не имевшие о Нем известия увидят, и не слышавшие узнают» (Рим. 15.20).

Весь мир по жребию поделен был на «уделы» между апостолами, и каждый по мере своих сил и возможностей проповедовал именно в той местности, в которую был послан. «Мы не без меры хвалиться будем, но по мере удела, какой назначил нам Бог» (2Кор. 10.13).

Проповедник обязан руководствоваться церковными канонами, которые являются гарантом не только церковности содержания его проповеди, но и самого факта миссионерского делания, совершаемого лицом «церковным», то есть одним из «членов» Тела Христова.

Каноны (греч. κανών — прут, отвес, правило, норма) — правила, регулирующие жизнь членов Церкви согласно духу и основным началам новозаветного учения. «Природа Церкви, как Тела Христова, проявляется в канонах, как применение общего учения к частным случаям, — пишет прот. П. Светлов, — каноны — связующее звено между Церковью-организмом и Церковью-организацией».

Эта связь происходит оттого, что каноны выражают и отражают догматические истины о Церкви, зафиксированные в Символе веры, ограждая их от искажения. Каноны могут видоизменяться в истории, сохраняя, однако, свой внутренний смысл. По мере накопления каноны не упразднялись, а видоизменялись, вырастая преемственно друг от друга, взаимно дополнялись и применялись к исторической обстановке без нарушения основных принципов церковного предания и жизни.

В книге Деяний святых апостолов запечатлены последние слова Воскресшего Христа, обращенные Им к ученикам: «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1.8). Посланничество апостолов не было хаотичным или случайным. Предание свидетельствует о том,

что каждый апостол по жребию получил определенное миссионерское поле и проповедовал по мере удела, какой назначил ему Бог (2Кор. 10.13). То есть, каждый из апостолов возвещал благовестие Христовой истины на своем месте, в определенной географической точке, и без ведома Церкви никто не распространялся за границы своего удела. В современных терминах «апостольский удел» обозначается как «каноническая территория» того или иного епископа, имеющего апостольскую преемственность в рукоположении.

«Одно тело и один дух..., один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Еф. 4.4-6); достижению этого единства и служат каноны — нормы христианского бытия. Это некие духовно-нравственные ориентиры, не дающие человеку выйти за «границы» Церкви, но вместе с тем и не ограничивающие свободу христианина, так как внутри канонического «ограждения» человек может действовать согласно собственному рассуждению.

Нарушение канонов разрывает связь между Телом Церкви и Ее членами. Так, Церковь всегда призывает к служению через священноначалие, исходя из нерушимости принципа поставления низших высшими: «без всякого же прекословия меньший благословляется большим» (Евр. 7.7). Каноны обязывают епископа проповедовать, учить народ благочестию (Ап. 58; Шест. 19), однако ограничивают епископскую проповедь «канонической территорией» епископа, запрещая ему учить всенародно в не принадлежащем ему городе (Шест. 20), особенно, если это унижает или в чем-либо умаляет местного епископа (Сард. 11). Это правило следовало бы знать приезжающим в Россию миссионерам, которые не только унижают местного епископа, но и саму Русскую Православную Церковь.

Для миссионера каноны не должны быть, по выражению свт. Василия Великого, «палкой в руках слепого», но они призваны охранять его внутреннее единение с Телом Христовым, когда он в своем служении может быть «евреем с евреями», «эллином с эллинами». И в то же время, по примеру апостола Павла, миссионер мог обличить тех же «евреев» и «эллинов», когда их духовное устремление уходило от пути Христа.

Каноничность подразумевает бдительность и рассуждение, открытость ко всем проявлениям творческой и спасающей силы Божией повсюду, в то же время предупреждение от впадения в какой-либо релятивизм. Каноны побуждают миссионера к от-

ветственности за чистоту преподаваемого им учения. Но всегда существует соблазн «канонического гетто», когда «фарисей» побеждает «мытаря», то есть когда человек в соблюдении заповедей полагает свое спасение, а в ненарушаемости канонов свою праведность, забывая при этом про спасающего и оправдывающего Господа Иисуса Христа.

Но еще более усложняется эта проблема тогда, когда иные христианские конфессии говорят о «совместном свидетельстве», сотрудничестве в миссионерском деле с Православной Церковью на ее канонической территории. Отсутствие уважения со стороны таких «миссионеров» к нормам жизни Церкви, находящейся в экуменическом диалоге, не только не способствует взаимопониманию, но и полностью уничтожает возможность всякого диалога.

Каноны Православной Церкви помогают понять сущность христианской свободы как познания Истины (Ин. 8.32). Они защищают христианина от секулярного взгляда на свободу, который основывается на юридическом принципе равенства всех религий между собой. Строгие правила принятия в общение отпавших от Православной Церкви христиан свидетельствуют о недопустимости прозелитизма в миссии Церкви.

Каноны являются законами, в большинстве случаев изданными для лечения появившихся в церковной жизни ошибок или злоупотреблений. Существует два принципа их церковного применения — «икономия» (снисхождение) и «акривия» (строгость), которыми Церковь руководствуется в различных ситуациях, учитывая, в том числе, и миссионерский подход «пряника» и «кну-та» для привлечения немощных и укрощения строптивых.

Без применения канонов миссия Церкви теряет критерии хранения кафоличности в ее вселенском измерении. Так, миссионерские предприятия, устрояемые вне церковной иерархии, вне епископа, лишаются вселенского общения в силу того, что епископ Поместной Церкви несет ответственность за вселенское общение всех Церквей. Поэтому чаще всего попытки «миссионерствования» на канонической территории какой-либо Поместной Церкви приводят к разделению христиан и к созданию структур, разрушающих христианское единство и противоречащих Христовой любви.

В то же время, применение канонов должно соответствовать их духу, а не букве, должно учитывать национально-интеллектуальную сферу, культурно-исторический контекст. В противном

случае каноны из средств излечения церковных недугов превратятся «в палку в руках слепого».

1.3.8. Миссия как соработничество Богу (антропологический аспект)

«Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше» (Ин. 15.18-20).

Миссия является продолжением дела Христова по просвещению этого мира, а потому миссионер — это тот человек, который несет в себе свет христианского благовестия и должен быть готов к тому, что тьма и злоба мира будет препятствовать его проповедническому деланию. Однако не следует колебаться в выбранном пути, так как Спаситель не только никогда не оставлял Своих учеников, но и молился Отцу о тех, кто последовал за Ним: «Отче Святыи! соблюди их во имя Твое, [тех], которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы... Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла... Как Ты послал Меня в мир, [так] и Я послал их в мир. И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною... И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин. 17.11,14-15,18-19,26).

Миссия является соработничеством Богу в деле проповеди Евангелия, в котором различные люди могут делать общее дело созидания Церкви Божией, и в этом деле не должно быть никакой конкуренции или нареканий: «Мы соработники у Бога, [а] вы Божия нива, Божие строение» (1Кор. 3.9).

Проповедуя, миссионер должен осознавать, что Сам Христос призвал его и подал пример того, что миссия — это не только евангелизация, но и сама жизнь по закону Бога, которая является трудом во славу имени Христова. И каждый человек получит награду по трудам своим, так как Спаситель

подает ее всем, кто движется на Его вечный голос: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11.28-30).

Миссия спасения мира по своей природе принадлежит не просто Церкви, это — миссия Сына и Духа, посылаемых Отцом, однако Церковь включена в план Божественного Домостроительства. Церковь существует для миссионерства, а не наоборот. Участие в миссионерстве означает сотрудничество Богу, ниспосылающему людям Свою любовь, служение, помогающее людям обрести эту любовь и усвоить ее плоды.

«О святая любовь! — говорит прп. Симеон Новый Богослов. — Когда бы нам получить отпущение ради тебя и сподобиться вкусить благ Владыки нашего, коих сладости без тебя никто не может опытом дознать... Но кто тебя постиг, или кого ты постигла, о том не может быть никакого сомнения — успех его верен. Ибо ты — конец закона, ты, объемлющая меня, согревающая меня и воспаляющая сердце мое к безмерному возлюблению Бога и братьев моих. Ты — наставница пророков, сественница апостолов, сила мучеников, вдохновение отцов и учителей, совершенство всех святых и самого меня уготовление к настоящему служению».

Любовь — это дар Божий, и вместе с тем — это характеристика христианства: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13.35).

«Любовь к Богу безусловно связана с любовью к ближнему. Эта совершенная любовь соделывает человека подобным Христу, ибо человек соединяется своей тварной природой со всем человечеством и соединяет в своей личности тварное и нетварное, человеческий состав и обожающую благодать. Соединенные с Богом избранные Божии достигают состояния совершенного человека, «в меру полного возраста Христова (Еф. 4.13)... Жизнь в единстве Тела Христова сообщает человеческим личностям необходимые условия для стяжания благодати Святого Духа, то есть для их участия в самой жизни Пресвятой Троицы, участия в высочайшем совершенстве, которое есть любовь» (В.Н. Лосский).

Исходя из богочеловеческого аспекта спасения, можно рассматривать миссию с двух сторон: со стороны Божества — как «кеносис» и со стороны человечества — как «синергию».

В своем «кеносисе» (греч. κένωσις — умаление, опустошение) Божество являет Себя миру во Христе актом вочеловечения, чтобы таким образом донести Откровение до человеческого сознания на понятном людям языке. Слово Божье становится одновременно и словом человеческим. Бог одевается в человеческие одежды, хотя не стесняется человеческой наготы. Богочеловек исполняет Закон, данный для исправления, хотя Сам, будучи Праведным Законодателем, не имеет нужды в исправлении. Являясь Царем Небесным, Он не считает для Себя унижением ходить босыми ногами по земле в образе раба. Все это Он посчитал необходимым сделать ради любви к погибающему человечеству.

«Ибо в вас должны быть те же чувствования, — говорит апостол Павел, — какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил (слав. умалил) Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Фил. 2.5-11).

Господь сделал все, чтобы вновь встретиться с человеком, но сделал это так, чтобы человек остался свободен, и, при желании, мог сделаться совершенно глухим к гласу Божественной любви. Бог решил, что человек, некогда самостоятельно отвернувшийся от Бога в погибель, должен соучаствовать в своем спасении. Как Творец человека Он желает его видеть Своим сотворцом.

«В полном отказе от Себя, в сокрытии Своей Божественной природы, в отказе от всяческой Своей воли, вплоть до слов «Отец Мой больше Меня», Он осуществляет на земле дело любви Пресвятой Троицы. И по беспредельному уважению к свободе человека, показывая людям только скорбно братское лицо раба и скорбно братскую плоть Распятого, Он пробуждает в человеке веру, как ответную любовь, потому что только глаза верующего узнают образ Божий под образом раба и, распознавая в лице человеческом присутствие Лица Божественного, научаются во всяком лице открывать тайну личности, созданной по образу Божию» (Лосский В.Н.).

Таким образом, со стороны человека для своего спасения требуется не просто ответ Богу, но «сотрудничество» (греч. συνεργία

— сотрудничество, соучастие), «сотрудничество» человека в деле собственного спасения, которое только и возможно благодаря умалению Бога.

По словам прп. Серафима Саровского, сотрудничество человека с Богом заключается не просто в праведной жизни, но в гораздо более важном делании, определяющем смысл жизни человека: «Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения ее. Истинная цель жизни нашей христианской — есть стяжание Духа Святого Божия. Пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое Христа ради делаемое добро суть средства для стяжания Святого Духа Божия. Заметьте, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Духа Святого, все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией не дает. Вот почему Господь наш Иисус Христос сказал: «Всяк, иже не собирает со Мною, расточает» (Мф. 12.30)».

Иными словами, для христианина не должно существовать «автономного» добра: доброе дело значимо настолько, насколько оно способствует стяжанию благодати и приближению к Богу. Добродетели — не цель, а следствия христианской жизни, так как единственная цель христианина есть достижение Божественной любви: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди» (Ин. 14.15).

«Стяжание» благодати — это не просто ее приобретение, но удержание, усвоение и приумножение; это непрерывный процесс духовного совершенствования членов Церкви Христовой, конца которому нет и быть не может, так как богопознание бесконечно, ибо чем более человек приближается к Богу, тем более он осознает свою природную отдаленность от Него. Но вследствие того, что Господь Сам стремится к человеку, раскрывает Себя для познания и стяжания, то процесс богопознания и богоуподобления есть для христианина объективная реальность.

Постоянная направленность Божественного и Человеческого факторов друг ко другу ведет народ Божий к цели, определенной Творцом для всего Им сотворенного, к тому, что Святые Отцы именовали «обожением» (греч. θεϊωσις — обожествление). Общая формула Святых Отцов: «Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом» являет абсолютную цель миссионерского служения.

Христос становится новым Адамом и родоначальником нового человечества. Это человечество Он собирает в «организм», способный восстанавливать все отмершее в грехопадении, воскрешая и преображая мертвость человеческой природы. То, что с Богочеловеческой стороны является собиранием Церкви, то со стороны человеческой — распространением Церкви.

Понятие «кеносиса» и «синергии» можно выразить в одном образном примере: человек — узник, заключенный в темницу. К нему приходит Спаситель, открывает двери его тесной темной камеры и говорит: выходи, Я тебя искупил (внес за тебя выкуп), теперь ты свободен от заключения. Но человек может поступить двояко. Кто-то с радостью и благодарностью Спасителю примет Его дар, покинет камеру, чтобы обрести свободу, а вместе с ней и новую жизнь. Другой же может сказать: да мне и здесь не плохо, все уже привычно, менять ничего не хочется, за меня все уже решено — не нужна мне неизвестная свобода с ее ответственностью.

Миссионер должен донести до человека эту истину — то, что спасение реально, оно уже осуществлено Христом, но его плоды человек может воспринять только в Православной Церкви, являющейся единственным «источником» таинственной благодатной жизни.

Осмысление этих богословских основ миссионерства поможет осуществлению свидетельства в рамках православной традиции и позволит не уклониться от опыта подлинно святоотеческого предания.

1.3.9. Сакраментологическое основание миссии

«Православная миссия имеет пред собой задачу не только научения просвещаемых народов вероучительным истинам, воспитания христианского образа жизни, главным образом она нацелена на передачу опыта Богообщения посредством личного участия человека в таинственной жизни евхаристической общины. Ведь благовестие Церкви есть свидетельство о Христе как о Воскресшем Господе и введение в мир Его Царства — нового неба и новой земли (Откр. 21.1), открывающихся в совершении Евхаристии».

«Через Литургию и исполнение заповедей происходит явление в силе Животворящего Духа Святаго Самого Иисуса Христа как Господа и введение в мир действительного Царства Божия... Це-

лью провозглашения Евангелия, а значит и миссии, является создание евхаристической общины в каждой местности, в ее обстановке, культуре и на ее языке».

«Я хлеб живой, шедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье... Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, [так] и ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6.51,54-55,57). Евхаристия, по слову Самого Иисуса Христа, есть не только теснейшее единство с Ним, но также залог воскресения из мертвых и вечной жизни в Царствии Небесном. А потому основной необходимостью проповеди является приготовление людей к вкушению «Хлеба Жизни», ибо только тогда возможна полноценная духовная жизнь верующих.

Евхаристия сочетает в себе категории настоящего, прошедшего и будущего: настоящего, как действительного единения и общения со Христом; прошедшего, как памяти о Крестной Жертве и физической смерти Спасителя; будущего, как эсхатологической Парусии. «Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1Кор. 11.23-26).

Таинственная жизнь миссионера, как участника богослужения, есть тот внутренний духовный «стержень», который направляет его в различных ситуациях сообразно с волей Божией, а практическое отсутствие этой внутренней благодатной жизни превращает проповедь христианства только лишь в рациональную передачу исторических фактов жизни Христа и этических норм Его учения.

Православная экклезиология по сути своей евхаристична. Это опыт восприятия «Неба на земле». И в этом контексте становит-

ся понятной та эсхатологическая реальность, которой жило подлинное христианство с первого века. Постоянное напряженное ожидание Парусии — явления Христа, как реализующийся «эсхатон», конечная цель всех чаяний, как спасение, дарованное в Спасителе.

В литургийной жизни Церковь являет собой Таинство Царства Небесного, воплотившегося на земле. Причащаясь в Евхаристии Тела и Крови Христовых, христиане уже здесь во времени становятся причастны вечного участия со Христом в Его Радости. Именно поэтому Церковь именуется Телом Христовым.

В православной экклезиологии уже нет схоластического разделения на Церковь видимую (*in statu viae* — лат.) и Церковь невидимую (*in statu patriae* — лат.). В сакраментальном опыте Евхаристии человек может созерцать Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь, явленную во всей Полноте. В день Пятидесятницы начался последний решающий переход к завершению истории, и Церковь получила «знамя» Посланничества (апостольства).

Апостольство, к которому призваны все члены Тела Христова, предполагает ответ человека на призыв Духа Христова, который также дается в Евхаристии. Через Причастие верные соделываются «храмами» Духа Святого. В Литургии все с благодарностью принимают спасительный дар, который сам побуждает к дарению по слову Христа: «даром получили, даром давайте» (Мф. 10.8). Таинство Благодарения (*Eucharistia* — греч.) получило название «Общее служение» (*Λειτουργία* — греч.) потому, что миссия есть дело всей Церкви, а не частное дело миссионеров, специализирующихся в этой области.

После Причащения в конце Литургии поются песнопения «видехом свет истинный, прияхом Духа Небесного, обретохом веру истинную...» и священник возглашает «с миром изыдем». Христиане выходят в мир «для того, чтобы свидетельствовать о свете», чтобы в Духе проповедовать веру истинную. Они становятся свидетелями Царства, «пришедшего в силе».

«Если мы хотим обрести подлинный смысл богослужения, — пишет протопресв. Александр Шмеман, — мы должны вернуться назад, к тому, что скрыто за комментариями с их символическим объяснением, к подлинному тексту и совершению самой Евхаристии. Мы должны увидеть в Литургии исполнение Церкви за Господней трапезой в Его Царстве. Евхаристическое богослужение не есть некое «действие», «разыгрываемое» клири-

ками ради «присутствующих» мирян. Это — вознесение Церкви туда, где она пребывает в своем небесном отечестве. Но это и последующее ее возвращение в мир — возвращение с властью проповедовать Царство Божие так, как оно проповедано Самим Христом».

Протопресв. Александр Шмеман говорит о двоякой ответственности за тот Божий дар, который получает Церковь в Евхаристии. Во-первых, перед Богом, дабы не расплескать в перипетиях мира сего дар благодати, но приумножить его. Во-вторых, перед всем миром и каждым ближним, ведь Литургия совершается в знак примирения человечества с Богом, и она есть свидетельство этого примирения, свершившегося во Христе. В этом ключе Литургия, как очевидное свидетельство, есть миссионерское служение миру.

Достаточно вспомнить, что решение о крещении Руси было принято благодаря богослужению, которое привело в восторг послов святого князя Владимира. Согласно летописному сказанию, князь Владимир, обремененный рассказами проповедников разных религий, отправляет делегацию, дабы они посмотрели, что на самом деле представляет каждая из них. Ни одна религия не поразила их так, как Православие, и они с восхищением говорили князю Владимиру: «Когда стояли мы в храме, мы забыли, где мы находились, ибо нигде более на земле нет места такого: воистину там Бог живет среди людей; и никогда не забыть нам виденной там красоты. Никто из вкусивших сладости не захочет более вкушать горечи; ни более можем оставаться в язычестве». Таким образом, литургическое свидетельство Православной Церкви в истории возникновения христианства на Руси сыграло важную и, можно сказать, решающую роль.

Миссия Церкви состоит в том, чтобы нести Радостную весть Спасения в плачевную юдоль мира сего, погибающего в удушливом комфорте самоудовлетворения. Только христиане, став евхаристическими причастниками Вечной Жизни, могут принести в него Благою весть Воскресения. Эта весть обновления является фатальной для мира сего, потому что настало новое время, эра Божьего мира. Мир сей обветшал и близок к разрушению, он уже не живет, а агонизирует, «ибо проходит образ мира сего» (1Кор. 7.31).

В Евхаристии люди получают нетварный свет благодати, вечных энергий Бога, питающих все жизнью вечной. Тем самым они становятся посредниками для тех, кто еще не знает истин-

ного Посредника между Богом и человеком, кто еще не слышал о Христе. Через миссионера Бог влагает Благоую весть спасения в человеческое сердце. А Евангелие само выводит человека, способного слышать Слово Божье, из осужденного мира и вводит в райскую обитель. Этот переход из рабства в землю обетованную на древнем языке Библии называется Пасха.

Благовестие Церкви направлено на то, чтобы указать человеку его вечное предназначение. Ни история человечества, ни жизнь конкретного человека не бессмысленны в Божьем замысле. Евхаристия раскрывает в человеке этот замысел Божий о нем. И если человек обретает себя, миссия достигла цели.

Церковь дарует человеку новую жизнь. В этой новой жизни человек найдет смысл и оправдание своего бытия. Он по-новому посмотрит на мир и в творении обретет любовь своего Творца. Человек уже не будет одинок в этом космосе. «Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев» (1Ин. 3.16). Приобретая любовь во Христе, христианин не может не поделиться ею, закрыв уста для благовестия, ибо «от избытка сердца говорят уста» (Лк. 6.45). На Евхаристии все «едиными устами и единым сердцем» воспевают любовь Божию, дарованную во Христе.

Однако все явственней можно видеть то, что Святые Отцы именовали «апостасия» (греч. *απόστασις* — отдаление, отпадение, прекращение) — отпадение, или, скорее, отвержение Христа. Причастность Христу, Его спасительной Пасхе, стяжание с Ним одной участи, которым буквально дышало раннее христианство посредством Евхаристии, эта причастность в настоящее время многими почти утеряна. Церковь и ее служение в Евхаристии остались и останутся неизменны, но переменялось восприятие Евхаристии и понимание ее глубинной сути, ее смысла и назначения. Этот кризис, как некая патология, всегда в той или иной мере присутствовал в жизни христиан, поскольку жизнь эта не была до конца совершенной. Церковь, храня апостольское Предание, лечила эту язву, которая со временем приобрела хронический характер, а в настоящее время она все более и более прогрессирует.

Мир сей как будто накапливает злость, стягивает силы, проповедует всеобщее объединение, стремится к унификации и глобализации. Этот союз людей в отрыве от Бога пытается противопоставить себя единению народа Божьего, которое совершается посредством Крови Христовой в Евхаристии. Церковь сильна

этой Кровью, сильна всемогуществом Бога, мир зла это знает и болезненно ощущает мощь Церкви Христовой. Источник силы Церкви на престоле Божьем, где совершается Евхаристия. В Евхаристии миссия проповедует «Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9.1).

Евхаристия является источником миссионерского служения Церкви. Цель миссии — собрать людей в Церковь, собрать народ Божий вокруг престола, на котором в Святых Дарах присутствует Сам Господь. Миссия осуществляет идею Соборности. Об этой Соборности, реализующейся в Евхаристии, пишет Коринфской общине апостол Павел, укоряя первых христиан и напоминая им, что собрание их теряет смысл, если они собираются не ради Евхаристического общения. «Когда вы собираетесь в церковь, — говорит апостол, — вы собираетесь, так, что это не значит вкушать вечерю Господню» (1Кор. 11.18-20). В данном выражении слово церковь обозначает не храм, так как в апостольском веке еще не было храмов. Само слово «церковь» означает «собрание». В миссионерском аспекте это собрание урожая на ниве Христовой, формирование единого организма Церкви.

Научение вере неотделимо от Евхаристии. Святой Ириной Лионский говорит: «Учение наше согласно с Евхаристией, а Евхаристия подтверждает учение». В противном случае богословие становится схоластикой, а живая вера начетничеством. В ранней Церкви «закон молитвы» (*lex orandi* — лат.) и «закон веры» (*lex credendi* — лат.) являют единое целое.

Вот как объясняет это единство молитвы и веры протопресв. Александр Шмеман: «Это речение не означает редукцию веры к богослужению или культу, как в мистериальных культах, где вера была направлена на культ как таковой и имела своим объектом его спасающую силу. Это не означает и смешения веры и богослужения, как в той разновидности литургического благочестия, где «литургическое переживание», переживание сакрального просто замещает веру и делает человека безразличным к ее «доктринальному» содержанию. И наконец, это не означает разделения веры и богослужения как двух взаимоотличных сущностей, чьи содержание и смысл должны постигаться двумя разными и независимыми способами, как в современном богословии, где изучение богослужения составляет особую область, или дисциплину, — «литургику». Это означает лишь, что литургия Церкви — есть полная и адекватная эпифания, выражение, проявление,

исполнение того, во что верит Церковь, или того, что составляет ее веру. Это подразумевает, в свою очередь, органичную и сущностную взаимосопряженность, где один элемент, вера, будучи источником и причиной другого — богослужения, существенным образом нуждается в том другом как в своем собственном самоосмыслении и самоисполнении. Разумеется, именно вера дает жизнь и «форму» богослужению, но именно богослужение, исполняющее и выражающее веру, «несет свидетельство» о вере и становится поэтому верным и адекватным ее выражением и нормой: *lex orandi est lex credendi* (лат. — закон молитвы есть закон веры)».

В Евхаристии народ Божий составляет апогей единства. Сама форма храма напоминает о реалии евхаристической соборности. Православный храм в своих формах утверждает целостность космоса как собрание в единое Тело Христово неба и земли. Это понимание в настоящее время для многих также утеряно. Иконостас уже не рассматривается как форма диалога между средней частью храма и алтарем (лат. *altus ara* — «возвышенный жертвенник»), символизирующим распахнутые к человечеству Небеса. Иконостас рассматривается как стена, преграждающая путь в алтарь, хотя изначально икона призвана показать, раскрыть Царствие Божье на земле. Прот. Павел Флоренский назвал икону окном, распахнутым в Царствие Небесное. В богословии образа икона стала выражением встречи видимого и невидимого, актуализации идеи Боговоплощения. В этом плане православная миссия значительно выигрывает перед миссией протестантских конфессий, проповедь которых без храмовой архитектуры бесформенна, без иконы блекла, без колокольного звона нема.

Миссия призвана продолжить дело Христа, а Он пришел, «чтобы рассеянных чад Божьих собрать воедино» (Ин. 11.52).

Литургия является таинством буквально закрытым от взгляда неверующего человека, однако нельзя категорически утверждать, что сама структура этого богослужения не может служить делу миссионерства. Кроме аспекта космического освящения, литургия как богослужение, совершаемое в определенном месте и в определенное время, имеет более конкретное миссионерское значение. Со времен апостольских, прежде чем войти в евхаристическое общение, человек слышал проповедь о Христе, и, если он уверовал, то совершалось научение его основам веры. Оглашенные, хотя и не допускались к сердцевине таинства Евхаристии, однако участвовали в нем, если так можно выразиться, ча-

стично, в меру своего духовного возраста. Та часть, на которой могли находиться новообращенные, до сих пор носит название «литургия оглашенных», свидетельствуя о конкретном миссионерском значении литургии.

Богослужение Церкви всегда носило миссионерский характер. В богослужении и, в частности, в последовании литургии, находятся следующие миссионерские моменты:

— Евангельские чтения и вообще чтение Священного Писания за богослужением, особенно в периоды подготовительные к всеобщему крещению оглашенных; к ним относятся: Пасха, Рождество, Крещение, Пятидесятница.

— Проповедь, которая, как правило, говорила по прочтении Священного Писания, имела экзегетический характер и представляла собой форму осуществления учительского попечения Церкви.

— Библейская фразеология богослужения, которой так испещрены тексты священных чинопоследований, безусловно, дает право называться Православной Церкви «библейской Церковью по преимуществу».

— Молитвы за оглашенных, которые подтверждают тот факт, что ранней Церкви были не безразличны ее некрещеные чада.

К сожалению, эти миссионерские аспекты, как в литургии, так и в богослужении в целом, в настоящий момент практически утратили свое изначальное предназначение. Святейший Патриарх Московский Алексей II на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 1994 г. предложил обратить особое внимание на «вопрос о приближении и в миссионерских целях литургической и иной культуры Православия к пониманию наших современников». Святейший Патриарх при этом отметил, что «большинство наших соотечественников утратило чувство преемства и развития православной культуры», и поэтому «глубокий смысл богослужения подчас не постигается этими людьми». В связи с этим Святейший Патриарх подчеркнул: «Вот почему мы призваны подумать о том, как сделать богослужение более доступным людям. Выражение божественных истин в формах культуры, в том числе культуры литургической, с веками развивалось. Теперь такое развитие будет продолжаться, но для этого необходимо усилие соборного церковного разума».

В соответствии с предложениями Святейшего Патриарха Московского Алексея II в Определении Архиерейского Собора

1994 года «О православной миссии в современном мире» было записано, что «Собор считает исключительно важным глубокое изучение вопроса о возрождении миссионерского воздействия православного богослужения» и усматривает «крайнюю необходимость развития практических церковных усилий» в том направлении, чтобы сделать более доступным пониманию людей смысл священнодействий и богослужебных текстов.

Итак, литургия служит источником духовных сил и побуждением к миссионерству. Правильное понимание евхаристического опыта дает христианину «ключ» к уяснению роли Евхаристии в деле миссионерского служения.

1.4. Миссионерский императив Евангелия

1.4.1. Евангелие и культура

«Миссия состоит в том, чтобы приближаться к миру, освящать и обновлять его, вкладывать новое содержание в привычный образ жизни, принимать местные культуры и способы их выражения, не противоречащие христианской вере, преобразуя их в средства спасения».

«Благодаря воздействию Святого Духа, ученики «начали говорить на иных языках», а толпа, собравшаяся по этому случаю, пришла в смятение, «ибо каждый слышал их говорящих его наречием» (Деян. 2.1-9). В тот день было обнаружено, что для того, чтобы слушатели понимали Евангелие, его надо провозглашать на их «собственном языке»».

Национальный язык является основополагающей вербальной составляющей человеческой культуры. Поэтому первичной задачей для успешной проповеди Евангелия стало несение ее на доступном различным людям языке. И это был первый из даров Духа Святого, излитых на апостолов.

Евангельская проповедь связана с культурной традицией того народа, в котором она распространяется. Сам Христос использовал не только письменные памятники культурного наследия еврейского народа (Священное Писание), но и поэтические образы из фольклорной традиции иудейского общества, которые живо отражены в Его речах и особенно в притчах.

Таким же образом и апостол Павел, проповедуя среди язычников, не только цитировал греческих мудрецов, но и пользовался поэтическими стихотворными размерами и приемами красноречия, которые были распространены среди языческих поэтов и ораторов, чтобы тем самым сделать проповедь Евангелия более доступной для восприятия народных масс.

Но все же миссионеру нельзя слишком увлекаться нехристианской или секуляризованной христианской культурой, в которой он призван проповедовать, так как это может повлечь к «обмирщению» самой Христовой истины, которая «не от мира сего» (Ин. 18.36). Необходимо помнить, что основой любой антихристианской культуры, строящейся на принципах, чуждых Божественному закону, являются три фактора, выраженные апостолом Иоанном Богословом: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1Ин. 2.15-16).

Ключевые слова, которыми можно охарактеризовать отношение православного Благовестия к культуре — «освящение», «обновление», «преображение», «преобразование». Православное понимание этих терминов помогает уяснить путь подлинно церковного взаимодействия миссии и культуры.

Наука и философия знают множество определений культуры, и в богословской мысли также находят отражение различные концепции культуры. Однако, так или иначе, любые определения культуры сходятся в том, что сфера культуры — это сфера человеческой коммуникации, то есть общения (в самом широком смысле); соответственно, это сфера «проявления» человека, в которой человек тем или иным способом высказывает себя.

Попадая в сферу культуры, любой объект становится в некотором роде «знаком», то есть приобретает для человека некий смысл, поэтому ученые говорят о самых различных пластах культуры как о «языках культуры». Подобно базовому пласту любой культуры — язык в буквальном, лингвистическом понимании — все языки культуры служат коммуникации, то есть общению, например, передаче мировоззренческих смыслов, а значит, объединяют людей в общества; «языки культуры» — это и есть то, что делает людей единым обществом.

Естественно, что «языки культуры» отражают в своем строе мировоззрение человека, мировосприятие, свойственное тому или иному этносу или эпохе; как «сфера высказывания» человека, культура есть выражение творческого начала в человеке, всегда отражает его «мирочувствие», его отношение к миру и его понимание мира. В целом, можно сказать, что культура, «язык культуры» всегда — это человеческое мировосприятие, зафиксированное в знаках и текстах; мир, увиденный, понятый и описанный сквозь призму человека и для человека, «мир-для-нас». И пораженная грехом природа человека, и трагическое переживание человеком своей греховности находят отражение в культуре.

Как же соотносятся «слово человеческое» и «слово Божие»? О Благой вести в самом Евангелии Христос, обращаясь к Отцу Небесному, говорит следующими словами: «Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира... слово Твое есть истина... и мир Тебя не познал» (Ин. 17.14-26). Обращаясь к ученикам, Христос снова говорит: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15.19). Обращаясь к миру, миссионер должен помнить об основополагающей данности: Царство Божие, Которое он благовествует, ныне не отсюда (Ин. 18.36), а сам миссионер — продолжатель служения апостолов (Ин. 17.18-20), которым была «передана» Истина Слова Божия (отсюда берет начало термин «передание»), и которые были ради этого «избраны» (дословно — «взяты», «вынуты») из мира. Эта дистанция между Благовестием и всякой мирской культурой не может быть упразднена миссионером (что было бы профанацией и секуляризацией, то есть «обмирщением» Евангельского свидетельства), но парадоксальным образом должна быть преодолена — ибо апостолы были посланы в мир, чтобы передать миру Истину. И поскольку именно Само воплощенное Слово Отчее есть Истина и Жизнь, эта задача Истины миру мыслится в православном богословии как освящение мира, как его преображение, а труд миссионера — это всегда призыв и побуждение к упомянутому освящению и преображению, это его первый шаг, а не просто «доступное изложение информации».

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси) в своем докладе на Всемирной миссионерской конференции в Сальвадоре

(1996 г.) так выразил свою оценку и задачи христианской миссии в отношении общечеловеческой культуры: «Разве не в том состоит наша миссия, чтобы вслушиваться в слово Христа и учиться применять его к современной ситуации? Может быть, разрешение извечного противоречия между миссией и диалогом и заключается в том, чтобы христиане приложили общие усилия по спасению человека. Я глубочайшим образом убежден в том, что нравственность сегодня — средство выживания человеческой цивилизации: на это и должна быть нацелена наша миссия. Недопустимо, чтобы христиане шли на поводу у «мира сего», чтобы в угоду времени отказывались от евангельских нравственных норм. Напротив, они должны объединить свои силы в борьбе за человеческую душу и единым фронтом выступить на защиту нравственного идеала христианства. Только тогда наша миссия будет успешной, только тогда наш голос будет пророческим и сильным, только тогда наше слово услышит мир».

Православное Благовестие как проповедь Царства Божьего призвано созидать в человеческом сообществе залог этого Царства — Церковь, которая, как и ее Глава, в мире (Ин. 1.10), но не от мира. Эта проповедь должна вести человека и народы не просто к «признанию Христа», но — к покаянию, то есть «перемене мысли», и Крещению (Деян. 2.38), «дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни... зная то, что ветхий наш человек распят с Ним» (Рим. 6.4-6). Подлинная перемена мировосприятия, перемена «образа», которому следует в жизни человек, не может не находить выражения и в сфере его культурной деятельности.

Таким образом, культура общества всегда является тем важнейшим обстоятельством, которое миссионер не может не учитывать. Нередко культуру называют той самой «почвой», на которую падают семена слова Божия.

Слово «культура» происходит от лат. «colere» («возделывать»), то есть связано с возделыванием почвы и пр. «Культура» в этом смысле — это человеческая работа над «дикой» природой, и это относится не только к внешнему миру, но и к самой человеческой природе. Миссионер должен в своей проповеди находить в каждой культуре эту «добрую землю», находить области, где уже сказывается некая духовная работа; с другой стороны, нередко миссионеры сами «распахивали» и облагораживали эту почву, создавая новые, христианские формы культуры у просвещаемого народа.

Важно также родство термина «культура» с лат. «cultus» («культ»), которое означает как «почитание», «служение», так и «возделывание», «обработка». Семантика слова указывает как на религиозные корни культуры, так и на ее воспитательное значение в жизни человека. Бог сотворил человека и установил с ним живую связь, основанную на почитании и служении; он «поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать и хранить его» (Быт. 2.15). Речь идет о том, что человек призван возделывать окружающий мир, хозяином которого он является, а также о культивировании, возделывании самой человеческой личности благодаря постоянному живому присутствию Бога в жизни человека. Культура должна быть сотворчеством Бога и человека, «со-трудничеством», совместной деятельностью по воспитанию человеческой личности, по сохранению и возделыванию окружающей среды.

Необходимо помнить о том, что подобная духовная работа, такой поиск Бога, свойственный человеческому духу, находили в дохристианских культурах соответствующее религиозное выражение. В архаичных культурах, в античности, в культурах Азии они выражались в формах языческой религиозности.

Нередко такая дохристианская духовность становилась действительно «доброй землей» для проповеди слова Божия. Показательно то, как высоко оценивали роль античной философии и философов христианские богословы первых веков, называя их «детоводителями» ко Христу и таким образом сравнивая их с ветхозаветными пророками; можно также вспомнить, как высоко оценивал роль буддизма и иных языческих учений в нравственной культуре японцев просветитель Японии равноап. Николай (Касаткин).

Однако культура может становиться и «тернистой почвой». Ап. Петр в своем послании, призывая воздерживаться от языческого образа жизни (1Петр. 4.3), среди других «составных частей» языческих мистерий называет и античный театр (упоминание «трагедии» сохранилось в церковно-славянском переводе, греческий перевод говорит о «комоне», ритуальной процессии в честь Вакха, давшей имя жанру комедии). Характерно, что философы и идеологи современной культуры смысл самой культуры видят именно в ее внутренней связи с языческими мистериями, в ее «наследственности».

«Безусловно, «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3.8). Но языком культуры может говорить не только Святой Дух. Именно поэтому предостерегает нас апостол: «Испытывайте духов, от Бога ли

они» (1Ин. 4.1). Раннехристианская литература доносит до нас свидетельства о том, какое важное место в жизни христианских общин занимало «различение духов». Уже апостол Павел называет это различие даром (1Кор. 12.10). Христианское неприятие греко-римской языческой культуры в этом смысле было весьма показательным: христиане отвергали не саму культуру, но языческих духов этой культуры, т.е. религиозно-этическое содержание греко-римской культуры. Собственно говоря, одной из причин гонений на христиан в те времена был их отказ поклоняться идолам, т.е. принять религиозное измерение тогдашней культуры» (Митрополит Смоленский, ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл).

Культура модернизма и постмодернизма, начавшаяся во многом с философского обращения к дохристианским и нехристианским культурам, актуализует эту языческую наследственность европейской культуры — целенаправленно реконструируя языческое мировоззрение на философском уровне, ориентируясь на образцы архаичных культур, на религиозно-культурные традиции Востока (наиболее частыми источниками вдохновения становятся дзен-буддизм и каббала). В самих этих культурах и их «религиозных источниках» можно обнаружить особое, диаметрально противоположное евангельскому отношению к ключевым категориям христианской проповеди и христианских культур: к Истине и Правде, к самому Слову, и др., иное отношение к человеческой Личности и к Природе, и так далее. Подобная ориентация на языческие культуры, культивирование языческого мировосприятия прослеживается и в некоторых направлениях современной массовой культуры. В самой контркультуре с момента ее появления сильны неоязыческие тенденции, находящие выражение как в текстах, так и в характерных формах искусства (ритмическая музыка и т.п.). Это связано с культовыми (языческими и неоязыческими) корнями афроамериканской, индустской и древнеевропейских фолк-культур, воспринятых контркультурой в качестве альтернативы буржуазной европейской культуре, а также с влиянием модернистской и постмодернистской философии. Таким образом, нередко духовный поиск в контркультуре находит выход в сторону неоязычества. Это требует от миссионера особой осторожности.

Поэтому миссионер всегда должен учитывать, что культура не индифферентна по отношению к религии, она генетически связана с тем или иным религиозным культом, всегда несет в

себе те или иные религиозные импульсы. Как яркий пример можно привести «лингвистическую реформу» Н.И. Ильминского, который отказался от использования арабского алфавита и соответствующей ему исламской письменной традиции при переводе Священного Писания на татарский, и таким образом исключил всякое влияние культуры Корана на просвещаемых татар; можно вспомнить деятельность преосвященного Вениамина (Благоднава), привлекавшего бурятских детей к обучению в русских школах, поскольку монголоязычная система образования и культура традиционно были проводниками буддизма.

Но чаще православные миссионеры и просветители своей деятельностью закладывали новую, православную культурную традицию в культурах самих просвещаемых народов (так, по утверждению академика Д.С. Лихачева, вся древнерусская литература возникла «внезапно», вместе с принятием христианства; труды Симеона Полоцкого и святителя Димитрия Ростовского дают образцы «воцерковления» театрального искусства, и т.п.). Православная по своему происхождению и духу культура может стать не только «детоводителем» ко Христу, но и подлинной носительницей Христова Благовестия.

Говоря об отношении культуры и миссии, следует выделить и другую проблему, которую можно назвать проблемой «социокультурного барьера». Единое поле культуры народа накрепко соединяет религиозные начала и остальные сферы жизни социума, пронизывает ими все области общественного уклада; в то же время культура (а значит, и ее религиозные начала) служит самоидентификации человека как члена общества. В подобной ситуации невозможно стать христианином, не отвергая жизнь своего общества, языческую по существу; невозможно отказаться от язычества, не отказываясь от своего народа. В истории частыми были примеры того, когда, отказываясь от «веры отцов», человек фактически выпадал из своей культуры и своего народа, становился изгоем не только в сознании своих прежних соплеменников, но и сам себя ощущал человеком, меняющим народ (так, например, обстояло дело с обращением бурят, отказывавшихся даже от прежнего самоназвания и считавших его за оскорбление для крещеного; кряшены — крещеные татары — также осознают себя отдельным этносом). И в XIV в. противники свт. Стефана Пермского, и в XIX в. неприятели алтайских миссионеров противопоставляли «московской» или «русской» вере (как они называли православие) «веру своих отцов», то есть,

по сути, не столько религию, сколько свою этническую традицию, обеспечивающую человеку связь с обществом. Не осознанный религиозный выбор, а боязнь стать изгоем, потерять возможность социализации в своем обществе зачастую становились препятствием для принятия новой веры.

Особенно ощутимо это в культурах и обществах родового типа, где индивид полностью зависел от рода, от старейшин рода. Однако проблема социализации остро стоит и в современности — в подростковой и молодежной среде. Нередко возрастной или иной переход в новую социальную группу с ее субкультурой, нежелание становиться изгоем требует от молодого человека принятия новых поведенческих моделей, утраты своего прежнего «обычая», в том числе и религиозного.

На уровне этноса ответом православной миссии на эту проблему становилось созидание этнических православных культур, закладывавшихся в деятельности переводчиков Священного Писания, литературной и иной просветительской деятельности миссионеров. В XIX веке были заложены возможности развития православных культур народов Сибири и Дальнего Востока. Сегодня миссионер имеет возможность апеллировать к этим, пусть и ничтожно малым, образцам православных культур как к «собственному прошлому» того или иного народа, как к его культурному наследию. Необходимо открывать и популяризировать имена и труды тех, кого можно назвать представителями, например, «алтайской православной культуры», «православных культур народов Дальнего Востока», и тому подобных.

Но культура по отношению к миссии Церкви — это не только внешние условия проповеди. Принадлежность к той или иной культуре не меньше определяет поведение человека, чем его инстинкты, его физиология, или его характер, его душевные качества. Поэтому культуру можно назвать частью самой природы человека — его «социальной», «над-органической» природой. Церковь учит, что Христос воспринял человеческую природу во всей полноте, и отцы Церкви описывали полноту вочеловечения Слова Божия в соответствии с категориями антропологии, принятой в то или иное время. Церковь, мистическое тело Христова, также воспринимает человечество в его полноте, это всецело относится и к «над-органической» природе человека. В Своем Воскресении Христос прославил, примирил и соединил человечество Богу, и эта перемена должна коснуться также всей природы человека. Не только наши тела и души, но и «помышле-

ния» и «чувства», и, соответственно, сфера человеческого бытия, называемая культурой, должны стать причастными Христу.

Что нового приносит миссионер в культуру? Нередко «культурность» отождествляют с духовностью, так как культура есть (в широком смысле) средство общения, общая культура объединяет людей в народы, в общества, и так далее. Но миссионер должен помнить, что он несет иное, высшее единство: Церковь (Экклесия) есть «собрание» — собрание во имя Христово, евхаристическое общение и собирание в Тело Христово, собирание и единение всего космоса на новом основании — «в Боге». Неслучайно ап. Петр называет Церковь народом: «некогда не народ, а ныне народ Божий» (1Пет. 2.10).

«Во Христе» уже «нет ни Еллина, ни Иудея., варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3.11). При этом православная миссия есть продолжение Дара Пятидесятницы, «призывающего — как говорит Церковь в службе этого дня — все разделенные языки в соединение». А Жизнь Церкви Христовой есть жизнь по образу Святой Троицы, Единства «неслиянного» и «раздельноличного», жизнь по образу Божественной Любви, предполагающей свободу. Поэтому православная миссия не нивелирует и не уничтожает, не ассимилирует ни социумы, ни личность человека, ни те черты личности, которые формируются национальной культурой. Крестя все народы во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мф. 28.19) и претворяя каждый из народов в «народ святой, народ Божий» (1Пет. 2.9-10), «одно во Христе Иисусе» (Гал. 3.28), «во Христе Иисусе новую тварь» (Гал. 6.15), православная миссия предполагает в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви то личностное и культурное многоголосие, которое позволяет осуществляться «согласию» и «согласно славить Всесвятаго Духа».

Обновление должно коснуться и того «образа человека», который несет в себе та или иная культура. Сущностной характеристикой культуры признается трансляция, то есть передача от поколения к поколению «моделей поведения» человека, «моделей мировосприятия», того или иного образа жизни и поведения (в этом же смысле ученые говорят о «языковых картинах мира», об «образах человека» в культурах тех и иных эпох, в их искусстве и тому подобное). В этом отношении необходимо помнить, что проповедь апостолов всегда завершалась призывом к покаянию и крещению (греч. «μετάνοια» — «покаяние», «раскаяние», букв. «перемена мысли»), которые понимаются как сущностное

обновление жизни, смерть «ветхого». Проповедуя «новую тварь», апостол Павел говорит в первую очередь о перемене образа в человеке, об «образе Христовом» в христианине: «не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Рим. 12.2), «как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного» (1Кор. 15.49). О своем миссионерском служении он говорит: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал. 4.19). При этом апостол говорит о Христе как «образе Отца» (2Кор. 4.4; Евр. 1.3); в этих словах и заключается православное понимание «преображения» и «обожения» человека и мира, которое применимо и к культуре человека.

Итак, стараясь сделать свидетельство о Христе понятным на языке всякой культуры, миссионер в это же время должен призывать к изменению и обновлению, и сам создает предпосылки для того, чтобы «воссоздать» культуру народа или общества на новом основании — Христе, и тем самым выполнить заповедь Христа «научите все народы» (Мф. 28.19). Подлинное воцерковление общества не может не касаться «средств общения», конституирующих данное общество, не может не касаться его структуры, созидавая в обществе национальное «духовное сословие» из местного священства. Подлинное воцерковление человека требует того, чтобы и его культура стала носителем «образа Христова», обеспечивая, по выражению И. Стамулиса, «вхождение истины Божией в жизнь и менталитет народа», «в мысли и сердца» (Евр. 8.10) человеческие.

1.4.2. Инкультурация и рецепция культуры

«Рецепция — восприятие и преобразование одних процессов в другие с целью их согласования с чем-либо иным. Церковная рецепция культуры — согласование средств и методов миссионерства со спецификой разных культур, традиций и обычаев. Православие рассматривает культуру как «социальную природу» человека. Стоит миссионерская стратегическая задача переосмысления, преобразования культуры народа для ее воцерковления, создания национально-церковной культуры и социокультурной среды во всем обществе».

«Принцип церковной рецепции культуры лучше всего выражен святым апостолом Павлом: «Для Иудеев я был как Иудей, чтобы

приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его» (1Кор. 9.20-23). Этот принцип предполагает учет особенностей возрождения миссии в различных контекстах: инославном и инорелигиозном, городском и сельском, молодежном и т.д.»

«Инкультурация» означает «вхождение в культуру», то есть когда «слово Божие» сеется в культурную почву человеческого духовного наследия, дабы произвести тот благодатный плод, на который способны людские души в силу их духовно-нравственного состояния: «Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный» (Лк. 8.5-8).

Собственно, «инкультурация» есть способ «внешнего» воздействия проповеди христианства на культурную традицию народа, когда «истина» Христова благовестия раскрывается как данность уже известного Божественного Откровения, в котором должна утверждаться и к которому должна стремиться культурная составляющая народного сознания. Таково положительное значение данного термина, но в миссиологической литературе существует и негативное понимание «инкультурации», как религиозной замены одной культуры на другую посредством навязывания или агрессивного насаждения, либо синкретического переосмысления Евангелия в «духе» нехристианской культуры и подстраивание под ее систему ценностей.

Что же касается «рецепции культуры» (лат. *reception* — «принятие, взятие»), то она требует от христианского миссионера хороших знаний в области религии, философии и искусства того общества, в котором он вынужден проповедовать. Знание этих особенностей будет содействовать успеху миссии лишь в том случае, если христианин

сможет увидеть в культурном наследии нехристианского народа образы мысли и формы деятельности, согласные и близкие с евангельским вероучением. Именно так поступил апостол Павел, будучи в Афинах, где возмущенная множественностью городских идолов его душа все же нашла положительный момент в греческой культуре, который он и высказал, когда его привели в ареопаг: «Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17.22-23).

Как «церковная рецепция культуры», так и «инкультурация» у разных авторов могут служить выражением православного подхода к благовестию, направленного на воцерковление духовной составляющей народного самосознания, на внешнее освящение и внутреннее преобразование культуры в духе Христовой любви, «чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор. 9.22).

Термин «православная рецепция культуры» означает принятие Церковью культуры народа, ее «во-церковление». Подобно тому, как Слово Отчее, Сын Божий воспринял всю человеческую природу, чтобы освятить ее в Себе, Церковь Христова принимает в себя и соединяет со Христом все народы и общества в полноте их социальной и культурной жизни.

В этом смысле термин «церковная рецепция культуры» подчеркивает органический, сущностный характер «воцерковления» культуры, исключает взгляд на культуру как лишь на средство, «инструмент» проповеди. Культуру невозможно просто использовать «как она есть», невозможно брать ее «механически». Догматическим основанием для «воцерковления» культуры является учение о Воплощении Слова Божия и воссоздании падшего естества в Воскресении Христовом. Христос не только воспринял, но и обновил человеческое естество: принятие человеческой природы в Боговоплощении имеет своим смыслом преобразование самого человека — то, что Христос Своей жертвенной смертью и Своим Воскресением «прославил», вознес на небеса и «спосадил Отцу» человечество, открыв всем верующим в Него путь обожения. Соответственно, «принятие» культуры есть, по словам И. Стамбулиса, «не механический перевод Евангелия с одного языка на другой, а воплощение истины Божией в языке

и культуре просвещаемого народа» и в итоге — их «обновление», «освящение» и «преображение». По выражению патриарха Антиохийского Игнатия IV, «христианство возвещает Слово, ставшее плотью для того, чтобы плоть стала Словом».

Таким образом, у церковной рецепции культуры глубокий догматический смысл, она соответствует сотериологическому и экклесиологическому учению Православной Церкви.

Богословское внимание к этому моменту очень важно, поскольку на практике взаимодействие христианских миссионеров и культуры было весьма противоречиво. Можно сказать, что при встрече культуры с чем-либо внеположным ей самой всегда имеется две возможности: либо культура «по-своему», в своих мировоззренческих категориях и моделях переосмысляет то, что пытаются перевести на ее «язык», либо культура расширяет свои границы и сама осваивает новый для себя «язык», тем самым внутренне изменяясь. Это целиком и полностью относится и к проповеди миссионера, и вообще церковной проповеди: либо Евангелие будет прочитано «сквозь призму» светской или ино-религиозной культуры, либо культура увидит себя в новом свете — в свете христианского Благовестия.

Православная богословская мысль всегда тонко чувствовала эту разницу между воцерковлением человеческого бытия, освящением всех кругов человеческой жизни духом Евангелия, и — профанацией и секуляризацией евангельского свидетельства при прочтении Евангелия в «духе времени», в «духе национальной (или иной) культуры». Труды по православной миссиологии всегда подчеркивают противоположность этих путей, как и опасность их неразличения.

В современной миссиологической литературе сложились две системы терминов, противопоставляющих эти подходы. Одна из них противопоставляет «инкультурацию» Евангелия (т.е. вхождение Евангелия в культуру народа) так называемому «религиозному синкретизму», т.е. переосмыслению Евангелия в «духе культуры», при котором теряется различие между Благой вестью и теми дохристианскими и нехристианскими воззрениями, которыми живет эта культура.

Другая терминология обозначает «вхождение истины Божией в душу и менталитет народа» как «христианизацию культуры» или «церковную рецепцию культуры», в то время как для противоположного пути («переосмысления в духе культуры») используется уже известный термин «инкультурация». «Не инкультура-

ция христианства, но христианизация культуры — вот в чем состоит цель христианской миссии по отношению к культуре. Культуру нельзя использовать тактически: культура должна стать носителем Христового благовестия. Культура может быть христианизированной даже на фоне доминирующих в общественном поле нехристианских начал» (митрополит Смоленский и Калининградский, ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл).

Таким образом, во втором случае термин «инкультурация» используется в принципиально ином смысле (можно сказать, в диаметрально противоположном), чем в первой системе терминов. Такое содержание термина «инкультурация» связано с тем, что сам термин появился и активно используется в западной литературе, в том числе в католической и протестантской теологии, и, являясь здесь обозначением миссионерского идеала в отношении культуры, на практике нередко обозначает явления, противоположные церковной рецепции культуры. При этом акцент зачастую делается на «погружении в культуру», а не на преобразовании культуры. Использование термина «инкультурация» в этом (негативном) значении обусловлено необходимостью осмыслить разницу между православным подходом и подходом, сложившимся на Западе под влиянием протестантской традиции, в истории которой инкультурация оказалась связана с отказом от церковного предания и утратой церковного единства, и не может пониматься как «воцерковление»; история самой протестантской традиции обнаруживает все новые и новые примеры секуляризации евангельского свидетельства. Характерно, что и в самой протестантской теологии секуляризация (и модернизация как ее форма) в целом не осознаются как духовная проблема.

Богословское понимание разницы между этими двумя подходами важно и потому, что на уровне одних практических критериев отличить «неверное прочтение» Благой вести от его церковного «оригинала» невозможно: чужое прочтение невидимо глазу, самим человеком оно воспринимается как «истинное», он не видит или не склонен подчеркивать «отличия» в своем прочтении. Отличия становятся видны лишь со временем, когда «прочтение в духе культуры» (современной, народной и т.п.) порождает «новую редакцию Евангелия» — обычно через толкования, но иногда и буквально, на уровне самого текста. Последнее встречается у некоторых сект, отвергающих канонические

новозаветные тексты (например, у свидетелей Иеговы, которые активно используют свой перевод Писания, выверенный под их доктринальные установки и во многом отличающийся от общепринятых редакций); еще ярче случай писателя Л.Н. Толстого, карандашом правившего Евангелие в духе прагматизма и естественно-научного позитивизма европейской культуры XIX века; показателен пример недавней «феминистской» редакции Евангелия, «отражающей возрастающую роль женщин в обществе» для того, чтобы «сделать нравственное послание Христа для многих более приемлемым», или, как говорится в его названии — «Евангелия исправленного, чтобы отражать представление о Христе как о женщине».

Случаи новых редакций самого евангельского текста редки, но они показывают, что на самом деле происходит в результате «погружения в культуру» без ее «преобразования». Большой же частью такая негативная инкультурация выражается в обмирщении и осовременивании форм религиозной жизни, что и «узаконивает» ее секулярное содержание. В этом смысле кощунственная редакция Евангелия с главным действующим лицом женского пола по имени «Джудит Крист», выпущенная одним из издательств США, и так называемое женское священство в классических протестантских деноминациях — результат влияния одной и той же культуры (причем влияния давно произошедшего, так как «открытость» Евангелия новым прочтениям — давняя черта протестантской традиции).

Таким образом, церковная рецепция культуры предполагает не только и не столько использование культуры, сколько христианское участие в культуре, воздействие на культуру, ее внутреннее преобразование. Такое понимание учитывает и тот факт, что культуры, будучи генетически связанными с религиозно-культурной сферой, в действительности никогда не были нейтральны по отношению к религии, обнаруживая либо свои христианские, либо инорелигиозные корни. И в целом, с точки зрения современной лингвистики и культурологии, невозможно говорить о языке и культуре как лишь форме, способной вместить любое содержание: культура не является просто формой, она всегда содержательна, поскольку для самого носителя языка формы неотделимы от содержания, а их переосмысление требует нового контекста, новой культурной традиции. Поэтому механическое использование культурных форм без их творческого переосмысления (понятного слушателю лишь в контексте но-

вой, христианской культуры) — это путь инкультурации во втором значении этого термина.

Как же именно осуществлялась церковная рецепция культуры, и какие действия миссионера она предполагает?

Давая интерпретацию этого термина, В.В. Зеньковский в своей «Апологетике» говорит о церковной рецепции культуры как о раскрытии открывающегося «во Христе» истинного смысла той религиозной интуиции, которая есть в каждой культуре. Внимание к дохристианской религиозной интуиции позволяет «найти прямые точки опоры для принятия христианства». Такая «христианская переработка внехристианского материала» понимается им как «воцерковление» культуры, ее осуществляет только соборный разум Церкви: «Рецепция... осуществляется только Церковью, хотя ее выражают сначала отдельные умы». Таким образом, церковная рецепция культуры у Зеньковского есть действие Церкви, характеристика роста Церкви и церковно-исторического процесса, а не просто действия отдельных миссионеров.

Основанием для такого понимания церковной рецепции культуры является ключевое положение проповеди апостола Павла в ареопаге — о том «поиске Бога», который свойственен каждой культуре. Можно сказать, что церковная рецепция культуры обращена на некий «духовный потенциал», который, по словам апостола Павла, Бог вложил каждому народу, «дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли» (Деян. 17.27). Церковная рецепция культуры позволяет православной миссии являть Христа как истинное «чаяние языков» (Быт. 49.10), как ответ на духовный запрос — соответственно тому, как он был высказан в той или иной культуре. Это происходит, когда православная миссия в своей деятельности принимает и христиански переосмысляет те идеалы и те духовные и религиозные искания, которые имеются в родной культуре просвещаемого народа.

Первым таким шагом стала сама проповедь «апостола языков» в ареопаге. Она по сей день остается образцом для миссионера. Например, великий алтайский миссионер свт. Макарий (Невский) свою «1-ю беседу к язычникам» строит по модели этой проповеди. Вслед за ап. Павлом, давшим христианское переосмысление «неведомого Бога» язычников (Деян. 17.23), миссионер апеллирует к представлениям о Едином, Высшем Боже-стве, которое есть практически у всех народов. Подобно ап. Павлу,

в послании к Евреям цитировавшему псалмы Давида, а в беседе с афинянами черпавшему аргументы в поэзии эллинских «стихотворцев» (не менее религиозно-культурной, чем поэзия псалмов), свт. Макарий опирается на устное народное творчество алтайцев, говоря о Боге.

Вся последующая история Церкви является историей воцерковления народов, а значит, и историей церковной рецепции культур. Исторически же церковная рецепция культуры всегда становилась переосмыслением дохристианского или внехристианского материала, «переменной мысли», происходящей на уровне всей культуры общества. Именно понимание того, что Церковь Христова призвана обновить мир, обновить жизнь человека, именно постоянное чувство «новозаветности», связанное с переживанием Пасхи и ожиданием Царства Божия, не давало синкретически смешивать элементы языческой духовности с христианскими, и требовало их нарочитого переосмысления.

В противовес мифологическому синкретизму, без труда объединявшему различные этнические «версии» язычества, приходит свойственный ранним христианским культурам средневековый символизм с его известным принципом «мир как книга». Здесь каждая деталь природы и культуры (в том числе и мифологические рассказы о природе) получала символическое толкование именно в контексте Библии, превращалась в условный «знак», рассказывающий о Христе, о нравственных идеалах. Примерами такого мышления могут служить «Физиологи» и «Шестоднев» средневековой литературы, которые через символическое толкование явлений природы, по сути, давали христианское веро- и нравоучение. Подобное символическое толкование ветхозаветной истории (как истории прообразов Христа) в христианской мысли В.В. Зеньковский также называет «рецепцией» ветхозаветной культуры: «Мы говорим о рецепции христианством тех или иных сторон, как в Ветхом Завете, так и в языческом мире».

Такое же значение имела и рецепция Церковью элементов античного религиозного календаря: вместо мифологического обожествления природы происходило их переосмысление как лишь символов Истинного Бога, символов евангельских событий (например, дата «дня рождения солнца» становится днем празднования Рождества Христова, при этом богослужебные тексты дают соответствующие толкования символа: «Христос — солнце Правды, мысленное солнце», о котором вещественное

солнце лишь напоминает). Момент церковной рецепции культуры можно увидеть и при крещении славянских народов — в днях церковного поминовения умерших, включенных в круг годичного богослужения (до этого поминовение предков — важнейший элемент язычества), в христианском переосмыслении славянской Масленицы, ставшей временем подготовки к посту — заговенья, и т.п.

Воспринималось, переосмыслялось и освящалось светом Христовой Истины не только сакральное время дохристианских культур, но и «священные места» — в храмостроительстве и переосвящении храмов (так, храм «всех богов римской империи» Пантеон, как и множество других, становится христианским храмом).

Известны примеры христианского переосмысления мотивов и образов античного искусства (например, античный мотив, ставший символом «доброго пастыря»). Был воспринят («рецептирован»), в полном соответствии с христианскими догматами, и сам «иконический», т.е. «образный» принцип священных изображений.

Происходила и церковная рецепция языка античной философии, в частности, неоплатонизма — для выражения веры Церкви (напр., книги псевдо-Дионисия Ареопагита и др.) и противодействия ересям (нередко рождавшимся из антично-философского понимания Евангелия или языческого взгляда на Христа — в духе свойственного античной философии отношения к материи, или характерных для эпохи эллинизма гностических учений, и т.п.). В языке богословов термины философии оказывались в библейском контексте, в контексте учения о Личностном Боге и о Боговоплощении, и содержание этих терминов иногда существенно менялось (напр., в случае с термином «ипостась» или «единосущие»).

Но «поиск Бога», заложенный в каждой культуре и в каждой душе, находя высшее выражение в формах культового ритуала, искусства или религиозно-философской мысли, не ограничивается только этими формами. Чтобы Благая весть была услышана как ответ на собственные духовные чаяния людей, человек должен соотнести евангельское слово и евангельский пример с жизнью, и именно со своей жизнью. Поэтому нередко под «рецепцией культуры» понимают и сопоставление евангельского слова с реалиями жизни данной эпохи, данного народа (так как реалии палестинского общества времен Иисуса

Христа далеки от понимания людей других культур). Как правило, эта задача ставилась при объяснении Священного Писания, но иногда она решалась даже при переводе самого текста Библии (как в примере с переводом на алеутский язык молитвы Господней свт. Иннокентием Московским, когда слово «хлеб», традиционное для средиземноморских и европейских культур, он заменил на понятное для алеутов и насущное «рыба»).

Однако рецепция базового пласта любой культуры — языка — не ограничивается принятием предметной лексики, обозначающей новые реалии, и ее религиозно-символическим осмыслением (которое всегда будет иметь место на последующих этапах, если происходит церковная рецепция; применительно к вышеприведенному примеру достаточно вспомнить, сколько дополнительных смыслов имеет слово «хлеб» в библейском контексте — а ведь их тоже необходимо передать!). Буквальным и нагляднейшим примером церковной рецепции культуры является деятельность святых Кирилла и Мефодия и их учеников, которая, по мнению большинства современных лингвистов, была не только переводческой, но и языкотворческой деятельностью. В процессе перевода они фактически создали особый славянский язык, который по своей природе был «языком переводов Священного Писания и богослужения», и который сегодня мы называем церковно-славянским.

Это произошло в силу того, что славянские первоучители и их последователи, пользуясь элементами славянских языков (морфемами, словами), ориентировались не на нормы славянских диалектов, т.е. не на разговорное славянское словоупотребление, а на нормы и словоупотребление греческого оригинала Библии (нужно сказать, что Септуагинта в свою очередь была зависима от норм и словоупотребления еврейского оригинала, и сама во многом определила язык Нового Завета). Создавая понятные славянам тексты, первоучители в то же время создали язык-кальку с языка греческой Библии, употребляя слова в новых (религиозно-мировоззренческих) значениях, неизвестных в славянских диалектах, повторяя греческие способы словообразования и построения предложений. Это значит, что славянский языковой материал естественным образом переосмыслился; в церковно-славянском языке значения слов формировались под влиянием словоупотребления в Евангелии, Псалтири, Апостоле и других богослужбных книгах, а не в разговорном языке. По мнению

современных ученых, в этом главная особенность и ценность церковно-славянского языка⁵.

Огромное значение имело создание «церковно-национального» языка для «воцерковления» всех южно- и восточнославянских культур. Церковно-славянский, будучи языком богослужения, становится в Древней Руси языком всей письменной культуры (в отличие от разговорного древнерусского), языком русской литературы вплоть до XVII века. Церковнославянизмами активно пользуется русская поэзия и в последующие века. Церковно-славянский язык оказывает колоссальное влияние на современный русский литературный язык. Русские поэты и писатели перелагают в стихах тексты Псалтири, богослужебные тексты, используют библейские и богослужебные образы и мотивы; некоторые делают богослужение напрямую мерилom своего творчества и темой своих произведений.

Подобное можно наблюдать не только в русской культуре. Так, казанские и алтайские миссионеры приспособливают для церковного пения татарские и алтайские народные напевы; первый священник-алтаец и основной переводчик миссии М. Чевалков становится и первым алтайским писателем, и эти примеры не единичны. Такая генетическая связь явлений культуры уже с православным богослужением (а не с до-христианскими культурами, что традиционно для фольклора) позволяет говорить о появлении в результате рецепции новой, «национально-православной» культурной традиции в национальных культурах. Литургическая культура становится здесь глубинным пластом национальной культуры.

Итак, с точки зрения православного богословия и истории Вселенской Православной Церкви корректнее говорить об обновлении культуры и наполнении ее новыми смыслами — через созидание новой, православно-культурной традиции — чем о простом «союзнчестве» с культурой. И связано это со свойствами самой культуры. Говоря о «языках культуры», современные ученые особое внимание уделяют тому, что человек в принципе

⁵ Как отмечают ученые, например, Е.М. Верещагин в книге «История возникновения древнего общеславянского литературного языка», первым переводом Библии, ориентированным на «народный», т.е. разговорный, бытовой язык народа, был лютеровский перевод, ставший, таким образом, первым шагом на пути секуляризации в протестантской традиции; о языке для перевода Св. Писания, по мнению Лютера, «надо спрашивать хозяйку в доме и простого человека на рынке, им нужно смотреть в рот, а уж потом переводить».

не может понять или высказать того, для чего нет «слов» в «языке» его культуры. Эта проблема особенно заметна ученым, изучающим переводческую деятельность в литературе и искусстве. Признается, что нередко, переводя буквальный смысл текста, невозможно передать мировоззренческие смыслы, авторский взгляд на мир, если таких «смыслов» нет в другой культуре: новый язык при переводе неминуемо наполняет текст новыми мировоззренческими смыслами. Поэтому миссионер — не только «переводчик», но и «преобразователь» самой культуры.

Современную ситуацию достаточно сложно оценивать с точки зрения церковной рецепции культуры. С одной стороны, современная культура становится все более «дискретной», отдельные социальные группы и даже отдельные поколения образуют свои субкультуры, зачастую исчезающие вместе со своей возрастной группой, (например, молодежные); классическая, традиционная культура также рискует превратиться просто в одну из субкультур. Говорить о полноценной церковной рецепции субкультур не имеет смысла — как из-за их текучести, так и потому, что представитель любой субкультуры все-таки остается обладателем и более широкого культурного «багажа»: он владеет общенациональным языком и другими пластами общенациональной культуры (а субкультура в этом плане является не столько данностью, т.е. «социальной природой» человека, сколько делом его вкуса и личного выбора). С другой стороны, социализация человека все больше зависит от субкультуры его социальной группы; субкультура может становиться тем барьером между обществом и Церковью, который миссионер обязан пытаться преодолеть.

Однако современная культура даже в своем секуляризованном виде очень многое взяла из христианства. Все это сегодня является ее «духовным потенциалом». Такие ценности современной культуры, как «личность» и «свобода», исторически связаны с христианством, и их «заново открытое» христианское понимание также может стать отправной точкой миссионерской проповеди. Культурное наследие прошлых веков пронизано евангельскими образами и идеями. Многие произведения искусства и факты отечественной культуры, являясь «родными», «своими» в сознании любого представителя отечественной культуры (в том числе нехристианина), при этом наполнены православным содержанием (возможно, еще нераскрытым для самого носителя культуры). Пользуясь выражением апостола Павла, можно сказать, что в отечественной истории есть сотни «стихотворцев» (ху-

дожников и т.д.), чьи творения могут стать авторитетной цитатой и «точкой опоры» в проповеди миссионера, и даже сами могут превратиться в руках миссионера в готовую проповедь. Обращение к плодам той рецепции отечественной культуры, того ее «воцерковления», которое происходило на протяжении столетий, опора на уже существующую национальную православную культуру для миссионера не менее важны, чем внимание к современной невоцерковленной культуре.

«В России сложилась уникальная ситуация. В период, когда собственный голос Церкви народу был почти не слышен, Евангелие было проповедано в основном не священниками, не миссионерами, не церковной литературой. Оно было проповедано культурой, которая стала носителем евангельского благовестия. Последнее не удивительно, ибо русская культура сформировалась под влиянием Православия. Эта некогда языческая культура, впитав в себя духовные силы Церкви, ее мировоззренческое и нравственное послание, отдавала его народу в годы, когда Церковь оказалась гонимой. О Христе свидетельствовало буквально все, что было создано за многие века культурного развития — литература, поэзия, архитектура, живопись, музыка. Религиозная традиция и религиозные искания, явно или прикровенно, продолжались даже в русской культуре советского периода. Христианское мировоззрение, церковная мудрость, библейские изречения жили в сознании народа, сохранялись в песнях, пословицах и поговорках даже тогда, когда люди совершенно забыли, откуда все это пришло в культуру» (митрополит Смоленский, ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл).

Еще один пример культурной проповеди: власть не могла запретить людям читать Достоевского, хотя его практически не проходили в школах. Этот великий писатель был глубоко религиозным человеком, и творчество его насквозь пронизано христианскими идеями. Наставления старца Зосимы, героя «Братьев Карамазовых», в значительной степени заимствованы из сочинений древних Отцов Церкви, в частности жившего в VII в. христианского подвижника Исаака Сирина. Вот и получалось, что сочинения Святых Отцов не издавали, Исаака Сирина достать было невозможно, а Достоевского читали и любили. Так через посредство русской культурной традиции русский народ приобщался к великому наследию святоотеческой мысли.

Примером церковной рецепции культуры для миссионера всегда служит проповедь апостолов, которая была разделена на

два направления — среди иудеев и среди язычников. Первые знали о Боге из закона Моисеева, вторые имели о Нем представление из закона своей совести. И тех, и других следовало соединить с Богом через Иисуса Христа.

Обращаясь к иудеям, апостолы приводили, главным образом, пророчества из Священного Писания, которые свидетельствовали о Христе, как Мессии. Зная, что на Иисусе Христе сбылось все Ветхозаветное Откровение, они раскрывали это и иудеям, проповедуя им о том, «что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века» (Деян. 3.21).

Вспоминая слова Христа, обращенные к неверующим книжникам: «Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Ин. 5.46), ап. Петр приводит это пророчество народу в притворе Соломоновом: «Моисей сказал отцам: Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня, слушайте Его во всем, что Он ни будет говорить вам; и будет, что всякая душа, которая не послушает Пророка того, истребится из народа. И все пророки, от Самуила и после него, сколько их не говорили, также предвозвестили дни сии» (Деян. 3.22-24).

Хотя Бог и посылал на протяжении всей истории народа израильского благовестников Царства Небесного, но закостенелые в грехах иудеи почти всегда противились им. Об этом скорбел Господь, печалась об Израиле: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф. 23.37). В этом обличал синедрион святой архидиакон Стефан: «Жестокосердые! Люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделали ныне вы!» (Деян. 7.51-52).

Но, обличая иудеев, апостолы не отнимали от них обетования, которое заповедано было еще Аврааму. Они призывали их покаяться в своих грехах, понимая немощь человеческую и упоывая на милость Божию. Ап. Петр, например, так говорил к народу: «Впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению; Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил. Итак, покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши» (Деян.

3.17-19). Одни иудеи верили во Христа, другие — нет, так что происходило множество споров и толков. Нередко апостолы были гонимы за свою проповедь, возбуждая зависть своими успехами, так как речи их были настолько сильны и пронизаны благодарью, что приводили к вере тысячи людей (Деян. 4.4).

Вначале апостолы проповедовали только среди иудеев, но после видения апостолу Петру (Деян. 10.11), первого крещения язычников (Деян. 10.48) и одобрения со стороны других апостолов (Деян. 11.18), проповедь христианства широко распространилась и на другие народы. Особенно много потрудились в деле миссионерского служения среди язычников святые апп. Павел и Варнава, которые, однако, приходя в новый город, всегда начинали проповедь с синагоги. И только благовестив о Христе иудеям, они обращались к «неверным», чему часто способствовали и сами «благоверные». За это упорство и обличали иудеев апостолы, говоря: «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13.46).

Первым среди язычников (впрочем, как и среди иудеев (Деян. 2.14)) проповедовал ап. Петр, который начал свою проповедь, придя в дом Корнилия сотника, такими словами: «Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян. 10.34-35). Господь открыл апостолу, чтобы он не почитал никого скверным или нечистым (Деян. 10.28), потому что все люди носят в себе образ Божий, который полноценно раскрывается только лишь в христианстве.

Господь взывает к сердцу человека через совесть, которая есть «естественный нравственный» закон, имеющийся у всех людей, ведущий их к правде и обличающий за зло, как об этом свидетельствует ап. Павел: «Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2.14-15).

Люди, заслонившие закон совести законом Моисеевым, презревшие первый и возвеличившись вторым, становятся неспособны к истинным добродетелям. К таким людям обращал Господь Свои слова: «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы?» (Мф. 9.13). К этим же людям обращался и ап.

Павел: «Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренно таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога» (Рим. 2.28-29).

Так как человек по природе своей склонен к вере в Бога, то и апостолы не всегда осуждали язычников, не знающих Истины, за поклонение идолам, но указывали им на то, что люди, «будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого» (Деян. 17.29).

Апостол Павел, придя в Афины, хоть и возмущился духом, видя множество идолов, однако же в ареопаге, во время проповеди, обратил прежде всего внимание на особенную набожность афинян, имевших у себя даже жертвенник «неведомому Богу» (Деян.17.22-23). Об этом Боге язычники могли иметь представление как из закона совести, так и из «естественного» Откровения, потому что Господь на протяжении всего времени «не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные, и исполняя пищею и веселием сердца наши» (Деян. 14.17).

Познавая через «естественное» Откровение Истинного Бога, некоторые греческие философы (Гераклит, Сократ, Платон и др.), подготовив языческое мышление к принятию христианства, закрепили за собой наименование «христиане до Христа».

Поэтому, опираясь на нехристианскую культуру общества в своей проповеди, миссионер должен всегда помнить о двояком апостольском примере. Во-первых, согласно словам Священного Писания, он должен проповедовать Царствие Божие и учить о Господе Иисусе Христе «со всяким дерзновением невозбранно» (Деян. 28.31). Примером может служить дерзновение, с которым приветствовал набожность язычников апостол Павел в ареопаге, с которым древние отцы Церкви — апологеты и богословы — защищали «языческую ученость», объясняя пользу от изучения языческой философии и литературы; можно вспомнить пример святителя Григория Богослова, создававшего произведения о Христе в традиционных формах и жанрах языческой поэзии (хотя в целом византийская литература усвоила библейскую, а не античную традицию); подобным же образом алтайские миссионеры обрели для Христа множество сердец, излагая заповеди и борясь с язычеством в любимых алтайцами жанрах «народной басни» и эпических сказаний. Продолжая посланничество Христа, «ума-

лившегося» и принявшего «зрак раба» ради спасения людей, миссионер не должен гнушаться знанием заведомо «нецерковной» культуры. Образцом такого служения навсегда стал ап. Павел, сказавший: «для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев... для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его» (1Кор. 9.20-23).

При этом духовный поиск современного человека, парадоксальным образом, может быть ярче всего выражен именно на языке его субкультуры. Так, в атеистическом обществе тема религиозного поиска оказалась озвучена лишь в альтернативной культуре — в текстах рок-поэзии; альтернативная культура в целом критично относится к «потребительской цивилизации» с ее культом материальных ценностей. Все это также может послужить отправной точкой для разговора о Христе. А значит, и таких стихотворцев должен знать и цитировать миссионер.

Во-вторых, для миссионера всегда должны звучать слова апостолов о внимательном различении «духа истины» и «духа заблуждения»: «Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога» (1Кор. 2.12), «они от мира, потому и говорят по-мирски, и мир слушает их. Мы от Бога... кто не от Бога, тот не слушает нас. По сему-то узнаем духа истины и духа заблуждения» (1Иоан. 4.5-6). Это значит, что ни «дух эпохи» или «дух нации», ни «дела плоти» (Гал. 5.19-20), пусть и в облагороженном виде (т.е. окультуренные, цивилизованные формы проявления инстинктов), при всей их «массовости» и привлекательности, не могут стать точками опоры для принятия Духа Христова.

Служение миссионера «публично», он нередко обращается к той или иной группе людей или собранию, и для него всегда актуален вопрос: что же объединяет этих людей в одно целое? Что является здесь «общим знаменателем», во имя чего эти люди вместе? И — может ли это организующее начало (идея, общая цель, и т.д.) стать отправной точкой на их пути в «собрание во Имя Христово», т.е. в Церковь? Миссионер должен искать в культуре выражение духовного поиска человека, его стремления к идеалу, и проповедовать Христа как ответ на этот свойственный человеку духовный поиск, т.е. давать ему истинное переосмысление в Духе Христовом.

1.5. Цели и задачи православной миссии

1.5.1. Сотериологические задачи миссии

«Миссия Церкви направлена на освящение не только человека, но и тварного мира, всех сфер жизни: «Сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только [она], но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим. 8.21-23)».

«Сам Господь указал нам условия истинной свободы в нас: «и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8.32). Христианское понимание свободы отлично от секулярного понимания религиозной свободы как равенства всех религий между собой, что часто используется различными «миссионерами» в их прозелитической деятельности... Миссия Церкви — в спасении каждого человека, и в сферу ее свидетельства входят и вопросы культуры, науки, окружающей среды — все, чем живет современное человечество».

«К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к [угождению] плоти, но любовью служите друг другу» (Гал. 5.13) — свобода во Христе является одной из главных задач проповеди Слова Божия. Само «спасение» в православии понимается как духовная свобода от рабства греху, которую приобретает человек лишь через познание Истины, то есть Христа, Который сказал о Себе: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14.6).

Познать истину — значит стать «новым человеком», освященным благодатью Духа Святого и творящим «дело Божие» на земле: «Вы слышали о Нем (о Христе) и в Нем научились, — так как истина во Иисусе, — отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4.21-24).

Святость, как категорию «спасения», христианин может воспринимать только в Церкви, которая является «Те-

лом Христовым», освящающим человеческую природу любовью и единением его «членов» как между собой, так и с Самим Спасителем, осуществляемым через молитвенное сочетание в мистической благодатной жизни. Спасение возможно в Церкви вследствие того, что «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5.25-27), а потому Спаситель дарит святость и свободу тем, кто пребывает в Его «Теле» не только этически, но и евхаристически.

Миссионер, несущий в мир свет евангельского учения, должен быть, прежде всего, сам просвещен этим светом, сам быть свободен от тех пороков и языческих установок, с которыми он будет призывать бороться, чтобы не оказаться ему «слепым вождем», так как «если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15.14).

«Ключ к православному пониманию исторического процесса, как я полагаю, — это «слава Всесвятого Бога», рассматриваемая в перспективе Его безмерной любви... Человеческая история, изложенная в Библии, начинается и заканчивается прославлением Бога», — пишет Блаженнейший архиепископ Албанский Анастасий (Яннулатос).

Божественная слава является предпосылкой творения мира и человека. Господь Иисус Христос указывает на эту славу, когда молится Отцу о прославлении Его славою, которую имел у Него (Бога) «прежде бытия мира» (Ин. 17.5). И она не завершается на земле, но переносится в вечность. Новый град Божий, где искупленные будут жить вместе с Господом, включает в себе самом славу Божию (См.: Откр. 21.11). Обозреваемая в перспективе вечности, уходящая в прошлое — до сотворения, и в будущее — после нового творения, слава Божия предстает непрекращающимся событием. И так и должно быть, ибо Бог неизменен.

Слава Божия (евр. шехина — «пребывание», «проживание») в Библии понимается как имманентное присутствие Бога в мире. «Шехина» — это Бог, рассматриваемый в терминах пространства и времени как Его присутствие, особенно в земном контексте, когда Он освящает некое место, определенный предмет, какого-то человека или весь народ — откровение Святого в не-

священной среде, явление Духа в материальной субстанции — то, что можно назвать словом «Святыня».

В православном богословии слава Божия именуется «нетварными Божественными энергиями» (от греч. *ενεργεια* — действие, сила, мощь), то есть проявлением Божественной благодати, отличимой, но не отделимой, от Сущности Бога. Между Сущностью и сущностной энергией Бога имеется «богодостойное» различие. Они различаются «без расхождения». Сущность существует Сама по Себе, а энергия нет. Сущность — причина энергии и не допускает причастности к Себе, а энергия не только допускает причастность к Себе, но и может именоваться катафатическими именами. Собственно, познавать Бога возможно лишь в Его энергиях, так как Сущность Божества не познаваема и неопишима.

Рассматриваемое в перспективе истории Откровение славы Божией человечеству, ее отражение и умножение (путем прославления) человечеством видятся в разном свете. Блаженнейший Анастасий (Яннулатос) пишет: «Человек отверг абсолютную славу Божию и в поисках собственной славы, преклоняясь перед самим собой, отделился от живого Бога и спровоцировал всемирную катастрофу — появление смерти, затеняющей славу живого Бога. Грех человека является постоянным препятствием для распространения и явления славы». Но Бог не оставил человечество. Откровения славы Божией еще посылаются человеку. Примеры таких откровений можно найти в Ветхом Завете (См., напр.: Исх. 3.2; 25.22; Пс.28.9; Ис. 6). Более того, время от времени Бог посылает к людям слуг Своих, чтобы предостеречь их от тех или иных поступков. И наконец, когда наступает полнота времен, Он посылает Сына Своего, являющего Отца (Ин. 14.9).

Вся жизнь Господа Иисуса на земле была пронизана славой. При Рождестве Его Ангелы воспевали славу Божию. Его слава являлась в чудесах и знамениях. На горе Преображения апостолы видели сияние славы, которой еще предстояло прийти. Эту славу, согласно божественному плану, искупленные должны разделить с Ним. И все же наиболее полно слава Божия раскрывается в Крестной Смерти и Воскресении.

«В православном богочитании Крест понимается прежде всего как символ победы и славы, он неразрывно связан с Воскресением. Различение «агонии на кресте» и «славы Воскресения», столь обычное для Запада, не свойственно Православной Церкви. И в том и в другом видится откровение и явление славы Божией. Воплощение, Страсти, Воскресение — вся последова-

тельность событий, раскрывающих божественное человеколюбие в кенозисе, суть не только выражение Божественной любви, но в то же время и новые знамения славы Божией. Можно сказать, что *αγάπη* (греч. любовь) и слава — это два аспекта одного и того же — бытия Бога» (Архиепископ всея Албании Анастасий (Яннулатос)).

На символическом языке иконографии слава Божия изображается в виде «света» — лучей, исходящих от лика Божия либо святых, иначе именуемых «нимбом». Именно свет, как категория познаваемая, является вместе с любовью Божией, источником и выражением Откровения. Апостол Иоанна Богослов в своем Послании выделяет именно эти два свойства Бога для характеристики Его отношения к миру, и возможности богопознания для людей.

«Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы. Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине; если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом, и Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха» (1Ин. 1.5-7).

«Этот свет (греч. *φῶς*) или озарение можно определить как видимый признак Божества, божественных энергий или благодати, в которой познается Бог. Это свет не интеллектуального порядка, каковым бывает иногда озарение ума, взятое в аллегорическом и абстрактном смысле. Это также не реальность чувственного порядка. Однако этот свет наполняет одновременно разум и чувства, открываясь всему человеку, а не только одной из его способностей. Божественный свет, как данный в мистическом опыте, одновременно превосходит чувства и разум. Он не материален и не имеет в себе ничего чувственного» (В.Н. Лосский).

Божественный свет бывает видимым чувственным зрением и умом человека, «ибо когда достойные получают духовную и сверхъестественную благодать и силу, они и чувством, и умом видят то, что превосходит всякое чувство и ум. Как — это ведает Один Бог, испытывающий такие действия» (Свт. Григорий Палама).

«Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1Ин. 4.7-8).

Любовь — дар Божественный, совершенствующий человеческую природу, пока она «не проявится в единстве и тождестве с

Божественной природой посредством благодати» (прп. Максим Исповедник). Это нетварный дар, Божественная и обожающая энергия, в которой люди реально приобщаются природе Святой Троицы, становясь «причастниками» Божеского естества. А потому любовь к Богу безусловно связана с любовью к ближнему.

Сведение воедино этих двух аспектов: любви и славы — еще раз высвечивает центральные темы православного богословия, на которых строится все его здание. Это те узловые точки, на которых сфокусировано православное богослужение. Поэтому не кажется странным, что на них сосредоточена и православная миссиология. В деле искупления человека любовь Божия и слава Божия нерасторжимы. Бог, Который есть Бог любви, любит людей и делает все для их искупления. А они в ответ воздают Богу славу за Его искупительный промысел и таким образом распространяют эту славу все дальше и дальше.

Искупительный промысел Бога не заканчивается искуплением человечества, но распространяется и на искупление космоса. Творение Божие достигнет predeterminedных ему от начала цели и места. Воссоздание вселенной придает божественной миссии дополнительное измерение. Божественная миссия есть всеобъемлющий план, по которому совершается избавление человечества, обновление и воссоздание физического мира таким, каким Бог видел его, прежде чем приступил к творению. Во всем этом открывается слава Божия.

Если конечной целью божественной миссии является откровение Его славы, тогда призвание человечества заключается в том, чтобы стать ее причастниками. Как видно из библейского учения, порядок творения несет в себе отражение славы Божией. Более того, Бог разделил Свою миссию с Церковью так, что две миссии стали (или должны стать) единой миссией. О конечной цели христианской миссии архиепископ Анастасий (Яннуллатос) говорит так: «Поскольку христианская миссия является частью миссии Божественной, ее конечная цель не может быть отличной от цели Бога. А Его цель, как об этом ясно сказано в Священном Писании (особенно в Посланиях к Ефесянам и Колоссянам), — это возглавление (*recapitulation*, *ανακεφαλαίωσις*) вселенной во Христе и наше участие в Божественной славе — вечной и нескончаемой славе Божией».

По Вознесении Иисус Христос становится средоточием нового человечества. Он призывает к Себе все народы; Церковь, как и Сам Спаситель, призывает людей к новому своему центру

— Господу Иисусу Христу. «Мы можем сказать, — пишет православный архипастырь, — что центростремительная тенденция Ветхого Завета... сменяется не столько центробежным движением учеников, разосланных во все концы земли, сколько новым центростремительным движением, центром которого становится Христос».

Христос зовет к Себе народы не только ради объединения и воссоединения с Ним — Он призывает их на апостольство, к исполнению заповедей Его и к распространению Его миссии. Он призывает к соучастию в Его славе (См.: 1Петр. 1.5). И хотя христиане уже теперь причастны Божественной славе, окончательное достижение и полное торжество этой славы наступит только со Вторым Пришествием Христа: «Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол. 3.4).

«Все станет светом, все будет проникнуто светом несозданным. Тела святых станут подобными преславному телу Спасителя, каким оно явилось апостолам в день Преображения. Бог будет «все во всем», и благодать Божия, свет Пресвятой Троицы воссияет во множестве человеческих ипостасей, во всех тех, кто стяжал ее и которые, как новые солнца в Царстве Отца станут подобными Сыну, преображенные Святым Духом, Подателем Света» (В.Н. Лосский).

Процесс прославления, таким образом, видится как еще не полностью заверченный. Верующие уже теперь приобщаются Божеству, но полная реализация этой славы еще грядет. Бог продолжает преображать их, возводя «от славы в славу» (2Кор. 3.18). Точно так же, несмотря на то, что во Христе потенциально все уже пребывает в мире, остается место для свершения и эсхатологического откровения этого примирения.

Когда все покорится Христу, то есть когда христиане полностью соединятся со Христом и примирение творения завершится, конец (греч. *τέλος*) еще не наступит. «Когда же все покорится Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем» (1Кор. 15.28). Конечная цель миссии — в том, чтобы вселенная наполнилась сиянием славы Божией.

«Благодать Его Пресвятого Духа, — говорит прп. Симеон Новый Богослов, — воссияет как светило над праведниками, и среди них Ты будешь блистать, Ты — Солнце неприступное. Тогда они все будут просвещены по мере их веры и их дел, их надежды и их любви, по мере очищения и озарения Твоим Духом, о Боже — бесконечный в Своей благодати».

Таким образом, цель миссии присно и во веки веков связана с Божественным космическим Домостроительством. С этой точки зрения может существовать только одна конечная цель миссии — безграничное распространение славы Божией, что находится в полном согласии с тем строем мысли, которого держится православное богословие. Миссия Церкви, миссия каждого христианина заключается в том, чтобы принять, умножить славу Божию и стать ее причастником. В плане задач миссии это означает призвать мир к сопричастности этой славе, т.е. к благодатной жизни в Церкви, а не просто к признанию некоторых истин или принятию определенной самоидентификации.

1.5.2. Кафоличность православной миссии

Когда в Коринфе возникли споры и разногласия по поводу приоритетов и акцентов в сфере миссионерского служения среди апостолов, то апостол Павел написал довольно пространное изложение того, в чем заключается соборность евангельской проповеди:

«Сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов». Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?.. Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а [все] Бог возвращающий. Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога, [а] вы Божия нива, Божие строение. Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на [нем]; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть» (1Кор. 1.11-13; 3.5-13).

В деле миссионерского служения не должно быть конкуренции, лидерства или недоброжелательства между «апо-

столами», так как все христиане делают одно «дело» и являются «соразработчиками» в реализации Царства Христова на земле. И потому миссия Церкви имеет «кафолический» характер (греч. καθολικός — «всеобщий»), который имеет одну общую и всеобъемлющую цель — преобразовать во Христе человеческие души.

Сам Спаситель указал апостолам на принцип «соборного» отношения христианских проповедников между собой, запрещая всяческую зависть и превосходство миссионеров друг перед другом: «Иоанн сказал: Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами. Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас» (Мк. 9.38-40).

Принцип «соборности» православной миссии вытекает из свойства Церкви, как кафолической «структуры», которая, безусловно, многогранна и вмещает в себя несколько измерений.

Кафоличность понималась как «вселенскость» Церкви и, прежде всего, в пространственном, географическом отношении. По словам Христа, Евангелие будет проповедано по всей вселенной, во свидетельство всем народам (Мф. 24.14). Царство Божие наполнится народами, пришедшими с различных сторон земли (Лк. 13.29). Апостолы проповедовали повсюду (Мк. 16.20), ап. Павел говорит о том, что вера христианская возвещается во всем мире (Рим. 1.8). Церковь Христова не привязана ни к какому месту, не ограничена никаким народом; она всех принимает в свое лоно, она призвана объять все человечество, поле для сеяния Евангелия есть целый мир (Мф. 13.37).

В «Дидахи» кафоличность поясняется через Евхаристию: «как этот преломленный хлеб был рассеян по вершинам гор и собранный сделался единым, так да соберется Твоя Церковь от пределов земли в Твое Царство». О вселенскости хорошо говорит свт. Ириней Лионский, придавая этому понятию наряду с географическим качественный смысл: «Церковь, хотя и рассеянная по всей вселенной до пределов земли, получила от апостолов и их учеников веру... Эту проповедь и эту веру Церковь тщательно сохраняет, как если бы она жила в одном доме и верует подобно тому, как имеющая одну душу и то же сердце и согласно с этим проповедует и учит..., как имеющая одни уста.

И хотя языки в мире не одинаковы, но сила предания одна и та же. И ни церкви, основанные в германских странах, иначе уверовали и иначе передают веру, ни церкви в Иверии, ни у кельтов, ни на Востоке, ни в Египте, ни в Ливии, ни основанные посреди земли, но как солнце... во всем мире одно и то же, так и проповедь истины повсюду светит и освещает всех людей, желающих прийти к познанию истины».

Архиепископ Василий (Кривошеин) такой же смысл кафоличности находит у свт. Кирилла Иерусалимского, о чем уже писалось выше. Церковь кафолическая понимается у него, как 1) вселенская в географическом (до пределов земли) и еще более в качественном смысле слова, как объемлющая людей различных рас, культур, социальных положений; 2) как обладающая полнотой истины; 3) как имеющая полноту спасительной силы, побеждающей всякий грех и зло; 4) как имеющая полноту святости и благодати; 5) и, как следствие всего этого, единственная.

Но вселенскость пространственная есть скорее эмпирический и производный, а потому и не безусловно необходимый признак кафоличности Церкви, который мог отсутствовать в некоторые исторические периоды ее бытия, например, на заре христианства или в последние времена «апостасии». Более точно вселенский характер Церкви выражается признаком всевременности. По словам свт. Иоанна Златоуста, Церковь есть единое тело, ибо к ней принадлежат все верующие «живущие, жившие, и имеющие жить». Церковь будет существовать в продолжении всей человеческой истории, она должна обнять все ее периоды. Распространение Церкви, совершаемое Божественной силой, однако через средства ограниченные — земные и человеческие, не может сразу, в короткое время охватить всю вселенную. Целые века потребуются, чтобы Церковь смогла исполнить свое назначение. Наконец, давая характеристику вселенскости Церкви, следует отметить еще тот факт, что Спаситель, провозгласив характер поклонения Богу в новой религии «духом и истиною» (Ин. 4.23), показал ее доступность каждой человеческой душе, независимо от свойств ее духа и характера.

Таким образом, кафоличность означает универсальность, всеобщность Церкви. По словам прот. Павла Флоренского, «универсальной является природа Церкви, ее назначение, распространение, и сама вера, которую она исповедует». В таком понимании этого свойства Церкви миссия получает свое глубокое обоснование.

Свв. Кирилл и Мефодий перевели слово «кафолическая» на русский язык как «соборная». В этом значении раскрывается другой аспект третьего свойства Церкви — понятие единства во множественности и множественности в единстве, что уподобляет природу Церкви тайне Пресвятой Троицы. «Мы познаем Пресвятую Троицу через Церковь, а Церковь через Откровение Пресвятой Троицы, — пишет В.Н. Лосский. — Как в Боге каждое Лицо — Отец, Сын и Дух Святой — не есть часть Троицы, но всецело Бог, в силу Своей неизреченной тождественности с единой природой, так и Церковь не есть некая федерация частей, она соборная в каждой из своих частей, потому что каждая часть отождествляется с целым, выражает целое и вне целого не существует».

Таким образом, в каждой местной христианской общине, которая возглавляется епископом и где совершается Евхаристия, в каждой Поместной Церкви выявляется полнота кафоличности — Тело Христово во всей Его целости; они не являются частями Вселенской Церкви, однако они и не могут быть полностью отождествлены с ней подобно тому, как и каждое Божественное Лицо не тождественно Пресвятой Троице.

Сщмч. Игнатий Богоносец в послании к Магнезийцам так рассуждает о церковной соборности применительно к Божественным отношениям: «Старайтесь делать все в единомыслии Божьем, так как епископ председательствует на место Бога, пресвитеры занимают место собора апостолов, и дьяконам, сладчайшим мне, вверено служение Иисуса Христа, Который был прежде век у Отца, и наконец, явился видимо. Поэтому все, вступивши в сожителство с Богом, уважайте друг друга, и никто не взирай по плоти на своего ближнего, но всегда любите друг друга во Иисусе Христе. Да не будет между вами ничего, что могло бы разделить вас; но будьте в единении с епископом и перед сидящими, во образ и учение нетления.

Посему, как Господь без Отца, по Своему единению с Ним, ничего не делал ни Сам Собою, ни чрез апостолов, так и вы ничего не делайте без епископа и пресвитеров. Не думайте, чтобы вышло что-либо похвальное у вас, если будете это делать сами по себе; но в общем собрании да будет у вас одна молитва, одно прощение, один ум, одна надежда в любви и в радости непорочной. Един Иисус Христос, и лучше Его нет ничего. Поэтому все вы составляете из себя как бы один храм Божий, как бы один жертвенник, как одного Иисуса Христа,

Который изшел от Единого Отца и в Едином пребывает, и к Нему Единому отошел».

Поместное измерение кафоличности обуславливает возможность разнообразия в единой Церкви Христовой, разнообразия культурного, литургического и богословского, которое, однако, восполняется единством истинной веры. Православие не отказывается от воцерковления тех элементов национальных культур, которые могли бы благоприятствовать развитию христианства у данных народов. «Традиционное употребление в богослужении языков разных народов само по себе уже обозначает, что христианство не упраздняет туземные культуры, но воспринимает их в объединенное разнообразие кафолического предания» (прот. И. Мейендорф). Однако православные миссионеры избегали придавать национальным и прочим человеческим отличиям доминирующее значение. Кроме того, отождествляя себя с данным народом, становясь его плотью от плоти, провозвестники Евангелия понимали, что такое погружение в национальную культуру имеет свои пределы, так как невоцерковленный образ мысли и жизни местного народа может стать предпосылкой для возникновения ереси или синкретизма, и тогда эта местная Церковь утратит свою кафоличность.

1.5.3. Вселенский характер православной миссии

«Миссия (свидетельство) — проповедь для пробуждения веры — заключается в провозглашении Благой вести всему миру: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16.15). Она направлена на спасение каждого человека».

«Когда среди первых учеников возникли вопросы о просвещении и крещении язычников, то одно видение, посланное Петру Господом нашим, побудило его признать: «Истинно познаю, что Бог не лицепрятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян. 10.34-35)».

«Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание. Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их. По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их» (Пс. 18.2-5). Безусловно, еще в Ветхом Завете Господь открывал через пророков, что Его

Имя будет известно по всей земле и среди всех народов. Именно такая задача ставилась перед апостолами, когда Спаситель посылал их на проповедь Евангелия: «Идите, научите все народы, крестя их» (Мф. 28.19), «будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1.8).

Универсальность — вот тот главный принцип, который объединяет всех людей во Христе, не зависимо от их расовой принадлежности или социального положения. Этот принцип вытекает из библейского учения о сотворении человека по образу Божию и родственности всех людей, которые восходят своими корнями к одним прародителям.

Принцип универсальности христианства был выражен апостолом Павлом в таких словах: «Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3.9-11).

Вселенский характер православной миссии заключается в проповеди Евангельской истины всегда, везде и всем — именно эти категории времени, места и образа действия являют полное средоточие человеческой жизни, смыслом которой видится только Христос.

Такие люди идут по зову своего сердца и совершают великие подвиги и дела, направленные лишь на то, чтобы свет Благовестия просветил большее количество других погрязших во тьме неверия или язычества человеческих сердец. Таковыми людьми было великое множество апостолов и подобных им Равноапостольных миссионеров и просветителей, чьи проповеднические труды являют пример подражания для всех последующих поколений. Их всех объединяло призвание, благодаря которому они просияли светом Божественной благодати, так как исполнили заповедь Христову, повелевающую распространять истинный Свет и просвещать вселенную (греч. οὐκοῦμένη — «земля, мир, вселенная»).

Экуменическое значение православной миссии не должно пониматься в смысле синкретизма с иными христианскими конфессиями, и уж тем более нехристианскими. Главная цель Вселенской Православной Церкви — раскрыть и

показать другим людям превосходство и полноту истинной веры и жизни, хранимой и являемой всему миру лишь в Ортодоксальной Единой Святой Кафолической и Апостольской Церкви.

Когда идет речь о целях миссии, важно указывать и ее границы. Например, границы суверенитета России описаны пограничными столбами и территорией ее посольств. И здесь важно заметить, что, в отличие от государств и других форм организации общества, Православная Церковь не ограничена никакими пространственными границами.

Это верно и в мистическом смысле, ибо в Церковь входят не только живые люди, но и мириады ангелов, и ушедшие в иной мир христиане. Но верно это и в смысле миссионерского задания Церкви. Господь, посылая апостолов на проповедь, сказал: «будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1.8). Этим Божественным повелением описаны границы, до которых должна дойти проповедь Евангелия.

Еще древние патриархи знали, что в замысле Бога в семени Авраама должны получить благословение все племена земли (Быт. 12.3; 22.18). Также и Боговидец Моисей возвещал: «веселитесь язычники с народом Его» (Втор. 32.43). Бесчисленные предсказания всемирного распространения Церкви можно найти в псалмах Давида и у всех пророков. Можно сказать, что надежда на распространение истинного богопознания среди всех народов является одной из ключевых тем Библии. Эта надежда на обращение человечества к Богу была предуказана древними обращениями к Творцу египтян (Исх. 12.38), Раав блудницы (Нав. 2), Руфи моавитянки, Неемана сириянина (4Цар. 5) и других прозелитов. Но реальностью стала она только после Воплощения Сына Божия.

Уже во время Рождества Христова первые обращенные из язычников — волхвы — пришли поклониться Богу воплотившемуся. Когда Христа встретил в Иерусалимском Храме Симеон, то он возвестил, что Богомладенец будет «светом к просвещению язычников» (Лк. 2.32). По толкованиям Отцов Церкви и бегство в Египет, которое сопровождалось разрушением идолов, было началом сокрушения лжи сатаны, владевшего умами всего человечества. В евангельской проповеди Господь многократно говорил, что Царство Божие будет отдано другому на-

роду, приносящему плоды Богу (Мф. 21.43). И также Христос неоднократно возвещал, что «проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам» (Мф. 24.14; ср.: 26.13).

Но настоящая вселенская миссия началась тогда, когда на Голгофском Кресте состоялось примирение между иудеями и язычниками. И распростертыми руками Христос собрал вместе два народа и создал из них единую Церковь.

По словам ап. Павла, «теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем. И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким, потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе» (Еф. 2.13-18).

Комментируя эти слова, свт. Иоанн Златоуст пишет: «Израильтяне получили обетования, но оказались недостойными их; нам же ничего не было обещано, мы были чужды обетований; ничего общего у нас с ними не было, и Он соединил нас воедино, не так, впрочем, чтобы нас присоединил к ним, но нас и их совокупил воедино. Представим пример: вообразим две статуи, одна серебряная, другая оловянная; эти две статуи расплавлены и из них образовались две золотых: вот эти две стали одинаковы. Или возьмем иной пример: пусть один будет раб, другой — усыновленный; оба они должны были служить Ему (т.е. Богу); но один объявлен был лишенным наследства, другой бежал прочь и не знал Отца, а потом оба сделаны наследниками и законными детьми. Они удостоились одинаковой чести, два сделались едино, с тем только различием, что один пришел издалека, другой изблизи, и что ближайший прежде прибыл к Отцу».

И вот эту новую реальность должны донести миссионеры до каждого народа мира, чтобы засвидетельствовать всем возможность спасения. Не все примут эту весть, но услышать ее должны все, вне зависимости от культуры, цвета кожи, языка или той ложной религии, которой они придерживались доселе. Никакие политические, мировоззренческие, экономические причины не должны служить препятствием для исполнения этого великого

Поручения Божия. Ведь если Бог говорит, то всякое творение должно беспрекословно покоряться Его благой воле.

Как писал выдающийся миссионер современности, архиепископ Албанский Анастасий (Яннулатос), «вселенская миссия с православной точки зрения есть, как минимум, непосредственный вывод из основополагающего члена Символа веры и глубинного осмысления Церкви. Если Православие не приемлет такого определения вселенской Церкви, оно — не побоимся этого слова — попросту отвергается себя».

Одно из главных препятствий к исполнению Церковью этой миссии является провинциализм, зачарованность народа Божия и иерархии проблемами местной Церкви. Эта духовная болезнь выражается обычно такими словами: «надо сначала своих научить, а потом уже об инородцах думать». Опыт свт. Иннокентия Московского показывает обратное. Обращение ко Христу алеутов и других племен Крайнего Севера послужило толчком к возвращению в Церковь многих людей. Не случайно написанное изначально на алеутском языке «Указание пути в Царство Небесное» выдержало уже до Революции 47 переизданий на русском языке.

Другим препятствием к делу всемирной миссии служит национализм. Утверждение, что «Православие только для русских (сербов, греков и т.п.)» помимо того, что является уже осужденной ересью «этнофилетизма», является крупнейшим тормозом в обращении ко Господу новых чад Божьих. За это Бог, без сомнения, накажет тех, кто «и сам не вошел, и желающих войти не допустил» (ср.: Мф. 23.13). Тут стоит вспомнить слова ап. Павла, что в Церкви наций нет. Они остаются за ее пределами: «Нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3.11).

Но из этого не следует, что Церковь нивелирует культурные особенности тех народов, которые входят в нее. Уже сейчас Божественная Литургия совершается более чем на 80-ти языках. Священное Писание на своем языке слышат еще больше народов. При тождестве веры, нравоучения и «закона молитвы» Православие усвоило множество различных культурных особенностей, которые только обогащают единое Тело Христово. Так уже на Земле в Церкви предвосхищается таинственное единство в многообразии Нового Иерусалима, которое видел ап. Иоанн: «спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу» (Откр. 21.24).

Итак, перед православными миссионерами открыто огромное поле деятельности. Сотни народов и племен ждут вести о Воскресшем Христе и сердца их готовы принять Божественную благодать. Надо только иметь смелость идти и нести благовестие о спасении, не обращая внимания на земные препятствия. «Вот, теперь время благоприятное, вот теперь день спасения» (2Кор. 6.2).

1.5.4. Локальные задачи православной миссии

«В более узком понимании миссия есть деятельность по распространению православной веры, воцерковлению людей для новой жизни во Христе и передаче опыта богообщения. В этом смысле ближайшей целью миссии является созидание евхаристических общин «до края земли» (Деян. 1.8).

Достижение поставленных целей в православной миссии требует решения следующих задач:

— *несение Слова Божия людям, которые еще не слышали православного свидетельства (Мф. 28.19), пробуждение в сердцах просвещаемых веры в Евангелие и желания спасения во Христе: «исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1.15);*

— *просвещение и побуждение всех крещеных, но остающихся вне благодатной таинственной жизни Церкви людей к духовному деланию, ответственному молитвенному предстоанию пред Богом и активной христианской позиции;*

— *использование принципа церковной рецепции культуры просвещаемого народа посредством живой проповеди, через воплощение православных идеалов в народной культуре и обычаях;*

— *освящение тех национальных черт, которые позволяют народам, при сохранении своей культуры, самоуважению и самоидентификации, внести свой уникальный вклад в молитвенное прославление Бога, пребывая при этом в гармоничном единстве со всей полнотой Церкви;*

— *проповедь Евангелия и совершение миссионерского богослужения на национальных и искусственных (например, разработанных для глухонемых) языках;*

— *разъяснение значения Таинств;*

— *подготовка клира и миссионеров из местного населения;*

— *формирование условий для активного участия новообращенных (неофитов) в жизни прихода для их воцерковления».*

В отличие от абсолютной и глобальной цели христианской миссии, то есть подготовке «космоса» к Пришествию Бога через распространение Его славы и любви в этом мире, в локальной миссионерской практике ставятся более конкретные и близкие цели, которые являются относительными и должны подчиняться цели глобальной. Они обязательно находятся в гармонии с конечной целью и едины с ней по духу. «Ближайшие цели миссии должны быть определены в том же направлении, что и конечная цель: они должны стать отправной точкой и подготовительными стадиями конечной цели. Следуя путем христианской миссии, мы все время должны иметь в виду цель, *τέλος*, если не хотим сбиться с пути», — пишет архиеп. Анастасий (Яннулатос).

Эти «локальные» (англ. *local* — местный, частный) цели можно обобщить в одном постулате — ближайшая цель миссионерства заключается в непрекращающемся созидании евхаристических общин по примеру первых общин, созданных апостолами Христа, «до края земли» (Деян. 1.8).

Речь идет о «насаждении» Поместной Церкви, которая посредством евхаристического общения будет полноценно участвовать в жизни Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Впоследствии ей необходимо будет возвысить и укрепить свой голос в едином хоре славословия, и, пребывая в гармоничном единстве с Вселенской Церковью, не утратить свою уникальность и национальную самобытность.

«Учреждение Поместной Церкви, которая через таинства и самым образом жизни будет принимать участие в жизни и молитве Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, глава которой — Христос, согласно православной традиции и богословию, безусловно, является основной целью миссии. Говоря об учреждении Поместной Церкви, мы не имеем в виду духовную колонию или придаток другой Поместной Церкви. В каждой стране Церковь призвана прославлять Бога своим неповторимым голосом. Это означает, что в миссионерской деятельности должно присутствовать чувство искреннего уважения к своеобразию каждой нации, что невозможно обойтись без изучения свидетельств, которые Бог оставил о Себе в прошлом каждого отдельного народа (См.: Деян. 14.16-17: «не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями»), что чрезвычайно важно стремление не только привить, но и воплотить Слово Божие в языке и обычаях данной страны и, наконец, что необходимо освящение национальных черт, позволяющее народам стать са-

мими собой, возвысить собственный голос и внести уникальный вклад в общий хор славословия, пребывая при этом в гармоническом единстве со всею Церковью» (Блаженнейший Анастасий (Яннулатос), Архиепископ Албанский).

Всегда ли соблюдалось правило, гласящее, что целью миссий не должно быть учреждение духовных колоний, можно выяснить только с помощью тщательного исторического исследования. Византийская практика поставления греческих епископов на кафедры «дочерних» Церквей, несомненно, ущемляла развитие местного самоуправления. Болгарская Православная Церковь является примером такого контроля со стороны Константинополя. Обращенные в IX в. византийскими миссионерами болгары получили церковную независимость в 918 году, но уже в XI веке, после завоевания Болгарии в 1018 г. Василием II (Болгаробойцей), потеряли ее. Церковная независимость была восстановлена в XIII в., но вновь оказалась утраченной после того, как турки установили над Болгарией свой контроль. «Проблема независимости оставалась болевой точкой на протяжении XIX и XX веков, когда Болгарской Церковью управляли греческие епископы. Они стремились упразднить славянскую литургию, преимущественно в городах, и вообще эллинизировать Церковь» (прот. И. Мейендорф). В основе злоупотреблений идеей миссионерства часто лежали мотивы политические, а не духовные.

В лучших образцах православного миссионерства целью ставилось учреждение Поместных Церквей. Подготовка клира из местного населения и введение в богослужение родного для туземцев языка свидетельствуют о стремлении миссионеров сделать так, чтобы Церковь вошла в самую сердцевину народной жизни, стала ее неотъемлемой частью.

Каковы же необходимые предпосылки и условия для учреждения Поместной Церкви? Прежде всего, люди должны услышать Евангелие: «Проповедь Евангелия является основным условием исполнения замысла, а значит, и ближайшим делом и целью миссии». Речь здесь идет об эсхатологическом исполнении замысла прославления Бога. Чтобы достичь этой конечной цели, все люди должны соединиться в Теле Христовом. Человечество делится на соединенных со Христом и на тех, кто не с Ним. Евангельская проповедь есть сердце миссии. Ее цель — перерождение человеческого существа. «Суть миссии, таким образом, не в провозглашении каких-то эти-

ческих норм и принципов. Она — в начале преобразования, ознаменованного «светом Евангелия славы Христовой» (Архиеп. Анастасий (Яннулатос)).

Греческий богослов Н.А. Ниссиотис говорит так: «Большая ошибка думать, что, обсуждая социальные проблемы, анализируя общественные процессы, помогая получить образование или просто помогая материально, мы осуществляем миссию... Для тех, кто вне Церкви, есть единственная насущная необходимость: обратиться и стать членом этого сообщества в видимой, конкретной форме».

Главная задача миссии — обращение тех, кто вне Церкви. Те, кто не соучаствует в божественной жизни, дарованной Христом, только в этом одном и имеют нужду. Служение, даже служение во имя Христа, не является абсолютно необходимым знаком подлинно христианской миссии. Не служение ведет людей к вере — к вере их призывает сила спасающей благодати, о которой людям нужно возвестить словом и дать вкусить ее в таинствах Церкви.

Таким образом, проповедь всегда направлена на то, чтобы люди уверовали и обратились. «Обращение» — весьма подходящее слово, ибо те, кто находится вне Церкви, нуждаются в получении доступа к благодати Божией во Христе. И все же миссия обращена не только к посторонним — она также есть «способ, которым люди воцерковленные... стараются пробудить веру, спящую в душах номинальных христиан» (И. Стамулис). Поэтому очевидно, что цель миссии не только завоевание ничего не знавших о Христе, но и активное вовлечение всех верующих в церковную жизнь.

В миссиологии выделяется два основания для того, чтобы придавать особое значение этому вовлечению. Первое состоит в том, что только в христианском сообществе люди могут быть соучастниками жизни во Христе, дарованной Богом. Чтобы стать такими, какими им предназначено быть, они должны испытать на себе действие благодати Божией. Согласно православному представлению, эта благодать ниспосылается людям действием Святого Духа в таинствах. Только в таинствах христианская община превосходит чисто человеческие мерки и становится Церковью. Поэтому, только участвуя в жизни общины, только через таинства человек может исполнить замысел Христа о нем.

Второй причиной или целью вовлечения обращенного в Церковь является то, что Церковь сама в своем литургическом слу-

жении и славословии может быть носителем миссионерского свидетельства.

«Община, совершающая богослужение, — это не только образ реализованного союза между Богом и человеком, образ соединения всех человеческих рас в одно Тело пред лицом Божиим, без единого исключения и различия индивидов; это не только бастион, пред которым оказываются бессильными и рушатся устои мира сего, — это главным образом миссионерский возглас Церкви торжествующей, звучащий на весь мир. Это торжественное возвешение Его Царства, которое уже здесь и которое грядет» (прот. Г. Флоровский).

Православное свидетельство миру состоит не только из проповеди Евангелия, но также из его явления, присутствия в литургическом действе. Для Церкви естественно не замыкаться в самодостаточности богослужбной общинной жизни, но простираться в своей миссии на весь мир. Протопресв. Александр Шмеман видит две стороны ответственности Церкви за Божий дар: «Первая — пред Богом. Здесь речь идет об освящении и духовном росте как отдельных христиан, так и христианского общества, о «стяжании Духа Святого». Вторая — перед «человеком или миром». Поэтому, отвечая на дар Божий богослужением, Церковь не только выполняет условия, необходимые для освящения своих членов, но и несет свидетельство миру. Литургия служит от имени и во имя мира, чтобы мир примирился с Богом. Рассматриваемая в этом свете литургия есть служение, миссионерское служение миру. Хотя Таинство Евхаристии с самого начала существования Церкви было священнодействием, недоступным для посторонних, полное участие в котором обеспечивалось только членам Церкви, служение литургии в целом является очевидной формой свидетельства, миссии».

Итак, для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи, указанные в Концепции миссионерской деятельности РПЦ, позволяющие осуществить миссию Церкви и войти Благовестию в сердцевину жизни народа:

— пробуждение веры в Евангелие и желания спасения во Христе: «исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1.15);

— использование принципа церковной рецепции культуры просвещаемого народа посредством живой проповеди;

— проповедание Евангелия и совершение миссионерского Богослужения на языке, который понятен и в то же время не

принижает и не искажает сакрального смыслового контекста литургической традиции;

— воплощение слова Божьего в культуре и обычаях просвещаемой светом Благовестия страны;

— освящение национальных черт, позволяющих народам, сохраняя свою культуру, самоуважение и самоидентификацию, внести уникальный вклад в молитвенное прославление Бога, пребывая при этом в гармоничном единстве со всею Церковью;

— подготовка клира и миссионеров из местного населения;

— разъяснение значения Таинств;

— вовлечение новообращенных (неофитов) в жизнь прихода для достижения реального единства общины;

— воцерковление, побуждение всех «крещеных, но не просвещенных» людей, к самостоятельной духовной жизни, ответственному молитвенному предстоанию пред Богом («катехизация»).

Все эти задачи находятся в гармонии с конечной целью миссии — славой Божией, то есть «прославлением» всего творения Светом Творца.

Необходимо также отметить, что воплощение на практике вышеизложенных миссионерских задач возможно только в том случае, если каждый член Церкви Христовой будет осознавать свою личную миссионерскую ответственность, будет понимать, что от его личного выбора и дел зависит изменение человеческой истории.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси), завершая свой доклад на Всемирной миссионерской конференции в Сальвадоре (1996 г.), привел такой случай: «Один русский епископ, лет пятнадцать назад был вызван к местному чиновнику, отвечавшему за атеистическую работу, который сказал ему: «Почему вы собираете детей на рождественскую елку? Это не ваши функции, вам надлежит удовлетворять религиозные потребности». Очевидно, имелось в виду исполнение треб для пенсионеров... Так вот, этот епископ ответил: «Моя религиозная потребность — изменить мир». Нам надо проникнуться таким же пониманием нашего миссионерского служения, даже если по-человечески мы не имеем шанса на успех, как по-человечески не имели его и апостолы Христовы. Но их миссия оказалась успешной и преобразила мир, потому что они шли единым фронтом, объединяя, а не разъединяя людей. И произошло чудо: там, где люди действовали в единстве, Христос действовал вместе с ними.

Наша миссия — это миссия «единой надежды», миссия ради спасения, ради духовного преображения человечества и каждого конкретного человека, ради Царствия Божия в сердцах людей. Если мы будем идти за Христом, не оглядываясь, если будем выступать единым фронтом, поддерживая друг друга, тогда Господь поддержит нас и даст нам новые силы... Только так сможем мы воссоздать Дух Христов в отпавших от Церкви, в теплохладных и ищущих. Только так сможем мы войти в новое тысячелетие как духовно сильная цивилизация, знающая, зачем она существует».

1.6. Миссия и прозелитизм

«Апологетическая миссия — это свидетельство истины Православия в сравнении с еретическими, сектантскими, агностическими и иными неправославными учениями. Апологетическая миссия направлена также на противостояние прозелитической деятельности неправославных миссионерских объединений и отдельных «евангелизаторов».

Для результативной работы апологетической миссии рекомендуется создать на епархиальном уровне структуру, которая изучала бы характер и методы прозелитизма религиозных объединений, действующих на территории конкретной епархии, выявляла степень их духовной и, по возможности, социальной опасности, а также своевременно, открыто, квалифицированно и объективно информировала об этом общественность.

Для эффективного противодействия прозелитизму необходимо:

— актуализировать апологетическую и реабилитационную деятельность миссионерских учреждений;

— активизировать просветительскую деятельность каждого прихода для предотвращения появления сект и расколов...

...Под прозелитизмом принято подразумевать любую прямую или косвенную попытку воздействия на религиозность человека другого вероисповедания с целью склонения к вероотступничеству через какую-либо «приманку», путем обмана или утаивания правды, использование неопытности и незнания личности, нужды и т.п. Прозелитизм отличается от миссионерства нарушением духовно-нравственных законов и норм, в том числе свободы человеческой воли. В современном православном богословии под прозелитизмом понимается обращение из одного вероисповедания в другое с использованием методов и средств, противоречащих принципам, духу

христианской любви и свободы личности. Православное миссионерство признает только те методы и средства, которые соответствуют христианской нравственности, правилам и канонам Православной Церкви, и не приводят к нарушению светского законодательства, гарантирующего права и свободы личности».

Слово «прозелит» (евр. гер — иноплеменник, от гур — пребывать, странствовать, приютиться, обитать где-либо) означает чужеземца, иностранца, странника, пришельца, поселенца (Быт. 23.4; Исх. 2.22; 22.21; и др.). У семидесяти толковников слово это переводится различно, в особенности же словом «*προσήλυτος*» и другими подобными. «*Προσήλυτος*» (от греч. *προσέρχομαι* — прихожу) — собственно пришелец, потом всякий переходящий из одной земли в другую, от одной общины к другой, особенно из одной веры в другую, новообращенный в какую-либо веру. Так в особенности назывались новообращенные в веру иудейскую из язычников (Мф. 23.15; Деян. 2.10; и др.). Пришельцы и иноземцы жили среди иудеев или израильтян со времени самого исхода их из Египта (Исх. 12.38; Нав. 6.24; 8.35). Некоторые из них принимали обрезание и потому могли участвовать в жертвоприношениях и праздновании Пасхи, со временем они вступали совершенно в общество израильское. Те, кто всецело принимал веру иудейскую, назывались «прозелитами правды», «сынами завета», «совершенными израильтянами». Другие пришельцы пользовались покровительством законов, служили в войске, при дворе, в числе телохранителей царских, но, по-видимому, не принимали всецело закона Моисеева. Этим прозелитам вменялось в обязанность соблюдать так называемые «Ноевы законы». Они не принимали обрезания, но вместе с иудеями посещали храм иерусалимский, приносили жертвы через священников и пользовались некоторыми правами; они назывались «прозелитами врат».

В Новом Завете такие «прозелиты» назывались «боящимися Бога» или «чтящими Бога» — это были язычники, с уважением относящиеся к Закону Моисея, религиозным обрядам и вере иудейской. Часто они даже допускались в синагоги, особенно это было распространено среди диаспоры.

В современном богословии «прозелит» значит «меняющий веру», а «прозелитизм» — обращение христиан из одной конфессии в другую с использованием методов и средств, противоречащих принципам и духу христианской любви и свободы лич-

ности. Это агитация среди граждан с иными религиозными взглядами, во время которой применяется физическое, моральное или психологическое давление или принуждение, формируется ненависть к представителям других религиозных организаций, их вере и деятельности, оскорбляется иная вера, люди преследуются в своих квартирах, на работе, в местах отдыха, а также по телефону, без их просьбы и желания.

«Прозелитизм, ведущийся в уже христианских странах, и во многих случаях даже православных, с помощью либо материальных соблазнов, либо различных форм принуждения отравляет отношения между христианами и разрушает их путь к единству» (Послание Предстоятелей Поместных Православных Церквей).

Апостолы всячески старались избегать такого нарушения единства. Ап. Павел так пишет: «Мы не без меры хвалимся, не чужими трудами, но надеемся, с возрастанием веры вашей, с избытком увеличить в вас удел наш, так чтобы и далее вас проповедовать Евангелие, а не хвалиться готовым в чужом уделе» (2Кор. 10.15-16).

Прозелитизм использует самые разные средства для достижения своих целей, такие как открытая проповедь своего исповедания через средства массовой информации, через выступления в концертных залах и на стадионах, распространение литературы, организация издательств и основание газет, создание приходов и епархий, финансирование образования молодежи, оказание широкой гуманитарной помощи, которая сопровождается проповедью своего учения, и т.д.

Практикуется и форма скрытого прозелитизма — через организацию профессионального обучения, обучение иностранным языкам, медицинскую помощь и т.д.

Часто проповедь таких «миссионеров» носит агрессивный характер и построена в духе превосходства в культурном, политическом и экономическом отношении, а также сопровождается намеренной дезинформацией людей. Она способствует отчуждению людей от родной церковной и культурной традиции, в то время как истинная миссия наполняет национальную культуру христианским содержанием, тем самым одухотворяя ее, и этот динамический процесс идет на протяжении всей истории.

Прозелитическая деятельность современных вероучительных систем осуществляется в насыщенном различными религиями культурном пространстве, в котором продекларирована свобода совести. Это зачастую приводит к тому, что данная деятельность

более похожа на борьбу за рынок сбыта религиозной продукции между различными системами, а сами «миссионеры» являются если не «продавцами» духовных «товаров», то, по крайней мере «агитаторами» в сфере ритуальных «услуг».

Особенно болезненно прозелитизм воспринимается Православными Церквами в странах, освободившихся от коммунистических режимов, в которых разделения в общественной жизни, связанные со сменой политико-экономических ориентиров, усугубляются разделениями, которые привносят и занимающиеся прозелитизмом конфессии.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл так оценивал религиозную ситуацию после падения Советского Союза: «Как только в СССР открылась свобода для миссионерской деятельности, начался крестовый поход против нас: к нам ринулись полчища миссионеров, которые считают Россию и другие республики бывшего Советского Союза необъятной миссионерской территорией. Они действуют так, будто здесь не существует Поместной Православной Церкви, будто здесь вообще не было провозглашено Евангелие. Не потрудившись не только приобщиться к наследию русской культуры, но даже и выучить русский язык, они начали свою проповедь, во многих случаях ориентированную не на Христа и Евангелие, а на то, чтобы оторвать наших верующих от их традиционной Церкви и привлечь в свои общины. Может быть, эти горе-миссионеры искренне убеждены, что имеют дело с варварами-язычниками, и не догадываются о том, что культура нашего народа была создана христианством, что христианство сохранилось кровью мучеников, исповедников, мужеством иерархов, богословов и мирян, отстаивших свою веру».

Религиозная свобода, которая в православном понимании неразрывно связана с духовной свободой, данной человеку во Христе (Ин. 8.32), также предполагает и ответственность. Она не должна использоваться как правовой инструмент для прозелитизма.

«Свобода во Христе призывает к уважению каждой личности, созданной Богом, к взаимному уважению христиан разных конфессий, обязывает Церкви сохранять верность истинной миссии, а не разрушать ее. На правильном понимании свободы во Христе и основываются экуменические обязательства различных христианских Церквей, не позволяющие им рассматривать традиционно православные регионы как «миссионерские территории».

Несмотря на многие различия христианских Церквей в вопросах вероучения и традиции, они должны искать пути к сотрудничеству в разрешении общих проблем и к осуществлению совместного свидетельства перед лицом секулярного мира» (Заключительный документ Консультации Всемирного Совета Церквей по проблемам прозелитизма).

Православная консультация по миссии и прозелитизму представляет следующие рекомендации для преодоления этого явления на «канонической территории» РПЦ:

— исследовать возможные причины прозелитизма, проистекающие из собственных человеческих слабостей и небрежения, и предпринимать усилия для изменения этого положения;

— организовать межправославную подготовку миссионерских работников;

— открыть кафедры миссиологии во всех богословских школах;

— организовать обмен информации о случаях прозелитизма для широкой огласки и противодействия им;

— организовать обмен имеющимися исследованиями по тоталитарным сектам и новым религиозным движениям для всеобщей пользы.

Таким образом, прозелитизм является «пародией» на миссию Церкви Христовой, «насилием» над личностью и свободой людей, еще не утвержденных в вере, а также незаконным деянием с точки зрения православных канонов, так как «Епископ, когда от одного города приходит в другой город, или от одной области в другую область, ради тщеславия подвизаясь о собственной похвале или о совершении Богослужения с большею важностью, и хочет пребыть там долгое время, тогда как Епископ того города не искусен в учении: да не пренебрегает его и да не проповедует часто, тщась постыдить и уничтожить лицо местного Епископа. Ибо сей предлог обыкновенно производит смятение, и таковой хитростью Епископ старается чуждый престол себе преобручить и восхитить, не колеблясь оставить порученную себе Церковь и перейти в иную» (11 прав. Сардикийского Собора).

«Прозелитизм — это факт вторжения другой культуры, пусть тоже христианской, но складывавшейся по своим законам, имеющей свои историю и традиции. Вторжение это идет по старым схемам миссии времен колониализма. Присутствует стремление не просто открыть людям Христа, причем людям, исповедую-

щим христианство более тысячи лет, но и переделать всю их культуру на западный лад» (Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл).

1.7. Библиография к 1-й части

1. Архиерейский собор Русской Православной Церкви (29 ноября — 2 декабря 1994 г.). Деяния. — М., 1995.

2. Афанасьев Н., протопресв. Церковь Духа Святаго. — Париж, 1971.

3. Бош Д. Преобразования миссионерства. — СПб., 1997.

4. Василий (Кривошеин), архиеп. Кафоличность и структуры Церкви // Вестник Русского Западно-Европейского Экзархата. — Париж, 1972. — № 80

5. Венедикт (Кантерс), иером. Учение Нового Завета об институте апостолов. — Л. — Афины, 1994. — машинопись.

6. Гинкель А.В. Миссионерское значение книги «Деяния святых апостолов» // Курсовая работа. — Белгород, БПДС (с м/н), 2004.

7. Деяния Священного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. — М., 2000.

8. Дионисий, иером. Идеалы православно-русского инородческого миссионерства. — Казань, 1901.

9. Заключительный документ Консультации Всемирного Совета Церквей по проблемам прозелитизма. Православное понимание миссии и прозелитизма // Миссионерское обозрение, 1996. — № 2.

10. Зеньковский В.В., прот. Апологетика. Ч. II. — Рига, 1992.

11. Зеньковский В.В., прот. Идея Православной культуры: Православие и культура. — Берлин, 1923.

12. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. — М., 1997.

13. Зернов Н. М. Русское религиозное возрождение XX века / Пер. с англ. — 2-е изд., испр. — Париж, 1991.

14. Иларион (Алфеев), еп. Таинство веры: введение в православное догматическое богословие. — С-Пб., 2006.

15. Илларион (Троицкий), архиеп. Очерки из истории догмата о Церкви. — М., 1997.

16. Иннокентий (Вениаминов), митр. Указание пути в Царстве Небесное. — Сергиев Посад, 1990.

17. Иоанн Кронштадтский (Сергиев И.И.), прот. Моя жизнь во Христе. — М., 1894.

18. Иоанн (Попов), еп. Миссия Церкви в православном понимании: эkkлeзиологические и канонические обоснования. — Курск-Киев, 1995, июль.
19. Каноны или Книга Правил. — Монреаль, 1974
20. Кураев А., диак. Традиция. Догмат. Обряд. — М., 1995.
21. Лосский В. О третьем свойстве Церкви // ЖМП — М., 1868. — № 8.
22. Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. — М., 1991.
23. Мейендорф И., прот. Единство и миссия // Миссионерское обозрение, 1996. — № 1.
24. Мейендорф И., протопресв. Живое предание: Свидетельство Православия в современном мире. — СПб., 1997.
25. Мейендорф И., прот. Кафоличность Церкви // Вестник РЗЕПЭ. — Париж, 1972. — № 80.
26. Миссионерский пролог. — М., 2000.
27. Миссия Церкви и современное православное миссионерство: Международная богословская конференция к 600-летию преставления свт. Стефана Пермского. — М., 1997.
28. Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. — Белгород, 1999.
29. Николаева О. Современная культура и Православие. — М., 1999.
30. Николай (Парамонов), иером. О задачах православной миссии в современной России // Христианское чтение. — СПб., 1996.
31. Олекса М., прот. Евангелизм и культура // Миссионерское обозрение, 1996. — № 1.
32. Осипов А.И., проф. О некоторых принципах православного понимания экуменизма // Богословские труды. — М., 1978. — Сб. 18.
33. Паглазова Н. Собор Русской Православной Церкви о внешней и внутренней миссии. — М., 2000.
34. Пантелеимон (Бердников), иером. Православная миссия: история и принципы организации // Кандидатская диссертация. — Сергиев Посад, МДА, 1999
35. Петров И. Послание Господом Иисусом Христом двенадцати апостолов на проповедь // Вера и Разум. — Харьков, 1900. — Т.1, Ч.1.
36. Платон (Игумнов), архим., проф. Миссия Церкви в прошлом и настоящем и ее место в гражданском обществе // Миссионерское обозрение. — Белгород, 1998. — № 7.

37. Послание Предстоятелей Поместных Православных Церквей. — Фанар, 1992.

38. Православная миссия сегодня: Сборник текстов по курсу «Миссиология» для православных духовных школ и богословских учебных заведений / Сост. прот. Владимир Федоров. — СПб., 1999.

39. Сборник научно-богословских трудов преподавателей Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). — Белгород, 2006.

40. Светлов П.Я., прот. О значении Священных канонов. — Канада, 1971.

41. Северюхин А., свящ. Современный опыт православного просветительства // Христианское чтение. — СПб., 2008.

42. Секов А., свящ. Введение в миссиологию: Учебное пособие для сектора заочного образования Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). — Белгород, 2005.

43. Сергей (Рыбко), иером. Современная культура: сатанизм или богоискательство. — М., 2002.

44. Собрание определений и постановлений Освященного Собора Православной Российской Церкви 1917-18 гг. — М., 1994.

45. Сорокин А., прот. Христос и Церковь в Новом Завете. Введение в Священное Писание Нового Завета. — М., 2006

46. Стамулис И. Православное богословие миссии сегодня. — М., 2003.

47. Тертуллиан. Творения. Ч.1. — СПб., 1847

48. Тон Н. Единство в многообразии: Церковь в свете современной православной экклезиологии // ЖМП. — М., 1984. — № 9.

49. Тысячелетие Крещения Руси: Международная церковно-историческая конференция (Киев 21-28 июля 1986 г.). Материалы. — М., 1988.

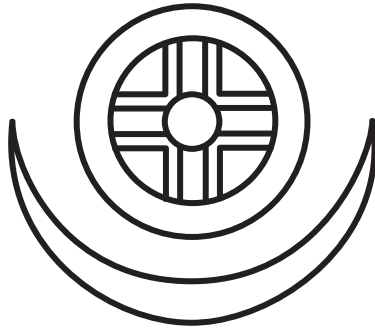
50. Федоров В., прот. Христианское единство и задачи православной миссии // Христианское чтение. — СПб., 1997.

51. Флоренский П., свящ. Понятие о Церкви в Священном Писании: Экклезиологические материалы // Богословские труды. — М., 1974. — Сб. 12.

52. Флоровский Г. Дом Отчий // Вестник РЗЕПЭ. — Париж, 1982. — № 109-112.

53. Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. — Париж, 1983.

54. Хомяков А. Единая Церковь. — Лондон, 1968.
55. Хомяков А. Церковь одна. Полное собрание сочинений. Т. 2. — М., 1907.
56. Шмеман А., прот. Богослужение и Предание. — М., 2005
57. Шмеман А., протопресв. Церковь, мир, миссия. Мысли о православии на Западе. — М., 1996.

2. ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Методология Православной миссии

Для того чтобы заниматься любой более или менее серьезной деятельностью, необходимо освоить ее методику. Свои методы есть и у христианской миссии.

Не стоит думать, что «метод» — то же самое, что «технология» или «алгоритм». Если бы это было так, то невозможно было бы говорить ни о методе миссии, ни о христианском методе вообще, потому что отношения Бога с человеком не алгоритмизируются и не могут подчиняться никакой технологии: здесь нельзя гарантировать себе нужный результат, просто осуществив нужные действия в определенной последовательности. Но смысл слова «метод» менее формален и более глубок. С греч. слово «μέθοδος» переводится как «путь познания, исследования», и этимология вполне соответствует современному значению слова «метод», которое понимается как совокупность регулярных (то есть устойчивых и воспроизводимых) принципов и способов достижения какой-либо цели. Эти принципы и способы могут выражаться и на языке личностного общения. Например, естественные человеческие требования дружелюбия или искренности вполне можно отнести к методу миссии, поскольку для достижения целей миссии важны эти качества.

Общей целью существования христианской Церкви является достижение Царства Небесного. Любая более узкая цель, которая ставится перед христианином в церковной деятельности, должна быть подчинена этой главной цели, а любой частный метод должен в конечном итоге способствовать достижению

Царства. Миссионер, как и любой христианин, призван всегда действовать в евангельском духе, или, по выражению архимандрита Софрония (Сахарова), «христоподобно». Это требование может показаться чересчур суровым и недостижимым, но не стоит забывать, что и слова Христа: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5.48), обращены ко всем христианам.

Однако в христианской методике находится место и человеческой мудрости (Ср.: Лк. 16.8). Это относится не только к миссии: достаточно вспомнить святых отцов-богословов, использовавших для выражения истины Откровения язык и метод нехристианской философии, или переводчиков Писания, которые, разумеется, не могут действовать по наитию, но обязаны привлекать к своей работе весь доступный им научный аппарат (известный случай с переводчиком книги Исаии на греческий язык, когда в процесс перевода вмешался Сам Бог, несколько не противоречит сказанному: Бог вступает в дело явным образом, когда человек доходит до предела своих возможностей, но это происходит лишь при максимальном напряжении человеческих сил; нельзя рассчитывать на то, что Бог восполнит недостаток человеческого прилежания).

Поскольку христианская миссия — системная и многоуровневая деятельность, ее методы также складываются в обширную систему. К миссионерской методике относятся и такие индивидуальные навыки, как умение разговаривать с враждебно настроенной аудиторией, да и просто грамотная речь, и столь масштабные мероприятия, как организация миссионерских экспедиций и миссионерских станов.

Овладение миссионерскими методами требует разносторонней подготовки — духовной, богословской, психологической, ораторской и т.п. Впрочем, овладеть методом миссии раз и навсегда невозможно: здесь, как, впрочем, и вообще в Церкви, необходимо постоянное движение вперед и вверх.

Рассматривая историческое действие Церкви Христовой на земле, можно выделить ряд методов, использовавшихся христианами для распространения благовестия о Спасителе.

1. Проповедь, как самый первый и главный метод: «Ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное» (Мф. 10.7). Проповедь благовествовала о Едином Боге, Иисусе Христе, Сыне и Господе, будущем суде и воскресении мертвых. Возвещалось

Евангелие о Спасителе и спасении. Как дух и сила излагалась новая религия и проявлялась как источник новой нравственной жизни и возрождения. Весть разносилась об откровении Бога, которому все человечество должно подчиниться в вере. Провозглашался новый народ, явившийся только теперь и долженствующий обнять собой все народы, и в то же время народ древний, первоначальный; предлагалось Священное Писание, где история мира осмысливалась и объяснялась с начала мироздания и до его конца.

2. Чудеса, как деяния, подтверждающие истинность проповеди: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф. 10.8). Сила чудотворения является Божественным даром, которым Господь способствует распространению христианства среди неверных, и церковная история знает тысячи примеров чудотворений, происходивших по молитвам христиан. «Дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое, тогда как Ты простираешь руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес именем Святаго Сына Твоего Иисуса» (Деян. 4.29-30).

3. Нравственная жизнь, как метод практического миссионерства, являвшего высоту и чистоту христианского учения: «Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» (Тит. 2.11-13). Говоря о своем апостольском свидетельстве, ап. Павел замечает: «Мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми» (2Кор. 8.21). Нравственность, как духовная свобода от греха, была всегда примером для погрязших во мраке страстей язычников, и очень ценится как действительное живое проявления Духа Святого в человеческом сердце. Но нравственность христианская имеет две стороны: с одной — это добродетель, как этическая категория совершения добра, а с другой — это праведность, как духовная категория Божественного оправдания и свободы от зла.

4. Мученичество, как свидетельство крови перед лицом страданий и смерти: «Кровь мучеников — семя Церкви» (Тертуллиан). Мученичество как внешняя слабость, униженность и немощь христиан перед лицом грозного и беспощадного мира, на самом деле являет великое мужество подражания делу Христову,

Его страданию за человеческий род. «Нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради., немощны., в бесчестии. Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, [как] прах, всеми [попираемый] донныне» (1Кор. 4.9-13). Ключевое отношение христианина к падшему миру — свидетельство Креста Христова, его несение в своей жизни. «Когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого, и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете. И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша [утверждалась] не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (1Кор. 2.1-5).

5. Человеческая мудрость, как вспомогательный метод воздействия на интеллект неверующих: «Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10.16). Наука, философия, риторика не отвергались христианами как метод благовестия, а только поставлялись в зависимость от главного принципа: «силы Божией» (1Кор. 2.5). «Философия есть служанка богословия» (Иустин Философ). Наука хотя и не главный принцип христианской проповеди, но многие отцы, будучи учеными мужами, не советовали ею пренебрегать, так как знание не мешает спасению, если оно помогает, а не заменяет богословие. «Нам предлежит подвиг, для приготовления к которому надобно беседовать и со стихотворцами, и с историками, и с ораторами, и со всяким человеком, от кого только может быть какая-либо польза к попечению о душе... Не лишено приятности, если облечена душа внешнею мудростью, как листьями, которые служат покровом плоду и производят не неприличный вид. Почему говорится, что и тот славный Моисей, которого имя за мудрость у всех людей было весьма велико, сперва упражнял ум египетскими науками, а потом приступил к созерцанию Сущего. Подобно ему, и о премудром Данииле повествуется, что он в Вавилоне изучал халдейскую мудрость, и тогда уже коснулся Божественных уроков» (Свт. Василий Великий).

6. Оглашение, как метод подготовки язычника для вступления в Церковь: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28.19-20). Язычник, хотевший сделаться христианином, не тотчас же допускался к крещению. После того как в главных чертах были проповеданы ему Бог и Господь Иисус Христос, Спаситель и Искупитель мира, и затронуту сердце его, его знакомили с тем, в чем состоит воля и закон Божий, и что значило отречься от язычества. Не только краткое учение предлагалось ему тогда, но и в последовательной и пространной речи изображались перед ним «два пути» — «путь жизни и путь смерти» (Дидахи); грех преследовался в самом его зародыше. Оглашенный должен был отречься от зла («сатаны и всех ангелов его, и всего служения его, и всея гордыни его») и слушаться закона Божия, и только после того как Церковь убеждалась, что он усвоил себе нравственное учение ее и хочет следовать ему, он допускался к крещению. «Христиане сначала испытывают, насколько это возможно, сердце тех, кто желает сделаться их слушателями; они наставляют их отдельно, и если эти слушатели представляют достаточные доказательства за то, что они хотят вести добрую жизнь, то допускаются к общению... Некоторые из христиан назначаются на то, чтобы наблюдать и испытывать жизнь и поведение тех, которые желают (присоединиться к ним), с той целью, чтобы не допустить в общество виновных в грубых пороках, других же принимают с полной радостью, и они с каждым днем становятся лучше» (Ориген).

2.1.1. Формы и методы современной миссионерской деятельности

«В настоящее время можно выделить пять основных форм миссионерской деятельности:

1. Воспитательная миссия (воцерковление). Это миссионерская работа с ищущими Бога, с готовящимися ко святому Крещению, а также с теми, кто, будучи уже крещеным, не получил должного научения основам христианской веры. Цель такой миссии — включение предлагаемых, оглашаемых и крещеных людей в полноту церковной жизни, помощь в формировании православного содержания и стиля их жизни. Введение человека в церковную жизнь начинается со свидетельства и «предложения» (свт. Кирилл Иерусалимский) и оглашения. Поэтому традиционно воцерковле-

ние взрослых некрещеных людей проходит ряд ступеней: свидетельство (предоглашение) — оглашение — Крещение — научение (тайноводство) (Мф. 28.19). Огромное значение в деле воспитательной миссии приобретают известные формы православного социального служения, ибо в делах милосердия явно проявляется сила христианской любви...

2. *Апологетическая миссия.* Это свидетельство истины Православия в сравнении с еретическими, сектантскими, агностическими и иными неправославными учениями. Апологетическая миссия направлена также на противостояние прозелитической деятельности неправославных миссионерских объединений и отдельных «евангелизаторов». Для результативной работы апологетической миссии рекомендуется создать на епархиальном уровне структуру, которая изучала бы характер и методы прозелитизма религиозных объединений, действующих на территории конкретной епархии, выявляла степень их духовной и, по возможности, социальной опасности, а также своевременно, открыто, квалифицированно и объективно информировала об этом общественность...

3. *Информационная миссия.* Это православное свидетельство самым широким слоям населения через все доступные средства массовой информации, а также через организацию приходских библиотек и издание специальной миссионерской литературы...

4. *Внешняя миссия.* Это православное свидетельство среди народов, не имеющих истинно христианских основ в своей национальной традиции и культуре. Внешняя миссия осуществляется в различных этнокультурных и этноконфессиональных условиях. Она всегда играет значительную роль в жизни Вселенской Православной Церкви; благодаря ей возникали новые Поместные Церкви...

5. *Миссия примирения.* В современном мире, в котором глобализационные процессы, социальное расслоение, активные и массовые миграции людей сопровождаются нагнетанием насилия, проявлениями террористического экстремизма и этноконфессиональной напряженности, свидетельство и провозглашение возможности примирения между людьми различных национальностей, возрастов и социальных групп должны стать одним из ключевых содержаний православной миссии.

Миссия примирения должна помогать людям осознать возможность и необходимость созидания мира на различных уровнях личного, семейного и общественного бытия, в соответствии с апостольским призывом: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12.14)».

Прежде чем говорить о принципах и методах миссионерской деятельности, следует более глубоко рассмотреть данные термины. «Ὁδός» в греч. значит «путь, дорога». Евангелист, передавая слова Христа о Самом Себе, употребляет термин путь (η ὁδός) (Ин. 14.6). Понятие «метод», таким образом, имеет следующее значение: систематизированная совокупность шагов, которые необходимо предпринять, чтобы выполнить определенную задачу или достичь определенной цели, способ постижения истины. Термин «метод» получил широкое распространение в философских и естественнонаучных трудах с XVI в. (Рене Декарт и проч.).

Слово «принцип» (от лат. *principium* — «начало, основа, происхождение, первопричина») традиционно означает основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям. В логике «принцип» — центральное понятие системы, представляющее обобщение и распространение некоторого положения на все явления области. В этике «принцип» — внутреннее убеждение, максима, задающая общую установку по отношению к действительности, нормам поведения и деятельности.

В Священном Писании также встречается это слово. Книга Бытия в латинском переводе «Вульгаты» начинается с него: «*In principio creavit Deus caelum et terram*» (Быт. 1.1). Или пролог Евангелия от Иоанна: «*In principio erat Verbum et Verbum erat apud Deum et Deus erat Verbum*» (Ин. 1.1).

И метод, и принцип семантически связаны с Божественным Откровением: Христос говорит о Себе, что Он есть «Ὁδός», а Священное Писание указывает на то, что и началом всего (*in principio*) является Христос.

Таким образом, можно сказать, что та «максима, задающая общую установку по отношению к действительности, нормам поведения и деятельности» — это Божественный Логос, Бог Слово.

Следовательно, Христос является и «Методом», способом миссионерствования, способом проповеди, и той «Основой», на которой базируется все христианское делание. Более того, Он же является и «Целью», так как к глобальной цели миссии относится обожение человека, введение его в богообщение, спасение его души, а к так называемой, локальной, — создание евхаристической «малой Церкви» — общины, осознанно приобщающейся Святым Христовым Тайнам.

Ошибкой будет использование другой основы, другого пути, не коренящегося в Божественном Откровении. В настоящее время

существует немалый соблазн применения методов, возникших в светском обществе, так называемых «PR-технологий», созданных медийной индустрией, для привлечения людей к Церкви. Однако невозможно подчинение Истины светским методам, механическое перенесение светской методики в церковную. Иначе можно прийти к мнению, что чистота намерений оправдывает действия, порицаемые моралью, так как «know-how» современных масс-медиа построены на потворстве греху и пороку.

Не следует забывать то, что девиз «*Finis sanctificat media*» (Цель оправдывает средства — лат.) принадлежит иезуитскому богослову XVII в. Эскобару-и-Мендоза, ставшему символом лицемерия для своих современников. (Из его имени было даже образовано слово *escobarderie*, обозначающее, по объяснению словаря французской академии, лицемерие, при помощи которого человек разрешает затруднительные вопросы совести в смысле, благоприятном для своих выгод).

Еще одно ложное понимание миссионерской методологии, это мысль о том, что Истина должна пассивно приниматься человеком. Примером этого служит следующая точка зрения некоторых миссионеров XIX-XX вв.: достаточно перевести на разные языки Евангелие, рассказать людям, что есть Христос, и далее они сами, под действием божественной благодати, сделаются христианами.

Но вот что пишет митрополит Амфилохий (Радович) о православном видении миссионерской методологии: «Человек призван быть радостным сотрудником Духа Святого и свободно принимать Его. Именно на этом таинственном сотрудничестве человеческой свободы и благодатного действия Святого Духа веками строилась и развивалась церковная методика и осуществлялась миссия Церкви в мире. Синергия человеческой свободы и Духа Святого — вечный принцип церковного бытия и ее исторической деятельности.

По традиционному евангельскому пониманию, проверенному и подтвержденному многовековым опытом Церкви, вопрос метода и церковной методики так же, как и вопрос отношения Истины и способа, которым она принимается и передается, раз и навсегда решен словами Самого Господа Иисуса Христа: «Я есмь путь, и истина и жизнь» (Ин. 14.6). Ими Господь свидетельствует о Себе, не только как об Истине и Жизни, но и как о единственном Пути, Который ведет к Истине и полноте Жизни. Путь, истина и жизнь, в Нем они — единая и единосущная ре-

альность, триединая и неразделимая тайна. Что подразумевается под тем, что Христос есть «путь»? Это означает, что Он, как путь, являет нам Свой образ жизни, среди нас и для нас, Свое богочеловеческое дело, Свою богочеловеческую практику и то, как она осуществлялась и, осуществившись — навсегда осталась среди нас, как мера нашей жизни, как наш путь. Усваивая этот Его образ жизни, мы находим Путь, которым, и только им, мы может придти к Отцу».

Здесь важно сделать следующий вывод: если человек не осознал, что Христос стал частью его, а он — частью Его, если желание жить по Его заповедям не является мотивацией всех его мыслей и поступков, — такому человеку очень сложно будет поделиться своей верой с другими. Правильный метод всегда основан на опыте встречи с Истиной.

Методика Церкви, как указывает на это митрополит Амфилохий, это соборная методика. «Метод Церкви не результат чьих-то домыслов, но метод соборного переживания одной всеобъемлющей и неисчерпаемой Истины. Церковь учит и воспитывает не только словом, проповедью, она учит и воспитывает всем своим богочеловеческим существованием и всем богатством своего соборного Предания и исторического святительско-исповеднического опыта и переживания Христа. Многовековой опыт святых Божиих, его усвоение и использование — самый верный залог правильности метода, на этом опыте основанного, и пути, Церковью проповеданного и засвидетельствованного. Этот метод может найти только тот, кто живет, думает, дышит соборным Преданием и жизнью Церкви. Тот же, кто достигнет такой степени духовного совершенства, чтобы думать, жить и дышать, соборным освященным Преданием и жизнью Церкви, сам становится «правилом веры» и верным учителем в пути, ведущим в жизнь вечную. Такими были Святые Божии, через которых, самым совершенным образом осуществлялась и осуществляется миссия Церкви».

Миссионерской практикой христианина должен стать, следовательно, путь святых. «Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу», — говорит апостол Павел в I Послании к Коринфянам (1Кор. 4.16).

На протяжении всей церковной истории, началом и концом всякой церковной миссии было богослужбное евхаристическое собрание, общественная молитва. Значит, еще одним критерием правильной миссии является то, что она пронизана молитвой,

держится и укрепляется молитвой. Это то, что отличает миссию христианской Церкви от прочих «миссий» века сего.

Миссионерская деятельность, не основанная на Евхаристии и призывании Духа Святого, неизбежно приходит к секуляризации, к превращению в религиозную идеологию.

«Бог постепенно открывает свою вечную тайну и ведет в нее. Он открывает ее, в силу человеческой способности принять ее, начиная с Закона и Пророков, продолжив явлением и воплощением Сына, посланием Духа Святого, ведущим ко всякой истине, открывая ее все более совершенным образом, приуготовляя человека к встрече с Богом «лицом к лицу» в вечности...

Все опытные носители церковного духа, на протяжении церковной истории, применяли этот метод, ведущий в тайну, в повседневной жизни, то есть в проповеди Евангелия и его воплощении в жизни каждого, начиная с «молочной» и постепенно подходя к «твердой» пище. Таким образом, этот ведущий в тайну — мистагогический — метод, органически связан с практической стороной человеческой жизни. Главный принцип этой практической стороны, которая никогда не была самоцелью, гласит: «Практикой достигается боговидение, созерцание боготайны». Этот принцип — незаменимый метод, предпосылка и путь истинного возрастания, созревания и просвещения. Мистагогическому методу свойственны очевидность и осязаемость, но одновременно он все больше и больше развивает живое и опытное познание о недоступности и неизреченности тайны. Именно это и есть лучший способ осуществления церковной миссии в мире: в осязаемой, реальной жизни и действительности, в конкретной практике находить глубинную реальность и проникать в нее, как по ступенькам; в видимом открывать невидимое, сокрытое и затаенное в его глубинах» (Митр. Амфилохий (Радович)).

Следует понимать, что православное миссионерство — это не «охота за душами», в которой важно количество обращенных любой ценой, а свидетельство о Христе, в котором важно качество и адекватность этого свидетельства. Важно помнить и совет, сказанный свт. Иннокентием Аляскинским молодому свт. Николаю Японскому: «Сначала полюби тех, кому хочешь рассказать о Христе, затем сделай так, чтобы они тебя полюбили, а потом говори им о Христе». Это не значит, что нужно до старости ждать, пока все это произойдет, — и святитель Иннокентий, и святитель Николай поехали проповедовать, будучи

очень молодыми людьми. Это значит, что именно такое настроение надо стяжать при намерении проповедовать, к этому духовно устремляться, и, даже если человек будет только в начале пути, за правильный взгляд и саму решимость Господь подаст ему и силы, и разумение как все сделать самым лучшим образом. Если миссионер не любит тех, кому он проповедует, то и его никто не станет слушать, и если он внутренне не старается исправить себя, своими делами опровергая то, о чем говорит, то ему никто не поверит.

Поэтому не следует забывать и о важности аскезы. Церковная миссия не может быть осуществлена должным образом и принести истинных плодов без поста и воздержания как мощных средств преобразования и перерождения человека и его повседневной, личной и общественной жизни. Практика вводит в теорию, а не наоборот. Свт. Григорий Палама говорит: «Мы проповедуем слово — практикой, делом подтвержденной, и практику, дело — словесно». Миссионер не вправе требовать от других того, чего он не исполняет сам. Истинная миссия — это не просто рассказ о Христе, но жизнь во Христе.

Никогда не сможет быть принято как церковный метод и то, что не ведет к спасению человека, что отвращает его от Истины. «И не сообразуйтесь с веком сим» (Рим. 12.2), — говорит будущим миссионерам ап. Павел. Подчинение духу времени, уклонение пути в угождение «веку сему» лишает проповедника вечного основания, вечного принципа и Божественного Начала всей его деятельности.

«В построении метода и разработке методики, для осуществления своей богочеловеческой миссии в мире, Церковь всегда учитывала многообразие и неповторимость каждой личности, каждого народа. Каждый человек неповторим. Приступать к нему нужно «на голубиных ногах» (прп. Иустин (Попович)). Так же и каждый народ имеет свои дары, свое особое призвание, историческое и эсхатологическое. Церковь направляет призвание каждого отдельного народа, уважая его язык и обычаи; она не пытается унифицировать их, но наполняет и объединяет всех людей и все народы единством веры и Духа, преобразуя всех в единый святой народ Божий.

Таковыми методами Церковь успешно осуществляла свою историческую миссию, они эффективны и по сей день, и останутся таковыми до конца времен именно потому, что по природе своей вечны и боговечны. Все они могут быть выражены и рас-

крыты в одном единственном всеобъемлющем принципе — «Жить и мыслить во Христе Иисусе, Господе нашем. В этом заключена методика Церкви, в этом ее вечная миссия и призвание» (митр. Амфилохий (Радович)).

2.2. Образ и качества современного миссионера

«Все члены Церкви, как Тела Христова, призваны быть миссионерами в широком смысле слова и нести общецерковное апостольское служение. Поэтому каждый православный христианин обязан осознавать возложенную на него ответственность свидетельства.

Миссионером в конкретном смысле является проповедник, имеющий специальное миссионерское образование, возвещающий слово Божие тем, кто не слышал православного свидетельства.

Миссионерский призыв, выраженный апостолом Павлом: «Если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!» (1Кор. 9.16), — выражает внутреннюю потребность миссионера делиться той радостью спасения, которую он обрел во Христе.

В исторической практике развития миссии Русской Православной Церкви сложились определенные организационные формы миссионерского служения духовенства и мирян, использование которых в настоящее время возможно признать целесообразным:

— синодальный миссионер — священно- или церковнослужитель, несущий миссионерское служение по поручению Священного Синода (в лице его Миссионерского отдела) по приглашению епархиальных Преосвященных в тех епархиях, которые не могут иметь (или содержать) собственные квалифицированные миссионерские кадры. Миссионерская деятельность синодальных миссионеров осуществляется на основании программ, разработанных Миссионерским отделом Московского Патриархата и согласованных с епархиальными архиереями. Финансовую поддержку синодального миссионера во время миссионерского служения осуществляет Православный миссионерский фонд Русской Православной Церкви;

— епархиальный миссионер — священно- или церковнослужитель, несущий миссионерское служение в канонических пределах отдельной епархии по благословению правящего архиерея. Финансовую поддержку епархиального миссионера во время миссионерского служения осуществляет епархиальный миссионерский фонд или иное епархиальное учреждение, уполномоченное на то епархиальным Преосвященным.

Просветительская деятельность среди различных слоев населения предполагает постоянное обновление форм миссионерского служения и выдвигает жесткие требования к миссионерам.

Современным миссионерам в своей деятельности, как никогда ранее, приходится искать нестандартные решения. Для них особенно важно уметь донести опыт апостольской и святоотеческой традиции на языке, понятном нашим современникам. В современном обществе, где почти забыта заповедь о любви к ближнему и царит повсеместное безразличие, в том числе и к вопросам религиозным, миссионер должен уметь всколыхнуть равнодушного, побудить его обратиться к Евангелию и воплотить христианские ценности в повседневной жизни.

Миссионер, являясь проводником православной традиции, призван передать как все богатство богословского наследия Православной Церкви, так и свой личный опыт следования за Христом. При этом он должен следовать многовековым традициям православного духовничества: «Духовное руководство — это не манипулирование сознанием людей, это власть любви, а не духовного насилия» (Святейший Патриарх Московский Алексий II).

Исторический опыт православной миссии со времен апостольских являет нам примеры качеств, которые необходимы миссионеру: молитвенность, смирение, бескорыстие, стойкость, ревность о Боге, приветливость. Проповедь преемников апостолов обязана соответствовать «здравому учению» (Тит. 2.1), которое имеет авторитет «правила веры» (2Тим. 3.10-14).

Православные миссионеры часто исполняют свое служение в условиях исключительной сложности. Поэтому одно из важнейших качеств, которое требуется от них, — терпение со смиренной преданностью Богу и готовностью преодолевать трудности мира сего».

Любой православный христианин обязан осознавать ответственность свидетельства, возложенную на него. Каждый член Церкви, как Тела Христова, будучи участником Таинства Евхаристии, а значит и непосредственным свидетелем Воскресения Христова, пребывая свидетелем и посланником Нового Завета, является миссионером по призванию. Миссионерский же императив, выраженный апостолом Павлом, заставляет миссионера делиться той радостью спасения, которую он обрел во Христе. Это не привилегия и не профессиональная обязанность, касающаяся исключительно пастырства: «ибо если я благовествую,

то нечем мне хвалиться, — говорит апостол, — потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!» (1Кор. 9.16).

Миссионер, являясь проводником традиции, передает не столько интеллектуальный багаж богословских концепций, сколько личный опыт следования за Христом. В духовном руководстве наставник не подменяет решение новоназначенного собственным приказом. В этом отношении «псевдостарчество» противоречит миссионерскому императиву и постулату апостола: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2Кор. 3.17).

Миссионер должен воспитывать в себе три главных добродетели, необходимых для спасения каждому христианину, а тем более тому, кто возвещает другим об этом спасении: смирение, терпение и любовь.

1. «Все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1Пет. 5.5). Посылая апостолов на проповедь, Господь Иисус Христос завещал им: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10.16), приведя этих двух животных в пример своим ученикам, так как змея никогда не жалит первой, а голубь не мстит за зло. В этом примере заключается основа смиренномудрия, как добродетели, с помощью которой христианин может побеждать зло, то есть он не должен быть ни для кого провокатором на грех, а если даже этот грех обернулся против него, он не должен являться его продолжателем и распространителем.

Смирение — это «духовная нищета», с которой начал Нагорную проповедь Спаситель, ибо если миссионер не осознает, что он сам не имеет ничего собственного, что все дарования и таланты ему даны Богом, а он лишь их реализатор, исполнитель воли Божией, сорботник на ниве Христовой, то в конце концов он возгордится, а значит станет богопротивником. Смирение — это осознание своей духовной болезни, то есть «видение своих грехов», без которого невозможно исцеление от них. Если же человек понимает и осознает свои грехи, то он никогда не будет осуждать грехи ближнего, который болен духовно так же, как и он сам, и будет всячески стараться помочь ему исцелиться от данного недуга.

Наконец, смирение — это осознание в своей жизни Божественного Промысла, того, что христианин не сам спасается, а

Бог его спасает, не сам живет, а Бог ведет его по жизни, не сам обращает других, а сеет слово Божие, а потому через него может обращаться к миру Сам Бог: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10.19-20).

2. «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лк. 9.23). Вся жизнь христианина — это «несение креста», то есть добровольное и осознанное принятие на свои плечи жизненных трудностей и скорбей, и их преодоление. В своем «крестоношении» христианин подражает Самому Господу, Который нес орудие Своей казни, был на нем распят, но это все Он сделал только для того, чтобы «победить»! Осознать все это может только тот, кто «отвергнется себя», своей гордыни и эгоизма, своей «самости», чтобы предать себя в руки Божии: «впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22.42). Христианское терпение — это не пассивное принятие и пессимистическое перенесение скорбей; такое отношение к жизни может привести либо к унынию, либо к безразличию, либо к ропоту. Терпение — это всегда преодоление трудностей, «несение креста», а не преклонение под ним; это великое мужество, закаляющее душу христианина, дающее ему надежду на вечность, ибо только «претерпевший до конца спасется» (Мф. 24.13). А потому миссионеру в первую очередь необходимо помнить и возвращать в себе эту великую добродетель, без которой будет невозможно перенести неудачи и гонения, которые будут возникать на его апостольском пути.

3. «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга» (1Ин. 4.10-11). Христианская любовь своим источником имеет Самого Бога, Который дает ее людям как сверхъестественный дар, «харизму», для того чтобы свидетельствовать о Себе через Своих учеников: «Как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13.34-35). Качества христианской любви описаны апостолом Павлом в 1 Послании к Коринфянам (13 гл.), которая называется «Гимном Любви», а апостол Иоанн Богослов в своем 1 Послании

рассматривает любовь как одно из двух главных Божественных катафатических свойств или атрибутов по отношению к космосу и человеку.

Любовь не ограничивается ничем и никем, она должна распространяться не только на ближних, но и на врагов, «ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?» (Мф. 5.46). Любовь — это не столько «чувство» или «состояние» человеческой души, а прежде всего «отношение» к окружающим. «Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев... Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1Ин. 3.16,18). Любовь — это всегда самопожертвование себя ради другого во имя Христа. Миссионер всегда должен помнить о том, что эта любовь «никогда не перестает» (1Кор. 13.8), и что ничто внешнее не сможет лишить его этой любви или отнять ее у него, так как эта любовь «изгоняет страх» (1Ин. 4.18), и является превыше всего тварного: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?.. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8. 35,38-39).

Проповедь преемников апостолов обязана соответствовать «здравому учению», которое имеет авторитет «правила веры» (См.: 2Тим. 3.10-14; Тит. 2.1). Однако, проповедуя Евангелие, самому миссионеру надо, по слову Христа, стать обильным источником «воды живой», напоющей жаждущих (Ин. 7.38).

Сегодня, как и всегда, главным остается личность самого миссионера, его потребность делиться духовными дарами со всеми людьми и его жертвенная любовь. Православные миссионеры часто исполняют свое служение в условиях исключительной сложности. Поэтому терпение со смиренной преданностью Богу, с готовностью преодолевать все трудности, является одним из важнейших качеств «равноапостольного» проповедника.

Просветительская деятельность среди различно ориентированных слоев населения предполагает постоянное обновление форм миссионерского служения и выдвигает жесткие требования к миссионерам. Миссионеры несут благовест людям, которые еще не осознают потребности в Церкви. Люди эти сильно отличаются друг от друга жизненным опытом, возрастом, обра-

зованием, профессиями. Поэтому миссионер должен уметь свидетельствовать в любой культурной и социальной среде современного, быстро изменяющегося мира.

2.2.1. Миссионерство и ученость

Существует предрассудок, что миссионеру интеллектуальная подготовка не нужна, и даже вредна, так как она якобы мешает смирению, молитвенности и духовности. Это одно из опаснейших заблуждений. Современная действительность требует подготовки миссионеров с широким умственным кругозором. Современному миссионеру необходимо не только основательное богословское образование, но и обширные знания во многих областях «внешней» науки: он должен разбираться и в литературе, и в поэзии, и в философии, и в искусстве, и даже в естественных науках. В качестве примера можно сослаться на великих Отцов Церкви, которые, с юности чувствуя призвание к служению Церкви, не пожалели многих лет для приобретения «светского», языческого образования, чтобы затем принести приобретенную ученость на алтарь Божий. Такие Отцы эпохи расцвета православного богословия как свт. Афанасий Александрийский, Великие Каппадокийцы, блж. Иероним Стридонский, св. Максим Исповедник, патр. Фотий, св. Иоанн Дамаскин и многие другие, были для своего времени представителями самой широкой интеллектуальной культуры. Они стояли на уровне утонченной элиты той эпохи, в совершенстве знали философию, риторику, математику, музыку. Отдавая бесспорное первенство духовной подготовке и благочестию, они нисколько не опасались того, что светская образованность как-то сможет помешать их благочестию и духовности. И на самом деле, ни их смирение, ни их вера, ни их молитвенный подвиг не страдали от того, что они знали Платона, Аристотеля, Гомера, Вергилия и подобных. Невозможно не удивиться образованности и высокому уровню тех, кого хотят представить невеждами и обскурантами. Таковыми их хотели представить именно враги христианства Лукиан, Цельс, Юлиан, но на самом деле Святые Отцы поражали даже язычников своей «внешней», то есть интеллектуальной подготовкой. «Нас колют нашими же стилями¹, то есть ведут против нас войну,

¹ Стиль — заостренная металлическая палочка для письма на вошеной дощечке.

вооружившись произведениями наших же писателей», — говорил Юлиан Отступник про святых Василия Великого и Григория Богослова.

Из того, что великие Отцы Церкви не считали для себя ненужным и бесполезным детальное изучение Платона и Плотина, необходимо сделать вывод и для нынешней эпохи. Этот вывод заключается в том, что миссионер должен быть носителем высокой интеллектуальной культуры и стоять не ниже своих образованных современников по уровню умственного развития. Знакомство с современной философией, литературой, науками и искусством может только поднять миссионера в глазах тех, к кому направлено миссионерское слово, желающих узнать о том или ином культурном явлении. Миссионер может только тогда влиять на слушателей, когда он знает, чем они живут и что их привлекает.

В дореволюционный период среди русских церковнослужителей встречались высокообразованные люди. В частности, можно привести в пример просвещенных священнослужителей XIX-XX вв., таких как митр. Московский Свт. Филарет (Дроздов), митр. Макарий (Булгаков), митр. Платон (Левшин), прот. Феодор Голубинский, еп. Порфирий (Успенский), архим. Антонин (Капустин), прот. Павел Флоренский, известный математик прот. Иоанн Первушин: некоторые из них состояли членами Российской Академии Наук. При этом ни звание члена Академии наук, ни занятия астрономией, философией и византиноведением, ни иные какие-либо проявления учености и просвещения не помешали названным духовным особам быть молитвенниками, прекрасными пастырями, смиренными монахами, а главное успешно осуществлять миссионерскую деятельность.

В поле миссионерского зрения могут оказаться не только «бабушки», с которыми действительно никогда не придется общаться на английском языке, но и представители интеллигенции, которых необразованность, ограниченность, узость и невежество проповедника могут оттолкнуть от Церкви. Миссионерская подготовка, ориентированная только на «простых бабушек», порочна в самой своей основе. Столь же порочен подход, при котором образованности и творчеству противопоставляется благочестие и спасение. Вот что писал об этом известный религиозный философ Николай Бердяев в статье «Спасение и творчество», опубликованной в 1925 г.: «Простая

баба, говорят нам, спасается лучше, чем философ, и для спасения ее не нужно знания, не нужна культура и пр. Но позволительно усомниться, что Богу нужны только простые бабы, что этим исчерпывается план Божий о мире, Божия идея о мире. Да и простая баба сейчас есть миф: она стала нигилисткой и атеисткой. Верующим же стал человек культуры». Спасаться могут «и невежды, и дураки, и идиоты», — продолжает Бердяев, но — «позволительно усомниться, чтобы в замысел Царства Божия входило население его исключительно невеждами, дураками и идиотами». Если творчество, знание, искусство и не нужны для личного спасения, то они нужны «для осуществления замысла Божия о мире и человечестве, для преобразования космоса, для Царства Божия, в которое входит вся полнота бытия».

Бердяев был тем из представителей старой интеллигенции, кто, придя в Церковь после многих лет исканий, ждал от ее служителей ясного и компетентного ответа на вопросы, которые ставила перед его умом современная действительность, именно ради этого он активно участвовал в религиозно-философских собраниях начала века. Целью последних было построить мост между Церковью и интеллигенцией, найти тот язык, на котором представитель Церкви мог бы заговорить с носителем интеллектуальной культуры. Четверть века спустя выдающиеся представители русского духовенства и богословской науки, оказавшиеся в эмиграции, поставили перед собой ту же задачу: сделать православное богословие соответствующим вызовам времени, перевести его на язык культурного общества. Создание Свято-Сергиевского богословского института в Париже преследовало отнюдь не узкую и утилитарную цель воспитания пастырей и миссионеров для «простых бабушек»: институт должен был продолжить традиции дореволюционных академий и религиозно-философских собраний, стать мостом между русской церковной наукой и современным миром, в том числе его интеллектуальной элитой. Профессор института, архим. Киприан (Керн) так же, как и Бердяев, только с другого полюса духовного спектра, чувствовал острую необходимость в преодолении барьера между Церковью и интеллигенцией: барьер этот, по его мнению, мог быть преодолен только тогда, когда сами служители Церкви обогатятся тем интеллектуальным богатством, которым владеют носители светской учености, при этом, не утратив ничего из своего собственного

богатства — освященной веками духовной традиции Православной Церкви.

Общество, предоставленное в своем образовании и воспитании самому себе, легко поддается сторонним давлениям. Обращаться же к служителю Церкви, который или никак не ориентируется в современных вопросах, или же презрительно отзывается обо всем, что выходит за рамки его кругозора, никто из подлинно культурных людей и не станет. От миссионера ждут авторитетного и веского слова, но слова мудрого, сведущего и обоснованного. Православные миссионеры, в силу многих исторических и социальных причин, не могли или очень часто и не умели создавать это влияние и идти впереди культурного процесса. Именно из-за недостатка образованных миссионеров Православная Церковь недостаточно активно использует свои возможности по «культурному влиянию на общество».

Необходимость интеллектуальной подготовки для современного православного миссионера продиктована еще одним вызовом нынешней эпохи — распространением безверия во всех его видах: от так называемого «научного атеизма», отравлявшего Россию на протяжении семидесяти лет, до агностицизма и нигилизма, заразившего многих людей на Западе. Против вызова атеизма и нигилизма бессилён «миссионер-недоучка». Этому вызову может противостоять только тот проповедник, который вооружен глубокими познаниями в самых разных областях науки и который не боится вступить в единоборство с безверием, в какие бы «научные» одежды оно ни рядилось.

В последние десять лет, когда Русская Православная Церковь пытается возродить миссионерское служение, она постоянно натывается на всевозможные трудности. С одной стороны, налицо невероятный по своим масштабам внешний рост Церкви: это открытие тысяч новых храмов, сотен монастырей, десятков духовных школ, издание духовной литературы, попытки представителей Церкви занять место в средствах массовой информации (на телевидении, радио, в печати) и многое другое, что свидетельствует о религиозном возрождении. С другой стороны, невозможно не увидеть, что влияние Церкви на культуру, на нравственное и духовное состояние общества гораздо менее значительно, чем можно было бы ожидать. Некоторые даже говорят о том, что «Церковью упущен исторический шанс

встать в авангарде духовного возрождения нации». Если в конце 80-х — начале 90-х гг. на Церковь были обращены взоры миллионов людей, ждавших от нее слова, «осоленного солью», которое бы коренным образом изменило и преобразило их жизнь, то к концу 90-х гг. интерес к Церкви заметно уменьшился; у некоторых даже наступило разочарование, вызванное тем, что представители Церкви не всегда могли дать адекватный ответ на запросы разума, взыскующего истины. А не найдя ответа в Церкви, эти люди обращались «за руководящим советом» к лицам, далеким от Церкви, в том числе к сектантам и представителям восточных культов.

Засилье сектантов и «лжемиссионеров» в сегодняшней России, безусловно, является огромным вызовом для Православия. К этому вызову следует подходить так, как подходили Отцы древней Церкви к успехам современных им еретиков. В IV в. прп. Ефрем Сирийский, дабы преодолеть влияние поэта-еретика Вардесана, воспользовался мелодиями этого поэта, заменив его слова своими, православными по содержанию. В ту же эпоху свт. Иоанн Златоуст в целях борьбы с арианством ввел в Константинополе всенощные бдения по образцу тех, которые совершались арианами и пользовались большой популярностью. По этим же причинам папа Юлий перенес празднование Рождества Христова на 25 декабря, чтобы христиане, вместо совместных языческих молитв богу солнца Митре, возносили свои молитвы «Солнцу Правды» — Иисусу Христу.

Русская Православная Церковь должна сегодня отвечать на вызов еретиков и сектантов именно таким образом. Нельзя ограничиваться изданием обличительных противосектантских брошюр; надо научиться заполнять тот вакуум, который сейчас заполняют сектанты. Православному миссионеру, оказавшемуся перед вызовом сектантства, необходимо увидеть сильные стороны своих противников и научиться пользоваться их же оружием, но в своих целях. Разве не очевидно, что многим православным проповедникам просто не хватает тех навыков общения с нецерковной аудиторией, которыми в совершенстве владеют некоторые западные миссионеры? Разве не очевидно, что многие представители сект гораздо лучше знают Библию, лучше разбираются в достижениях современной науки, с большим успехом опровергают доводы атеистов, чем православные пастыри? И не следует ли из этого, что первоочередной задачей Православной Церкви является повышение образовательного и культурного

уровня миссионерства? Только когда миссионеры Русской Православной Церкви окажутся во всех отношениях — не только в духовном, но и в научном, культурном, интеллектуальном — сильнее своих противников, будь то атеисты, агностики или сектанты, Церковь сможет оказаться во главе духовного возрождения российского общества.

2.2.2. Миссионерская эстетика

Вопрос эстетики миссионера невозможно вынести за рамки курса подготовки будущего благовестника Царствия Божия. Для мирянина-миссионера, осуществляющего свое служение в светской, как принято говорить, среде, эта сторона его деятельности регулируется общепринятыми правилами и нормами. Вопросы же эстетики миссионера-священнослужителя требуют отдельного рассмотрения.

Священнослужитель, и особенно миссионер, каждую минуту своей жизни находится на том служении, на которое поставил его Господь, поэтому желательно, чтобы он всегда находился в приличествующем его сану и текущему моменту времени и месту облачения. Облик и манера поведения человека, осуществляющего миссионерское служение, являются небывальной формой проповеди. Коль скоро он, так или иначе, бывает узнаваем, то окружающие начинают проявлять к нему определенный интерес и уважение, что позволяет легко входить в непосредственный контакт с людьми. Если же священник-миссионер, находясь в аналогичной ситуации, будет одет в светскую одежду, то у людей будет сформировано отношение к нему как к человеку, который скрывает свой сан или смущается им.

При этом необходимо осознавать всю ответственность своего поведения в общественных местах, чтобы поступать подобающе высоконравственному пастырскому сану при различных ситуациях, так как ношение церковной одежды (подрясника, рясы) обуславливает для человека недопустимость никакого порочного и соблазнительного поведения для окружающих. В том числе надобно следить за чистотой и аккуратностью своей одежды, чтобы небрежностью ее не принижать достоинства духовного чина и самой Церкви.

Следует вместе с тем отметить, что в силу исторических обстоятельств сегодня в Русской Православной Церкви, в зависи-

мости от благословения правящего архиерея, священнослужители имеют возможность выбирать форму внебогослужебной одежды между духовным и светским «платьем».

Священнослужителя и миссионера хотят видеть открытым, готовым пойти на контакт с человеком любого уровня культуры и образования. Успех его служения будет зависеть и от положительного влияния его облика на окружающих. Поэтому он должен выглядеть таким, каким его хотят видеть потенциальные члены Церкви — опрятным, культурным, общительным, с достоинством несущим свое служение.

1. Облачение священнослужителя:

— Подрясник. Подрясник для священнослужителя в настоящее время выполняет те же функции, какие для светского человека выполняет сорочка. Это также своего рода нижняя одежда. Для ношения с подрясником обязателен пояс. Существуют различные фасоны подрясников. Цвета подрясников в летнее время могут быть светлых тонов (белый, серый, беж и т.д.), в зимнее время — темных тонов (черный, темно-синий, темно-зеленый и т.д.). Но следует заметить, что для подрясников, как и для ряс, предпочтителен черный цвет.

— Ряса. Ряса священнослужителя является верхней одеждой. Поверх рясы священнослужитель носит крест. Существуют различные фасоны ряс. Зимняя верхняя одежда священнослужителя: зимняя ряса, пальто, куртка темных тонов и т.п.

— Головные уборы. Скуфья: летняя, зимняя. Богослужебные головные уборы, которые также используются в официальных случаях: для белого духовенства — камилавка (если имеется такая награда); для монашеского духовенства — клобук.

В отношении миссионера-мирянина следует сказать, что, если он совершает свое служение в светской одежде, то она всегда должна иметь опрятный, ухоженный вид и соответствовать моменту.

2. Пространство храма:

Если миссионерская община имеет свой храм, то священнослужитель, осуществляющий миссионерское служение, в обстановке храмового пространства должен выглядеть в подобающем его сану и положению виде. В храме (во внебогослужебное время) на нем обязательно всегда должны быть надеты подрясник (ряса), крест, (скуфья).

Священнослужитель (как и миссионер, осуществляющий свое служение, не будучи облечен саном) в храме должен говорить сдержаннее, чем на улице, приглушенным голосом (он является служителем, а не хозяином в храме), не особенно эмоционально. Беседы по хозяйственной части следует выносить в кабинет настоятеля, в подсобные помещения или на улицу.

Если в храме миссионера ждут люди, желающие задать ему вопросы о вере и Церкви, а ему необходимо срочно уйти, следует извиниться, назначить удобное время приема (либо переслать к другому человеку (священнику), который ответит на вопросы), но ни в коем случае не пренебрегать приходящими в храм людьми. Каждый христианин, а тем более миссионер, по завету апостола, должен быть всегда готов дать ответ на различные вопросы прихожан (ср.: 1Пет. 3.15).

Миссионер должен представлять себя постоянно пред очами Господа и непрестанно молиться (1Фес. 5.17), памятуя о возложенном на него служении.

Оформление пространства миссионерского храма зависит от традиций прихода, а зачастую от вкуса и представлений настоятеля. Необходимо особо указать на необходимость развития миссионерами и духовенством эстетического чувства, отношения к оформлению храма в соответствии с традициями и культурой Православной Церкви.

Пространство храма должно быть организовано предельно лаконично. В храме не должно быть ничего лишнего. Необходимо и достаточно в данном случае (применительно к убранству каждой конкретной иконы) — лампы, подсвечника и ящичка для огарков. Чтобы как-то выделить особо чтимую в данном храме икону, можно соорудить над ней сень (деревянную, металлическую, тканную), либо украсить цветами.

В храме должна соблюдаться чистота; чистота алтаря должна находиться в непосредственном ведении священнослужителя. Чистоту Жертвенника и Престола священнослужитель обязан поддерживать самостоятельно (чистота Жертвенника и Престола отображает отношение священнослужителя к своему служению). При наличии младшего священнослужителя, диакона, заботы об алтаре могут быть поручены ему.

Если в миссионерском храме имеется практика размещения у икон или святых печатных информационных текстов, то это должно делаться с учетом имеющегося интерьера и без ущерба назначению храма как дома молитвы.

3. Атмосфера в семье:

Отношения в семье миссионера или священнослужителя-миссионера должны складываться так же, как и в любом христианском семействе. Муж главенствует в семье, сообразуясь со свободной волей супруги, принимает деятельное участие в воспитании детей.

Священнослужитель после принятия сана не должен забывать о семье. В равной мере и миссионер с принятием на себя благовестнического служения не вправе пренебрегать семейными обязанностями. Нельзя действовать в ущерб ни семье, ни служению. Плохой отец семейства не может быть хорошим миссионером или священнослужителем. «Кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (1Тим. 3.5). Когда глава семейства принимает на себя миссионерское служение, задачи, стоящие перед ним, приобретают особую остроту.

Необходимо поддерживать оптимальный ритм церковной жизни семьи миссионера, в частности, регулярно участвовать в богослужении (праздничном или воскресном), так как семья миссионера является образцом для людей, только что пришедших или еще ищущих дорогу в Церковь.

Убранство дома священника и миссионера мало чем отличается от жилого пространства обычного православного семейства, за исключением наличия соответствующей одежды и некоторых специализированных книг. В доме миссионера обязательно наличие молельного угла. Обстановка должна быть скромной, чистой и опрятной, без кичливости; обязателен детский уголок. При наличии достаточной площади жилого помещения миссионеру желательно иметь отдельный кабинет.

4. Поведение в пути:

Отправляясь в путешествие, миссионер должен продумать содержимое своего багажа, а также обратить внимание на то, что берут в путь его спутники. Он должен помнить, что даже во время путешествия находится на миссионерском служении, поэтому он не должен пренебрегать людьми, подходящими к нему с какими-либо вопросами.

Если путешествие происходит во время поста, то по Уставу в этот период пост послабляется, то есть если в пути миссионеру предлагают скоромную пищу, он, дабы не оскорбить гостеприимства и поступить по закону любви, не должен пре-

небрегать угощением, но если есть возможность отказаться от данного угощения под достаточно благовидным предлогом, этой возможностью необходимо воспользоваться. Таким же образом если у миссионера-путешественника есть выбор между скромной и постной пищей, то во избежание соблазна для окружающих, ему лучше удовольствоваться постной трапезой, по слову ап. Павла: «если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (1Кор. 8.13).

Оказавшись в любом незнакомом месте, миссионер должен тщательно выбирать места общественного питания. Присоединяясь к вкушающим пищу в таких местах, он может помолиться про себя. В иных случаях молитва и благословение трапезы в пути не являются излишними.

5. Участие в публичных мероприятиях:

Миссионер — и, в особенности, священнослужитель — должен быть готов к участию в публичных и сопутствующих мероприятиях. Во время проведения различных конференций в перерывах между заседаниями, а также по их окончании, часто устраивают приемы или фуршеты, во время которых не стоит злоупотреблять едой. Если есть повод отказаться от алкогольных напитков, то стоит им воспользоваться.

К столикам с едой стоит подходить тогда, когда примерно треть всех присутствующих приступила к угощению. Если есть вероятность, что миссионеру предоставят слово, то для этого лучше заранее подготовиться. Если это слово не является тостом, то необходимо отложить все приборы и бокал, оставив руки свободными. Заранее стоит договориться с хозяином о молитве перед вкушением пищи. Если хозяин (организатор) предпочтет воздержаться, не стоит настаивать; если же хозяин ответит положительно, то необходимо попросить его самому предложить гостям помолиться перед трапезой.

Миссионеру также необходимо уметь вести себя за столом. На трапезу его приглашают, прежде всего, для общения, поэтому объедаться на ней не стоит. При ведении беседы следует ориентироваться на настрой собеседника. В незнакомой обстановке миссионеру удобно будет ориентироваться в ситуации, наблюдая за участниками трапезы. Если за трапезой участники переходят рамки приличия, то он должен озаботиться поиском возможностей для вежливого и деликатного ухода.

Миссионер должен быть готов вкусить самое простое угощение, которое ему могут предложить, и поддержать разговор на самые элементарные темы.

Для выражения интересов своей паствы Церковь организует различные публичные мероприятия или участвует в мероприятиях, организованных различными структурами. Находясь на такого рода мероприятиях, миссионер (чаще — священнослужитель) должен быть готов выступить с заранее подготовленным приветственным словом от своего имени либо от имени правящего архиерея, благочинного или настоятеля. Для этого он обязан заблаговременно направить рапорт или справиться в личной беседе о необходимости такого приветствия. Священнослужитель также всегда должен быть готов сказать тост за трапезой, который не должен быть таким же объемным, как и приветственное слово, и в котором не должны употребляться обороты и фразы, встречающиеся в приветственном слове.

В офисах, магазинах, библиотеках, вокзалах и прочих общественных местах находятся люди, которые должны восприниматься миссионером (тем более — священнослужителем) как его потенциальная паства. Поэтому необдуманные поступки должны быть исключены, так как они могут обусловить формирование у окружающих людей негативного представления о Церкви и ее пастырях.

2.2.3. Ошибки миссионера

Существует несколько довольно распространенных ошибок в практической деятельности миссионера. Здесь приводятся лишь некоторые из них.

1. Подмена христианства чем-то иным: защитой интересов государства, народа или корпоративных интересов Церкви. Миссионер, конечно, может думать, говорить, болеть, молиться и об этом, но хорошо бы, чтобы и в его собственном сознании, и восприятии его речи слушателями сложилось представление о том, что для христианина «судьба России» — лишь часть и притом неглавная — его забот. Общество — часть человека, а не наоборот. Вечность ждет конкретные личности, а не нацию или страну.

Подарить, а не подавить — вот образ действия настоящего миссионера. И дарить он должен не налоговые льготы и карьер-

ные бонусы, а веру в Любовь, явившую себя на Голгофе. И предлагаемый дар он должен преподносить не от имени государства, а от имени Христа.

2. Несомненная ошибка начинающего миссионера — установка на массовый и очевидный успех. Достучаться до всех сердец не удастся никогда. Самый лучший миссионер на планете — Иисус из Галилеи — имел очень плохой «пиаровский» результат. Из миллионного населения Палестины за Ним последовало всего около ста двадцати человек (см.: Деян. 1.16). В любой современной «пиар-компании» такого проповедника (менеджера, рекламного агента) — уволили бы, но этот пример учит миссионера радоваться немногим.

Свт. Николай Японский прибыл в «Страну восходящего солнца» в 1860 г., но первых японцев крестил лишь через восемь лет — в апреле 1868 г.! В следующем году к первой троице добавилось еще 9 человек (и еще 25 ходили в чине оглашенных). Многолетняя миссия прп. Макария (Глухарева) на Алтае своим итогом имела 678 обращений. Так что за количеством гнаться не стоит, надо уметь терпеть свои миссионерские неудачи. Надо уметь радоваться небольшим частным победам. Слышит меньшинство, но зато — лучшее. Даже в самой сложной и шумной аудитории можно и нужно заметить десяток хороших глаз. И трудиться ради них. «Сеи при дороге, сеи в каменистую почву, сеи в терния — где-то да прорастет» (прп. Серафим Саровский).

Очень важно научиться радоваться малым победам, потому что немало молодых миссионеров ломаются именно на этом. Это очень распространенная ошибка, когда начинающий проповедник полагает, что он войдет в класс, и все будут настолько им «обаяны», что колонны школьников сразу двинутся к нему на приход. А этого не происходит. И тогда три вывода.

Первый — это мягкое разочарование. То есть: «Я старался, но у меня ничего не получается, миссионерство — не мое призвание. Буду искать для себя другую колею в церковной жизни или стану как все, буду себе спокойно служить». Этот вариант разочарования иногда может быть полезен — в том случае, если он приводит еще к одному выводу: «Да, к сожалению, так сложилась моя собственная жизнь, что меня не научили, и я не научился общаться с молодежью, не могу я говорить за пределами храма... Ну, раз так, тогда буду сугубо молиться о тех моих сослужителях, у которых такой талант есть и которые несут имен-

но этот крест. Или помогу им от своих приходских доходов». Если разочарование привело к такому выводу — то это хорошо.

Второй — средний вариант: «Виноват не я, а просто нынешнее поколение людей растленно и не подлежит реставрации церковным словом».

Третий — жесткий вариант — когда священник не в себе видит причину, не в своей личной неготовности или бесталанности, а во временах. «Люди меня не послушали... Ну, значит, они слуги антихриста. Печать на них лежит, на этом поколении последних времен. Их неспособность к покаянности — признак конца света».

Четвертый — самый жесткий вариант: «Слышать меня не хотят — значит, нужно их заставить!» Мера богословских знаний в современном церковном мире известна, так что от невежества до жестокости — рукой подать. Оттого и не стоит удивляться преизобилию всякого рода самозванных «опричников».

Чаще всего разочарование выливается в осуждение: «Вот, я-то все делаю правильно — а меня не послушали. Если моего коллегу-соседа слушают — значит, он делает неправильно. А, значит, и православие его сомнительно». Наклонность к таким осудительным сплетням в современной церковной среде весьма заметна.

Избежать подобных выводов возможно только в том случае, если начать избавляться от установки на собственную и массовую миссионерскую успешность.

Чтобы избежать искушения, миссионер прежде всего должен знать, что постоянного и стопроцентного успеха ему никто не гарантирует. Напротив, Истинный Евангелист предупреждает Своих учеников о неизбежности миссионерских неудач: «Входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших... Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф. 10.12-14,23).

Частные и первые неудачи не должны истолковываться как признак того, что проповедовать больше невозможно или не должно. Частные и первые неудачи еще не есть ни доказательство личной несостоятельности миссионера, ни свидетельство наступления апокалиптических времен, закрытых для евангельской проповеди, равно как и отсутствие бурных аплодисментов

при начале встречи и даже при ее завершении не всегда являются признаком неудачи.

Если в миссионере не будет терпения по отношению к человеческой инаковости, неподатливости и даже по отношению к своим собственным частным неудачам — такой миссионер впадет в горделивое «разочарование».

Надо уметь терпеть не только неудачи — надо просто уметь терпеть. Не всякая проповедь приносит свой плод сразу и очевидно. Бог может действовать через человека даже скрыто от него самого. Евангельские притчи уподобляют Царство Божие семечку и закваске. Семя не сразу приносит плод; тесто, в которое брошены дрожжи, не сразу созревает. Бог Библии, то есть Тот Бог, Которого и от имени Которого миссионер проповедует, — это Бог терпения. Свт. Иоанн Златоуст обращает внимание на то, что Бог, столь скорый в созидании, создавший мир в шесть дней, говорит воинам Израиля: «Семь дней обходите Иерихон». «Как, — восклицает Златоуст, — Ты созидаешь мир в шесть дней, и один город разрушаешь в семь дней?»

Надо пройти мимо двух крайностей. Первая из них — утопический энтузиазм: «Я, наконец, познал истину и сейчас всех вас прижму аргументами к стенке, и вы все как миленькие строим в мой храм пойдете!» Вторая — псевдоблагочестивое оправдание своей лени и бесталанности тем, что, кого надо, Господь, мол, Сам приведет в храм.

3. Миссионер, как ни странно, может так увлечься проповедью о Боге, что забыть Самого Бога. В своей необходимой активности легко забыть о Том, ради Кого эта активность проявляется.

Даже если проповедник все замечательно обосновал, Бог, быть может, не желает, чтобы вот этот человек обратился именно сейчас. Поэтому миссионеру следует избегать излишней настойчивости в своей проповеди. Память о том, что не миссионер приводит к вере, а Господь, очень важна для самого миссионера — ибо она избавляет его от азарта идеолога. А потому необходимо всегда помнить слова Господа: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод» (Ин. 15.16).

Это важно еще и для того, чтобы научиться не ненавидеть тех людей, которые остаются глухими к слову Божию. Вера в Промысел Божий нужна миссионеру для того, чтобы научиться

спокойно воспринимать то, что кажется сегодняшним поражением, не злиться, не раздражаться. Если в миссионере не будет терпеливой уступчивости перед неисповедимыми путями Божия Промысла, не будет пользы ни ему, ни тем, в ком он пробует пробудить веру. Надо разрешить Богу Самому определять судьбы других людей независимо от субъективных миссионерских капризов и планов.

4. Следующая ошибка — это предположение, будто знаний о православной вере миссионеру достаточно для проповеди любому иноверцу. Нужно еще все-таки знать веру своего собеседника и в соответствии с этим подбирать образ речи и аргументации.

Контакт христианских миссионеров с языческим пантеоном не всегда состоял в сожжении капищ, низвержении идолов и прочих энергичных действиях, мало совместимых с вдумчивым анализом. Христиане, помимо этого, вели богословскую полемику со своими языческими соотечественниками, а также с иудеями. Первое требовало классического образования, которое в раннехристианское и даже византийское время было широко распространено, второе же — знакомства с библейскими текстами, что также было естественно для христиан.

Но уже знакомство с учением ислама было в Византии куда более скудным, чем можно бы ожидать, принимая во внимание интенсивность антимусульманской полемики. Например, такой сравнительно образованный человек, как византийский император Константин Багрянородный, знает об исламе лишь несколько отрывочных и искаженных до неузнаваемости сведений. Что же касается тех «варварских» народов, которым Византия несла христианство, то неизвестно ни одного случая, чтобы их конкретные языческие верования служили для имперских богословов предметом изучения и полемики. Если бы византийцы питали хоть минимальный интерес к реальным верованиям «варваров», то и до настоящего времени дошло бы несколько больше информации об их религиях. К сожалению, представления византийцев в этой сфере были почти так же сведены к стереотипам, как и во всех остальных областях этнографии. Подобно тому, как реальным народам, в угоду античной этнографической традиции, присваивались имена народов давно исчезнувших, точно так же язычество современников воспринималось как реплика язычества античного.

Нужно с интересом присматриваться к миру «объекта миссии», помня, что это тоже человеческий мир, что в нем при всей его чуждости лично проповеднику, есть нечто, греющее сердце другого человека. И это надо помнить не только тогда, когда предстоит встреча с японцами, но и тогда, когда надо идти на миссионерский диалог с баптистами или атеистами, кришнаитами или либералами. Очень может быть, что то, что любит баптист в своем баптизме или рокер в своей музыке, дорого или допустимо и для православного.

5. Неумение различать доброе от злого в убеждениях собеседника. Миссионерски, конечно же, нужно заметить это доброе и, исходя от него, строить свое дальнейшее собеседование. А еще по Промыслу Божию бывает, что враги Церкви на самом деле хранят что-то из евангельского сокровища, которое сама Церковь на этом этапе своей истории оставила в небрежении.

Например, революционеры XIX в. утверждали достоинство униженных и оскорбленных, эксплуатируемых людей. И их жертвенная этика, по сути, была вполне христианской (что и показал жизненный путь Ф.М. Достоевского). Книга «Жизнь Христа» неверующего писателя Ренана сыграла определенную положительную роль в русском религиозном Возрождении последней четверти XIX в. Нарисованный в ней образ Христа преимущественно со стороны Его человеческой природы оказался психологически очень убедительным, уравновесил односторонне-клерикальную трактовку преимущественно со стороны божественной и вдохновил целый ряд русских писателей и художников («Идиот» Ф.М. Достоевского, «Христос в пустыне» И.М. Крамского, цикл картин В.Д. Поленова и т. д.). Такое же значение имеют многие художественные фильмы и классические произведения, где подспудно, а иногда и прямо, выступают вполне христианские образы и идеалы, что также не может находиться в пренебрежении у настоящего современного миссионера.

6. Нельзя отождествлять критику в свой адрес с критической реакцией на Православие. Если человек нелюбезно реагирует на миссионера, не всегда из этого следует делать вывод, что это хула на Христа. Это может быть реакция именно на личные промахи проповедника, за то, «как», а не за то, «о Ком» он говорит.

7. Ошибка «типиконства», начетничества. То, что было удачным примером для подражания когда-то, может привести к неудаче в новой ситуации. Миссионерство не может строиться только на прецедентах, пусть даже святых. Капитан, который при любом ветре выставляет одни и те же паруса, однажды сядет на мель. У отцов надо учиться жизни во Христе. И тогда этот духовный опыт, который был у отцов, будет и миссионеру подсказывать то, как действовать в новой ситуации. Именно этот неформальный «критерий» и называется Преданием. Это некий вкус духовной жизни, церковной жизни. То, что ап. Павел называет «обновлением совести». Как бывает правильно поставленный голос, так бывает и правильно поставленная душа. Только такой человек не потеряется, читая Библию и творения святых отцов. А если он всюду видит просто огромное собрание бесконечных авторитетов, приказов, то рано или поздно у него произойдет «короткое замыкание» и в душе, и в голове.

Кто, как и по каким основаниям может решать, что именно из огромного и разноречивого наследия церковных преданий нужно вспомнить именно этому человеку и именно в этой ситуации? Мнение, будто в Библии или у святых отцов можно найти ответы на все вопросы, — это вполне сектантская и поверхностная установка. Мир Православия сложен. Конечно, ответы у святых отцов и в Библии найти можно. Но не существует программы, с помощью которой их надо искать. И даже если ответ у отцов есть, не всегда можно воспроизводить те же аргументы, которые они высказывали в пользу верного вывода.

Язык богословия — это неизбежно язык притчи. А с притчами бывает так, что в одной аудитории быстро и правильно поймут, в каком отношении и почему проведена была параллель и, поняв главное, не будут настаивать на буквальном тождестве частных. А вот в восприятии других людей именно эти частности затмят собою то, что самому рассказчику казалось главным в его притче. Так что не все из имеющихся даже у отцов ответов стоит сегодня использовать. Кроме того, есть вопросы, на которые и ответов не найти. И тогда тем более необходимо обладать и даром логики формальной, и даром логики духовной, чтобы из тех заповедей, которые даны в Евангелии и у отцов, сотворить новый ответ на новый вопрос, который появился только в нынешнее время.

8. Еще одной ошибкой миссионера является стремление остаться всецело самоидентичным при погружении в другую среду, без различения ее специфических особенностей. Поведение миссионера в данном случае не может быть одинаковым как в храме, так и в библиотеке; нельзя говорить об одном и том же и бабушкам, и молодым людям. Всегда нужно помнить наставление ап. Павла, который по-разному обращался к различной аудитории: «Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор. 9.20-22).

Нередко можно видеть, что священник, обращаясь вроде бы к нецерковным людям, во время проповеди думает прежде всего не о том, как эти слова отзовутся в их жизни, а о том, что про него скажут его сослужители и собраты в Церкви. И в итоге получается «антипроповедь». Не свершается таинство контакта и понимания. И не происходит перевода с порой непонятного «церковно-богословского» языка на язык, понятный современным людям. А потому это вопрос определенного вкуса, опыта и тактики. Так что миссионеру бывает полезно побыть в зраке грешника для того, чтобы людям было понятно, что христианство — вера людей, а в Церкви — такие же люди из плоти и костей, только с другими стремлениями и целями.

9. Другая крайность миссионерства — стать «своим в доску». То есть когда миссионер старается сделаться таким же, как и те, с кем он общается. И для этого пытается подражать привычкам и увлечениям того, с кем ведет беседу: «и я люблю рок, и я такой же, как и ты, и раз ты любишь выпить, то и я не против». В этом случае общение будет. Но о чем? Очень хорошо сказал прот. Димитрий Смирнов: «Если батюшка будет говорить с зеками на фене, он, конечно, к ним станет ближе, но от этого к ним не станет ближе Бог, потому что Бог не на фене».

Миссионер должен искать какой-то другой подход, другие способы свидетельства, доказательства, объяснения, чем те, в которых он сам осмысляет свой духовный опыт. Эти формы отличны от тех, в которых православные говорят между собой.

Но они могут оказаться такими, что не столько сообщают суть Православия, сколько заслоняют ее собою, поставят вокруг евангельского слова такой «фон», сквозь который ему и не пробиться. А потому у аудитории может возникнуть следующая реакция: «Если ты всего лишь наше отражение — то зачем ты нам такой нужен?!»

Миссионер тоже может сорваться. Незаметно для себя он может перенять не только язык, но и убеждения своей аудитории. Для того чтобы сделать свою проповедь о Православии более приемлемой, миссионер неизбежно станет упрощать Православие, спрямлять некоторые линии, подчеркивать одно (что, как ему кажется, будет способствовать его взаимопониманию с аудиторией) и предпочитать не касаться другого (что может вызвать преждевременный скандал). Но чрезмерное уподобление приведет к тому, что за миссионером перестанет быть виден Тот, от Кого он послан.

То, что связывает миссионера с христианством, будет восприниматься людьми как его личные взгляды и не более того. То есть он будет слишком понятен, и тогда у людей не будет вопроса о его вере, они не заметят стержня его жизни. При чрезмерной ассимиляции миссионер может адаптироваться до того, что его принадлежность к христианству просто станет незаметна. Именно на этом пути потерялись несторианские миссионеры в Китае: они просто растворились в буддизме.

Об этих двух ошибках православного миссионерства очень точно сказал прот. Иоанн Мейендорф: «Любого богослова на этом [пути] подстерегают две опасности: исказить суть учения в угоду вкусам и запросам своих современников или же совершенно забыть о своей аудитории и «заняться повторением излюбленных цитат»». Обретение меры во все века было трудным, и оно до сих пор остается творческим заданием, а не тем, что уже дано. Пройти мимо этих рифов — это вопрос не инструкции, а опыта, такта, вкуса, воспитанности миссионера. Свт. Иннокентий (Вениаминов), когда в молодости (1820-е гг.) служил у берегов Аляски на острове Уналашка, с алеутскими ребятами в футбол играл (жизие подчеркивает: это он делал не в рясе, а в сюртуке).

10. Ошибка «православизма». Это переход православной проповеди в православную пропаганду. Пропаганда появляется там, где проповедник заранее просчитывает эффект своих слов и за-

ранее ждет аплодисментов. Он ставит Православие перед аудиторией как некое зеркало и говорит: «Ну, посмотритесь сюда, и вы увидите именно самих себя, увидите нечто свое. Вы увидите, что Православие очень похоже на ту религию, которую вы хотели бы иметь для себя. Оно совершенно согласно с вашей системой «общечеловеческих ценностей». То, что вы цените в других системах, есть и в нашей лавочке. Только у нас это еще малость экзотичнее — так что заходите и берите».

С сеансов православной «пропаганды» человек уходит успокоенный: оказывается, то, что он ценил в своей жизни и в багаже своих интеллектуально-духовных познаний, ценит и Православие. Что ж, он очень рад, что Православие оказалось «тоже духовно», «тоже терпимо», «тоже современно». Вот только за что же убивали и убивают христиан язычники — он так и не поймет и не узнает.

Порой чувство меры изменяет. И тогда миссионер прислушивается не к требованиям Евангелия и Предания, а к ожиданиям своей аудитории. Он усваивает уже не язык, а взгляды своих собеседников. Тогда миссионер слишком далеко отходит от Церкви. И — теряется. Такими потерявшимися миссионерами и создаются ереси.

11. Ошибкой можно считать и тотальную апологетику. Это защита всего, что есть в жизни и истории Церкви. Уверения в том, что православные люди всегда «были жертвой чужого насилия, но сами никогда и никого...»; что «все мелочи церковной жизни установлены святыми»; что «ничего в церковной жизни не меняется с апостольских времен»; что «история Церкви чужда ошибок и подлостей...» и т.п.

Люди знают о многих церковных «болезнях». И если миссионер будет их замалчивать или отрицать, говоря, что все-то в церковной жизни хорошо и бесппроблемно, что все вокруг святые и добрые, то люди сочтут его именно пропагандистом, причем неумным и нечестным.

Чтобы не разочаровались, не нужно очаровывать. Необходимо трезвение, нужно понимать, что сила Божия в немощи человеческой совершается. Миссионер должен уметь говорить вслух о неудачах, признаваться в ошибках, осуждать грех — если даже это все происходит в церковной среде и среди христиан. Так как иначе человек нецерковный будет считать свое поведение вполне обоснованным и оправданным, глядя на ана-

логичные грехи человека церковного. Не нужно смущаться, если кто-то пытается указать на какие-то церковные «погрешности» — и среди апостолов Христа был предатель, однако Сам Спаситель, зная о замыслах Иуды, не изгнал его из числа двенадцати, ожидая до самого последнего момента его обращения и покаяния.

Миссионеру следует иметь достаточно критический вкус, здравый взгляд и навык для того, чтобы самостоятельно оценивать доброкачественность своих аргументов. Нужно уметь смотреть на себя, на свою веру, речь, суждения глазами тех, кто заранее с этим не согласен. Мимо того, что может не заметить или простить любящий взгляд, не пройдет взгляд критичный. И очень важно, встречаясь в очном полемическом поединке со своим собеседником по диалогу, быть готовым к любым неожиданностям.

12. Ошибка «технологизма». Проповедник не должен видеть в людях предмет приложения каких-то технологий: риторических, миссионерских, пиаровских. К Богу человек приходит лично. Он — прихожанин, а не «привожанин» (как в секте). Человеку можно о чем-то говорить, что-то пояснять, но где именно и когда в нем произойдет смысловое замыкание, предсказать невозможно. Люди справедливо боятся стать жертвами «промывки мозгов». Поэтому в лексиконе миссионера должны отсутствовать слова типа «работа с молодежью». Нельзя манипулировать людьми, видеть в них субъекты, массу. Не должно быть никаких «антропологических» технологий, в том числе и технологий воцерковления.

13. Следующая ошибка «демонизации» своих слушателей и оппонентов. Не надо считать всех нехристиан и язычников одержимыми. Не надо считать, будто язычник — это мистическая угроза для христианина, источник возможной «порчи». Такое мнение приводит к анти-миссионерской установке не на контакт, а на изоляцию от язычников с приписываемым им «колдовским воздействием». Свт. Николай Японский прожил свою жизнь среди язычников. В своем дневнике он отмечает случаи враждебного отношения японцев к нему и к Православию. Отмечает свои неудачи и болезни. Но ни разу святой Николай не предполагает, будто напасть свалилась на него вследствие колдовства язычников.

14. Серьезнейшее искушение миссионера связано с отношением к нему других людей. Ведь миссионер встречает не только ненависть и сопротивление. Его проповедь будет знать и успехи. Понятно, что человек, который узнал о Христе и пришел в Церковь через усилия миссионера, перенесет на своего первого знакомого христианина ту радость и даже «неофитский» восторг, с которым он будет поначалу воспринимать все, освященное ореолом Церкви. Людям свойственно влюбляться в ярких проповедников; мудрость проповедуемого им Евангелия они отождествляют с человеческой мудростью самого проповедника; духовность повествуемых им святоотеческих опытов они отождествляют с жизнью самого рассказчика. И тут миссионер должен научиться быть «прозрачным», научиться не воспринимать все-речь похвалы себе.

Миссионер должен очень жестко, очень внятно пояснять людям, что они не должны отождествлять его и ту Церковь, в которую он их ведет. Миссионер — дверь в Церковь, церковный порожек, но не вся Церковь. На пороге нельзя останавливаться; дверной проем не надо принимать за жилое помещение. И чем по-человечески талантливее и ярче миссионер, тем более велика опасность того, что своей человеческой яркостью он в сознании своих учеников затмит духовный свет Православия. Для миссионера велика опасность того, что он людей приведет к себе, а не ко Христу. Особенности его речи, жестикологии, аргументации будут казаться им единственно и подлинно христианскими. Чтобы избежать такого отождествления себя с Церковью, миссионер должен постоянно подчеркивать: «я — это не Церковь; Церковь богаче, чем я, духовнее, чем я, разнообразнее, чем я. Послушали меня, поняли, что в Православии можно жить, — так ступайте, входите, ищите себе духовного наставника. И чем больше он будет не похож на меня — тем лучше: вы поймете, что мир Православия разнообразен». «Разве Павел распялся за вас? — восклицает апостол. — Или во имя Павла вы крестились?» (1Кор. 1.13).

Миссионер всегда должен ставить себя в образ Иоанна Крестителя по отношению к Господу, им проповедуемому, и помнить его слова: «Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяляться» (Ин. 3.29-30).

2.3. Внешние средства благовестия

Бог, имя Которого возвещает миссионер — Творец всего видимого и невидимого. А потому в деле проповеди Евангелия естественными союзниками проповедника являются все творения. По слову прп. Максима Исповедника, в каждой вещи есть заложенный в ней смысл (логос), при помощи которого христианин должен учить неверующих. И этим надо уметь пользоваться.

1. Жестикуляция:

Первым помощником проповедника являются его руки. Правильное использования рук может весьма сильно помочь миссионеру. Не надо на проповеди или во время диспута держать руки по швам или скрещенными на груди в позе «Наполеона». Первое показывает неуверенность говорящего в своих словах, вторая же поза показывает совершенно недопустимое превозношение над собеседником. Руки должны стать дополнительным органом речи.

Многие положения православной веры можно объяснять в буквальном смысле на пальцах. «Перстосложение» при крестном знамении с древнейших времен служило для показания тайны Пресвятой Троицы. Так же при помощи двух других пальцев можно объяснить тайну Боговоплощения. А, показывая знак креста на теле, можно рассказать об азах духовной борьбы: лоб — борьба со злыми мыслями, чрево — со злыми делами, а плечи — принесение плодов покаяния через творение добрых дел, причем все это совершается в сотрудничестве с Богом, которое символизируется и подается знаком Креста.

«На пальцах» можно отмечать и смысловые элементы речи. Легкий, рубящий знак правой руки выделяет из всей массы речи важный аргумент. Поднятый палец показывает внимание к словам или помечает ошибку собеседника. Плавное кругообразное движение показывает порядок логического построения, когда одно положение логически вытекает из предыдущего. Прямое указание рукой на человека при разговоре (если беседа идет в большом скоплении людей) может вывести его из сна, или сорвать попытку провокации. Вытянутая рука или обе руки помогают прекратить поток агрессии или богохульства. Это знак «стоп».

Недопустимость использования миссионером оскорбительных жестов очевидна. Но надо помнить, что у разных народов

жестикуляция может отличаться до противоположности, а потому важно учитывать это при общении с человеком другой культуры.

Особенно осторожно надо относиться к использованию миссионером тактильного контакта. Прикосновение к человеку — это знак огромного доверия, которое часто может быть совершенно неуместным и восприниматься как крайне невежливое «панибратство». В редких случаях, для снятия некоторого высокого градуса в споре можно прикоснуться к ладони человека, чтобы прекратить раздражение. Но делать это надо крайне осторожно. Тем паче нельзя хлопать оппонента по плечу — это признак явного превозношения над человеком. Но если легонько прикоснуться к плечу собеседника, то это будет означать одобрение, поддержку и утешение для другого человека.

Важно поддерживать некое расстояние между собой и слушателем — это помогает включить разум человека. Отсутствие этого расстояния открывает простор для техник манипуляцией сознанием, неприемлемых для православных и не способных привести человека к осознанному принятию христианства.

2. Использование окружающих рукотворных предметов:

Когда миссионер проповедует в аудитории, то у него под рукой может находиться целый арсенал средств, способных помочь делу проповеди. По этому поводу достаточно вспомнить, какую огромную роль в обращении князя Владимира сыграла показанная ему огромная икона Страшного Суда. Недаром говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поэтому, например, предкрещальное оглашение лучше проводить в самом храме, чем в воскресной школе. В храме стены в прямом смысле помогают проповеднику. Рассказ о том или ином эпизоде библейской истории хорошо сопровождать изображением его в росписи или на иконе. Усвояемость материала при этом возрастает в несколько раз. Другим пособием могут быть горящие свечи, на примере которых легко показать как Три Света одновременно являются Одним Светом (когда пламя трех свечей соединяется вместе). Не стоит забывать про завораживающее влияние открытого огня, который может как помочь, так в некоторых случаях и помешать проповеднику (когда слушатель, засмотревшись на пламень, может забыть о чем идет речь).

Так же и все остальные элементы церковного убранства (кадило, облачение, форма храма и др.) могут и должны быть ис-

пользованы проповедником. Кроме специальных церковных предметов (а также близких к ним по значению произведений православного киноискусства и т.п.) миссионер может использовать и самые обычные образы и предметы.

3. Использование окружающей природы:

Как известно, св. Патрик Ирландский объяснил друидам тайну Святой Троицы на примере трилистника клевера, и это объяснение настолько запомнилось слушателям, что до сих пор трилистник — один из символов Ирландии. А свт. Василий Великий приводит для объяснения Троичного догмата символическое значение солнца, как единой сущности, рождающей свет и производящей тепло (лучи).

Такие примеры бесчисленны. Образ цветущего луга поможет объяснить соборность Церкви и будущую красоту Царства Божия. Цунами можно рассматривать как знак Божией справедливости, зиму как символ смерти души, снег как знак чистоты прощенного грешника, весну как образ воскресения плоти. Само звездное небо или кучевые облака свидетельствуют о величии и творческой гармонии Господа Бога. Подобные примеры находятся в сочинениях свт. Тихона Задонского, свт. Игнатия (Брянчанинова), свт. Феофила Антиохийского и многих других святых отцов. Опыт показывает, что использование природы для проповеди делает саму проповедь весьма запоминающейся и откладывает неизгладимое впечатление в памяти слушателей. «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1.20).

4. Использование материалов СМИ:

Часто проповеднику Православия приходится сталкиваться с негативными последствиями публикаций в СМИ. Всякая попытка проигнорировать те обвинения, которые будут выдвинуты во время диалога, практически неизбежно ведет к полному провалу всей проповеди. Поэтому миссионер должен быть в курсе новых атак на Христа и на Церковь, и уметь в краткой, но точной форме (желательно афористично) ответить на обвинения по сути. Материалы для этого можно найти на Интернет-форумах и в других ресурсах Сети. Но при этом нельзя допускать, чтобы обсуждение этих обвинений увело от главного — благовествования Спасения. Поэтому, кратко ответив, миссионер должен тотчас возвратиться обратно к теме своей беседы.

Однако СМИ являются не только главным поставщиком антицерковной пропаганды, но могут служить великолепным материалом для миссионера. Любое крупное событие можно использовать в качестве повода для начала разговора. Удачным будет упоминание в самой беседе или диспуте какого-либо события в качестве подтверждения высказанной мысли. Такие вставки обладают колоссальной внутренней ценностью, ибо показывают, что Божественное Откровение актуально и для сегодняшнего дня, а также раскрывают смысл человеческой истории в аспекте Божественного Домостроительства. Примером мастерского использования в миссионерской беседе современных событий могут служить многие проповеди Златоуста, особенно «Беседы о статуях».

При умелом использовании даже антицерковные материалы могут послужить на пользу проповеди. Кроме того, хорошим наглядным материалом для объяснения тайн Промысла Божия могут служить совершенно не имеющие отношения к Церкви события. Достаточно вспомнить образы ристалищ и состязаний в посланиях ап. Павла (1Кор. 9.24-27; 2Тим. 4.7-8), или то, как прп. Серафим объяснял Мотовилову способы стяжания Святого Духа на примерах из бизнеса.

Для успеха своей проповеди миссионеру не стоит пренебрегать всеми выше описанными средствами.

2.4. Миссионерские вызовы современной церковной жизни

Церковная жизнь сегодня находится в периоде становления после целенаправленного уничтожения любых форм ее проявления в советский период. На приходском уровне активное участие в его жизни принимают зачастую люди, выросшие в советской действительности, далекой от традиционно сложившейся в дореволюционной России. Отсюда вытекает религиозная неграмотность этих людей, самочиние во многих вопросах церковной жизни и, как результат всего этого, бунтарство.

Одной из основных проблемных сторон внутренней жизни Церкви является порой низкий уровень мышления и культуры поведения работников приходских храмов. Люди, приходящие в храм впервые или нечасто его посещающие, прежде всего, сталкиваются не со священником, а с работниками храма. Как правило, это пожилые женщины, выполняющие определенный спектр работ по поддержанию порядка в храме или дежурящие

за свечным ящиком. Непонравившийся внешний вид зашедшего в храм человека, неправильно, с их точки зрения, заданный им вопрос рождает с их стороны раздражение, что зачастую отталкивает пришедшего от Церкви. Конечно, пришедшего в храм с жадной познания Бога, искренне ищущего Бога человека трудно оттолкнуть невежливым поведением. И, тем не менее, важно доброжелательное и обходительное отношение к нему работников храма. Стоит помнить, что нужно оказать помощь делающему первый шаг.

Приходя в храм, новоначальный человек, независимо от возраста и своего уровня образования, воспринимает бабушку при храме как почти непререкаемый авторитет, и ее суждения и советы принимает некритично. Поэтому чрезвычайно необходимо, чтобы работница храма могла грамотно и с любовью подсказать новонаначальному, что делать и ответить на его вопросы. В противном случае человек, затаив обиду, покидает храм. Таких случаев, к сожалению, можно встретить множество. Не замечать это — огромный миссионерский промах.

В некоторых епархиях есть положительный опыт решения данной проблемы. В приходе назначаются дежурные, достаточно образованные в православной вере. Новопришедший в храм человек всегда может получить спокойный и квалифицированный ответ на интересующие его вопросы. Большую пользу в таких случаях приносят регулярные наставления со стороны священства о нормах поведения работников храма и беседы с ними о правильности понимания основ веры. В противном случае не научаемая и оставленная без «детоводительства» такого рода среда является благодатной почвой для зарождения довольно серьезной и опасной проблемы современной Церкви, всякого рода суеверий и тщеславного учительства.

Другой проблемой являются самостоятельные религиозные формы, возникающие отдельно от Канонической Церкви, как, например, самочинные прославления новых «святых», создание и распространение новых «неканоничных» икон, крестные и «покаянные» ходы, распространение идей непринятия ИНН, новых паспортов и пр. Осложняет ситуацию и то, что эти и подобные им идеи также разделяют некоторые священники, что способствует восприятию ложных взглядов определенной частью православных верующих.

Апокалипсические настроения, присутствующие в современной Церкви, по сути не новы. Всегда в переломные моменты

жизни национального государства, особенно в среде верующих людей, перемены переживались как конец истории. В настоящее время вновь наблюдается повышенный интерес к описанию признаков завершения человеческой истории. С этой точки зрения предпринимаются попытки осмыслить происходящие в России и в мире процессы. Центральным пунктом подобных идей всегда являлся вопрос о пришествии антихриста. При этом уделяется много внимания поиску в сегодняшней действительности описанных в Апокалипсисе признаков пришествия антихриста. Особое место среди этих признаков уделяется числу имени зверя.

На Руси неоднократно и ранее ожидали конца света. Например, в XV в. Пасхалия заканчивалась 1492 г., который должен был соответствовать 7000 лет от сотворения мира, что, по убеждению некоторых, должно было указывать на конец времени существования мира. Другой пример — толкование 1666 г., особенно в свете начавшихся тогда гонений на старообрядцев. Благодаря наличию трех шестерок в дате и трагическим событиям в жизни Церкви большое число верующих было уверено в непременном конце истории. 1999 г. также вызывал в определенных кругах православных верующих мысли о конце времен. В настоящее время, не взирая на мнение Церкви по этому вопросу или просто не зная его, борцы с современными «признаками» пришествия антихриста наполняют определенным смыслом некоторые изобретения современной цивилизации, как, например, товарные штрих-коды, ИНН и даже новые паспорта, заявляя о том, что в них содержится число имени зверя — 666. При этом Церковь учила и ныне учит, что смысл числа имени зверя, указанного в Апокалипсисе, совершенно иной, далеко не тот, какой предлагают идеологи современных «псевдоправославных» течений в Церкви.

В Откровении Иоанна Богослова цифра 666 является, прежде всего, символом «мамоны» — царства земного изобилия, славы. Это относится к еврейскому царству времен Соломона, когда оно достигло своего необычайного расцвета. «В золоте, которое приходило Соломону в каждый год, весу было шестьсот шестьдесят шесть талантов золотых» (3Цар. 10.14).

Очевидно, что носители и распространители этих идей придают числу 666 магический смысл, не имеющий ничего общего с христианством. Это решительно противоречит одному из самых важных положений православной веры — о безусловной

зависимости Спасения или гибели человека от его сознательного свободного выбора. Следующие этим «псевдоправославным» идеям заменяют, таким образом, ожидание Христа ожиданием антихриста.

В этих же «околоправославных» и «псевдоправославных» кругах получают свое развитие и идеи «покаянных» крестных ходов. Яркий пример — самочинно организуемые поездки в подмосковное село Тайнинское к памятнику последнего российского императора, прославленного в лике святых как страстотерпца, Николая II. Суть этих мероприятий сводится к идее принесения покаяния всего российского народа за грех убийства своего царя. Несмотря на то, что Церковь данные самочинные мероприятия не поддерживает, тем не менее, постоянно находятся те, кто эти идеи распространяет и им следует. В этих же кругах культивируются идеи «соискупительной» Христу жертвы царя Николая II, что, с православной точки зрения, немыслимо.

Все это среди верующих распространяется не только вне стен храма, но, зачастую, и в самих храмах. Сами прихожане между собой передают листовки и брошюры расколо-сектантского содержания, призывающие отказываться от паспортов и ИНН, не слушать священноначалие Церкви и прочее. Этот факт указывает на необходимость более активной «профилактической» деятельности настоятелей на приходах.

Такого рода течениям, особенно в крайних их формах, часто подвержены неуравновешенные и малограмотные люди. В этой среде лидеры с сектантским мировоззрением легко находят слушателей и последователей. От того, как часто среди прихожан будет проводиться «профилактическая» работа, зависит количество лидеров с сектантскими наклонностями и их последователей.

Для наиболее эффективной профилактики подобного рода явлений необходима организация нормальной приходской жизни, так как одной из главных проблем современного прихода является практически полное отсутствие общинной жизни. И из этого вытекает множество нестроений. Очень важно также самому настоятелю уделять свое личное внимание подобным вопросам, так как прихожанам часто не хватает общения с ним во внебогослужебное время, а потому его место тут же заменяют всевозможные самодельцы.

В настоящее время практически в любой секте можно найти человека, поначалу приходившего в православный храм. Как

правило, не найдя поддержки со стороны служителей храма или прихожан, не получая должного наставления в вере из-за отсутствия огласительных бесед или других образовательных занятий на приходе, такой человек, получив нечто подобное в секте, там и остается.

Естественно, что приход человека в Церковь и дальнейшее его пребывание в ней не зависит всецело от того, как устроена приходская жизнь, но и этот фактор немаловажен. Проблема состоит в том, что очень часто приходящий в храм новоначальный человек остается с собою один на один, посещая храм лишь для богослужений. Никакого деятельного участия в жизни прихода он не принимает. Воскресные школы, действующие при храмах, объединяют немногих. Иных форм обучения вере и организации общинной жизни ныне при многих храмах не существует.

Понятно, что современное общество достаточно разобщено. Индивидуализм во многих берет верх. Традиция приходской жизни, существовавшая в России в дореволюционный период, пресеклась. Достаточно трудно ныне создавать общинную приходскую жизнь, но это необходимо делать, так как от этого зависит нормальное состояние Церковного организма.

2.5. Особенности современного «миссионерского поля» Русской Православной Церкви

«Каноническое основание миссии предполагает наличие «территории пастырской ответственности», в рамках которой совершается миссия Поместной Церкви. Общепринято обозначать такую территорию понятием «миссионерское поле». В евангельском понимании миссионерское поле Церкви есть все мироздание, лучше всего оно обозначено в притче о Добром сеятеле: «Поле есть мир; доброе семя — это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы» (Мф. 13.38-39). Миссионерское поле — это духовное пространство, где борются свет и тьма («и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1.5)), а поле битвы — сердца людей.

Вопрос о состоянии современного миссионерского поля является ключевым для определения направления, методов и способов развития православной миссии. За последние 800 лет Русская Православная Церковь никогда еще не оказывалась перед необходимо-

стью совершения апостольской проповеди в таких масштабах, когда миссионерское поле вобрало в себя миллионы людей, освободившихся из под ига безбожной идеологии, проживающих на громадных территориях, со своей культурно-исторической спецификой. Возникла парадоксальная ситуация необходимости «второй христианизации» народов, живущих на территории пастырской ответственности Русской Православной Церкви и масштабы этой «второй христианизации» беспрецедентны. Из осознания этого явления вытекают многие особенности и задачи осуществления миссионерской деятельности. Среди важнейших из них необходимо выделить:

1. Большинство людей, к кому обращена проповедь, имеют культуру, корнящуюся в Православии, и при этом сохраняют индифферентное отношение к Церкви. А современная светская культура все больше ориентируется на «неоязычество» и в то же время, степень освоения ценностей созидательных национальных культур, генетически связанных с Православием, уменьшается.

2. Миссия Русской Православной Церкви на нынешнем историческом этапе осуществляется в условиях широкомасштабной экспансии нетрадиционных мировоззренческих и вероучительных систем и их воздействия на ценностные приоритеты людей. Сегодня миссионерская деятельность Русской Православной Церкви включает в себя внутреннюю миссию, то есть работу по возвращению в церковную ограду людей, которые в результате гонений на Церковь в XX веке оказались оторванными от отеческой веры и, особенно тех чад Церкви, которые подпали под влияние деструктивных культов и тоталитарных сект. Противостояние таким культам — одно из направлений миссионерской деятельности.

3. Миссионерская деятельность, как приоритетная для Русской Православной Церкви на настоящем этапе, требует более глубокого богословского осмысления различных традиций и способов пастырского попечения и руководства. На протяжении столетий в церковной среде сложилась монашеская традиция пастырского окормления, которая предполагает помощь новоначальным и духовное наставничество людям, уже пришедшим в Церковь: воцерковленным или воцерковляющимся. В ней существует своя мера строгости, свои способы духовного управления и наставничества. Пастырско-миссионерская традиция, основанная на образцах миссионерской проповеди и деятельности выдающихся миссионеров Русской Православной Церкви, предполагает осо-

бые способы и методы приведения людей ко Христу, когда миссия осуществляется среди некрещеных или крещеных, но не наставленных в вере людей.

4. Малоэффективным оказывается использование литературы, образовательных программ (например, по «Закону Божию») и большинства другого материала, созданного в дореволюционную эпоху, так как по своему характеру эта литература и программы были рассчитаны на уже воцерковленных взрослых и детей, ходящих с детства в храм. Подобная литература не ставила перед собой целью приведения обучаемых в Церковь, так как сам уклад культурной, социально-общественной жизни дореволюционной России способствовал этому.

5. Роль миссии Русской Православной Церкви сегодня заключается в активизации процессов единения и духовно-нравственного оздоровления общества посредством свидетельства об Истине. При этом необходимо учитывать те вызовы Церкви, которые появились в современном нам обществе, первостепенными из которых необходимо отметить:

1) вызов утраты культурной идентичности (миссионерская задача — нахождение условий для христианизации национальных культур на базе их созидательных составляющих);

2) вызов социально-экономических реформ (миссионерская задача — защита социально незащищенных слоев населения);

3) вызов развития науки, связанный с появлением новых областей исследования, касающихся нравственности и сущностных основ жизни (миссионерская задача — противостояние подмене науки идеологией или оккультизмом и попыткам ее «обожествления», особенно в сфере общественных исследований);

4) вызов информационного общества (миссионерская задача — противостояние информационной агрессии против Православия, личности, семьи и общества, осуществляемой деструктивными культурами и организациями; овладение новыми информационными пространствами для развития миссии);

5) вызов плюрализма религий и мировоззрений (миссионерская задача — противостояние попыткам подмены абсолютной и единственной Истины Христовой «единой и универсальной» религией).

Проводимые миссиологические исследования этих вызовов открывают основные характеристики миссионерского поля Русской Православной Церкви, что позволяет находить адекватные эффективные формы и методы миссионерского служения».

2.5.1. Правовые основания осуществления миссионерской деятельности

В соответствии с федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ, религиозные организации имеют право распространять свое вероучение², однако механизм реализации данной нормы в части осуществления миссионерской деятельности религиозных организаций на федеральном уровне законодательно не отрегулирован. В связи с этим нередки случаи, когда лица, не являющиеся представителями религиозных организаций, но выдающие себя за таковых, под прикрытием миссионерской деятельности вводят в заблуждение граждан и тем самым совершают различные противоправные деяния, а также дискредитируют ту религиозную организацию, от которой они якобы были посланы, что может способствовать ее закрытию.

В целях восполнения пробела в федеральном законодательстве и правового регулирования миссионерской деятельности в ряде субъектов РФ в 1998–2002 гг. были приняты законы субъектов «О миссионерской деятельности», которые регулировали миссионерскую деятельность на территории субъекта, но они были опротестованы либо через Верховный Суд Российской Федерации, либо органами прокуратуры.

В марте 2001 г. был принят областной закон «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области». Суть данного закона состоит в том, что миссионеры, прибывшие в Белгородскую область с целью осуществления миссионерской деятельности, обязаны представить в исполнитель-

² Выписка из закона: Гл. 1, ст. 3, п. 1: «В Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»; п. 6: «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропагандой религиозного превосходства, с уничтожением или с повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий, запрещается и преследуется в соответствии с федеральным законом. Проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания запрещаются».

ный орган государственной власти Белгородской области, следующие документы:

- документ, удостоверяющий принадлежность к определенному религиозному объединению с указанием паспортных данных, целей и сроков визита в область;
- копию приглашения (если прибыли по приглашению религиозного объединения, находящегося на территории области);
- программу пребывания на территории области;
- свидетельство о регистрации по месту пребывания для лиц, прибывших в Белгородскую область.

В случае отсутствия вышеуказанных документов к виновным лицам применяются меры административного воздействия.

Закон был принят Белгородской областной думой, подписан главой администрации Белгородской области Е.С. Савченко 19 марта 2001 г. и вступил в действие с момента подписания. Представители нескольких религиозных объединений области: пятидесятников, баптистов, адвентистов и др. направили коллективное письмо в ОБСЕ, аппарат Президента РФ, администрацию области и в областную Думу с требованием отменить этот закон, так как, по их мнению, он нарушает в области право на свободу совести.

Принятие данного закона вызвало широкую дискуссию как в печатных СМИ, так и в Интернете, не только в Белгородской области и стране, но даже — за рубежом. Однако ни в газетных статьях, ни в Интернете не было конструктивных обоснований утверждения о существующих в законе противоречиях.

18 мая 2001 г. прокурор области обратился с протестом в областную Думу с требованием отменить областной закон. Этот протест областной Думой был отклонен. После чего прокурор обратился в Белгородский областной суд с протестом «признать не соответствующими федеральному законодательству ключевые статьи областного закона». По благословению Высокопреосвященного Иоанна, архиепископа Белгородского и Старооскольского, в гражданском процессе участвовал и защищал областной закон «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» помощник управляющего Белгородской и Старооскольской епархией по юридическим вопросам и внешнеэкономическим связям Лукин В.П., в процессе также принимали участие представители областной администрации и областной Думы.

Протест прокурора области основывался на том утверждении, что в соответствии со статьей 28 Конституции РФ, каждый

гражданин имеет право распространять религиозные и иные убеждения, а миссионерская деятельность является одним из способов распространения этих убеждений, и, следовательно, закон области неправомерно регулирует федеральное законодательство, выдвигая в качестве обязательного требования наличие документа, удостоверяющего, что миссионер является действительно тем, за кого себя выдает. По мнению прокурора области, это нарушает право гражданина на свободу совести.

Позиция епархии по данному вопросу состояла в следующем: действительно, в соответствии со статьей 28 Конституции РФ, каждый имеет право иметь и распространять религиозные убеждения, однако под словом «убеждение» следует понимать «свое мнение» или «свой взгляд». Таким образом, каждый имеет право распространять свое мнение или свой взгляд о религии. Далее, епархией давалось толкование слова «миссионер», которое происходит от латинского слова «миссурис», то есть «посланник» (или «представитель»), а также приводилось определение этого слова, данное С.И. Ожеговым: «Миссионер — это лицо, посланное для религиозной пропаганды среди лиц иной веры или неверующих». Таким образом, в обоих случаях миссионер — это посланник. Другого перевода и толкования это слово не имеет. Из чего следует логический вывод, что каждый гражданин не может распространять свои религиозные убеждения посредством миссионерской деятельности, так как не может быть посланным от самого себя.

Следующее утверждение в протесте прокурора основывалось на том, что в соответствии с законом «О свободе совести и о религиозных организациях» каждая религиозная организация при распространении вероучения действует, руководствуясь своими внутренними установлениями; а потому закон области, требуя наличия документов у миссионеров, незаконно вторгается в эти внутренние установления.

Позиция епархии по этому вопросу заключалась в следующем: действительно, в соответствии со статьей 15 федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» каждая религиозная организация действует в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству РФ. Но так как миссионер является посланником или представителем (а в соответствии с вышеуказанным федеральным законом религиозная организация является юридическим лицом), то в соответствии со статьями 53, 55 и 182

Гражданского кодекса РФ, представитель юридического лица обязан иметь доверенность этого юридического лица. Таким образом, религиозная организация, пославшая своего представителя (миссионера) без документа (доверенности), нарушает федеральный закон.

Далее прокурор приводил такой аргумент: миссионер при распространении вероучения религиозной организации имеет право распространять и свои религиозные убеждения, и, следовательно, закон области, требуя у миссионера наличия документов, нарушает свободу совести в части распространения каждого гражданина своих религиозных убеждений.

Возражения епархии на этот довод состояли в следующем: так как миссионер — представитель, а религиозная организация — юридическое лицо, то, в соответствии с Гражданским Кодексом РФ, представитель не имеет права действовать от себя лично; в противном случае, он уже не будет являться представителем.

Верховный Суд РФ своим определением от 3 декабря 2001 г. отклонил кассационный протест прокурора Белгородской области и оставил закон без изменений. Таким образом, закон Белгородской области «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» продолжает действовать.

По аналогии с законом Белгородской области приняты законы в 17 субъектах РФ.

Нормы закона «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» не только направлены на защиту прав граждан, но и ограничивают противозаконную деятельность официально зарегистрированных религиозных организаций. Посылая миссионера без соответствующих документов, удостоверяющих, что миссионер действительно является тем лицом, за которое он себя выдает, религиозная организация нарушает действующее законодательство, в рамках которого она должна действовать. Нормы закона также направлены на ограничение противозаконной деятельности официально незарегистрированных религиозных организаций. Религиозная организация, незарегистрированная в установленном законом порядке, не имеет права заниматься миссионерской деятельностью.

Таким образом, требования норм закона «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» не только не ограничивают права граждан, но и направлены на их защиту, а также направлены на охрану религиозных организаций.

В октябре 2009 г. на основании норм закона «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» и Определения Верховного Суда РФ от 3 декабря 2001 г., а также по поручению президента РФ, Министерством юстиции РФ разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Статья 18.1 данного законопроекта посвящена «Миссионерской деятельности»:

«1. Миссионерской деятельностью в целях настоящего Федерального закона признается деятельность религиозного объединения, направленная на распространение своего вероучения среди лиц, не являющихся членами, участниками, последователями данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в религиозное объединение, и осуществляемая религиозными объединениями либо уполномоченными ими лицами непосредственно, публично, при помощи средств массовой информации либо другими законными способами.

Не является миссионерской деятельностью религиозного объединения в пределах зданий и сооружений религиозного назначения и относящихся к ним территорий, иных мест, предоставленных на постоянной основе данному религиозному объединению для совершения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, мест паломничества, учреждений и предприятий религиозных организаций, кладбищ и крематориев.

2. Право религиозной организации на осуществление миссионерской деятельности возникает со дня ее государственной регистрации.

Право религиозной группы на осуществление миссионерской деятельности возникает со дня уведомления о создании религиозной группы и начале ее деятельности соответствующего территориального органа федерального органа государственной регистрации.

3. Миссионерскую деятельность от имени религиозной организации вправе осуществлять руководитель религиозной организации и (или) член ее руководящего органа. Иные граждане и юридические лица вправе осуществлять миссионерскую деятельность от имени религиозной организации на основании доверенности, выданной соответствующей религиозной организацией или иного письменного документа, подтверждающего право

на осуществление миссионерской деятельности от имени религиозной организации.

Иностранные граждане, въехавшие на территорию Российской Федерации в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 20 настоящего Федерального закона, могут осуществлять миссионерскую деятельность от имени пригласившей их религиозной организации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Религиозная группа обязана выдать гражданину, осуществляющему от ее имени миссионерскую деятельность, решение общего собрания религиозной группы о предоставлении указанному гражданину соответствующих полномочий, с указанием своего наименования, вероисповедания, адреса помещения, предоставленного для деятельности религиозной группы.

4. Религиозное объединение несет установленную законом ответственность за нарушения законодательства Российской Федерации о свободе совести и о религиозных объединениях, допущенные уполномоченными ею лицами при осуществлении миссионерской деятельности.

5. Запрещается осуществление миссионерской деятельности:

1) лицами, не имеющими документа, предусмотренного пунктом 3 настоящей статьи;

2) временно пребывающими в Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым пункта 3 настоящей статьи;

3) лицами, осужденными по приговору суда за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни или иные преступления экстремистского характера;

4) в пределах объектов религиозного назначения, принадлежащих другому религиозному объединению, без письменного согласия его руководящего органа;

5) сопровождаемой предложением материальных, социальных и иных выгод с целью вовлечения граждан в религиозное объединение либо угрозой применения насилия, психологическим давлением, манипуляцией сознанием, то есть осуществляемой вопреки воле лиц, на которых она направлена;

6) в лечебно-профилактических и больничных учреждениях, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов без согласия администрации указанных учреждений и лиц, на-

ходящихся в данных учреждениях (их законных представителей, опекунов, попечителей);

7) в пределах административных зданий государственных органов или органов местного самоуправления и на обслуживающих эти здания земельных участках».

Данный законопроект в ближайшем будущем будет введен в действие.

2.5.2. Понятие субкультуры

Каждому хоть раз случалось идти по улице, ехать в метро или просто смотреть телевизор и видеть людей, которые чем-то не похожи на других. У кого-то на голове ирокез, кто-то весь в металле, а кто-то в черной коже проносится мимо на мотоцикле. Чаще всего это «неформалы» — представители современных субкультур (лат. *sub-cultura* — подкультура).

Само слово «неформал», «неформальный» обозначает необычность, яркость и незаурядность. Человек — неформал — это попытка показать свою индивидуальность, сказать серой массе: «я — личность», бросить вызов миру с его бесконечными буднями и выстраиванием всех в один ряд.

Субкультура — это система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, которая присуща более мелкой социальной общности, пространственно и социально в большей или меньшей степени обособленной. Субкультурные атрибуты, ритуалы, а также ценности, как правило, отличаются от таковых в господствующей культуре, хотя с ними и связаны. Английский социолог М. Брейк отмечал, что субкультуры как «системы значений, способов выражения или жизненных стилей» развивались социальными группами, находившимися в подчиненном положении, «в ответ на доминирующие системы значений: субкультуры отражают попытки таких групп решить структурные противоречия, возникшие в более широком социальном контексте». Другое дело культура — массовое явление — присущая большей части общества система ценностей и образ жизни, диктуемый обществом.

Молодежь, как наиболее чуткая и восприимчивая группа, первой воспринимает новые формы развития в сфере досуга со всеми позитивными и негативными явлениями. Ее не могут до конца удовлетворить существующие общепринятые развлечения и способы проведения времени. И молодежь придумывает свой способ.

Помимо этого, очень часто присоединение к субкультуре является следствием конфликта со взрослыми, который, однако, может выражаться и не очень явно. Подросток как будто находится в контакте с родителями и даже находит с ними некоторые общие интересы. Но внутренний отказ уже произошел. По настоящему свободно он чувствует себя лишь в среде себе подобных. Настоящая жизнь во дворе, в компании сверстников, а в школе и дома демонстрируется внешне благополучный «фасад». Юноше или девушке приходится включать механизм уподобления, отождествления себя со своей возрастной группой.

Условия жизни в большом городе создают предпосылки для объединения молодежи в разнообразные группы, движения, являющиеся спланивающим фактором, формирующие коллективное сознание в этих группах, коллективную ответственность и общие понятия о социально-культурных ценностях. Таким образом, появляются молодежные субкультуры.

В юношеских увлечениях проявляется и реализуется весьма важное для подростков чувство принадлежности. Необходимо быть «как все» и разделять общие увлечения, чтобы стать «своим» среди сверстников. А потому язык молодежной моды подчеркнута космополитичен, в нем нет места национальной культуре.

Мода для субкультурной молодежи, прежде всего, — средство самовыражения. Молодежный стиль до тех пор будет оставаться уникальным и ценным для подростка, пока его не примут взрослые. На этой почве нередки конфликты со старшими. Разумеется, дело здесь не только и не столько в разнице вкусов, а в том, что подросток хочет отличаться от старших, и легче всего это сделать именно с помощью внешних аксессуаров. Внешний облик человека это не что иное, как способ коммуникации, посредством которого он информирует окружающих о своем статусе, уровне притязаний, вкусах.

Вся юношеская субкультура есть средство коммуникации и идентификации. Одежда, прическа, сленг, музыка, то есть видимые и слышимые признаки позволяют молодому человеку показать, кто он такой и распознать «своих». А так как ценности субкультуры являются групповыми, владение ими становится обязательным и служит способом самоутверждения в авторитетном кругу.

Несомненно, нынешняя культура молодых не возникла на пустом месте. Скорее всего, музыкальные и художественные при-

страстия, стиль одежды, даже модные словечки молодых москвичей или новгородцев XIII-XV вв., отличали их от старшего поколения. Но не было самого главного, столь характерного для массовой культуры современных «тинэйджеров» и «неформалов»: противопоставления себя миру взрослых, игнорирования всех ценностей, накопленных человечеством, полного нравственного нигилизма.

Молодежная культура предков была органичной частью всеобщей христианской культуры и определялась, прежде всего, религией. Человечество воспринимало религию, как главный и единственный источник духовной жизни, который сохранялся Церковью. Не было никакого сомнения в авторитетности взрослых, что диктовалось вполне понятной библейской заповедью: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» (Исх. 20.12). Молодежный досуг определялся годовым циклом постов, церковных праздников и будней. Позже, с развитием секулярных идей, культура потеряла связь с религией и последствия этого пожирают современные молодые поколения.

Еще в 1937 г. И.А. Ильин в статье «Основы христианской культуры» отмечал следующее: «Культура нашего времени все более обособляется от христианства; но не только от него, — она вообще утрачивает религиозный дух и смысл, и дар. Она не перешла ни к какой «новой» религиозности; она не обратилась даже к поискам новой. Отделившись от христианства, она ушла в безрелигиозную, безбожную пустоту. Человечество не только перестает вынашивать, растить и беречь церковно-христианский опыт, но не вынашивает и никакого другого религиозного опыта. Оно отходит от христианства, но не идет ни к чему иному. Начиная с эпохи французского «просвещения» и связанной с ним французской революции, история XIX века представляет собою попытку построить духовную культуру вне «религиозных предрассудков»... Постепенно слагается и крепнет культура без веры, без Бога, без Христа и Евангелия». Конфликт «отцов и детей» определяется, прежде всего, потерей сакральности в отношениях поколений, снятием табу с критики старших. «Если Бога нет, то все возможно» — говорит герой Достоевского.

Гиперкомфортная цивилизация, удовлетворяющая всем похотям души и тела, так изменяет вкусы и потребности человека, что нравственные нормы предыдущих поколений становятся обузой для возрастающей души. Недаром «отцом» прогресса, согласно Библии, является богоотступник Каин. Он построил

первый город, именно его потомки начали обрабатывать металл, изобрели музыкальные инструменты.

Хотя в любую эпоху можно найти инакомыслящих, протестующих против современного им общества людей (начиная с Диогена Синопского и прочих киников), — впервые, в более или менее современной форме, подобные тенденции проявились в среде парижских художников и писателей конца XIX в. Бросив вызов ханжеской морали, молодые художники, музыканты, поэты образовали группу, получившую название *la bohème* (от фр. *bohème* — «цыганщина», буквально — жители Богемии, области на территории нынешней Чехии, где в Средние века жило много цыган, которые часто были бродячими актерами, певцами и музыкантами). Свой духовный мир они подчеркивали внешне экзотической одеждой, нетрадиционными манерами, вычурным языком. Собиралась обычно «богема» в пивных и кофейнях европейских столиц.

Типичным представителем подобного направления был немецкий поэт Иоганнес Бехер, писавший «дикие стихи» из обрывков слов. Он вел «богемный» образ жизни гения, нюхал кокаин, употреблял морфий, застрелил одну из любовниц, попытался покончить жизнь самоубийством и попал в психиатрическую больницу. Что интересно, впоследствии И. Бехер стал первым министром культуры ГДР.

Парижская «богема» выступала против всего и всех. За океаном сопротивление стандарту приобрело еще более причудливые формы. Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке и Норт-Бич в Сан-Франциско стали прибежищем для юных «гениев», ищущих экзотических откровений. В многочисленных галереях художников-авангардистов, джазовых кафе и подвальчиках, торгующих антиквариатом, велись бесконечные разговоры о дзэн-буддизме, парапсихологии и модном экзистенциализме.

Эти кварталы населяли в основном семнадцати-двадцатилетние студенты художественных и музыкальных колледжей. В 40-е гг. среди них выделилась группа молодых представителей состоятельных семей, которые выдвинули четкую программу противостояния жизненным взглядам своих родителей и университетской профессуры. Мир взрослых, где высшей ценностью предполагалось материальное преуспевание, — отвергался полностью. Кстати именно тогда, в американских газетах, впервые появился термин — «тинэйджер», обозначающий молодого человека в возрасте от 13 до 19 лет.

Разумеется, они и внешне отличались от других. Главное было не выглядеть как «сытое поколение». Их украшали изношенные джинсы с бахромой, темные, солнечные очки, длинные волосы, странные шляпы, испачканные краской. Один из основателей этого движения, — Джэк Керуак — изобрел слово, ставшее впоследствии названием: «битники» (от английского to bit — бить, хотя сами битники предпочитали ассоциировать себя с *benefictus*, — благодатные, благословенные).

Bit-культура декларировала абсолютную творческую свободу. Битники искали основы для творчества в иррациональности восточных религий, безудержных танцевальных вечеринках, free-love (свободной любви) и наркотиках. Хотя это движение охватывало небольшую часть молодежи и созданная ими культура не имела массовых форм, они заложили фундамент, определивший лицо молодежной субкультуры второй половины столетия. Примечательно, что современное положение молодежного движения в России во многом напоминает Америку тех лет.

Следующим за «битниками» движением были «хиппи». Если «битники» выражали свой эскапизм (бегство из реальности), нежелание идти в ногу с обществом — эпатируя «поколение сытых», то «хиппи» не принимали общество, как таковое вообще. Они бежали прочь от таких понятий как карьера, успех, власть; критиковали «обезличенность», «уравниловку», «монотонность»; протестовали против бюрократов, компьютеров и империи IBM, хотя 85 процентов хиппи вышли из семей, годовой доход которых значительно превышал \$10.000, а многие и вообще из высшего общества.

В отличие от «битников» культура «хиппи» стала массовой. В кульминационные моменты их в одной Америке насчитывалось около миллиона. Девизы: «Make love, not war» (англ. — занимайся любовью, а не войной) и «Flower — Power» (англ. — власть — цветам), — до сих пор можно увидеть на стенах отечественных подъездов.

В Советском Союзе в 70-х «хиппизм» принял форму скрытого протеста против тогдашнего общества. По сути «советские» хиппи ничего общего не имели со своими зарубежными собратьями. Пресыщенные благами цивилизации заокеанские «неформалы» бежали от «папиных долларов» на калифорнийские пляжи, в иллюзорные наркотические «путешествия», или в поисках новых откровений уходили в модные религиозные группы. Именно к этому времени относится возникновение таких сект как: «Об-

щество Сознания Кришны», «Дети Бога», учение Карлоса Кастанеды и т.п. А в то же время «доморощенные пиплы» скрывались от советской реальности в подражании «загнивающему» Западу: «Нам Кремля заплеванные своды не заменят статуи Свободы...» — совершенно искренне пелось в одной из популярных «андеграундных» песен.

В СССР выглядеть «неформалом» зачастую было просто опасно. Вплоть до конца 80-х милиция могла запросто арестовать за внешний вид. Но это лишь добавляло остроты в жизнь и вполне соответствовало юношеской тяге к приключениям.

В 90-е гг. молодое поколение «ворвалось» на роликовых коньках, с банкой «Pepsi» в одной руке и CD-плеером в другой, под бездумную скороговорку «рэпа» и совершенно неотягощенное комплексами, свойственными гражданам тоталитарного общества.

Какая-то часть подростков нашла себя в так называемой «кислотной культуре» (от сленгового названия популярного галлюциногена.) Причудливые прически, яркие «неоновые» цвета одежды, необычная (для поколения 70-80-х) компьютерная музыка. Причем самому необязательно было употреблять наркотики. Достаточно лишь соответствовать mainstream (главному течению моды), ходить в популярный клуб, одеваться подобающе и знать последние альбомы культовых групп. Хотя выдержать многочасовую танцевальную гонку без допинга невозможно, а наркдиллеры давно «протоптали тропу» в молодежные клубы.

«Среди молодых людей, потребляющих наркотики, чаще всего действуют следующие мотивы: 75,3% любопытство... подражание... — пишет А. Солодков. — В возникновении моды на наркотики главную роль играет абсолютная неосведомленность подростков относительно наркотиков и их влияния на организм... Крушение идеалов и духовно-нравственных ориентиров, бездуховность — вот та благоприятная почва, на которой приживаются многие пороки, в том числе и наркотики... В жизнь подростка должно войти нечто такое, что способно оказать на него гораздо большее влияние, чем наркотик. Стремление к возбуждению недвусмысленно свидетельствует о скуке, порождаемой тусклым, однообразным существованием, лишенным цели, смысла и значения. Поэтому-то молодежь и стремится перенестись в какой-то иной, иллюзорный мир, привлекательность которого возрастает по мере возрастания общественного презрения и осуждения».

Данная категория людей не желает жить и мириться с окружающей действительностью. Чтобы не думать о ней, эти люди создают себе иной, «искусственный» мир, окунаясь в который, они забывают о «безумном человечестве» и отрешаются от всех внешних проблем. В своей реальности они живут только для самих себя.

В этом человеку способствуют наркотики, приводящие сознание в состояние транса или возбужденности, спокойствия или, наоборот, напряжения. Причем состояние это длится часами, за время которых человек настолько привыкает к ощущению своей «самобытности», что ему не хочется расставаться с этим. Действительная жизнь с ее проблемами и трудностями становится скучной и неинтересной, появляется безразличие ко всему происходящему. Радость возникает лишь при мысли о наркотике, а главная цель — поскорее вернуться в «искусственный мир».

Но не только в наркотиках находили себя «тинэйджеры» 90-х. Широко открыли двери многочисленные секты, хотя мотивы ухода в различные религиозные организации изменились. Если раньше главной причиной было желание некой экзотики, а также то, что традиционные конфессии ассоциировались со старшим поколением и вызывали понятный протест, то тут на первый план выходили более личные утилитарные факторы.

Другая часть подростков реализовала себя в иной сфере. Музыкальное движение «Hard-Core» выросло на полном отрицании нездорового образа жизни. Внешне крайне агрессивные, они оглушающе громко кричали о вреде наркотиков и курения. Пропаганда здоровья достигла степени культа. Больше всего это проявилось в модном экстремальном спорте (X-sport). Ролики, скейты и просто велосипеды всегда занимали мальчишек, но в середине 90-х бывшие «скейтеры» и «роллеры» сделали это своим бизнесом. Тогда же возникло направление — X-sport, пропагандирующее рискованные трюки на разных, не предназначенных для этого поверхностях. Подобный спорт стал частью современной культуры «тинэйджеров». Скейты и ролики, наколенники и налокотники, шлемы, шорты и футболки сделались объектом «высокой моды» и столь же высокой стоимости.

Есть и более серьезные движения. Например, «хай-тэйкеры» или «хакеры». Определенная часть молодых людей нашла себя в

мире высоких технологий. Интернет стал для них тем, чем для «битников» были пляжи Калифорнии. Они не озабочены ничем, кроме последних компьютерных новостей. В технократической цивилизации принцип удовольствия поглощает принцип реальности. Когда же ощущения становятся очень сильными и очень приятными, то человек легко попадает в зависимость от них. Именно поэтому есть все основания говорить о близости увлечения компьютерными играми и наркоманией.

Вообще, по социально-правовому признаку субкультуры разделяют на три категории:

1) просоциальные, или социально-активные, с позитивной направленностью деятельности. Например: группы экологической защиты, охраны памятников, окружающей среды.

2) социально-пассивные, деятельность которых нейтральна по отношению к социальным процессам. Например: музыкальные и спортивные фанаты.

3) асоциальные — хиппи, панки, сектанты, готы, эмо, преступные группировки, наркоманы и т.п.

Человек, попавший в субкультуру, становится с ней единым целым. Он принимает все порядки, законы нового общества, у него меняется система ценностей и взгляд на мир. Кто-то меняет субкультуры, как перчатки, только ради их внешних проявлений, эпатажа окружающих, не вникает в суть и философию, которая в большей или меньшей степени есть в каждом неформальном движении. Даже те, кто верен одной своей неформальной организации, зачастую не понимают ее. Чаще всего таким поверхностным бывает именно молодое поколение. Подростки металлисты могут устраивать массовые драки и беспорядки, хулиганить, хамить старшим и считать, что поступают как истинные металлисты. Им отнюдь не понять, что это движение основано в первую очередь из-за самой музыки и особого мироощущения, а не из-за стремления разрушать все вокруг.

Общаясь с представителем той или иной субкультуры, миссионер должен понимать, что духовный поиск современного человека ярче всего выражен именно на языке его субкультуры, которая несет в себе определенные духовные ценности (пусть даже безнравственные). Понять их значение для данного человека, и осветить их через «призму» ценностей Евангельских — вот начало поиска точек соприкосновения и «рецепции» субкультуры для проповедника.

2.6. Практические рекомендации по тематике и методике проведения духовно-просветительских бесед

Основная цель духовно-просветительских бесед заключается не в том, чтобы дать ответы на все вопросы жизни или много знаний (хотя и это важно), а обозначить наиболее важные ориентиры для правильной духовной жизни христианина. В принципы изложения материала необходимо закладывать мысли, побуждающие слушающих оценить себя в свете Священного Писания и святоотеческого наследия (что также обеспечит возможность давать ответы на вопросы из назиданий святых отцов). В беседах необходимо помнить, что сам рассказчик не является носителем полноты истины, но такой же грешник, как и слушающие, поэтому назидательный тон не всегда приемлем. Не зазорно будет испрашивать молитв у самих слушающих и у братьев, отцов, делающих замечания, и внимать их советам.

Принципу последовательности, постепенности наиболее соответствует подача материала в том порядке, в каком проходило свою историю человечество или, лучше сказать, как Бог Своим Преподобным Промыслом предуготовлял спасение рода человеческого и как спасал и спасает каждого желающего этого.

Касаясь событий Библейской истории, важно показать отражение ее качественной (внутренней) стороны на развитии человечества. На первых занятиях лучше затрагивать вопросы о смысле жизни, Промысле Божиим, существовании иного мира, приводить примеры из загробного мира, из книг не только духовных, но и светских. Это, например, опыт пациентов, которые испытали на себе клиническую смерть, также примеры критических ситуаций, когда особенно проявляется взаимосвязь видимого и невидимого мира (военные действия, природные катаклизмы и другое). Можно рассматривать вопросы о вере и наличии ее у всех народов, о наличии у человека стремления к совершенству и соотношении ума, воли и чувств, о соотношении веры и разума, веры и знаний, о совести, о спасении, покаянии, частном и Страшном суде Божиим. Когда эти вопросы обсуждаются, собеседник находит контакт с теми, кто слушает, выясняет в ответах их уровень и состояние.

Каждый человек дает свои ответы на эти вопросы, а значит и будет, в дальнейшем, действовать в соответствии с ответами. Кто же из множества ответов дает правильное решение? Размышления над этими вопросами могут натолкнуть на

мысль, что только Господь, сотворивший весь видимый и невидимый мир, и Промышляющий о нем, может дать правильные ответы.

На первом этапе бесед проповедник начинает с объяснения Заповедей Божьих. Распределить толкование заповедей можно в соответствии с духовным ростом человека (его духовным устроением). Для более легкого восприятия материала по Заповедям Божиим можно выбрать ключевые слова: для 1,2,3,4,5-й — «чти» — слово о почитании; для 6,7,8,9,10-й — слово «не вреди» жизни, целомудрию, имуществу, словом и даже мыслию, желанием. «Золотым правилом» для Заповедей Божьих, в особенности по отношению к ближним, является правило, сказанное Самим Господом Иисусом Христом: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7.12). Эту заповедь возможно исполнить правильно, если человек исповедует Единого Истинного Бога, а ложных языческих богов отвергает, ибо таковые боги не являются примером подражания верности, истине, правде, нравственной чистоте жизни. Исповедание истинного Бога, отношения между миром (творением) и человеком взаимосвязаны. По исповеданию человека можно сразу определить, на каком духовном уровне он находится, и какие могут быть возможны у него отклонения от правильной, чистой жизни.

При рассмотрении Заповедей Блаженства основной упор делается не на созерцательную жизнь — «для совершенных», а на деятельную. Все добродетели связываются правильной молитвой. Поэтому необходимо отдельно остановиться на толковании основных молитв. Особое внимание необходимо уделять молитве «Отче наш» и ее толкованию по книге свт. Феофана Затворника, в которой написаны изречения святых отцов на слова «Господней молитвы».

Приступая от нравственной части к догматической, то есть к беседам о членах Символа веры, хорошо дать знания общего представления о Вселенских Соборах, их количестве, месте и годе сбора, и представление о личных свойствах Пресвятой Троицы. Таким образом, нравоучительные истины рассматриваются на основе Заповедей Божьих и Молитвы Господней, а вероучительные истины православного мировоззрения даны в кратком изъяснении Символа веры. Если выражаться образно, то можно сказать, что в первой части собеседники приходят к мысли о необходимости духовного возрождения человека через добросо-

вестное исполнение Заповедей Божьих, через видение и осознание своих грехов. Все это побуждает человека вступить в лоно Православной Церкви и, путем исполнения Заповедей Блаженств, восходить по «лестнице» добродетелей в Царство Небесное. Причем весь этот путь необходимо совершать в свете православного вероучения.

В общеобразовательных учреждениях, в том числе и пениitenciарных, применяемая воспитательная система условной морали, то есть без опоры на Бога, претерпевает полный кризис. Практические последствия ее — разложение в такой степени, что обнаруживается даже угроза будущему Российского общества. Священник, катехизатор, педагог должен трудиться не над формированием личности, а над содержанием жизни личности, ее качественной стороной (Мф. 10.39). Поэтому немаловажное значение имеет работа и со штатными психологами, так как они по долгу службы должны оценивать и корректировать поведение своих подопечных.

Основными принципами православной педагогики являются:

— единство;

— постепенность;

— последовательность, то есть от понятного к более сложному, но не в плане суммы знаний или философских терминов, а в плане восприятия Божественных истин (законов): 1) о законе Божиим и заповедях Блаженства; 2) о спасении в шествовании по пути жизни; 3) о стяжании посредством добродетелей Святого Духа;

— принцип наглядности, жизненности, то есть связи реальной современной жизни с Писанием и Преданием.

Человек приближается к Господу не суммой знаний и доказательств, а чистотой жизни. Господь же удостоивает благодатной силы и ведет по пути к богоподобию того, кто совершает деятельный путь уже здесь, на земле, и получает соответствующий залог даров Духа Святого в меру вместимости каждого, получает по мере христианского подвига залог будущего воскресения.

Таким образом, цель христианской жизни — спасение. Этапы (задачи) по исполнению этой цели — это стяжание, уподобление и «обожение» в совершении добродетелей веры, надежды, любви.

В беседах не следует проповедовать самонадеянно и выказывать свой интеллект, а свидетельствовать об истине, испове-

довать милость Божию, не дающую, за наши прегрешения, отпасть от веры православной, апостольской. Помочь желающим воспринимать истинную веру жизнью, ту веру, за которую мученики с радостью шли за Христа на смерть, а миссионеры отправлялись в неизвестные земли к диким народам, чтобы явить свет этой веры для падшего мира.

Евангелие всегда остается ключом мирозерцания и с ним должно быть тесно связано дело духовно-нравственного воспитания. Ключ к сознательному воцерковлению состоит в привитии любви к правильной духовной жизни. Ведь известно, кого человек полюбит (Бога, Церковь, святых), о том он больше захочет узнать. Знания, как богатства, если за ними погнаться безрассудно, могут привести к гибели, а потому Спаситель и говорит: «Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6.33).

2.6.1. Методика корректного общения с оппонентом

В данном параграфе рассматриваются общие вопросы общения с собеседником или целой аудиторией, не разделяющими (или не вполне разделяющими) взгляды, высказываемые миссионером.

Обычно общение с оппонентом в миссионерском служении рассматривалось исключительно в рамках догматического диспута. Однако проблема грамотного общения миссионера с оппонентом шире рамок вопроса о традиционном диспуте на вероучительные темы, а сам диспут (в классическом, строгом смысле слова) является достаточно специфической и не всегда желательной формой общения миссионера с оппонентом.

В первую очередь миссионер должен понимать, что за высказываемыми вслух аргументами (нередко весьма «избитыми») могут присутствовать совсем иные, более глубокие мотивы поведения оппонента, возможно, даже не всегда осознаваемые (или признаваемые) им самим. Это могут быть мотивы, по которым он отвергает, например, религию вообще или Церковь, и эти мотивы могут побуждать его подыскивать ту или иную внешнюю аргументацию «частного характера», оправдывающую (в его глазах) его выбор. Однако сами эти мотивы могут лежать совсем в иной плоскости — например, в плоскости психологической, эмоциональной, даже в плоскости нравственной, а отнюдь не в плоскости логически понимаемых аргументов.

Общий случай такой скрытой мотивации оппонента: «Я не хожу в Церковь, потому что она неправильная» (чему и приводятся аргументы), а не потому (или: не только потому), что она требует многого от меня: она требует от меня меняться, отказываться от себя прежнего, и т.д. (подлинный мотив, который, по сути, звучит как «потому что я не хочу»). Таким образом, скрывая мотив за теми или иными аргументами (нередко шаблонными), оппонент переносит «вину» за свой выбор на Церковь.

За какими-либо частными аргументами оппонента в качестве их подлинного мотива может стоять неприятие оппонентом Церкви как таковой (известно, что неприязнь к Церкви культивируется в некоторых субкультурах). Может быть таким мотивом и неприятие такого «ущемляющего чувство собственного достоинства» понятия, как грех, или в целом неприятие смирения, ведущее к неприятию самой «идеи Бога», иерархии, православных обычаев и православной этики (это нередко становится «камнем преткновения» как для представителей протестантской культуры, так и для представителей светско-гуманистической культуры). Истинным мотивом оппонента может стать неприятие тех или иных нравственных требований к себе в Православии (отношение к вопросам пола, к карьере, к личному обогащению, к удовольствиям и потребительскому идеалу в целом). Нередко мотивом становится нежелание идентифицировать себя с тем «непрестижным» и «немодным», или «несовременным» образом Церкви, который существует в массовом сознании (т.е. причиной является та или иная самоидентификация оппонента, как представителя современного, «продвинутого» круга людей и т.д., возможно, круга людей определенных национальных или культурных установок).

Во всех этих случаях попытка отвечать на «внешнюю» аргументацию оппонента, не затрагивая крытых мотивов, обречена на «порочный круг». Обычно такой оппонент имеет заранее нужные ему «ответы», он готов давать свои толкования явлениям и словам, отличные от принятых, «придираться» к словам, передергивать их (через вольные преувеличения, сравнения и др. «художественные приемы»). Такого оппонента невозможно переспорить, апеллируя к логике и фактам; его цель — не услышать от миссионера новую информацию, а еще раз уличить его в «неправоте», то есть его поведение провокационно.

Читая «Письма из Посольского монастыря» архиеп. Вениамина (Благоднарова), или записки алтайских миссионеров, или,

наконец, «Житие свт. Стефана Пермского», можно обнаружить многочисленные примеры того, как не оправдывались надежды миссионеров на аргументированное доказательство превосходства веры Православной на логически выраженное превосходство их аргументов. Напротив, ведущим в поведении и «логике» оппонентов оказывался мотив той или иной самоидентификации (например, «наша вера», «вера предков», в противоположность «московской» или «русской вере»), а не поиска безошибочности веры, т.е. «поиска Истины». Таким образом, осознанно или неосознанно в любом споре и диспуте ими защищалось «свое», а не «истинное» (истинное с логической, фактической и т.п. точек зрения). Для многих настоящей причиной отказа от принятия Православия становился невозможный (для них) полный разрыв со своим обществом (языческим по культуре) вследствие крещения, который десоциализировал бы человека, превращал бы его в изгоя. Это и происходило, например, с крещеными алтайцами и бурятами: для первых алтайским миссионерам приходилось создавать специальные поселения (закладывая тем самым основы нового социума), а вторые даже отказывались называться бурятами, называя себя «черными русскими». Сегодня боязнь потери социализации нередко становится преградой для прихода в Церковь в молодежной среде (где социализация крайне важна).

Кроме этого, сам миссионер должен понимать, что в основе выбора веры (или неверия) также может лежать тот или иной нравственный (по своей природе) выбор человека. Таким нравственным выбором может быть, например, отношение к некогда совершенным поступкам (самооправдание, в том числе через признание того или иного «детерминизма», несовместимого с православным учением о свободе воли), или же ежедневные укorenившиеся привычки (положительная оценка которых также несовместима с церковной жизнью). В подобных истоках своего выбора человек может не давать (или не захотеть давать) себе отчета. Такой нравственный выбор мог быть сделан в далеком прошлом, даже не вполне осознанно (поскольку выбор совести может быть и интуитивным), но при этом определить все будущее поведение человека, а в итоге и его систему взглядов (в этом плане неслучайна этимология слова «целомудрие», связывающая жизненный опыт, однажды выбранный человеком, со всем его последующим мировоззрением). Определенный нравственный выбор между собственным «Я» и способностью принять Того,

Кто выше человеческого «Я», происходит даже в момент диспута, потому что человек выбирает, будет ли он сам критерием истины, или же допускает, что есть То, что выше его понимания и его самоволия.

Таким образом, скрытые мотивы отнюдь не обязательно должны корениться в прошлом человека. Даже сам «жанр» общения (коммуникации) может диктовать модель и мотив поведения: так, «жанр» диспута выносит на первый план мотивацию утверждения «своего» как такового, борьбу спорящих; заданная им стратегия речи предполагает самоутверждение «ритора» и «победу над соперником» в качестве главной цели речевой деятельности, а не «поиск истины» в качестве главного мотива поведения. В современной науке эти явления исследуются в разделе «неориторика» под названием «агонального дискурса» (то есть соревновательной по своей природе речевой деятельности, направленной на борьбу и управление соперником с помощью речи). Нужно заметить, что сам миссионер должен всячески избегать подобной мотивации в своем поведении, как и тех «жанров» общения, которые задают подобную модель поведения у его оппонента, располагают к ней, и потому не дают оценивать ему аргументы миссионера непредвзято.

Более того, принципы и «технологии» агональной коммуникации все чаще и чаще берутся (и иногда — сознательно) на вооружение представителями сектантских движений. Необходимо привести несколько характеристик «агональной риторики», или «агональной коммуникации»: данное направление в риторике характеризует умение встраиваться в человеческое сознание и управлять им с помощью слова. Такой тип риторики проповедовался греческими софистами, поэтому часто ее называют софистической риторикой. Она исходит из того, что истины не существует, только человек мера всех вещей, он высшая истина. Главным отличием агональной коммуникации от всех других видов является не прояснение смысла высказывания, но, напротив, придание любому высказыванию возможности различной расшифровки. Агональное высказывание противоположно формально-логическому высказыванию, оно допускает одновременную истинность или ложность противоположных суждений, поэтому ритор в пространстве агональной коммуникации не может говорить истины. Человек, подвергающийся АК, не должен об этом знать, так как в данном случае воздействие происходит на бессознательном уровне, нет сознательных фильтров, задача

— проникнуть в сознание, создавая новое бессознательное человека. Данное направление особенно востребовано в демократические периоды развития общества, в настоящее время прочно входит в жизнь.

В целом такая коммуникация хорошо укладывается в свойственную современной западной культуре релятивистскую парадигму, утверждающую относительность истины, и вполне усвоенную современной западнохристианской (протестантской) культурой; она в целом свойственна различным сферам современной культуры. Однако нередко используются и специальные коммуникативные технологии, созданные по подобным принципам, например, технологии «нейролингвистического программирования» (НЛП), «лидерства», и т.п. Миссионеру, постоянно имеющему дело с сектантами, стоит подробно познакомиться с материалами по теме «Проблема защиты личности от речевой агрессии и агональных коммуникативных стратегий»: подобным темам уже посвящают часы в вузовских спецкурсах. Иногда способы такой коммуникации принимают форму откровенно провокационных технологий, прямо направленных против собеседника (определенные группы людей специально занимаются этим в Интернет-пространстве, иногда даже следуя четко прописанным инструкциям, правилам так называемого «троллинга», от англ. «Trawl» — сеть, бредень).

Миссионер должен стремиться к тому, чтобы понять истинные «цели и задачи» речи оппонента, настоящие мотивы его поведения, стоящие за его вопросами и аргументами, и, если это продуктивно, отталкиваться именно от них, на них отвечать или возражать.

Иногда миссионер может уловить такой скрытый мотив, стоящий за аргументами оппонента — либо он косвенно отражен в аргументации (может быть, является «общим знаменателем» для ряда аргументов оппонента), либо иначе «проглядывает» в самой речи оппонента (выборе слов, оценочных слов и т.д.), либо его можно уловить по ответам на наводящие вопросы, либо же это мотив, типичный для той или иной конкретной аудитории, которую представляет оппонент типичным же для нее набором готовых аргументов (а опытный миссионер должен представлять себе в целом, какие именно побудительные мотивы наиболее свойственны той или иной конкретной аудитории — молодежной, сектантской или любой другой, какие раздражители находит она в Церкви).

Одна из трудностей здесь — корректно, в дружелюбной форме, не задевая оппонента и не «выставляя диагноз», перевести разговор на истинные мотивы оппонента (если это продуктивно). Это может быть сделано через серию наводящих вопросов, или же через обобщение. В этом случае можно привести, с целью обобщения, и другие примеры аналогичных «аргументов», например, через формулировки типа «это наиболее типичные аргументы, высказываемые обычно против...» или «мне часто приходилось сталкиваться с таким и подобным вопросами, мне кажется, что у них есть одна общая черта...», «можно перечислить еще несколько подобных аргументов», или «мне кажется, ваш аргумент чем-то похож на те, которые я встречал раньше» (после чего перечислить типичные аргументы, которые на практике часто встречаются, но общим у которых действительно является только скрытый мотив). В любом случае, чтобы не быть голословным, стоит сначала попытаться вызвать оппонента на диалог, который вскрыл бы его мотив (нередко, например, сектанты скрывают свою настоящую позицию, выступая против Православия не как представители иной религиозной группы, а от лица «светской публики», и на словах радея за «светскость» — к примеру, в диспутах по поводу духовно-нравственного образования в школе). Если приходится обнаруживать вслух «скрытый мотив» оппонента, то не стоит так же вслух приписывать его оппоненту лично, лучше говорить о «тех людях, от которых я обычно слышал такие аргументы», и не стесняться употреблять слова, подчеркивающие, что «это лишь Ваше скромное» мнение.

Нужно понимать, что вся аргументация миссионера может быть услышана «преломленной» сквозь призму «внутренних мотивов аудитории», то есть воспринята предвзято. На это необходимо пытаться сделать поправку, предупреждать такое предвзятое восприятие, либо воздерживаться от «предвзято воспринимаемых» аргументов, или тех, к которым аудитория останется глухой (иными словами, миссионер должен задумываться над тем, как именно будут поняты его аргументы).

Если поведение оппонента не предполагает откровенно провокационного настроения, разумнее всего отвечать в первую очередь на прямо поставленные вопросы и аргументы оппонента, однако при возможности перевести разговор и на предполагаемый скрытый мотив (может быть, даже не обозначая его, не акцентируя на нем внимания), постараться привести аргументы

против него. Привести такие аргументы возможно, если скрытым «камнем преткновения» служит самоидентификация оппонента (национальная или иная), или созданный им образ Церкви, либо его отношение к смирению, необходимость которого в духовной жизни каждого с точки зрения Православия миссионер должен адекватно изъяснить.

В целом, в отношении с оппонентом миссионер должен быть готов к возражению «по сути», то есть на возможные скрытые мотивы оппонента, и быть внимательным к проявлениям провокационного поведения, но при этом не «заикливаться» на поиске и «разоблачении» подобных мотивов, а вести по преимуществу диалог с тем большинством, которое задает вопросы искренне. В этом вопросе миссионеры должны быть «мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10.16). К тому же, нужно помнить, что не всегда оппонент в своих мотивах признается и себе самому, и здесь поведение миссионера требует особой аккуратности, такта и внимательности.

«Конечная цель» миссионера в отношении провокационно настроенного оппонента может быть разной. Например, в публичном разговоре — с расчетом на окружающих слушателей, вводимых в определенное заблуждение оппонентом — иногда желательно все-таки разобрать истинную мотивацию оппонента, и сделать это ненавязчиво, отстраненно от спора и даже дружелюбно. В крайних случаях корректным ответом миссионера на публичную провокацию является ссылка на словарные или иные определения, прямо обнаруживающие некорректность аргументов оппонента либо его разоблачающие.

В личной беседе с провокационно настроенным оппонентом можно попытаться донести мысль о религиозном пути вообще не как о «способе самоидентификации», «собственном пути», а как постоянном поиске Бога «по совести», честном поиске, и таким образом пригласить человека к такому поиску. Тем самым миссионер как бы предлагает оппоненту перейти с позиции «владеющего истиной» на позицию «ищущего истину». В крайнем случае, можно попытаться убедить оппонента осознать мировоззренческий выбор (и его собственный в том числе) именно как выбор нравственный. «Последний аргумент» в личном разговоре с провокационно настроенным оппонентом — это напоминание о той «точке», где каждый выбирает свою веру, и о том, что это может быть выбор совести, а может — сделки с совес-

тью; в этом смысле любое мировоззрение оказывается той или иной «верой» — будь то «научное мировоззрение», или иной вид атеизма, и др. (и нередко, выбирая «веру», человек выбирает, допускает ли он кого-либо «выше себя», или нет, а поиск Бога и выбор веры — уже производные этого нравственного выбора). Конечно, миссионер должен удержаться, чтобы косвенно не обличить оппонента в безнравственном выборе — этот вопрос человек сам должен задавать своей совести (при этом нужно быть готовым к негативной реакции). Это предельная точка, в которой аргументы теряют уже свою обязательность, а миссионер обращается как бы к голосу совести оппонента, указывая на относительность всех его аргументов.

Однако далеко не всегда апелляция к истинным мотивам оппонента вслух и возражение на них вообще имеет смысл: миссионеру стоит оценить, насколько оппонент сильно «мотивирован» против Церкви или религии, и, возможно, воздержаться от попыток «доказать» ему что-либо. Миссионерство, как продолжение апостольской проповеди, есть свидетельство, а не «доказательство», и некоторым доказательством служит лишь то свидетельство самой жизнью о Христе и о «Воскресении Христовом, в нас бываемом» (прп. Симеон Новый Богослов), которое христианин имеет в церковной жизни (в жизни ее святых) и истории Церкви. Священное Писание прямо ограничивает возможное желание миссионера «защитить Истину» с помощью диспута перед яркими и настойчивыми оппонентами (Ср.: Мф. 7.6; Тит. 3.9-10).

Есть и другие факторы, ограничивающие, соответственно указанным словам Священного Писания, объем и содержание миссионерской проповеди. Так, миссионер должен хорошо представлять (или выяснить в процессе) реальный уровень духовной жизни своей аудитории или своего собеседника-оппонента, и понимать свою реальную (непосредственную, ближайшую) цель в отношении этой духовной жизни. Например, далеко не всякий готов слушать, а тем более понимать пересказ Православного катехизиса — в первую очередь, в силу полной «теоретичности», «умозрительности» подобных текстов в отношении собственной жизни человека, оторванности от реального уровня духовных проблем человека. Необходимо предлагать только то и касаться только того, что может иметь отношение к реальной духовной практике собеседника, какой бы малой она ни была.

Также миссионер должен чувствовать и понимать, что именно объединяет сейчас ту аудиторию, к которой он обращается, «во имя чего» собрались эти люди «воедино», и насколько это начало, объединяющее их «здесь и сейчас», будет основанием и подспорьем, или напротив, противодействием проповеди Христовой.

Нередки ситуации, когда миссионеру совершенно бессмысленно спорить о каких-либо вещах и доказывать какие-то истины, потому как аудитория не принимает еще и истин «предшествующего порядка». Невозможно заниматься проповедью новозаветных заповедей там, где отсутствует понятие о «естественном» нравственном законе или нравственности на уровне ветхозаветных заповедей. Невозможно заниматься подобной проповедью и в аудиториях, объединенных атмосферой и настроением, совершенно противоположными духу Христовой проповеди, или не имеющими тех условий, которые требуются для осмысления проповеди, в том числе соответствующего настроения, преобладания разума над эмоциями, трезвости и т.д. (например, на рок-концертах и подобных масскультурных мероприятиях). Здесь призывы и аргументы миссионера должны касаться более общих вещей, а миссионер — выполнять функцию «детоводителя» (См.: Гал. 3.24-25), то есть того, кто только ведет к возможности проповеди о Христе.

Требование «не заниматься теорией» и не давать «пустых», заведомо не соотнесенных с реальным «духовным возрастом» человека знаний особенно касается миссионерской работы в образовательном пространстве. Образцом православного подхода к изучению Священного Писания может быть известный случай из патериковой литературы: молодой послушник обратился к опытному наставнику с просьбой обучить его чтению Псалтири. Наставник открыл 38 псалом и стал читать с учеником 1 стих псалма: «Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим; буду обуздывать уста мои». На этих словах ученик сказал, что для первого урока хватит. Когда учитель увидел ученика в следующий раз и предложил продолжить обучение, ученик ответил, что еще не усвоил прошлый урок. Так он ответил и через десять лет. Только через двадцать лет он пришел к учителю и сказал: «милостью Божией я освоил то, что мы изучали в прошлый раз. Я готов учиться дальше». За двадцать лет он научился обуздывать свои уста. Это значит, что он не просто взялся изучать

Псалтирь «как теорию», как «текст», а взялся ее изучать применительно к своей жизни.

Миссионер должен понимать, что духовная жизнь и путь к Богу — это именно «путь», и как любой путь, он последователен, и невозможно перепрыгнуть через часть этого пути — тогда человек рискует «узнать Бога в теории», «спастись в теории», или, что не менее вредно, начать употреблять Имя Божие всуе, не имея на практике чувства святости и благоговения. Особенно вредными могут оказаться «теоретические споры о Боге», далекие от реальных первых шагов на духовном пути. Стоит помнить, что духовный «выбор веры» в большей степени есть выбор нравственный и даже мистический, чем логический, «от знания». Поэтому миссионер, свидетельствуя об истинах веры Церковной ради их «слышания» в таких аудиториях, не должен стесняться останавливать теоретизирования и теоретические диспуты по сложным богословским вопросам (например, ссылкой на то, что византийская богословская мысль исчерпывающе изъяснила это вероучение для его «разумного восприятия», но для понимания этой богословской мысли сначала придется подробно, на высшем уровне изучить весь самый сложный аппарат той же эллинистической философии, в корне отличной от западноевропейской, для чего, как правило, просто нет возможности и времени; или же намеком на то, что в церковном опыте подобные вопросы требуют куда более глубокой духовной практики у слушателей, чем предполагает имеющий место диалог).

Миссионер должен хорошо представлять, каковы реальные точки соприкосновения его аудитории с жизнью Церкви Христовой, и опираться (ориентироваться) на них. Иногда такими точками может быть лишь знакомство с Православием на уровне общих представлений, почерпнутых из быта или СМИ. Как правило, они касаются «культурного» или обрядового «измерений» церковно-богослужебной жизни, и свою проповедь миссионер должен уметь строить и на этом материале, отталкиваясь от него.

Должен миссионер представлять себе (или выяснять в процессе диалога, но, конечно, не прямым вопрошанием) и то, какие духовные запросы свойственны его аудитории или собеседнику, в каких формах выражаются духовные искания аудитории (к которой принадлежит собеседник) — с тем, чтобы строить свое Благовестие как «ответ» на такой духовный поиск. Такой духовный поиск, известный и близкий собеседнику, может быть

выражен и на языке классической культуры, и на языке альтернативной культуры, и даже в тех нуждах и скорбях, с которыми человек обращается к представителю Церкви. Миссионер в идеале должен уметь находить те емкие образы, цитаты из близкой собеседнику культуры, или жизненные моменты в его биографии, в которых выражался такой поиск, и отталкиваться от них. Такое открытие христианского ответа на духовный поиск, всегда свойственный человечеству (См.: Деян. 17.26-27), как бы этот поиск ни был выражен, есть реализация в миссионерском служении принципа церковной рецепции культуры, свойственного Православной Церкви начиная с апостольских времен.

Еще раз стоит подчеркнуть: разговор с аудиторией или оппонентом не должен в общем случае иметь форму спора, поскольку она будет мешать оппоненту оценивать аргументы миссионера сами по себе, и будет задавать их предвзятую оценку — как «чужих», а значит, таких, которые должны быть опровергнуты уже в силу самой их «чуждости». В нынешнюю эпоху, когда насаждается идеология плюрализма и релятивизма в отношении Истины, всякая логическая и фактическая аргументация уходит на второй план по сравнению с «беспроегрешным» аргументом типа «а вот я думаю именно так, и это мое мнение», то есть с безусловным «правом» каждого на свою «истину». Поэтому миссионер, чтобы избежать подобного восприятия оппонентом, не должен строить разговор как противопоставление и борьбу двух «точек зрения» (диспут в том или ином виде), а напротив, должен подчеркивать свое «со-чувствие», «эмпатию» оппоненту, выражать свое стремление к духовному единству в Истине всеми доступными средствами. Скорее, стоит давать «информацию к размышлению», к «внутреннему спору», который человек будет вести потом сам с собой.

Далее рассматриваются несколько примеров того, как это конкретно можно реализовать в практике общения.

Позицию оппонента, на которую следует возражать, лучше описывать не прямо (словами «Вы говорите, что...»), не подчеркивая, что это именно его позиция, а отвлеченно, или обобщенно («да, многие говорят, что...»). Проблемные вопросы лучше показывать «на себе», даже если они прямо касаются оппонента. Вместо того чтобы возразить: «Вы неправы потому-то и потому-то...», стоит сказать: «да, я тоже рассматривал эти аргументы, но вот что я подумал (сказал самому себе и т.д.)...». Любую критику

также стоит примерять «на себе», «в свой адрес», даже если речь идет о вопросах нравственности («у нас часто случается...» и т.п.). Средствами речи лучше нивелировать то, что одни из аргументов «Ваши», а другие — «его собственные», и говорить об аргументах вне этого «противостояния».

Миссионеру лучше говорить с позиций «человека, (некогда) пришедшего в Церковь», а не с позиций «учителя Церкви». В частности, миссионер может говорить с позиций человека, некогда «сознательно выбравшего путь церковного служения» — это оправданно, даже если миссионер с детства принадлежал церковной среде. Так миссионер оказывается для собеседника не «официальным лицом», а «представителем всех тех, кто приходил и приходит в саму Церковь и к Богу через Ею Церковь». Эта позиция «человека, искавшего путь к Истине и продолжающего искать, стремиться к личной встрече с Истиной, к полноте такой встречи на уже найденном верном пути», такая позиция позволяет миссионеру оказаться «по одну сторону баррикад» со своим оппонентом, от которого также ожидается поиск Истины. Нужно говорить, в том числе, и о своем выборе, «показывать на себе», а не на собеседнике и оппоненте («почему я сделал такой выбор», «почему для меня неприемлем и недопустим иной выбор», а не «почему Вы обязаны сделать такой выбор»). Это уберезит миссионера от излишней дидактичности, он будет выглядеть человеком, делящимся собственным опытом, а не навязывающим некую «официальную», обязательную для всех точку зрения.

Делая опору в разговоре на чей-либо (например, свой) опыт вхождения в Церковь, миссионер не противопоставляет себя или кого-либо оппоненту, а напротив, отталкивается от той отправной точки, когда и сам упоминаемый еще был «внешним» по отношению к Церкви, говорит как бы от его лица. Естественно, это ни в коем случае не должно быть «ссылкой» на собственный опыт как на аргумент: напротив, все аргументы должны приводиться применительно к личному опыту миссионера, должны просто объяснять его личностный выбор. Тогда собеседник не воспримет эти аргументы как критику его собственного выбора, и тем более как попытку «учить» его, «навязывать» и «указывать» ему, что уже само по себе вызывает желание «дать отпор», не задумываясь еще всерьез над приводимыми аргументами.

Надо понимать, что искренний оппонент всегда прав — прав уже в самом поиске Истины, в том, что он к Ней стре-

мится. Оппонент должен чувствовать, что цель беседы со стороны миссионера — отнюдь не переспорить его, не победить в диспуте. Он должен чувствовать, что цель — та же, что и у него: бескорыстный поиск Истины, для себя и для других, поиск не только в прениях, но в первую очередь в личном опыте. При возможности нужно соглашаться со словами оппонента — с его обобщениями и фактами, и даже подтверждать это своими примерами и своими обобщениями, но — при необходимости — делать из них принципиально иные выводы.

Любое возражение (при возможности) лучше начинать фразой «Вы, безусловно, правы ... так и есть, более того, ... но ...» Например, на критику священства с нравственной точки зрения (в качестве аргумента против Церкви), как и на другие подобные аргументы, всегда можно ответить: «Ваша критика заслуживает доверия, больше того, она для меня бесспорна: ведь любой христианин впервые о таких явлениях среди последователей Христа узнает не откуда-либо, а из самого авторитетного источника: из Священного Писания. Согласно Евангелию, даже среди участников Тайной Вечери было 8.5% предателей. Наверное, сейчас среди учеников Христа процент предавших Его учение — не меньше. Но ведь это не причина, чтобы «не садиться за один стол» со Христом, не участвовать в Его Евхаристии!».

В разговоре с протестантом или сектантом, утверждающим «испорченность Церкви» как главный мотив разрыва с ней, может оказаться, что и Православная Церковь обнаружила «искажения» в той самой церкви, от которой затем отпали протестанты, причем обнаружила еще на несколько веков раньше, в XI в., и здесь спорить не о чем (с той разницей лишь, что Православная традиция сохранила созданную апостолами Церковь, а не реконструировала ее по своим теориям).

Желательно наводить собеседника на мысль, а не предлагать свои контрвыводы, излагать аргументацию так, чтобы собеседник с «подсказки» миссионера сам мог «додумать» правильную логику и самостоятельно (возможно, позже) сделать вывод, который ему хочет предложить миссионер (это поможет ему непредвзято отнестись и к предложенным ответам). Либо цель может состоять в том, чтобы оппонент задался вопросом, которым раньше никогда не задавался. Иногда «информацией для внутреннего диспута» может быть не только вопрос, но и ссылка на

хорошую книгу, где этот вопрос решается, если она еще не знакома оппоненту³.

³ Можно предложить вопрос (протестанту) о том, как сегодня, спустя 2000 лет, понять Того Самого, подлинного исторического Христа. Здесь не обязательно «в лоб» говорить о Предании и Церкви как хранительнице Предания, иногда достаточно поставить более простой вопрос «по аналогии» или более общий вопрос на конкретном примере. «А как вообще понять книгу, написанную много тысяч лет назад, в другой эпохе и культуре?». Отвечая на этот вопрос, собеседнику придется поневоле вспомнить о разнице языков и культур, о переводчиках, комментаторах, о традиции, в которой рождается (или которую рождает) та или иная книга, и в которой она остается понятной (т.е. правильно понятой). Если миссионеру в споре об истинности тех или иных деноминаций и конфессий, в споре о правильном понимании Библии удастся поставить вопрос о необходимости «собственно библейской» традиции, которая планомерно на протяжении всей своей истории отбрасывала бы всякие «небиблейские прочтения» Библии, порожденные той или иной эпохой или культурой (но в то же время старалась донести до последних содержание Библии на доступном людям этих эпох и культур «языке») — это означало бы «правильно поставить вопрос», то есть дать залог правильного ответа, в том числе и самим собеседником.

Можно поставить вопрос о том, что сегодня хорошо известно в гуманитарных науках: о проблеме понимания вообще. Понимание любого знака и текста неотрывно от контекста: ведь одно и то же слово может принимать совершенно противоположные значения (например: «разбить» как «разрушить» в контексте большинства слов, и «разбить» как «создать» в контексте слова «лагерь»). Подобные занимательные примеры ставят в итоге вопрос о правильном контексте для прочтения самой Библии, о необходимости и библейского предания, церковного предания, некогда породившего и сам текст Библии как единое целое. Другой необходимый вопрос — о том, чтобы не создавать «своего Христа», вопрос о критериях того, что «мы не идем по пути читателей», любящих «себя в искусстве», выбирающих из классики что-то по своему вкусу, «любимые цитаты», у каждого из которых есть «мой Пушкин» и т.п., в том числе «мой Христос». Можно сказать, что это вопрос о различении Веры и фантазии («своей веры, веры по-своему»), однако ответить утвердительно на такой вопрос и назвать «веру по-своему» («нецерковную веру») — «фантазией» — может лишь сам собеседник, миссионер должен только «ставить вопрос о критериях» и давать пищу для ответа.

Миссионер по возможности должен оставлять подобные вопросы «открытыми», то есть доступными для собственного критического осмысления собеседником, свободным уже от желания отстоять собственную точку зрения перед миссионером. В целом истина, о которой может поспорить миссионер, — это свидетельство о Вере Церкви Христовой, о том, «что является такой верой, а что нет, что согласуется с Верой Церкви, а что имеет иную природу», и доказуемо лишь соответствие Вере Церкви Христовой, а не абстрактная «истинность».

Вопрос о «смысле жизни» (а значит, необходимости спасения) также должен оставаться «открытым»: собеседник поверит правильному ответу, только если «ответит» его себе сам. Не стоит ставить «Вопрос о Смысле Жизни» перед человеком, если он сам его так не готов формулировать. Можно поставить вопрос о смысле повседневных поступков — откуда берутся желания, поставить его относительно себя самого (показать на себе «насколько это мои желания»), чтобы подвести к вопросу: «а чего на самом деле человек хочет?»

Миссионеру стоит остерегаться искушения говорить с собеседником с позиции «владельца истины», поскольку подобная позиция ведет к демонстрации превосходства; разговор же с позиции превосходства, а не с позиции Христовой любви — это не миссионерский разговор. Да и в целом, миссионеру полезно помнить, что он, скорее, «принадлежит Истине», чем «владеет Истиной»: искушение «присвоить себе Бога» в качестве своего культурного или религиозного «наследства», или в качестве «достижения» собственного религиозного пути, обычно становилось источником ересей, расколов и других миссионерских ошибок.

Излагая «информацию к размышлению», иногда есть смысл обратить внимание оппонента (совсем не обязательно прямым текстом) на саму возможность дальнейшего внутреннего спора на «спорную» тему, на отсутствие необходимости «исчерпать тему» в очном разговоре; донести мысль о том, что «поиск Бога не заканчивается на данном разговоре или споре, потому что он (хотя бы уже как поиск живого Богообщения и обожения) не заканчивается всю жизнь, иное — иллюзия и самообман, прелесть» (это особенно важно в общении с оппонентами сектантско-протестантского толка). Это будет соответствовать и православному пониманию церковно-религиозной жизни как «пути к Богу», практического личностного поиска Бога, обожения на уже однажды найденном верном пути. На тех или иных примерах (или самим ходом рассуждений) миссионер должен попытаться показать, что выбор веры ни в коей мере не должен быть выбором «по привычке», или выбором своего «мнения» или «вкуса» (того, что «нравится»), это должен быть выбор совести и выбор по совести.

Есть смысл ненавязчиво подчеркивать все, что есть общего у проповедника с собеседником (аудиторией), все «общие знаменатели» — не в качестве аргумента, а показывая отсутствие установки на «борьбу мнений», при этом ни в коем случае не стоит иметь в виду «поиск компромиссов» в духе толерантности. Общими знаменателями, которые признает миссионер, могут быть и общая культура, и общий возраст, и даже признание общей человеческой греховности и слабости — но никак не вынесение «за скобки» принципиальных моментов вероучения. В этом смысле можно согласиться с нередкими сегодня высказываниями о том, что христианство должно оставаться полемичным (Ср.: Мф. 10.34). Однако стоит помнить, что полемичным по отношению к

миру должно быть содержание свидетельства о Церкви Христовой, которая сама «не от мира сего» (и свидетельство об этом должно быть бескомпромиссным) — а не форма проповеди, потому как «отстаивание собственной точки зрения» само по себе во что бы то ни стало — вполне в духе «мира сего».

Нужно пытаться создать диспут «внутренний», в душе собеседника (точнее, заложить основы для такого «диспута» в будущем, когда человек останется наедине с собой), а не спор между «собственной» точкой зрения и чужой: надо подчеркивать свою готовность всегда отказаться от «собственной» точки зрения ради того, что передано церковной традицией, демонстрировать свое к ней доверие, и противопоставлять чужой точке зрения — Предание, а не «свою точку зрения» (это должно быть выявлено, то есть ссылка на опыт Церкви, непрерывный и связующий современных православных христиан с самими апостолами — эти «ссылки», прямые и косвенные, должны звучать постоянно). Такая ссылка на опыт передачи, «Предания» Истины сама по себе уже есть хороший аргумент, она показывает то, чем ценна Церковь для того, кто ищет Истину.

Но, однако, показывать и подчеркивать наличие такого опыта передачи (Предания) в Церкви, с одной стороны, и, с другой, апеллировать к Преданию как к безусловному авторитету — разные вещи. Здесь кроется одна из самых распространенных ошибок начинающего миссионера: апелляция к тому, что авторитетно для самого миссионера, но (еще пока) совершенно не авторитетно для его слушателя или оппонента. В зависимости от собеседника необходимо очерчивать для себя круг авторитетных источников, на которые есть смысл ссылаться (авторитетных с разных точек зрения: не только с «научной», но и с нравственной, с эстетической). Так, во многих случаях разговор лучше строить на примерах из родной (для миссионера и собеседника) культуры (светской, но христианского содержания), чем на примерах из святоотеческого или литургического предания, или из Писания, а тем более — из учебника по догматике или катехизиса. Поэтому не стоит опираться на Предание как на аргумент в диспуте, однако всегда можно наглядно показать саму преемственность Предания в Церкви и поставить вопрос о необходимости верного «контекста» для понимания любой книги (в том числе и Священного Писания).

Обобщая все вышеизложенное, можно выделить несколько принципов корректного общения миссионера с оппонентом:

1. Принцип внимания, «прислушивания» к аудитории: миссионер должен четко осознавать разницу между собой и каждой конкретной аудиторией относительно того, что понятно, известно ему (но не аудитории), что принято им (но не аудиторией), и что, соответственно, будет действенным и авторитетным аргументом для этой аудитории, а что таковым являться не будет. Все это должно определять (в том числе и ограничивать) объем и содержание его проповеди — как на уровне аргументации, так и на уровне «керигмы» (то есть на уровне того, что должны подтверждать аргументы); «керигма», как известно, отнюдь не должна включать в себя всю догматику на уровне «тайноводств», учения, связанного со священнотаинственной практикой «верных» (в проповеди не должно быть ничего, что не могло бы иметь отношения к живой практике данного человека/аудитории).

2. Принцип «сочувствия», «эмпатии» своему собеседнику и оппоненту: отсутствие у миссионера горделивого «превознесения» и желания навязать «свое», присутствие общего (у миссионера с оппонентом) стремления к Истине должны быть свойственны миссионерской проповеди и должны выражаться, в том числе и на уровне речи, в самом выборе языковых средств.

Это переживание духовного единства с просвещаемым (аудиторией, оппонентом) не только на уровне «речевой деятельности», но и в других сферах деятельности было всегда свойственно православной миссионерской традиции. Очень хорошо известны любовь и забота о просвещаемых у свт. Стефана Пермского, свт. Иннокентия (Вениаминова), прп. Макария (Глухарева) и других великих миссионеров. Это переживание духовного единства выражалось и в особой «миссионерской приветливости», и в попечении о нуждах просвещаемых — как крестившихся, так и нет, и во многом другом. И во всем этом выражался главный мотив самой миссии, которым является любовь Христова.

О главном мотиве миссии Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви говорит, что православная миссия есть продолжение Посланничества Христа (Лк. 10.16), а смыслом этого Посланничества является дар Жизни, основанный на Божественной Любви (1Ин. 4.8-9), и главным мотивом этого посланничества является Любовь (Ин. 17.26): именно дарение Жизни, основанной на Божественной Любви, и является миссией Христа, смыслом Его Апостоль-

ства, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3.16).

Без свидетельства делом и образом о радости Воскресения и готовности следовать крестным путем смирения и терпения невозможна и миссия как «передача опыта богообщения» (Концепция миссионерской деятельности).

Проповедническая деятельность великих русских миссионеров была в первую очередь именно таким свидетельством о Божественной любви. Вот что пишет о «миссионерской методике» свт. Стефана Пермского его агиограф Епифаний Премудрый: «не препирался он, не боролся с ними, но с кротостию слово Божие проповедал им... И тогда собрались Пермяне... стали говорить между собой: слышали ли, братие, словеса мужа того, от Руси пришедшаго? Видели ли терпение его, и преизлишнюю его любовь к нам? ...А мы великое небрежение и непослушание показали ему, и за то он не гневался на нас, но ни одному из нас не сказал злого слова, не отвернулся от нас, не препирался, не боролся с нами, но с радостию терпел все это от нас; ради жизни и спасения нашего послан он Богом... воистину он раб Великаго и Живаго Бога... а все сказанные им слова — все это истина... ведь если бы это было не так, не стал бы он все это терпеть... И тогда захотели креститься Пермяне, которые еще не были крещены».

Созвучно пишет и И. Стамулис о прп. Макарии (Глухарева): «Вместо того чтобы оставить миссионерскую деятельность, ...он стал в быту служить кочевникам. Выражая самой жизнью основы веры, св. Макарий стремился стать для окружающих примером... Этот «маленький, хилый, даже болезненный» человек сам входил в жилища и убирал их. «Это символическое действие фокусирует в себе то миссионерское богословие, которое осуществлялось св. Макарием на практике. Подметать пол, как это делал бы смиреннейший раб, значило уподобляться Христу, свидетельствовать о Нем способом, более доходчивым, чем слова» ...Св. Макарий много сил отдал строительству школ и больниц... В том, что школ и больниц он построил больше, чем храмов, Струве видел выражение духа жертвенного служения, которым обладал этот человек. Но дело не только в этом... Для св. Макария служение было не конечной целью, а способом достижения главного — распространения истинного христианского благовестия среди людей, с которыми он жил и трудился». Своим со-

чувствием, заботой и участием святые миссионеры свидетельствовали, что никто из людей небезразличен любящему всех Богу.

Не дух мнимого превосходства над паствой, не дух «лидерства», а дух Христовой любви и смирения утверждал стопы Христовых благовестников. Молитвенного духа, духа любви, смирения, терпения и разума прежде всего искали проповедники Евангелия Христова. Не «указывать» и «руководить» людьми учат всех святые миссионеры, а всемерно служить им с полным смирением, «ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10.45). Эти слова Господа можно считать «методическим указанием» православному миссионеру.

Подобное отношение миссионера к оппоненту должно всегда присутствовать в его сердце, выражаться в его поступках и словах, и определять, среди прочего, и настрой, и даже стиль его проповеди. Свт. Иннокентий (Вениаминов) говорил: «Только тот, кто избыточествует верою и любовью, может иметь уста и премудрость, ей же не возмогут противиться сердца слушающих». Соответственно главному мотиву миссии, в общем случае моделью поведения миссионера не должен становиться спор или диспут (даже если в них невольно приходится участвовать), ибо миссионер «не ищет своего», и говорит не от себя и не для самоутверждения. Миссионер не должен осмыслять свою деятельность как «бой», «защиту», или в иных подобных категориях, далеких от духа Любви Христовой. Поэтому великие миссионеры не ставили задачи доказать свою правоту, а показывали — хотя бы и через слова свидетельства, через смирение и терпение — Божественную любовь, как самое убедительное доказательство. Концепция миссионерской деятельности неслучайно заканчивается словами: *«Благодаря Бога за благодатную возможность осуществлять миссионерскую деятельность в современных условиях, православный миссионер должен всегда иметь в своем сердце апостольские слова: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (1Кор. 13.2)»*.

Стоит заметить, что сегодня нередко многие оказываются далеки от этой «методики» великих миссионеров, зачастую делая в миссионерском служении акцент на противостоянии (например, сектантам), и в самом этом противостоянии действуя «борцовскими» методами, вдохновляясь не примерами святых миссионеров, а иными образцами.

В более широком плане этот принцип можно представить как «миссионерскую приветливость», миссионерское отношение к «иным» — как к ближним и братьям, но не как к «чужим» (по вере, по культуре). Он должен быть свойственен не только проповеди миссионера, но и всякому служению в Святой и Апостольской Церкви. По словам одного из современных миссионеров, «если в наших храмах не будет миссионерской атмосферы, а напротив, будет дух самоизоляции, чванства и нетерпимости ко всякому входящему, то наши миссионерские планы, проекты и начинания будут сведены на нет этой грубостью и неприветливостью. Если же, следуя словам Святейшего Патриарха, этой важнейшей проблеме уделить специальное внимание, то храмы наши привлекут в послушание Христу гораздо больше людей, чем наши отдельные, даже самые привлекательные миссионерские мероприятия. Здесь имеется самый большой миссионерский резерв» (из докладов на I Всецерковном съезде епархиальных миссионеров в Белгороде в 1996 г.).

3. Принцип «свободы». Истина, которую несет православный миссионер, в корне отличается от тех истин, о которых можно спорить в рамках научного знания, и от того рационалистического понимания истины, которое свойственно европейской культуре с эпохи Просвещения. Это не тотальная безличная истина обязательных законов природы, не касающаяся сердца и души человека, которую человек принимает «по необходимости» чисто внешней (как мнение большинства, либо в силу «логической или фактологической необходимости», как доказанное мнение). Миссионер несет человеку Христа — Истину Ипостасную, Истину, принимаемую лично, в свободе воли, и неотрывную от свободы (Ин. 8.32). Миссионер должен и в общении с оппонентом не забывать об этой свободе — как свободе Промысла Божия о человеке, так и свободе воли самого человека. Слова миссионера могут не быть «услышаны» сразу же, однако могут стать семенем, которое прорастет со временем, потому что Промысел Божий дает человеку на путь к Богу всю его жизнь. Но и сам человек выбирает мировоззрение свободно (хотя и не обязательно осознанно, потому что нравственный выбор может в большей степени быть интуитивным, однако же, не перестает от этого быть личностным выбором человека). Выбор веры — это выбор мировоззренческий, и он, конечно же, отнюдь не сводится к логическим и фактическим доказательствам и свидетельствам:

быть может, в еще большей степени на мировоззрение влияют «аргументы» эстетические и этические, нравственный опыт, опыт общения, опыт сопереживания другим людям. И миссионер должен помнить о том, что сам опыт общения с ним влияет на выбор человека едва ли не больше, чем приводимые миссионером аргументы, а последние, даже будучи бесспорными доказательствами в глазах миссионера, не могут «пересилить» свободу человеческой воли в его собеседнике.

2.6.2. Язык проповеди и миссии. Проблема перевода

Прежде чем говорить о данной теме, следует разобраться, в каком смысле будет употребляться слово «язык» и, следовательно, что понимается под языком проповеди и языком миссии. Речь, разумеется, не идет о языках в лингвистическом смысле слова (русский, китайский, древнегреческий, идиш). Языки, которые подразумеваются под данным определением, существуют как подсистемы внутри русского или любого другого языка.

Если внимательно присмотреться, можно заметить, что каждый человек разговаривает на «своем» языке. Одну и ту же ситуацию, даже один и тот же предмет двое всегда опишут немного по-разному. Даже простые житейские слова можно наполнить порой разным значением (это бывает особенно заметно, когда люди начинают спорить о том, назвать ли, скажем, свитер рыжим или оранжевым: выясняется, что названия цветов означают для них не вполне одно и то же), но гораздо более это относится к тем словам, что выражают самые глубокие, «предельные» понятия: любовь, жизнь, свобода и т.п. — здесь становится особенно заметным, что значения, вкладываемые в слова, прямо зависят от личного опыта человека.

«Культурный язык» зависит от того, как мыслит человек, как живет и во что верит. Понятно, что в формировании стиля мышления человека, а стало быть, и индивидуального языка существенную роль играет образование⁴.

Своеобразные языки формируются в профессиональных и, разумеется, религиозных сообществах. Тракторист мыслит и раз-

⁴ Например, если у вас есть знакомый с математическим образованием (особенно с ученой степенью кандидата или доктора наук), вам, вероятно, приходилось пострадать от его дотошного ума, когда он требовал от вас объяснения и обоснования, казалось бы, очевидных истин.

говаривает иначе, чем окулист, а атеист — не так, как оккультист. Слово «энергия», например, вызывает у настоящего атеиста ассоциации исключительно физического сорта, а оккультист вкладывает в него магическое содержание (стоит вспомнить, что в православном богословии слово «энергия» имеет свое значение, неведомое ни атеистам, ни оккультистам).

Таким образом, все, что объединяет людей (будь то общие занятия, общие интересы, общие ценности, общие условия жизни) делает похожим и их язык. Это позволяет говорить не только об индивидуальных языках, но и о языках конфессиональных, профессиональных и т.д. Все эти языки еще и меняются во времени.

Можно говорить не только о языках человеческих сообществ. Всякий литературный жанр, даже всякая житейская ситуация требуют особого языка, который лучше всего подходит именно в данных условиях. Один и тот же человек в течение жизни пользуется множеством языков: на одном разговаривает с родителями, на другом — с друзьями, на третьем — с возлюбленной, иначе — при посещении бани, и совсем не так — в кабинете начальника. Одним языком пишутся жизнеописания выдающихся людей, и совершенно другим — инструкции по эксплуатации электроприборов. Эти языки отличаются друг от друга и лексикой (набором употребляемых слов), и стилистикой, и логикой изложения.

Таким образом, в общении (а надо помнить, что человеческий язык — прежде всего средство общения) миссионер практически постоянно вынужден решать проблему перевода со своего индивидуального или группового языка на язык того, к кому он обращается — будь то человек или группа людей. Пока речь идет о житейских предметах, несовпадение языков не очень заметно, не слишком принципиально и порождает в худшем случае лишь непонимания «технического» характера, которые почти всегда могут быть разрешены простым выяснением. Гораздо серьезнее обстоит дело, если говорить на глубокие, мировоззренческие темы. Как можно понять из сказанного выше, понимание в этом случае возможно только при условии общности опыта говорящего и слушающего. Если этой общности нет, то почти неизбежно либо простое непонимание, либо, что опаснее, искаженное понимание, когда слушающий воспринимает совсем не то содержание, которое вкладывает в свою речь говорящий.

Указанная проблема перевода стоит перед каждым миссионером, а для миссионера российского она осложнена дополнительными факторами. Задача миссионерской проповеди (в любой ее форме — будь то проповедь в храме, лекция или простой разговор с соседом) состоит как раз в донесении до слушателя вести, заведомо превосходящей его личный жизненный опыт. Образ Божий не может быть уничтожен ни в каком живущем на земле человеке. У каждого есть природная способность узнать в христианском свидетельстве то, к чему подсознательно стремится его душа; но способность эта в значительной мере искажена и ослаблена грехом, и чтобы пробудить ее требуется немалое искусство.

За тысячелетнюю историю Церковь выработала свой собственный язык — это язык Писания, язык богослужения, язык богословия. Этот язык постепенно усваивается христианином в процессе церковной жизни. Но было бы тяжелой ошибкой использовать этот язык без обработки для миссионерской проповеди. Миссионер обязан искать слова, образы, ассоциации, доступные и понятные его слушателям, стремясь и в отношении языка стать, по выражению ап. Павла, «всею для всех» (См.: 1Кор 9.19-22), и в то же время не допускать выхолащивания самого содержания благовестия, что может случиться, если миссионер подчинится, пусть даже частично, ценностям своей аудитории взамен ценностей христианских.

Христианский язык состоит из тех же слов, какими пользуются и нецерковные люди, но в христианском языке эти слова приобретают иной смысл. Это порождает опасность неправильного понимания. Похожее явление наблюдается у переводчиков (в обычном смысле слова) с какого-либо языка на родственный ему (например, со славянского языка на другой славянский язык) — это так называемые «ложные друзья переводчика»: слова, одинаково или очень похоже звучащие, но означающие разные вещи⁵. Разница же понимания слов, употребительных в христианском словаре, церковными и нецерковными людьми, заключается, как правило, в ассоциациях и связях между понятиями. Так, словосочетание «Божий суд» вызывает у неверующего человека ощущение чего-то неотвратимого и страшного (Бог в представлении челове-

⁵ Например, английское слово *assurate* означает «точный», а отнюдь не «аккуратный», а словацкое *gusovanie* переводится не как «рисование», а как «черчение» («рисование» по-словацки — *kreslenie*).

ка, слышащего эти слова, вполне может оказаться неумолимым карателем), но совершенно не будет ассоциироваться с любовью и милостью, а именно эти парадоксальные с нецерковной точки зрения связи понятий чрезвычайно важны для уяснения подлинного христианского значения выражения «суд Божий».

Поэтому миссионеру желательнее пореже пользоваться этим словосочетанием, а всякий раз, когда его все-таки приходится употребить, непременно объяснять неразрывную в христианском предании связь понятий суда и божественной любви. Столь же внимательно следует относиться и к другим словам и выражениям. Миссионер обязан переработать весь свой христианский словарный запас и знать об опасных местах в каждой своей проповеди.

2.6.3. Церковь и СМИ

«Информационная миссия. Это православное свидетельство самым широким слоям населения через все доступные средства массовой информации, а также через организацию приходских библиотек и издание специальной миссионерской литературы.

Для результативной работы в средствах массовой информации необходимо:

– *активно осваивать информационное пространство, используя все многообразие новейших информационных технологий (радиовещание, телевидение, интернет и печатные СМИ);*

– *придать миссии в информационном пространстве упреждающий характер, что предполагает быстрое реагирование на происходящие в обществе события, а также их своевременную христианскую оценку для формирования общественного мнения;*

– *своевременно предавать гласности факты вытеснения православных программ из светских средств массовой информации и иной антиправославной информационной деятельности;*

– *создать единый банк данных аналитических и справочных материалов, доступный для любого православного миссионера.*

В сфере издания православной литературы необходимо:

– *издание творений Святых Отцов с комментариями в целях просвещения современных людей;*

– *повсеместное издание миссионерской литературы, предназначенной для просвещения, образования и формирования целостного представления о вере, православной духовности и Церкви;*

— продолжение выпуска ориентированных на новоначальных христиан серий книг по вопросам веры, молитвы, христианского образа жизни и церковного отношения ко всем насущным проблемам».

В настоящее время часто можно услышать, что церковные СМИ — это одно из важнейших направлений миссионерского служения Церкви в современном мире. Действительно, средства массовой информации позволяют обратиться к значительно более широкой аудитории, чем та, к которой привычно обращается проповедник с амвона или преподаватель на катехизаторских курсах.

Вместе с тем, развитие информационной деятельности Церкви ставит ряд серьезных вопросов — богословских, этических, юридических, церковно-практических и технических. Опыт решения этих вопросов существует во многих канонических учреждениях Русской Православной Церкви, но вместе с тем он нуждается в проверке и обобщении.

Следует подчеркнуть, что взаимодействие Церкви со СМИ становится одним из аспектов более широкой и сложной проблемы — организации церковной жизни и церковной проповеди в условиях информационного общества, где информационно-коммуникационные технологии становятся важным фактором, влияющим на все аспекты жизни общества — политику, экономику, культуру и духовную жизнь.

Основные навыки взаимодействия со средствами массовой информации, а также использования информационно-коммуникационных технологий должны быть у каждого православного миссионера.

1. СМИ и катехизация:

В строгом смысле слова, миссия и катехизация не являются задачами средств массовой информации. И здесь главная проблема — опосредованное, то есть медийное свидетельство о Церкви и вере. Телевидение и радио могут создать эффект присутствия, но оно все равно будет обобщенно-личным свидетельством, а не разговором лицом к лицу.

Однако в условиях информационного общества влияние СМИ на общественную жизнь возрастает, и подлинный миссионер не вправе пренебрегать возможностью вести катехизацию через СМИ. Особенно, если задачи катехизации понимаются

расширительно и к ним относится формирование христианского мировоззрения и обретение христианином своего места и служения в Церкви. Церковные СМИ, безусловно, призваны выполнять эти задачи и, следовательно, являются инструментом катехизации.

Необходимо также отметить и то, что СМИ выполняют воспитательную и образовательную функции. В рамках этих задач также можно говорить о том, что церковные СМИ ведут катехизацию.

2. СМИ и общество:

Сегодня без преувеличения можно сказать, что практически все, что человек узнает о современном мире — он черпает из средств массовой информации и коммуникации. Если мировые новости — то это центральные каналы телевидения, если местные, то это, прежде всего, районные газеты и кабельное ТВ.

Однако надо быть осторожным. Социальная значимость средств массовой информации возрастает, но СМИ уже давно перестали быть той площадкой, на которой различные общественные силы ведут дискуссию.

СМИ возникли и сформировались как средство выражения общественного мнения, они реализуют возможность свободной дискуссии помимо и независимо от давления государства или диктатуры большинства. Важно отметить, что система СМИ формировалась в эпоху господства европейского секуляризма, в эпоху, когда христианская этика перестала пронизывать все сферы жизни человека и общества. Все современные СМИ несут на себе «родимое пятно» секулярности. Традиционная критика СМИ со стороны Церкви восходит, как правило, именно к этой проблеме.

Однако роль и значение «медиа» существенно изменились во второй половине XX в., в первую очередь потому, что СМИ — по мере расширения глобализационных процессов — усиливают свой диктат, навязывают свои оценки и мнения. Призванные когда-то служить посредником в дискуссиях крупных субъектов общественной жизни, сами СМИ сегодня превратились в один из крупнейших субъектов общества. С точки зрения бизнеса — это постоянная борьба за потребителя информации. С точки зрения политики — это борьба за возможность внедрять новые стандарты — стандарты жизни, идей, предпочтений.

Этой новой тенденции — изменению роли СМИ от выражения общественного мнения к глобальной манипуляции этим мнением — необходимо дать богословскую и пастырскую оценку. Церковь призвана противостоять любой манипуляции сознанием, настаивая на достоинстве личности. Христианское понимание свободы, основанное на богоподобии человека, и сегодня остается наиболее глубоким ответом на кризис цивилизации.

Ставка на развлекательность, отказ от сбалансированного информирования, воспитания и образования аудитории, в конечном итоге ведет к пропаганде безнравственности, насилия, порока. Современные СМИ несут ответственность за формирование нового сознания, в котором нет места сакральному и трансцендентному и крайне затруднено свидетельство о евангельских ценностях. Как следствие, разрушаются основы общества — семья, отношение к труду, природе. Все последствия перечислить практически невозможно.

О том, что ситуацию в СМИ нельзя назвать благополучной, не раз говорил Святейший Патриарх Алексий II, призывая журналистов осознать свою ответственность: «Журналисты, люди, работающие со словом, во многом ответственны за нынешнее состояние души нашего народа. Без сознания своей ответственности перед Богом и людьми вы не можете успешно выполнять свою работу».

3. СМИ и культура общения:

Стремительное развитие новых коммуникационных технологий не может не влиять на культуру, и прежде всего на культуру общения.

Массмедиа в данном случае следует понимать максимально расширительно. Все, что не имеет возможности определить конечный круг своих читателей, слушателей и зрителей в силу использования различных коммуникационных технологий, является СМИ.

Таким образом, преобладающим типом коммуникации (то есть общения, обмена информацией) является коммуникация безличная, основанная на передаче информации с помощью медиа, «посредника». Личная коммуникация — от учителя к ученику, от мастера к подмастерью, от старца к послушнику — становится все более редким (и дорогим) типом коммуникации.

Очевидно, что в первом случае невозможно определить, как информация воспринимается, что понятно и что нуждается в дальнейшем объяснении. Простые вещи, прежде всего, даты,

факты от этого не страдают. Неясность возникает на уровне нравственного содержания или оценки информации.

Все сильнее растет разрыв между двумя близкими, но в русском языке не идентичными понятиями: «общение» и «коммуникация».

Коммуникация — это формальное, поверхностное взаимодействие. Оно не имеет особой ценности. Это формат sms, ICQ, реплик зрителей в ток-шоу, звонков в интерактивные программы FM-радиостанций и т.п.

Общение предполагает доверие, внимание, заинтересованность, личное участие и вовлеченность в диалог. Парадоксально, но чем стремительнее развиваются коммуникационные технологии, тем более одиноким чувствует себя человек. Общение, которое лишено «вертикали», становится ущербным и по «горизонтали». Если у человека отсутствует навык общения с Небом, у него не состоится общение и с другими людьми.

4. Особенности истории церковной журналистики:

Церковная журналистика является важной и неотъемлемой частью российской журналистики XIX–XXI вв. Однако в силу идеологических причин в подавляющем большинстве учебных пособий и исторических работ роль и значение церковных изданий, их вклад в развитие российской журналистики или игнорируется вовсе, или умалается. Систематическое исследование истории церковной журналистики XIX–XX вв. до настоящего времени не проведено. Между тем, уже к последней четверти XIX в. сформировалась сложная система церковной периодической печати, ориентированная, с одной стороны, на решение задач духовного просвещения, а с другой — на развитие дискуссии по широкому кругу внутрицерковных вопросов.

Первый православный журнал «Христианское чтение» оказался и самым успешным издательским проектом XIX в. в России. Журнал издавался без перерывов с 1821 по 1917 г. Ни одно светское издание не существовало столь долго.

О церковных изданиях как о явлении общественной мысли можно с уверенностью говорить со второй половины XIX в., когда наряду с имеющимися академическими журналами стала активно развиваться региональная епархиальная печать. Концепцию епархиальной газеты предложил в 1860 г. архиеп. Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов). Эта концепция оказалась настолько успешной, что к 1906 г. практически все епархии име-

ли свои периодические издания. Позднее появилась концепция и первого массового иллюстрированного издания — журнала «Православный паломник».

По данным библиографического указателя «Христианская периодическая печать на русском языке (1801-1917)» до 1917 г. в Российской Империи существовало не менее 640 православных газет и журналов.

Абсолютное большинство православных печатных изданий были закрыты и запрещены после Октябрьского переворота 1917 г. Декретом об отделении Церкви от государства (1918 г.) и введения цензуры. Лишь в тех областях Российской империи, где власть не принадлежала большевикам, до окончания гражданской войны продолжали выходить региональные церковные издания.

Новый этап развития церковной журналистики связан с русской эмиграцией. В Советской России до 1989 г. издавался один церковный журнал — Журнал Московской Патриархии (с 1936 г.), в 1970-80 гг. издавался ряд самиздатовских журналов.

5. Церковные СМИ на современном этапе:

В 1990-2000 гг. сформировалась сложная многоуровневая система церковных СМИ. В нее входят информационные агентства и службы, печатные периодические издания (листки, газеты, журналы, альманахи), радиостанции и радиопрограммы, телеканалы и телепрограммы, интернет-издания. Точных сведений о количестве церковных СМИ РПЦ в настоящее время не существует, однако экспертная оценка позволяет говорить о 300-400 реально действующих СМИ.

Ряд церковных документов прямо или косвенно касается широкого круга проблем, связанных со средствами массовой информации. Среди них — деяния Архиерейских Соборов, журналы Священного Синода, выступления Святейшего Патриарха и архиереев Русской Православной Церкви. Сюда также можно включить «Основы социальной концепции», «Концепцию миссионерской деятельности», материалы фестиваля «Вера и слово» и т.д.

Большинство церковных СМИ являются малобюджетными; профессиональный уровень как руководителей, так и сотрудников редакций невысокий, охват потенциальной аудитории крайне низкий, система распространения развита крайне слабо. Все это затрудняет эффективное использование церковных изданий в миссионерских проектах.

6. Медиапланирование:

В силу перечисленных выше причин реальный эффект от сотрудничества с церковными СМИ возникает, как правило, только в средне- и долгосрочной перспективе.

Исключение составляют епархиальные «медиахолдинги», которые в последние годы были созданы в Екатеринбургской, Нижегородской и Санкт-Петербургской епархиях. Практически в каждой из них в рамках единой информационной политики осуществляется деятельность печатных изданий, радио-, теле- и интернет-проектов, а также информационных агентств.

Для достижения результата необходимо четко продумать и спланировать информационную кампанию. Прежде всего, необходимо сформулировать ее цель и только после этого ставить задачи по ее достижению.

Универсальных рецептов не существует. Партнеров следует выбирать в зависимости от аудитории, к которой будет обращен миссионерский проект. Очевидно, что, обращаясь к молодежной аудитории, целесообразно приоритетными партнерами выбрать FM-радиостанции, интернет-журналы и, по возможности, местные телеканалы. Совершенно бесполезно использовать интернет-ресурсы для обращения к пожилым людям.

В любом случае, для эффективного решения миссионерских задач необходимо взаимодействие со светскими СМИ. В последние годы возможностей для такого сотрудничества стало больше, можно с уверенностью говорить о растущем интересе светских СМИ к жизни Церкви.

Вполне возможно, что редакционная политика некоторых СМИ не позволяет вести открытую проповедь, однако найти приемлемую форму для решения миссионерских задач в рамках допустимого вполне возможно. В большинстве случаев светские СМИ интересуются теми проблемами, которые понятны широкой аудитории.

При организации миссионерской работы необходимо детально изучить состояние СМИ и журналистского сообщества в регионе, выбрать наиболее эффективную тактику. Как правило, наиболее успешным бывает использование и светских, и церковных СМИ. Важно активнее использовать телевидение — на региональных телеканалах такая возможность есть.

В настоящее время акцент в деятельности церковных СМИ делается на информировании, а не на мировоззренческом ориентировании аудитории. Необходимо развивать такие жанры,

которые будут укреплять христианское мировоззрение аудитории, — это развернутые репортажи, очерки, аналитические статьи. Информационные форматы плохо приспособлены для разговора о ценностях, но и их можно использовать.

Для этого необходимо:

— учиться проповедовать, учитывая специфику языка и аудиторию того конкретного СМИ, для которого что-то пишется или снимается;

— выделять главные смыслы и образы;

— участвовать в формировании единой информационной политики Церкви; знать и уметь выразить официальную позицию Церкви.

7. Независимые СМИ:

Система церковных СМИ в России сегодня — это совокупность официальных, собственно церковных, и частных проектов. Это значит, что во многих проектах присутствует ярко обозначенный частный, личный интерес. Он может быть окрашен политически или аполитичен, но это не имеет значения. Важно другое — «медийные» проекты Церкви построены не на том, что нужно Церкви сегодня, а на том, как тот или иной владелец СМИ (или главный редактор) интерпретирует нужды и потребности Церкви.

В этой совокупности частных мнений находятся и прекрасные, глубоко церковные по духу, и массовые по форме проекты, но встречаются и ложные интерпретации, вредные и опасные для церковной жизни установки. Можно столкнуться также с непрофессионализмом и удручающе жесткой самоцензурой многих церковных журналистов.

Есть критерий, который позволяет проверить, насколько твердую церковную позицию занимает то или иное СМИ. «Околоцерковные» СМИ всегда разворачивают «травлю» тех, кто оказался у них в немилости. Личная неприязнь очень быстро приводит журналистов этих изданий к одному вердикту: такой-то является нашим врагом и, следовательно, врагом Церкви. Такие издания утверждают, что обладают монополией на истину. Не заботясь о качестве аргументов, они публично заявляют, что такой-то «согрешил», является «врагом Церкви», «предал Христа» и т.п. Авторы таких изданий пребывают в помрачении ума и ожесточении сердца, смущая, а нередко и духовно калеча своих читателей.

По словам еп. Саратовского и Вольского Лонгина, «сегодня, наряду с церковными СМИ, действует множество околоцерковных и даже антицерковных изданий, которые, проповедуя совершенно противоположные вещи, одинаково именуют себя православными. Группа так называемых «околоцерковных» СМИ неустойчива и временами склоняется то к одной, то к другой стороне, смущая и запутывая читателя, который пока не усвоил правильных понятий о духовной жизни или еще только ищет свой путь к Богу. Мы говорим о том, что работа православного журналиста является одной из разновидностей проповеднического служения, о том, что наше слово может помочь человеку достигнуть спасения. Но именно поэтому деятельность «православных» (в кавычках) изданий, глубоко враждебных Церкви, сеющих смуту, вражду, суеверия, разжигающих разного рода страхи, раскольнические настроения, может иметь самые разрушительные последствия... Мое мнение таково: антицерковные издания должны быть игнорируемы и со стороны православных журналистов, и со стороны духовенства Русской Православной Церкви. На их действия надо отвечать, но с ними ни в коем случае нельзя сотрудничать».

8. Практические рекомендации миссионеру при контакте со СМИ:

Миссионер может в любой момент быть приглашенным на диалог (интервью, «круглый стол» и т.п.) со СМИ, и потому нужно быть готовым к этому, не упустить возможность «посеять семя» Евангелия в какую бы то ни было «почву». Однако каждая встреча с журналистами требует подготовки, а потому необходимо заранее поинтересоваться, какие вопросы будут предложены на обсуждение и постараться обстоятельно к ним подготовиться:

— Необходимо говорить ясным и понятным языком. Миссионер должен представлять себе аудиторию, к которой он обращается.

— Нужно быть внимательным и добрым в общении. Много значит не только то, что говорится, но и как. Доброжелательность даже в острой полемике — это тоже важное свидетельство о православной вере. Миссионер должен быть опрятен и подтянут. Грязные волосы и нечесаная борода, а также небрежная откинутость на спинку стула могут напрочь перечеркнуть впечатление от выступления и слов проповедника.

— Если в СМИ выступает священник, его позиция обязательно будет восприниматься как позиция Православной Церкви. Это необходимо всегда помнить и стараться, прежде всего, ясно представить церковную позицию. Если в беседе выражается только свое личное мнение, это нужно особо выделить и подчеркнуть.

— Выступающий имеет право на авторизацию высказывания, если оно дается в цитате (Закон РФ «О средствах массовой информации» (о СМИ) от 27.12.1991 № 2124-1, гл. 5, ст. 49). Это значит, что журналист обязан предоставить для подтверждения автору ту цитату или текст интервью, который подготовлен к печати или выходу в эфир. Этим правом можно пользоваться. Для этого необходимо после встречи с журналистом отдельно оговорить с ним, когда и как он предоставит материал на авторизацию.

— Следует постараться помочь журналисту найти другого собеседника, который мог бы представить позицию Церкви, если миссионер сам по какой-либо причине отвечает ему отказом.

— Целесообразно формировать «свой» круг журналистов, с которыми можно будет работать регулярно. Это даст возможность убедиться в профессиональных качествах этих журналистов и их способности работать с церковной тематикой.

— Различные типы СМИ требуют знания их специфики. На телевидении высказывания должны быть ясными и краткими. Более свободно можно высказываться в радиоэфире. Текст интервью для печатного издания может быть подготовлен и без встречи с журналистом, однако серьезные издания предпочитают устную беседу под запись и затем предоставляют текст для авторизации.

— Оперативность подачи информации вынуждает ряд СМИ обращаться за комментариями в самые «неподходящие» моменты, в полночь и на заре, в выходные и праздники. Следует с пониманием к этому относиться и не «спускать собак» на журналиста. В свою очередь, и журналисты призваны с уважением относиться к священнику, и не требовать прервать литургию ради оперативного комментария (вообще, во время совершения будь-то какого богослужения не стоит отвлекаться и вести беседу с журналистами, так как их вопросы и требования второстепенны по отношению к тем прихожанам, которые находятся рядом со священником).

— Предпочтение следует отдавать не разовым акциям, а систематической работе со СМИ. Еженедельная колонка в газете, еженедельная радио- или телепрограмма могут стать действенным средством церковной проповеди. Менее эффективны публикации, которые появляются время от времени (например, к церковным праздникам), еще менее действенны разовые публикации или эфиры.

В работе со СМИ возможны конфликты, и к этому тоже нужно быть готовым. В «Основах социальной концепции» отмечается: «Взаимодействие Церкви и светских средств массовой информации предполагает взаимную ответственность. Информация, предоставляемая журналисту и передаваемая им аудитории, должна быть достоверной. Мнения священнослужителей или иных представителей Церкви, распространяемые через СМИ, должны соответствовать ее учению и позиции по общественным вопросам».

Если же возникают серьезные конфликты, то высшая церковная власть (по отношению к центральным СМИ) или епархиальный Преосвященный (по отношению к региональным и местным СМИ) могут, по соответствующем предупреждении и после как минимум одной попытки вступить в переговоры, предпринять следующие действия: прекратить взаимоотношения с соответствующим СМИ или журналистом; призвать верующих бойкотировать данное СМИ; обратиться к органам государственной власти для разрешения конфликта; предать каноническим прещениям виновных в греховных деяниях, если они являются православными христианами. Вышеперечисленные действия должны быть документально зафиксированы, о них следует извещать паству и общество в целом.

2.6.4. Проповедь в Интернете

В разные исторические эпохи христиане использовали для проповеди Благой Вести самые разнообразные средства коммуникации — устное предание, письменность, дороги Римской империи, книгопечатание, железнодорожное сообщение. В эпоху Нового времени, когда в странах Европы и Америки происходило становление института периодической печати, Церковь стала издавать газеты и журналы. В XX в. появились христианские радио- и телеканалы.

Во второй половине XX — начале XXI вв. началось формирование общества нового типа. Социологи называют его «по-

стиндустриальным», «сетевым» или, чаще всего, — «информационным» обществом. Базовой инфраструктурой информационного общества стал Интернет. С точки зрения современной социологии, Интернет относится к институтам социальной коммуникации — средствам общения и обмена информацией. Здесь сформировано уникальное пространство, которое называют «виртуальной проекцией реальности», «кибер-пространством». Благодаря своей сетевой структуре и специфическим свойствам — «интерактивности», «мультимедийности» и «гипертекстуальности» — Интернет способствует формированию нового типа социальных связей и развитию новых СМИ.

1. Особенности аудитории Интернета:

По данным, приведенным Фондом «Общественное мнение», в начале 2008 г. число пользователей Интернета в России составило 30,6 миллиона человек или 27% населения старше 18 лет. Среди пользователей «Рунета» женщин несколько меньше, чем мужчин (на 6%), молодые люди от 18 до 34 лет составляют подавляющее большинство (более 70%), 60% пользователей имеют высшее или неоконченное высшее образование.

Интернет используется не только для получения быстрой и разнообразной информации по самому широкому спектру тем, начиная от последних новостей и заканчивая энциклопедическими статьями и аналитическими справками, но и во все большей степени — для общения, поиска знакомых по интересам, разного рода дискуссий.

Для того чтобы православная миссия в Интернете была эффективной, необходимо с одной стороны — активное присутствие Церкви в информационном пространстве «большого Интернета», а с другой — возможность обратиться лично к каждому пользователю. Поэтому необходимо представлять, кто такие — пользователи Интернета, о чем они думают, чем интересуются, что ищут в Интернете.

В рамках подготовки Второго фестиваля православных СМИ «Вера и слово» в 2006 г. Издательский совет Русской Православной Церкви совместно с Социологическим факультетом МГУ им. Ломоносова провел исследование «Национальное единство и российские СМИ: ценности современной России». Сбор первичной информации был осуществлен методом интернет-опроса Центром маркетинговых и социологических исследований кадрового дома «СуперДжоб». Было опрошено 6864 пользовате-

ля Интернета из 248 городов России, в основном — так называемое «экономически активное население». Более 80% респондентов считают себя христианами, среди них две трети — православными. Десятая часть считает себя атеистами и лишь 3,5% указали принадлежность к исламу. При этом только 14% согласны с тем, что Бог есть Троица. Понимание Бога россиянами — пользователями Интернета — демонстрирует полный религиозный синкретизм. Самое популярное утверждение о Боге: «Бог — высший разум, которого не знает ни одна религия мира» (30% опрошенных), четверть пользователей считает, что «Бог есть любовь». Более трети экономически активного населения (37%) считает, что «человек обращается к Богу только в трудные моменты жизни».

Для разработки миссионерских стратегий работы в Интернете наиболее интересен блок исследования, показывающий ценности россиян. Самой значимой ценностью экономически активного населения оказалась ценность семьи (ее поставили на первое место 76,2% опрошенных), вторая ценность — здоровье, далее — друзья и хорошая работа. 42% назвали самой важной ценностью «жизнь», около трети отметили «справедливость», «жизненную цель», «карьерный рост». Веру в Бога в качестве значимой ценности отметили 27,9%. Таковы жизненные установки аудитории, которую можно назвать «миссионерским полем Интернета».

Самые востребованные ресурсы в Интернете — поисковые машины, почтовые сервисы, новостные и развлекательные сайты. В последние годы отмечен взрывной рост посещаемости интерактивных ресурсов, предоставляющих широкие возможности для общения и самовыражения.

2. Преимущества и проблемы миссии в Интернете:

Для Церкви использование Интернета оказывается органичным, потому что он воспроизводит структуру донесения информации и структуру коммуникации, которая существовала во времена апостольской проповеди. В первые годы появления Интернета многие эксперты отмечали, что он частично возвращает общество в «догугттенберговскую эпоху», когда основным способом распространения информации было устное коммуницирование от человека к человеку.

Интернет — это свободная среда, практически не стесненная идеологическими и формальными рамками, которые дей-

ствуют в «больших СМИ». Кроме того, здесь действуют другие коммерческие схемы. Поэтому спектр тем, искусственным образом суженный в современном «медийном мейнстриме» (печатных изданиях, на радио и телевидении), здесь выглядит значительно шире. Возможность максимально разнообразить содержание и иерархически выстроить необходимое количество тем и справок способствует преодолению одного из главных препятствий в освоении Церковью пространства современных СМИ, заключающееся в том, что религиозные темы слишком «длинные» для сложившихся форматов современной журналистики: освещая любое событие, связанное с религиозной жизнью, журналистам необходимо делать исторические и религиозно-ведческие отступления. Система гиперссылок, а также возможность организации материалов по принципу «сюжет в развитии» способствуют разрешению этой ситуации в «электронном пространстве».

Однако не стоит забывать, что Интернет — это сложная коммуникационная среда, представляющая ряд опасностей. Множество людей удовлетворяют свои религиозные потребности благодаря Интернету, не будучи в реальности связанными с конкретной религиозной общиной. Эти люди, функционирующие в Интернете под псевдонимами, потребляют «виртуальный религиозный суррогат», тогда как подлинный религиозный опыт можно приобрести, только участвуя в богослужениях и таинствах Церкви.

Члены виртуальных интернет-сообществ, называющие себя православными, могут представлять мнения, неприемлемые с точки зрения Церкви. Эта проблема побудила Синод Русской Православной Церкви принять постановление «О некоторых аспектах информационной деятельности Церкви», в котором говорится: «Статусом официальной информации Русской Православной Церкви могут обладать только документы церковного Священноначалия, официальные информационные материалы о его деятельности, о других важнейших событиях, происходящих в Церкви, или о занятой ее Священноначалием позиции по тем или иным вопросам. Данная информация может излагаться в форме документов, информационных сообщений или комментариев, данных по благословению Священноначалия и доступных в форме текста. Официальной информацией не могут считаться авторские статьи, интервью, дискуссионные выступления, публицистические тексты, устные комментарии».

Интернет способствует трансформации форм выражения религиозности. Благодаря возможности участия в различных интернет-сообществах верующий человек обретает «вторую религиозную идентичность» — помимо того, что он является членом реальной приходской общины, чаще всего — территориальной или связанной с кругом его общения, он становится членом сообщества по интересам, разбросанного по всему миру, в котором формируются межличностные связи, ведутся дискуссии по теоретическим и религиозно-общественным вопросам. Часто эта виртуальная жизнь становится разнообразнее и больше соответствует духовным и интеллектуальным запросам индивидуума, чем реальная приходская община.

В случае с традиционным христианством виртуальное сообщество не может заменить человеку участия в церковных службах и таинствах, поэтому он вынужден вести «двойную» религиозную жизнь; другие религии более свободно относятся к выполнению совместных обрядов, поэтому, например, стать членом мусульманской общины или приверженцем неопротестантских и восточных культов можно, не отходя от компьютера и никогда не встречаясь с единоверцами в реальности. На некоторых мусульманских сайтах даже существует кнопка «я принимаю ислам», нажатие которой, по мнению авторов сайтов, равносильно публичному произнесению необходимой для присоединения к исламу формулы.

Кроме того, Интернет, благодаря своей сетевой структуре, создает питательную среду для разного рода религиозно-общественных движений, которые декларируют свою приверженность Церкви, но узнать, получает ли их деятельность на практике одобрение священноначалия зачастую не представляется возможным. Наиболее яркие примеры — различные антиглобалистские и апокалиптические движения.

Различные полужызыческие культы, возникающие в среде традиционных религиозных общин, — почитание самозванных старцев и стариц, неканонизированных Церковью «святых», использование обрядов и текстов, не известных в церковной практике, — все то, что на протяжении церковной истории существовало в народной культуре, но никогда не распространялось за пределы одной области или, в крайнем случае, региона, теперь, благодаря сетевым каналам, и не в последнюю очередь — Интернету, охватывает всю территорию страны.

Существует и ряд сложностей, связанных с возможностями анонимности и псевдонимности, которые предоставляет Интер-

нет. Различные маргинальные группы верующих получают возможность распространять свое влияние, манипулировать обществом и оказывать давление на власть. На телевидении существует «картинка», визуальный ряд, который служит дополнительным источником информации о человеке или группе лиц, о которых идет речь в сюжете. На радио таким дополнительным источником служит голос, интонации, возможно — акцент. В Интернете же есть возможность создания сайтов-«симулякров» и сайтов-«фантомов»: не зная организацию или ее членов в реальности, по интернет-представительству часто невозможно понять, насколько она авторитетна и существует ли в реальности. Поэтому от лица «православной общественности» могут выступать группировки, придерживающиеся совершенно разных взглядов и преследующие разные — порой далекие от подлинных задач Церкви — цели.

Сегодня следует признать, что миссионерская деятельность традиционных религий в Интернете менее эффективна, чем пропаганда новых религиозных движений. Особенно это заметно в англоязычном сегменте Интернета. Западные исследователи масс-медиа даже считают, что Интернет дает преимущество любым религиозным поискам вне институциональных религий. Для парарелигиозных движений, возникающих в постиндустриальную эпоху, Интернет зачастую является единственным эффективным средством распространения своих идей. Таким образом, миссионерская деятельность Церкви в Интернете осложнена следующими факторами:

- тем, что Интернет способствует выражению радикальных мнений и становится питательной средой для экстремистских движений, позиционирующих себя в качестве легитимных представителей Церкви;

- жесткой конкуренцией со стороны эзотерических, языческих и квазирелигиозных движений (верований New Age), природа которых более органична сетевой организации Интернета;

- анонимностью и псевдонимностью.

3. Типы коммуникации в Интернете:

На сегодняшний день Интернет предоставляет возможность миссионерам осваивать две модели распространения информации: «от одного ко многим» и «от многих к многим». Первая модель включает в себя создание сайтов для транслирования информации по принципу вещания. В данном случае Интернет

выступает просто в качестве носителя информации, так же, как телевидение, печать и радио. Вторая модель использует все преимущества Интернета, прежде всего — интерактивность. Речь идет о ресурсах, относящихся к Веб 2.0 и основанных на UGC (users generated content — содержании, создаваемом пользователями с помощью механизмов самопубликации).

Сегодня свой сайт есть почти у каждой епархии Русской Православной Церкви, у многих монастырей, благочиний, приходов, церковно-общественных организаций. Также существует множество церковных интернет-СМИ, как представляющих печатные издания, так и существующих только в Сети. Всего в «Ру_нете» по данным каталога «Христианство.ru» насчитывается более 3000 православных сайтов. Однако посещаемость большинства из них невелика. Лишь около 10 сайтов могут похвастаться посещаемостью более 5000 пользователей в день. (Для сравнения: у сайтов ведущих информационных агентств посещаемость превышает 100000 пользователей в день). Очевидно, что православные сайты, оставаясь на периферии коммуникации, не соберут аудиторию, равную аудитории СМИ общего интереса, тем не менее, потенциал православных сайтов не исчерпан, необходимо более четко представлять целевую аудиторию и ее интересы.

4. Особенности разработки интернет-проектов:

Прежде чем создавать концепцию сайта, необходимо ознакомиться с тем, что уже размещено в Интернете по схожей проблематике. Сайты, повторяющие содержание друг друга, не нужны пользователям. При разработке структуры и дизайна нужно привлекать специалистов — веб-дизайнеров и программистов с опытом работы, так как грубое и неаккуратное оформление вызывает недоверие пользователей к размещенной на сайте информации, а непродуманная структура снижает качество восприятия материалов. Недопустимо пользоваться «хостингом» на бесплатных серверах, таких как narod.ru, boom.ru и других, так как плата за место на сервере взимается путем размещения на сайтах рекламы, часто — эротического и оккультного характера. Сегодня существует несколько православных служб бесплатного «хостинга» — orthodoxu.ru, 100mb.ru, eparhia.ru и другие. Важно грамотно зарегистрировать сайт в поисковых системах и связанных с ними каталогах, определить и прописать ключевые слова. Обмен баннерами и текстовыми ссылками с дружественными сайтами уве-

личивает приток читателей ко всем сайтам, участвующим в обмене. Но в целом оптимизация сайта — сложная задача, требующая особых навыков.

На главной странице сайта должна быть заявлена церковная юрисдикция. Ситуация конфессиональной анонимности заставляет пользователей с подозрением относиться к сайтам, авторы которых пишут, что они «просто христиане» или «просто православные». Во избежание анонимности на сайте должна присутствовать форма обратной связи с его авторами или хотя бы действующая гостевая книга.

Создавая сайт, важно помнить, что структура и содержание текстов, предназначенных для публикации в Интернете, отличается и от книжных текстов, и от статей в газетах и журналах. Прежде всего, важно помнить об объеме. Человеческий мозг не в состоянии воспринимать с экранов очень длинные тексты, особенно — набранные мелким шрифтом. При необходимости опубликовать главы из книги или большое исследование лучше разбивать их на мелкие читаемые блоки. Также важно помнить о таком свойстве Интернета как «гипертекстуальность». Текст должен быть связан гиперссылками с близкими по тематике публикациями, прочтение которых может расширить знания читателя о предмете. Пользователи Интернета также очень чувствительны к тону публикации. Псевдоблагочестивые, «слащавые» интонации, обилие эпитетов и назидательный, менторский тон моментально снижают доверие к материалу и уровень читательского интереса к сайту.

Важно помнить, что любой сайт — не самоцель, а всего лишь инструмент для продвижения информации. То есть «контент», содержание должно быть приоритетом. Продуманный официальный сайт епархии может оказаться не менее миссионерски эффективным, чем неформальная страничка молодежной общины, если жизнь епархии представлена увлекательно, редакция сайта реагирует на информационные нужды пользователей того региона, в котором епархия расположена, если архиерей высказывается через сайт по проблемным темам.

5. Веб 2.0 в миссионерской деятельности:

Концепция Веб 2.0 объединяет такие разные интернет-сервисы, как энциклопедии на «движке» Wiki — Википедии, файлообменные сети, структурирование «контента» с помощью «тэгов» или «меток», блогосферу и социальные сети. Все эти, а

также многие другие сервисы функционируют за счет пользовательского контента, UGC. По данным исследований компании Universal McCann, Россия занимает 7 место в мире по уровню вовлеченности в технологии Веб 2.0.

Блог — («blog» сокр. от англ. weblog — «сетевой журнал», неологизм, происходящий от слова log — «вахтенный журнал») — это web-страница, расположенная на сайте (блогхостинге), регулярно обновляемая, материалы которой представлены в хронологическом порядке, с широкими возможностями комментирования. Наиболее распространено понимание блога как виртуального дневника. Блогосфера — совокупность всех блогов Интернета, пространство публикации и чтения блогов. В последние годы блогосфера стала самым заметным явлением в развитии Интернета, развив его коммуникативную функцию и возможности влияния на общественную жизнь. С взрывным ростом числа блогов связано появление феномена «гражданской журналистики» — распространения пользователями блогов информации, минуя СМИ. В России наибольшее количество блогов расположено на блогхостинге Livejournal.com («Живой журнал»), второе место занимает Liveinternet.ru, третье — Блоги на Mail.ru. Livejournal отличается не только по количеству зарегистрированных блогов, но и по качеству контента. Средний возраст ведущих блогов на этом ресурсе выше, чем на других. Именно здесь расположены блоги политиков, писателей, журналистов, общественных деятелей.

Блоги обрели свою популярность не только потому, что оказались удачной формой объединения творческого самовыражения личности и интерактивного потенциала Интернета. Блоги также стали вариантом реализации и, в каком-то смысле, символом одной из тенденций развития современной культуры — стирания границы между частной и публичной сферами жизни. Блоги адресованы всем, и в то же время — никому. Если же рассматривать современное общество в контексте теории « сетевого общества », предложенной американским социологом М. Кастельсом, то получается, что блог — один из способов создания и укрепления горизонтальных общественных связей. Блогосфера тяготеет к формированию сетевой или клубной субкультуры.

На сегодняшний день в русскоязычном Livejournal насчитывается более 50 «комьюнити» (то есть тематических объединений пользователей), посвященных разным аспектам церковной

жизни. Их условно можно разделить на три группы: «семейная» (это самая многочисленная группа, к которой относятся не только комьюнити о проблемах брака и воспитания детей, но и о разных «бытовых» аспектах православия), «церковно-научная» и «журналистская» (комьюнити, связанные с различными аспектами миссии через СМИ). Одно из самых активных православных комьюнити называется «Церковный устав во всей его полноте» (<http://community.livejournal.com/ustav>) и насчитывает более 1400 членов и читателей. Здесь православные обсуждают вопросы, связанные с православным богослужением, каноническими правилами и их применением в современной церковной жизни. Кроме тематических сообществ, существует собственно то, что составляет основу «Живого журнала» — сами блоги, сетевые дневники православных авторов. Здесь люди пишут о своих повседневных радостях и горестях, впечатлениях, прочитанных книгах, просмотренных фильмах. Кто-то в жанре коротких реплик, а кто-то — художественных или философских эссе. У каждого пользователя есть возможность формирования «ленты друзей» для ежедневного чтения новых записей заинтересовавших его авторов.

В последнее время популярность обрели социальные сети — сайты с возможностью создания личных страничек, объединяющих пользователей по интересам и предоставляющих возможность вступать в диалоги и дискуссии. Наиболее частый принцип организации социальных сетей — общие места учебы или работы, хобби. Самые востребованные социальные сети «Ру_нета» — «Одноклассники.ру» и «Вконтакте.ру». Число пользователей каждой из них уже перевалило за отметку 50 миллионов. В настоящее время среди русскоязычных пользователей приобретает популярность американская социальная сеть Facebook.

6. Особенности ведения дискуссии в блогах и социальных сетях:

В блогах и социальных сетях распространены мировоззренческие дискуссии, полемика по самым разным вопросам. Часто мнения священников или воцерковленных мирян оказываются востребованы в сообществах, не относящихся к религиозной тематике. Однако миссия в блогосфере бывает затруднена неадекватным поведением православных пользователей, не освоивших правила общения в Интернете. Между тем, в блогосфере сформирован стиль общения, чувствительный к инород-

ному вторжению. Так, недопустимо навязывание обсуждения православной тематики и православного мировоззрения в сообществах, где обсуждение этих вопросов, как правило, не предполагается. В некоторых случаях высказывание церковной точки зрения необходимо, но с необходимыми оговорками. Часто начинающие православные пользователи позволяют себе длинные пространные комментарии с обильным цитированием Писания и Святых Отцов; такие комментарии не только не достигают цели, но и создают их автору имидж «странненького зануды». Неэффективна запретительная тактика ведения дискуссий, высказывание негатива от лица Церкви, когда православный пользователь высказывается в стиле «так не положено, а так не благословляется». Много проблем возникает, когда личная позиция отдельных клириков и мирян выдается «во вне», как позиция Церкви.

Недопустимо путать церковное общение и миссию: в блогах нецерковных пользователей бесполезно обсуждать внутренние проблемы Церкви; выступая публично на внешнюю аудиторию, православным блогерам нужно вырабатывать общую позицию, даже если они не согласны между собой по более тонким церковным темам. Идеи, в которых пользователь сомневается, лучше проверять, опубликовав в закрытом режиме, доступном для узкой группы единомышленников. Дискуссии не нужно затягивать, тезисы должны быть сформулированы четко, кратко и компетентно. Совершенно недопустимо переходить на личности: очень часто в ответ на спорный тезис пользователь получает оскорбления в свой адрес, а не возражение по существу. Вообще, вступая в интернет-общение, важно твердо стоять на принципах христианской этики — от корректного поведения православных пользователей в Интернете миссионерский эффект гораздо выше, чем от наглой проповеди, полной презрения к «мирским людям».

7. Перспективы развития миссии в Интернете:

На сегодняшний день развитие Интернета находится на этапе становления медиа-конвергенции. Конвергенция — это слияние различных типов СМИ, переход к новым интерактивным медиа-системам. По мере совершенствования информационных технологий мультимедийность, обеспечивающая конвергенцию, становится самой востребованной характеристикой интернет-ресурсов. На практике это означает, что одна и та же

информация, различные аспекты «месседжа» могут быть представлены не только в традиционном виде текста и сопроводительной иллюстрации, но также с использованием видео- или аудиофрагментов (виджетов и подкастов), анимации, инфографики. К проявлениям конвергенции относятся также трансляции через Интернет радио- и телеканалов. На сегодняшний день все существующие православные каналы осваивают вещание через Интернет.

Православным миссионерам важно научиться определять, какая форма будет наиболее эффективна для представления каждой конкретной единицы содержания — информационное сообщение, доверительная запись в блоге, справка в «Википедии» либо аудиозапись комментария авторитетного духовника или священноначалия. Не исключено, что и то, и другое, и третье, а также видеосюжет.

В настоящее время существуют приоритетные тематические направления, по которым православная интернет-общественность могла бы формировать «повестку дня» в социальных сетях и блогосфере. К таковым относится, например, тема любви, семейных отношений и воспитания детей, ряд нравственных вопросов, психологические проблемы и другие аспекты частной жизни. Очевидно, что эти темы обсуждаются в разнообразных интернет-сообществах регулярно, но отдаются на откуп сектантам, сторонникам различных психоаналитических школ и так далее. А ведь именно здесь многим важно услышать мнение Церкви.

Необходимо самим инициировать обсуждение, иногда даже в провокационной форме, чтобы представить христианскую точку зрения. В связи с этим представляется важным формировать ядро православного сообщества мирян и клириков, которое неформально, но с достаточной степенью легитимности могло бы представлять мнение Церкви в Интернете по разнообразным этическим, идеологическим и другим вопросам. Сегодня такое сообщество стихийно сформировано в «Живом журнале», однако опыт его взаимодействия с неправославным сегментом носит нерегулярный и неубедительный характер.

2.6.5. Проповедь в воинской среде

Необходимость православной миссии среди военнослужащих не требует специального обоснования — Вооруженные Силы

служат делу защиты Отечества и исполняющие свой священный долг и почетную обязанность граждане не могут быть лишены пастырского окормления и возможности слышать проповедь Слова Божия, что стало бы нарушением их гражданских прав. Общеизвестно также, что вся военная история Русской армии и флота сопряжена с деятельностью военного духовенства, которая воодушевляла воинство и приводила к победоносным результатам — свидетельства тому имеются в изобилии со времен прп. Сергия Радонежского и до наших дней. Следует заметить, что хотя военнослужащие, составляющие ныне Российскую армию и флот, не моноконфессиональны, тем не менее, из личного опыта многих священнослужителей и капелланов видно, что противления пастырскому попечению православного священника в их рядах практически не наблюдалось. Более того, представители иных религий и конфессий — мусульмане, протестанты, католики и просто неверующие военнослужащие проявляют интерес к православной проповеди и нередко случаи обращения в православие инославных и принятия крещения мусульманами.

Особо следует оговорить исполнение воинами своего долга с оружием в руках и нарушение заповеди Господней «Не убивай» (Исх. 20.13) — примером должна служить практика, имевшая место в императорской российской армии и на флоте, когда согрешавший на войне против этой заповеди призывался к покаянию и ему назначалась епитимия. Вообще, говоря о вооруженной борьбе с противником, надо делать упор не на убийство врага, а на уставное требование о поражении противника или выведении его из строя, что не обязательно предполагает причинение ему смерти.

К тому же, очень важно дать понять военнослужащим отношение к военным действиям Православной Церкви, которое изложено в «Основах социальной концепции»: «Неся людям благую весть примирения (Рим. 10.15), но находясь в «мире сем», который пребывает во зле (1Ин. 5.19) и исполнен насилия, христиане невольно сталкиваются с жизненной необходимостью участвовать в различных бранях. Признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством. Православие во все времена относилось с глубочайшим по-

чением к воинам, которые ценой собственной жизни сохраняли жизнь и безопасность ближних. Многих воинов Святая Церковь причислила к лику святых, учитывая их христианские добродетели и относя к ним слова Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15.13)».

В иконографии вмч. Георгия Победоносца, который со времен блгв. кн. Дмитрия Донского считается покровителем г. Москвы и вообще русского воинства, черный змий попирается копытами коня, который всегда изображается ярко-белым. Этим наглядно показывается: зло и борьба с ним должны быть абсолютно разделены, ибо, борясь с грехом, важно не приобщиться к нему. Во всех жизненных ситуациях, связанных с необходимостью применения силы, сердце человека не должно оказываться во власти недобрых чувств, роднящих его с нечистыми духами и уподобляющих им. Лишь победа над злом в своей душе открывает человеку возможность справедливого применения силы. Такой взгляд, утверждая в отношениях между людьми главенство любви, решительно отвергает идею непротивления злу силою. Нравственный христианский закон осуждает не борьбу со злом, не применение силы по отношению к его носителю и даже не лишение жизни в качестве последней меры, но злобу сердца человеческого, желание унижения и гибели кому бы то ни было.

«В связи с этим Церковь имеет особое попечение о воинстве, воспитывая его в духе верности высоким нравственным идеалам. Соглашения о сотрудничестве с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, заключенные Русской Православной Церковью, открывают большие возможности для преодоления искусственно созданных средостений, для возвращения воинства к веками утвержденным православным традициям служения Отечеству. Православные пастыри — как несущие особое послушание в войсках, так и служащие в монастырях или на приходах — призваны неукоснительно окормлять военнослужащих, заботясь об их нравственном состоянии» (Основы социальной концепции).

Конечно, в деле защиты Отечества имеет свои отличия деятельность специальных служб и подразделений — соответственно, и пастырское попечение о таких военнослужащих имеет некоторые особенности. Но есть и самые общие требования к священнику, входящему в воинский коллектив.

1. Общие требования к военному священнику:

Священник-миссионер, имеющий послушание по окормлению военнослужащих, должен учитывать в своей деятельности следующие положения:

— осуществлять ее при полном согласовании с командованием, не в ущерб боевой и специальной подготовке личного состава. Для достижения успеха необходимо добиваться теснейшего взаимодействия с командованием части (подразделения);

— опираться при планировании пастырской деятельности на руководящие документы священноначалия и Министерства обороны РФ, положения и Уставы Вооруженных сил РФ. Для чего следует не только быть знакомым с соответствующими документами, но и постоянно совершенствовать свои знания и на их основе помогать командованию в координации воспитательной работы с личным составом;

— хорошо знать историю боевого пути части (подразделения), ее насущные проблемы и предназначение;

— добиваться авторитетного положения среди военнослужащих через освоение техники и вооружения, знания специфики несения службы, личным примером утверждая почетный статус защитника Отечества. Было бы неплохо, если бы батюшка успешно освоил одну из военно-учетных специальностей, присущих данной части (подразделению), а на корабле бы имел свой номер по боевому расписанию;

— участвовать во всех мероприятиях, проводимых в части (подразделении) согласно планов командования — будь то учения, марши, боевые выходы и походы, офицерские собрания или же парады по случаю торжественных событий.

2. Осуществление повседневной пастырской деятельности среди военнослужащих:

Ежедневная кропотливая работа с военнослужащими по их катехизации и воцерковлению может быть представлена как деятельность при исполнении ими обязанностей службы и совершаемая во внеслужебное время. Военный священник обязан построить ее так, чтобы военнослужащий имел и в том и другом случае устойчивую мотивацию к достойному несению службы, образцовому выполнению учебных и боевых задач и был бы готов в согласии с военной присягой исполнить свой долг и даже отдать жизнь, защищая народ и Отечество. Для успешного осу-

шествования такой деятельности, помимо обычного пастырского душепопечения, священнику необходимо:

— Интересоваться повседневным бытом и жизнью военнослужащих, постепенно приводя ее к норме и практике, присущей православной традиции и нравственности.

— Во взаимодействии с командиром части (подразделения) для сплочения воинского коллектива участвовать и во внеслужебной жизни военнослужащих, знать членов их семей, проводить с ними совместные мероприятия — отмечать семейные торжества, юбилеи, праздновать значимые даты из истории государства, Дни воинской славы, совершать паломничества к святым местам и др.

— Обязательно оборудовать (если нет возможности в части (подразделении) обустроить храм или домовую церковь) молитвенную комнату, а в казарменных помещениях, кубриках и каютах — святые уголки. В достатке иметь молитвословы, приучать личный состав молиться. Если удастся обустроить храм, то регулярно совершать в нем богослужения. Предусмотреть возможности для молитвы в полевых и походных условиях, а также во время ведения боевых действий. Ходатайствовать перед командованием о возможности участия военнослужащих в богослужениях, крестных ходах, проводимых в епархиях по месту дислокации.

— В библиотеку части (подразделения) передавать православную духовную литературу, совместно с работниками библиотеки устраивать ее представление, организовывать читательские конференции и просмотры фильмов духовного содержания.

— Непременно использовать любую возможность совершения общественного богослужения с привлечением как можно большего числа военнослужащих, например, при освящении техники, оружия, боевого знамени, служебных и жилых помещений части (подразделения) и др. В праздник Богоявления совершать Великое освящение воды при общем построении.

— Принимать участие в обсуждении и формировании планов воспитательной работы и повседневной деятельности части (подразделения). Совместно с заместителем по воспитательной работе включать в план вечера вопросов и ответов и беседы на духовные темы, еженедельные катехизические занятия для лиц рядового и офицерского состава и гражданского персонала части (подразделения). Участвовать в подведении итогов боевой подготовки и повседневной деятельности в части (подразделении).

— Активно взаимодействовать в воспитательно-патриотической работе, особенно среди военнослужащих по призыву, с членами общественных организаций ветеранов войны и Вооруженных сил РФ.

— При работе с нарушителями воинской дисциплины обращаться к примерам из Священного Писания и Предания, а также к увещанию из опыта святой жизни угодников Божиих, покровителей русского воинства (таких как вмч. Георгий Победоносец, 40 мучеников Севастийских, блгв. кн. Александр Невский, блгв. кн. Димитрий Донской, прав. адм. Феодор Ушаков и др.), жизнеописания которых миссионер должен очень хорошо знать.

— В целях укрепления воинского духа, воспитания преданности Отечеству и верности воинскому долгу, присущих русскому воинству, необходимо использовать не только общезначимые примеры из истории Отечества и Церкви, но и обращаться к истории части (подразделения), а если возможно — привлекать и героико-патриотический материал из прошлого и настоящего времени по месту дислокации или несения службы данной части (подразделения). Разумеется, это обращение должно быть наглядным, зримым.

— Миссионер должен иметь возможность поощрения наиболее отличившихся при выполнении воинского долга военнослужащих подарками, Благодарственными письмами, ходатайствовать перед епархиальным архиереем о награждении архиерейской грамотой и другими наградами Русской Православной Церкви.

— В гарнизоне военные священники должны организовать между собой взаимодействие и сотрудничество, способствуя тем самым повышению воинской дисциплины и боеготовности гарнизона.

— Во взаимоотношениях с военнослужащими разного уровня священник должен вести себя с достоинством и честью, не позволяя себе панибратства с личным составом и заискивания перед командованием, быть для всех духовным отцом и авторитетом.

2.6.6. Проповедь в молодежной среде

«Миссионерская работа предполагает создание на приходах благоприятных условий для реализации православной молодежью своих творческих устремлений и потребностей, что предусмат-

ривает взаимное общение не только в храме, но и во внебогослужебное время. Для этого могут быть использованы детские лагеря, походы, паломнические поездки, группы содействия немощным членам прихода и многие другие формы деятельности. Святейший Патриарх Московский Алексей II особо отметил: «Мероприятия подобного рода побуждают молодежь взглянуть на Церковь иными глазами, увидеть в ней не строгого судью, а заботливую мать. Одновременно, благодаря такой деятельности, укрепляются связи со светскими структурами, ответственными за воспитание подрастающего поколения. Общество на деле убеждается в положительном социальном значении Церкви».

Для проведения миссии в молодежной среде необходимо иметь в виду следующие основные направления деятельности:

— приобщение к литургической жизни и воцерковление молодых людей, недавно пришедших в Церковь;

— просветительская деятельность, направленная на формирование правильного представления об иерархии христианских ценностей, создание для этой цели современной научно-богословской методологической базы;

— привлечение молодежи к христианскому служению (трудо-вая помощь храмам и монастырям, работа в детских лагерях, помощь ветеранам, немощным людям, переписка с заключенными и др.);

— создание открытой христианской социокультурной молодежной среды;

— организация специализированной помощи молодым людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию или различные виды зависимостей (например, телефонная служба доверия, частные личные беседы, Интернет-форум с возможностью задать вопрос катехизатору или священнику, консультации православного психолога, программы по реабилитации пострадавших от алкогольной, наркотической зависимости, а также бывших членов деструктивных сект);

— продуманное использование в миссионерской деятельности среди молодежи современных форм творчества: музыкального, литературного, художественно-изобразительного и т.п.

При выборе наиболее эффективных приемов работы с молодежными группами следует учитывать их социальную направленность, степень религиозной информированности и способность к восприятию преподаваемого им православного учения. Необходимо творческое применение самых разнообразных методов духовного

просвещения. В настоящее время существует следующая типологизация молодежных групп:

1. *Воцерковленная молодежь, различающаяся по степени общественной активности и уровню осознания своего места в Церкви. Для этой группы необходимо применять различные формы участия в церковном и общественном служении, устранять барьеры в церковном сознании (дистанцию между клиром и мирянами, боязнь инициативы и ответственности), препятствующие такому участию. Нужно способствовать появлению и реализации молодежных инициатив, побуждать церковную молодежь к проявлению личной активности.*

2. *Неофиты, недавно пришедшие к православной вере, еще мало знающие основы Православия и часто переоценивающие свою компетентность в разных вопросах церковной жизни. Подходящими методами работы в этой среде являются катехизация, основанная на традициях церковного просвещения, а также вовлечение в практическую деятельность общины под руководством воцерковленных людей.*

3. *Невоцерковленная молодежь, в целом позитивно относящаяся к Православию. Наиболее целесообразно при работе с этой группой молодежи привлекать молодых людей к различным формам досуговой или творческой деятельности, не противоречащим православной духовности.*

4. *Молодежь, выбравшая другие христианские конфессии или иные традиционные религии, но сохранившая уважительное отношение к Православию и не отрицающая возможности диалога с православными. Наиболее эффективным методом взаимодействия с представителями этой группы является разработка и осуществление образовательных и культурных программ, имеющих просветительскую направленность (например, семинары по вопросам экологии или противодействия наркомании и т.п.).*

5. *Невоцерковленная молодежь, равнодушно относящаяся к Православию или к религиозной жизни в целом, является наиболее многочисленной и потому самой важной группой невоцерковленной молодежи. В зависимости от того, насколько эффективной станет работа Церкви именно с ней, можно судить о результатах миссии среди молодежи. Для успешной работы с этой группой необходимо, прежде всего, разрушение ошибочных стереотипов восприятия Церкви и духовной жизни, а также формирование новых представлений, создающих мотивацию к созидательному духовному развитию. основополагающими принципами в общении с та-*

кой молодежью являются искренность, открытость и терпение: не навязывание внешних форм Православия, а подготовка почвы для сознательного воцерковления. Формы занятий с этой группой могут быть различными; они должны быть привычными для современной молодежи, но при этом — наполненными христианским содержанием.

6. Молодежь, негативно настроенная к Церкви. При работе с такими людьми лучше всего вести диалог в духе любви и упования на помощь Божию, ибо Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим. 2.4)».

Служение Церкви среди молодежи как самостоятельное миссионерское направление достаточно новое дело. Лишь только в XX в. созрела и была сформулирована необходимость специального миссионерского обращения Церкви к молодым людям. И в первую очередь это связано с тем, что в условиях современного мира молодежь выделилась, или ее стали выделять, в отдельную социальную группу со своей непохожей субкультурой, особыми интересами, ценностями, нормами поведения и проблемами.

Как часть общества, молодежь стала объектом изучения и исследования многих социальных наук: философии, психологии, истории и педагогики. В некоторых вузах открылись отдельные кафедры, в центре внимания которых изучение и преподавание интегрированных курсов о молодежи как феномене современного общества и о технологии работы с молодыми людьми.

В свою очередь интерес Церкви к молодым людям продиктован, прежде всего, заботой о них. После интронизации в соборном храме Христа Спасителя Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал: «Предметом нашей особой заботы станет молодежь, которая сегодня особенно остро нуждается в духовном руководстве. В эпоху нравственного релятивизма, когда пропаганда насилия и разврата похищает души молодых людей, мы не можем спокойно ждать, когда молодежь обратиться ко Христу: мы должны идти навстречу молодым людям, помогая им обрести веру в Бога и смысл жизни, а вместе с тем и осознание того, что есть подлинное человеческое счастье».

1. Исторический фактор:

Однако было бы неверным считать, что в Русской Православной Церкви до «Новейшего» ее периода вообще отсут-

ствовала традиция обращения к молодому поколению и его воспитание. «Повесть временных лет» говорит следующее: «И начал Владимир ставить по городам церкви и попов, и люди на крещение приводить по всем городам и селам и давать детям научение книжное», — тем самым с раннего периода христианизации Руси выказывается особое внимание к детям и юношеству.

Древним и ярким примером является «Поучение князя Владимира Мономаха детям». Здесь автор, наряду с вопросами государственного устройства и управления землей, касается и вообще свойств достойного человека и хорошего христианина, затрагивает в нескольких словах и собственно воспитание, а также дает практические советы и наставления.

Отсутствие специальных педагогических разработок до Синодального периода с успехом компенсировалось воспитательной ролью семьи и образованием, которое было непременно церковным, так как школы существовали вместе с Церковью и под управлением церковного священноначалия. Образование юношества в таких школах всегда было подчинено высшей цели — духовному и нравственному становлению.

В начале XIX в. открытие при приходах начальных школ для детей позволяло решать одновременно как образовательные, так и воспитательные задачи. Как говорилось в правилах, их цель заключается в том, чтобы «утверждать православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». Школы получили название «церковно-приходских», и к середине XIX в. в России действовало уже около 20 000 таких школ.

Примерно в то же время получили распространение и различные формы воскресного обучения детей: воскресные беседы, чтения, лекции с показом иллюстраций. По примеру двух священников Пермской епархии, которые проводили такие занятия для детей рабочих Нытвинского завода, подобные беседы стали называть «воскресной школой». Они получили свое заслуженное признание и распространение во многих городах: Могилев, Одесса, Оренбург, Чернигов, Харьков, Казань, Нежин, Архангельск, Рязань, Елисаветград. Цели, которые ставили преподаватели, а это в основном священнослужители, были те же самые, что и в церковно-приходских школах — распространение духовно-нравственного просвещения и воспитание молодого поколения.

После революции 1917 г. в России церковно-приходские и воскресные школы, по причине принятия Закона об отделении Церкви от государства, прекратили свое существование, хотя сохранились в среде русских эмигрантов. Так, например, только во Франции в 1920-1939 гг. существовала целая сеть воскресно-четверговых школ, организованных при православных приходах в русских колониях. А для координации их работы был создан особый комитет. Русская церковная эмиграция вообще очень плодотворно потрудились в работе с молодежью. Главным ее успехом стало воцерковление студенческого движения, которое в буквальном смысле воспитало несколько поколений русской молодежи в эмиграции. Благодаря целенаправленной работе, поначалу разрозненные, зачастую интерконфессиональные студенческие кружки и собрания, различные местные организации и группы, существовавшие в разных странах, удалось объединить в одно движение и вернуть в церковно-православное русло. Тогда же были выработаны основные формы и методы работы в молодежной среде, которые до сих пор успешно используются: кружки и сборы, братства и центры социальной помощи, детские и студенческие лагеря, лекции, съезды и издания.

Цели движения были сформулированы на молодежных съездах под председательством прот. В. Зеньковского, долгие годы бесменного лидера движения. Одна из них — сохранение русской культуры, ее творческое продолжение, которое немыслимо без Православия. Об этом так и говорится в Уставе Русского Студенческого Христианского Движения от 1959 г.: «РСХД утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа».

Но, несомненно, основной целью движения стало «объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих». Молодежное движение и феномен РСХД, его плодотворность и живучесть еще нуждаются в подробном изучении, а опыт,

накопленный за годы работы с молодежью, востребован и в настоящее время.

Изменение политической ситуации в СССР и издание Закона «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 г. создало благоприятную обстановку для проповеди среди молодежи. Уже в декабре этого же года Священный Синод Русской Православной Церкви вынес решение о создании единой православной молодежной организации. Вскоре как следствие этого решения прошел Съезд Православной Молодежи, который и объявил о создании Всецерковного Православного Молодежного Движения (ВПМД). На тот момент в него вошли православные братства, скаутские группы, молодежные организации, которые формировались при приходах. Во многих епархиях Русской Православной Церкви были вскоре открыты региональные отделения ВПМД, во главе которых стали инициативные и молодые священники.

После преобразования ВПМД в Синодальный отдел по делам молодежи и открытия епархиальных отделов служение получило новый импульс. Прошел целый ряд съездов православной молодежи в различных епархиях, в том числе Всецерковный съезд православной молодежи в Москве. Поддержка священноначалием нового миссионерского служения среди молодежи обусловила возможность и регулярность проведения разнообразных конференций, семинаров, туристических слетов и детских православных лагерей, молодежных фестивалей и краеведческих экспедиций практически во всех епархиях Русской Православной Церкви. Наметились и воплощаются новые формы и методы работы с молодежью при сохранении главной цели, которую провозгласило ВПМД: «объединение православной молодежи в служении Православной Церкви, а также приведение ко Христу тех, кто находится вне спасительной церковной ограды».

2. Возрастной и социальный факторы:

К категории молодежи обычно относят возрастную группу от 18 до 30 лет, хотя существует и более широкое деление по возрастным подгруппам, которое включает: детство от рождения, отрочество, юность и собственно молодость. Приемлема может быть любая классификация при работе с молодежью, все зависит от того, какие цели ставит педагог, социолог или любой другой классификатор. Но определенная возрастная расстановка необходима, так как нельзя одни и те же методы и формы

работы предлагать для детей 10-14 лет и для молодых людей 20-24 лет, потому как каждый возраст имеет свои специфические особенности, которых просто нельзя не замечать.

В целом, возрастное деление молодежи можно представить следующим образом (хронологическая классификация приближительна):

— детство (до 5-7 лет): обуславливается становлением самосознания личности, отсутствием причинно-следственной оценки действий ребенком;

— отрочество (от 5-7 до 12-14 лет): осмысление окружающей действительности с позиции самоощущения; первичное освоение социализации (построение отношений со сверстниками на равных условиях) в учебных и досуговых заведениях;

— юность (от 12-14 до 16-18 лет): активное развитие физиологических функций организма, влекущее обострение мироощущения и влечения к противоположному полу (т.н. «переходный возраст»); становление личности ребенка в окружающем мире, приводящее к критике авторитетов (родителей, старших, Церкви);

— молодость (от 16-18 лет): проявления самостоятельности человека, приводящие к таковой лишь с достижением самообеспечения и полной независимости от родителей; формирование четкого и убежденного мировоззрения и религиозного самоопределения.

Достаточно трудно бывает определить верхнюю границу молодежного возраста, возможно, она исчисляется не количеством лет, а способностью человека к изменению, к тому самому главному изменению, что предполагает вера во Христа. «Молодость — это когда человек способен впитывать новое, даже если возраст у него почтенный» (из Слова Святейшего Патриарха Кирилла на III Сретенских встречах, 14 февраля 2009 г.). Впитывать новое, а значит самому ежечасно становиться обновленным. И это как раз может предложить молодежи православный миссионер, у которого в арсенале весь опыт Православной Церкви, которая обновляется Духом Святым. И это — то важное в Церкви, что действительно может заинтересовать молодых людей и вдохновить на решимость навсегда посвятить Богу свои юные сердца.

Целесообразно и естественно деление в работе молодых людей на группы школьного возраста и тех, кто закончил школу. Здесь большое влияние на человека оказывает расширение его

социума. И если школа — это еще нечто домашнее или связанное с домом, родителями и ограничениями, то выход за пределы ее связан со свободой, которая бывает порой ничем не ограничена. Поэтому очень важно подготовить старшеклассников к выходу в «большую жизнь» и научить плаванию в «безбрежном океане» свободы.

На приходском уровне не следует противопоставлять молодых людей другим возрастным категориям, выделяя их в обособленную группу. Конечно, форма проведения свободного времени и организация воцерковленного досуга для разных возрастов будут различны. Однако следует всегда напоминать, что молодые люди являются не только частью Церкви Христовой, но и частью данного прихода. К тому же работа с молодежью требует включения в эту работу целого прихода, особенно если дело касается детей.

Так, начиная с воспитания детей в приходской общине, можно проследить, как к общему делу подключается постепенно вся община. Сначала это может быть помощь в организации питания для детей после литургии, во время проведения воскресных занятий. Потом уже помощь священнослужителям в проведении самих занятий, игр, спортивных мероприятий и организации досуга. Эта совместная деятельность вокруг детей позволяет членам общины лучше узнать друг друга, подружиться и проявить свои способности и таланты.

Поэтому, говоря о приоритетности развития церковного служения среди молодежи, необходимо понимать, что это развитие ни в коей мере не должно осуществляться за счет принижения роли других направлений миссии, а наоборот, работа с молодежью открывает возможные новые направления миссионерского служения.

3. Психологический фактор:

Для молодого возраста характерно особое восприятие Церкви и мира в целом, через призму максималистского заострения. Как ни странно, молодежь острее других чувствует социальное неравенство, несправедливость и боль. Иногда это выливается в протесты, демонстрации и противостояния, а иногда рождаются социально значимые проекты, где руководителями и волонтерами являются сами ребята.

Вот уже почти в течение пяти лет волонтерская группа «Старость в радость» опекает 30 домов престарелых и ветеранов в

Московской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Тверской, Тульской областях, Татарстане и Алтайском крае. Миссия их проста — капля внимания и помощи одиноким старикам. С 2002 г. в Москве существует движение «Друзья на улице». В движение входит группа молодых прихожан нескольких московских храмов, которые занимаются социальным служением среди бомжей на Курском, Ленинградском, Ярославском и Казанском вокзалах. Они изыскивают для них одежду и снабжают едой. Благотворительное Интернет-сообщество «Конвертик для Бога» регулярно собирает немалые пожертвования для лечения тяжелобольных детей. И это лишь несколько ярких примеров социального служения неравнодушных молодых людей. Зачастую такое служение бывает организовано по инициативе самих волонтеров, без усилий со стороны Церкви и ее прямого участия. И в этом случае дистанции между Церковью и молодыми людьми в области социального служения быть не должно. Церковным приходам необходимо всесторонне поддерживать такое служение и способствовать вовлечению в него большего числа молодых людей.

Однако весьма часто в поисках такого значимого социального служения на приходах, где молодые люди могли бы проявить себя, внимание настоятеля обращено на тех людей, которые находятся вне данной приходской общины. И порой может забываться о нуждах тех стариков и многодетных семей, да и просто прихожан, которые являются частью прихода и у которых достаточно много проблем, ждущих своего разрешения. Организованная помощь таким людям через молодежь является замечательным средством, во-первых, воцерковления молодых людей через участие в жизни общины, а во-вторых, это созидание и самой церковной общины.

Протопресв. Николай Афанасьев в статье «О церковном воспитании» писал, что «богослужение как молитвенное собрание церковной общины для своих членов предполагает внутреннее и духовное единение... Без этого единения присутствующая на богослужении община превращается в атомизированное множество. Рядом стоят люди друг другу незнакомые, друг с другом ничем не связанные... К Чаше подходят люди, не только не связанные любовью, но чужие и друг другу, и священнику». Поэтому главным средством воспитания юношества протопресв. Николай Афанасьев считает возрождение и созидание церковной общины, так как «церковное воспитание предполагает наличие церковной среды и церковной общественности». Многие совре-

менные молодежные руководители в Русской Православной Церкви тоже свидетельствуют о невозможности воцерковления молодежи без общины и включения в ее деятельность.

4. Методы и формы миссионерской работы с молодежью:

В последние годы в Церкви уже почти никто не оспаривает то, что воспитательная работа в молодежной среде должна иметь свои особые формы и методы, свои специальные подходы. В постановлении Архиерейского Собора 2004 г. говорится: «Во внебогослужебной сфере могут использоваться культурные стили и формы, привычные для современной молодежи, если они наполняются православным содержанием».

Формы и методы могут и должны меняться в зависимости от того, на какую аудиторию они нацелены. В «Концепции молодежного служения», принятой Священным Синодом в апреле 2000 г., сполна перечисляются все на сегодня возможные формы⁶.

⁶ Из Документа, п. VI. Основные формы деятельности молодежного служения в Русской Православной Церкви: 1. Вовлечение молодежи в приходскую жизнь (Молодежь может быть включена во все направления деятельности церковного прихода — будь то попечение над местной больницей, детским приютом, шефство над воинской частью или миссионерская работа). 2. Создание православных молодежных организаций (Российское законодательство позволяет создавать религиозные объединения, которые могут осуществлять миссионерскую работу. Создание молодежного православного братства, молодежной организации на церковном приходе будет способствовать самостоятельной деятельности молодежи, что очень важно для этого возраста). 3. Привлечение светских детских и молодежных организаций (Сегодня существуют детские, молодежные организации, которые в своей деятельности опираются на ценности Православия. Следует шире привлекать такие организации к церковному служению). 4. Школы ремесел (Следует создавать условия для развития в духовной православной среде самых различных талантов детей и молодежи: будь то ремесленные навыки, художественное творчество, лингвистические способности и прочее. С этой целью необходимо привлекать активных прихожан к так называемой «кружковой» работе с детьми и молодежью). 5. Детские молодежные консультации (На приходе силами православных врачей, психологов, педагогов совместно со священством могут создаваться консультации, телефоны доверия для детей, подростков, родителей по самым важным для них вопросам). 6. Мероприятия в православных школах, гимназиях, лицеях, воскресных школах (Православные учебные заведения могут более активно приглашать детей и молодежь из светских учебных заведений для участия в церковных праздниках, встречах со священством, в совместном социальном служении). 7. Издания книг, газет, журналов (Важно организовать издание православной литературы, адресованной молодежной аудитории. Издаваемая на церковном приходе газета для православной молодежи может содержать не только информацию религиозно-образовательного характера, но и отражать жизнь молодежи в Церкви, вести диалог по самым разным вопросам молодеж-

На конференции «Современная молодежь в Церкви: проблемы и пути их решения» (февраль 2005 г.), организованной Патриаршим центром духовного развития детей и молодежи совме-

ной жизни). 8. «Круглые столы» (Встречи священства и молодежной аудитории для совместного обсуждения интересующих их вопросов). 9. Курсы, семинары (Организация курсов, которые готовили бы организаторов молодежного служения из числа активных прихожан, педагогов. Курсы, направленные на подготовку к определенной социальной деятельности, например: к работе в больнице, в детском приюте, в лесничестве, в муниципальных службах, в реставрационных мастерских и другое). 10. Участие в масс-медиа (Обращение к молодежной аудитории через местные средства массовой информации. Участие православной молодежи в работе газет, журналов, теле- и радиопередач, обращенных к сверстникам). 11. Творческие конкурсы (Организация православных творческих конкурсов: песенно-музыкальных, художественных, литературных, историко-краеведческих и других). 12. Православные лагеря (Важная форма служения молодежи и для молодежи; организация в каникулярное время лагерей для детей, подростков, студенчества и молодежи). 13. Православные клубы на приходе и по месту жительства (Такие клубы, в которых дети могли бы общаться, играть в спортивные игры, заниматься религиозным образованием и миссионерской деятельностью, отвечают интересам государственной политики в области молодежной работы и вместе с тем способны привлечь молодежь к активной церковной жизни). 14. Паломничества, участие в реставрационных работах (Такая деятельность проста и привлекательна для молодежи). 15. Православная детская, молодежная организация (В православной детской молодежной организации, например, в такой как Федерация Православных Следопытов, возможно комплексно, системно подойти к организации молодежного служения. Важно, чтобы в такой работе были правильно расставлены акценты. Ее важность — не только в том, чтобы создать единую детскую церковную организацию, но и в использовании системы эффективных педагогических приемов для организации юношеской работы на приходе). 16. Общение православной молодежи из Православных Поместных Церквей (Задачам такого молодежного служения может способствовать участие в программах международных православных союзов: «Синдесмос» — международное объединение православной молодежи, «Десмос» — международное объединение православных скаутов (следопытов)). 17. Участие в Президентских программах «Молодежь России» и «Дети России» (Православная молодежь должна принимать активное участие в жизни своей страны. Сегодня на местах силами местного самоуправления строится молодежная и детская работа по самым различным направлениям. Участие церковного прихода в такой работе будет способствовать решению важных для нашего общества задач и даст применение силам молодых православных людей). 18. Организация спортивной, туристической деятельности (Церковный приход не должен бояться организации такой работы, если она будет направлена не на соревнование, а на формирование характера молодого человека). 19. Сотрудничество с государственными службами (Церковный приход может организовать интересные и полезные для души молодого человека мероприятия совместно с местной службой по чрезвычайным ситуациям, пожарной частью, милицией и военными. Воцерковление таких служб — важная задача Церкви, а для молодежи это возможность развить свой характер в подготовке к служению Родине и ближним).

стно с Отделом по делам молодежи, была предложена работа по группам, на которые условно можно разделить современную молодежь. Это и невоцерковленная молодежь, неофиты, молодежь, которая выбрала другие христианские конфессии или другие традиционные религии, и та молодежь, которая враждебно настроена по отношению к Православной Церкви. Воцерковленную молодежь иногда предлагают делить на тех, кто самостоятельно пришел к Богу и в Церковь, и детей верующих родителей, то есть тех, кто уже не первый год пребывает в Церкви, и кому их верующие родители пытались привить привычку и вкус к церковной жизни. Данная классификация молодежи включена также и в «Концепцию миссионерской деятельности».

Но самое главное, что сформулированные методы апробированы и успешно работают как на епархиальном, так и на приходском уровнях. Сейчас уже никого не удивит священник на мотоцикле во главе мотопробега или миссионер, выступающий с проповедью на рок-концерте, молодежные православные фестивали и богослужения в приспособленных палатках и под открытым небом. В настоящее время стоит другая задача: привести разрозненную работу молодежных групп и организаций в единую систему. То есть, речь идет о создании в России по-настоящему массового православного молодежного движения.

Тем не менее, взирая на обилие предлагаемых форм и методов работы, миссионер, ведущий проповедь в молодежной среде, должен помнить следующее:

— всегда следует говорить серьезно и честно, не отработывая технологию и методологию. Даже если и существуют разработанные технологии, важно помнить, что само по себе Православие глубже и обширнее, чем любой метод, и пользоваться этим миссионерским преимуществом;

— уметь разговаривать с молодежью на понятном и доступном для нее языке. В то же время избегать употребления специфичного молодежного сленга и жаргона, не пытаться с помощью этого понравиться аудитории. «Использовать те реалии, которыми живет молодежь, — вполне святоотеческий подход. Это нужно для того, чтобы быть понятным, но не популярным» (прот. Максим Козлов);

— использовать близкие для себя формы и методы (это позволит миссионеру оставаться естественным);

— не выделять какие-либо одни формы работы, считая остальные неприемлемыми (например, до сих пор ведутся дис-

куссии и споры о необходимости и возможности выступлений священнослужителей перед многочисленной молодежной аудиторией, иногда неадекватно настроенной к происходящему. Обсуждается также и правомочность проведения так называемых «молодежных» и «детских» литургий, несмотря на то, что таковые уже существуют и выполняют свою миссионерскую функцию).

Наиболее многочисленной, и потому самой важной представляется на сегодняшний день невоцерковленная молодежь, равнодушно относящаяся к Православию. При взаимодействии с данной группой рекомендуется метод «опосредованной миссии». Его суть выражается известными словами ап. Петра: «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией» (1Пет. 4.10).

Для работы с невоцерковленной молодежью, в целом позитивно относящейся к Православию, и неофитами, недавно пришедшими к Православной вере, пригодны методы, которые уже давно, с разной долей успеха используются в Церкви (катехизаторские курсы, занятия по изучению Священного Писания, воскресные школы для взрослых и т.п.). Эти методы можно обозначить как «непосредственную миссию».

Одной из самых актуальных проблем для современного молодежного движения Церкви является недостаточность методической базы — мало опубликованных программ и методических разработок молодежных проектов. А потому необходимо поставить на высокий уровень прежде всего просветительскую деятельность, направленную на формирование правильного представления об иерархии христианских ценностей, создать для этой цели современную богословскую методологическую базу.

Следует более подробно знакомить и приобщать приходящую в Церковь молодежь к различным видам христианского служения, широко показывать социальную, трудовую и просветительскую деятельность, которую ведет приход (например, трудовая помощь храмам и монастырям, работа в детских лагерях, помощь ветеранам, немощным людям, переписка с заключенными).

Целесообразно создавать открытую православную молодежную среду, в которой была бы возможность знакомиться и общаться, совместно проводить праздники и дни рождения, делиться друг с другом опытом жизни и служения в Церкви, встречаться со священнослужителями, а также с интересными для

молодежи людьми. Сплочению молодежи способствуют летние лагеря, паломнические поездки, военно-спортивные соревнования, краеведческая работа, деятельность в творческих студиях.

Важно помочь молодому поколению получать ответы на волнующие его вопросы о вере и церковной жизни, а также помочь ему разрешить семейные, психологические и другие проблемы. Выполнению этой задачи способствуют, например, телефонная служба доверия, частные беседы или интернет-форум с возможностью задать вопрос катехизатору или священнику, консультации православного психолога, программы по реабилитации пострадавших от алкогольной, наркотической зависимости или от вовлечения в тоталитарно-деструктивные секты. Важно учесть, что духовное возрастание молодого человека неразрывно связано с духовной обстановкой в семье, поэтому следующим этапом в работе с молодежью должна стать работа с родителями.

Необходимо активное и продуманное использование в миссионерской деятельности современных форм творческой жизни молодежи в музыкальной (например, рок-музыка), литературной, художественно-изобразительной и иных сферах. Следует обратить особое внимание на качество миссионерской подготовки православно ориентированных массовых мероприятий, например, празднования «Дня православной молодежи» в праздник Сретения Господня.

Важно отметить наиболее распространенные ошибки проповеди в молодежной среде:

— Благовествование о Христе и спасении в Нем подменяется внешней церковностью. В основе этой ошибки лежит мысль привести человека к Богу через обряд. Однако в действительности предпочтителен другой путь: от Христа и Евангелия — к церковному обряду, который только в этом случае осмысливается и наполняется реальным жизненным содержанием.

— Формирование в массовом сознании образа Церкви, который не соответствует ее изначальной подлинной сущности. Церковь рассматривается как традиционная для России и поэтому приемлемая для русского человека. При этом совсем забывается о кафоличности и вселенском характере Православной Церкви.

— Акцентирование проповеди на смерти, муках грешников, аде, бесах и их кознях, запугивание антихристом и глобализацией. Христос в такой проповеди выступает фоном, а не смыслом духовной жизни.

— Обращение проповедника не к Священному Писанию, не к догматическому и нравственному учению Церкви, а к псевдоцерковным преданиям, «негодным и бабьим басням» (1Тим. 4.7), что приводит к искаженному восприятию Предания Церкви.

— Подмена проповеди Христа призывами исключительно к социальной деятельности.

Из-за подобного рода ошибок религиозная жизнь в Православной Церкви рассматривается исключительно как система запретов. При этом совершенно забываются слова Христа: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8.32). Однако, с другой стороны, миссионер призван чувствовать границы церковной традиции и не уклоняться в «протестантизм».

5. Необходимые черты и качества руководителя, возглавляющего миссионерское служение среди молодежи:

Кто должен заниматься миссией среди молодежи? К этому миссионерскому служению призваны не только специальные отделы и некоторые особо одаренные проповедники. Необходимо понимание каждого пастыря, что дети — это будущее Церкви. «Мы не можем, имея детей, ждать, что когда-то, став зрелыми, они сами поймут, что их путь лежит к Церкви, — ибо они могут и не понять, могут огрубеть, путь к Церкви может оказаться навсегда заслоненным и закрытым». Необходима готовность и участие каждого пастыря, в меру тех талантов, что отпущены ему Господом. Надо идти и не бояться, а чтобы не бояться, надо любить тех, к кому идешь. «Кто преодолет первые трудности в работе с современной молодежью, тот убедится в глубоких и сильных запросах у нее» — наставляет пастырей прот. Василий Зеньковский.

При выборе мирян для помощи в работе с молодежью это свойство (умение и готовность любить) должно быть и для них одним из основных. Если «педагог» искренне любит детей, отдает им себя без остатка, стремится к живому контакту душ, видит их личности как отражение образа Божия, в этом случае даже предметная урочная система получает новые силы и возможности. На первый план выходит воспитательное воздействие личности педагога, а формальные рамки урока служат лишь оболочкой для общения учителя с классом.

Но нельзя, привлекая к миссионерскому служению мирян, самому пастырю уклоняться и перекладывать работу на других. Даже один облик священника производит на подростков силь-

ное впечатление. И каким бы глубоким и умным не был педагог из мирян, все же личность самого священника оказывает на души молодых более сильное воздействие. Впоследствии это полученное впечатление от встречи со священником порой становится основой уважительного отношения ко всей Церкви.

При работе с молодежью священнику следует частенько вспоминать свою собственную юность, то, что тревожило и волновало его самого, каким он сам был в юные годы. Это удержит его от излишнего ригоризма. «Старайся быть юн с ними, — обращается к педагогу К.П. Победоносцев, — и они это почувствуют». Протодиак. Андрей Кураев советует «помнить, что дорого было для нас, когда мы сами были начинающими прихожанами, как дорог был нам каждый взгляд священника, который выделял нас из толпы, как дорого было каждое слово, благословение, просфорочка, которую батюшка даст... Поэтому очень важно, чтобы священники замечали молодежь, не боялись ее и умели ей дарить».

Не следует забывать пастырю и о том, что главная его цель — привести юные души ко Христу. Укрепить, направить, а самому потом вовремя отойти в сторону, чтобы своим авторитетом не затмить личность Христа.

С детьми нужно играть, замечает епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский). Он считает, что невозможно создать живое общение с детьми, если пастырь не умеет войти в жизнь детей, которая, по наблюдениям психологов, насквозь пронизана игрой. Поэтому «чтобы стать истинным пастырем детей, надо стать их другом, а чтобы стать другом, надо стать простым, во многом подобным им самим... Постараться угадать призвание или интересы и суметь в меру своих знаний их разделить. Например, с рисующим — порисовать, с поющим — попеть, с «натуралистом» — прогуляться с коллекционерской целью». Такого сближения с юношеством не боялись и видные святители Церкви, невзирая на важность сана и на свое положение в обществе. Так, свт. Иннокентий (Вениаминов), митр. Московский и Коломенский, на Алеутских островах всегда был окружен детьми, своими и чужими, непременно находя для них занятие. Он рассказывал им Священную историю, играл в мяч, гулял по горам, собирал камни и рассказывал о них. Когда камней накопилось порядочно, он предложил детям выложить тропинку от дома до храма. По вечерам он изготавливал часы и музыкальные органчики, приобщая к работе и детей. А митр. Антоний Сурожский уча-

ствовал в волейбольных состязаниях подростков, чем доставлял им несказанную радость.

Прот. Василий Зеньковский пишет о том, что хороший руководитель должен совмещать в себе три типа, или обладать свойствами «воспитателя, апостола и командира». Как воспитатель, он должен разбираться и учитывать психологические индивидуальности подростка, дружески входить в проблемы его жизни. Апостольство пастыря раскрывается тогда, когда он пробуждает в молодых душах стремление к Богу. Командир — это тот, за кем не боятся идти, потому что он надежен и чувствует ответственность за каждого.

6. Проповедь молодежи в своей среде:

Чтобы работа с молодежью на приходе была системной, а не от случая к случаю, пастырю, обремененному всевозможными обязанностями настоятеля или иными послушаниями, необходимы помощники. Хорошо если в общине есть педагоги с опытом работы в молодежной среде, к тому же еще сами воцерковленные. Но чаще всего не приходится полагаться на такое чудо. Приглашать кого-то со стороны зачастую нецелесообразно и неоправданно. Поэтому потенциал все же надо искать среди самой молодежи на приходе. Это будут те самые молодые парни и девушки, которые регулярно участвуют в богослужении.

Именно про них Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал: «духовно одаренные». Именно они способны стать лидерами в своей среде и своим примером увлечь если не всех, то хотя бы некоторых. «Юноша или девушка, занимающиеся молодежным служением, должны помогать людям двигаться к Богу независимо от того, достигли они сами вершин духовного совершенства или нет. Именно в этом потенциал того, что теперь принято называть «лидерскими качествами». Молодежь охотнее всего приходит в храм и остается в нем, если слышит о духовном опыте от своих сверстников и учится, глядя на них.

Церковная молодежь должна стать активом молодежного движения Церкви, именно этим молодым людям предстоит организовать работу со всевозможными невоцерковленными молодежными аудиториями.

Православная молодежь хочет объединиться, общаться, взаимодействовать. Поэтому необходимо создавать на местах «Мис-

сионерское молодежное движение». «Миссионерское молодежное движение» позволит встретиться верующей молодежи со своими сверстниками, находящимися в духовном поиске, позволит организовать общения тех, кто уже встретил Бога с теми, кто ищет Его. Молодежное движение общецерковного, общероссийского характера создает условия для проведения масштабных, сильных проектов, направленных на нравственное совершенствование и социальное служение.

Общественный характер миссионерского движения православной молодежи создает возможность для активного участия ее в жизни государства и общества. В этом движении необходимо участие общественных, приходских и епархиальных молодежных организаций. Единство в сфере общественного служения позволит эффективно реализовать имеющиеся формы и методы миссии.

7. Специфика воцерковленного досуга молодежи:

Все усилия, которые предпринимает Церковь в работе с молодежью, имеют конкретную цель — ее воцерковление, то есть последовательное и целостное научение основам христианской веры, передача опыта молитвы и церковной жизни.

Существует опасность, когда целью молодежной работы становится стремление сохранить молодежь в Церкви во что бы то ни стало. Тогда ее будут вовлекать во всевозможные формы встреч, фестивалей, поездок и паломничеств. И руководители могут совершенно искренне считать, что если молодежь увлечена всем этим, то значит, она увлечена и жизнью Церкви. В реальности молодежи свойственно увлекаться внешними формами, некоторые из них даже могут привести к благородным результатам. Например, воспитать патриотические чувства или оказать помощь в создании семьи, но вхождение молодого человека в Церковь как в Тело Христово останется за гранями такой работы. Поэтому миссионеру необходимо быть предельно внимательным и не пропустить тот момент, когда происходит не «воцерковление» подростка, а его «социализация» через Церковь.

В документе «Концепция молодежного служения», в разделе об основных формах деятельности молодежного служения, — организация православных лагерей обозначена как «важная форма служения». И если руководителям молодежного служения со всей серьезностью отнестись к его организации, то православный ла-

герь для юношества может стать тем самым мостиком перехода от обесцененного современного мира к ценностям духовной жизни. Православные лагеря проводятся уже достаточно давно, начиная еще со времен становления в России скаутского движения, затем были лагеря, организованные РСХД за рубежом. Сейчас время воцерковленного досуга требует рецепции опыта прошлых лет и новых наработок в этой области церковного служения.

Организация православных лагерей начинается с подбора толковых помощников. И это — одно из главных условий успеха: собрать таких людей, которым взаправду было бы интересно «возиться» с детьми, играть с ними и воспитывать. А воспитывать — это значит передавать, делиться духовным опытом, в первую очередь своим.

Так как лагеря или смены могут быть тематически разноплановыми, соответственно и к планируемой тематике следует подбирать квалифицированных помощников. Здесь имеется в виду, что при неизменности духовного содержания каждого лагеря, одни могут иметь спортивную наполненность, другие патристически-военную, третьи специализированную (например, музыкальные или мастерские направления). Один лагерь даже может совмещать все типы и детям будет интересно, но не в этом дело. Успех во многом будет зависеть от того, смогут ли воспитатели и преподаватели показать детям в этих формах образ творческого отношения к жизни как к дару Божию. Передать им даже не умение, потому как за короткий период времени нельзя профессионально обучить, а свое знание Бога и видимое воплощение веры в делах.

В православных лагерях, на фестивалях, форумах возможно в полной мере осуществить то, что принято называть «общением через диалог», а не назидание. В такой форме общения удобны непродолжительные встречи, мини-беседы молодых людей со священством. Причем темы для таких бесед могут быть сформулированы самой молодежью, тогда действительно получится интересный и полезный разговор. На таких неформализованных беседах у молодых людей есть возможность не только самим слушать. Они получают возможность быть услышанными, понятыми, поделиться своими чувствами и соотнести их с чувствами других.

Через спортивные мероприятия в рамках православного лагеря или слета можно ставить и решать вполне церковные задачи. Так правильно организованная спортивная игра в команде

может дать детям наглядный пример дружбы и сплоченности. Научить их ценить и бережно относиться друг к другу. Отсюда рождается доверие к окружающим, священству, а в конечном итоге и к Церкви.

2.6.7. Проповедь в образовательных учреждениях

За последнее десятилетие в большинстве регионов России произошли изменения в сфере деятельности образовательных учреждений, связанной с представлением о духовной жизни личности. Кризис атеистической идеологии, пронизывавшей насквозь образовательную систему, заставил искать новые подходы в формировании духовной парадигмы образовательно-воспитательного процесса. Возросшая за это время роль Православной Церкви в общественной жизни России оказала существенное влияние на восстановление основополагающих традиционных духовно-нравственных принципов, заложенных в культурно-историческую самоидентификацию русского этноса.

Во многих регионах страны в школьную программу вводятся такие предметы, как «Основы православной культуры», «История и основы культуры одной из традиционных религий», «История основных мировых религий», которые предполагают знакомство детей не только с общей информацией по данному курсу, но и направлены на формирование у молодых людей соответственного отношения к религиозным ценностям и культурно-образующим традициям преподаваемых религий.

Хотя преподавать данные предметы имеют право лишь светские лица, имеющие высшее светское образование, но в некоторых местах, по согласованию с администрацией образовательных учреждений, возможно присутствие на них и священнослужителей, в качестве либо педагогов, либо психологов, либо религиозных консультантов.

А потому православная миссия в учебных заведениях России в современных условиях должна учитывать ряд специфических условий, возникающих из основ педагогики и социально-культурного контекста постсоциалистического (атеистического) состояния общественных и семейных отношений. «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17.3). Ключевой фразой является «да знают». Вот то основание, на котором должна выстраиваться вся схема миссионерского служения. «Да знают» в

данном контексте означает логическую конструкцию, достаточно очевидную, и в то же время лично актуальную в реальных жизненных ситуациях.

Педагогические методики, которые следует учитывать и миссионеру, должны быть четко ориентированы на определенные возрастные группы учащихся. Таких возрастных групп четыре: дошкольная, младшая школьная, средняя школьная, старшеклассники и вузовская молодежь.

1. Дошкольный возраст:

Дошкольный возраст вынуждает миссионера обязательно учитывать особенности семейной жизни, духовных ориентиров родителей, их отношение к Православной Церкви, вообще духовные потребности ближайшего окружения ребенка. Миссионерская задача в данном контексте может реализовываться исключительно при условии бесконфликтного воспитательного процесса, что требует от педагога особой чуткости и такта. Методика просветительской деятельности не должна смещаться в сферу внешнего обрядового аспекта христианства.

Дидактическая тематика должна раскрывать начальные представления о духовном мире через его отражение в мире, окружающем ребенка: красота и гармония в природе, доброта в человеческих (семейных) отношениях, дружелюбие, преодоление собственных негативных устремлений. Постигание духовного смысла основных православных праздников должно осуществляться через игровые формы, народные традиции, добрые дела.

2. Младший школьный возраст:

Если дети этой группы не получили первичных знаний и навыков в дошкольном возрасте, то как начальный этап миссионерская работа должна выстраиваться на вышеизложенных принципах. Однако этот возраст позволяет давать более конкретные знания, раскрывать мировоззренческие принципы отношения к жизни православного человека.

Специально выбранные места из Священного Писания, святоотеческого наследия, художественная литература соответствующей тематики могут оказать существенную помощь в миссионерском делании. Привлечение качественных аудио- и видеоматериалов будет способствовать вытеснению из времени, проведенного ребенком у компьютера, негативных форм эмоциональ-

но-информационного давления, которые в этом возрастном периоде особенно воспринимаемы современными детьми.

3. Средний школьный возраст:

Следует сразу учитывать, что этот возраст (5-8 классы) самый проблематичный с точки зрения эффективных воспитательных методик. Он требует от миссионера постоянного творческого поиска, учитывающего конкретную детско-юношескую аудиторию.

Специфика возрастных изменений, происходящих как в физико-психической сфере личности, так и в отношении к вопросам духовной жизни, на практике не позволяет, в большинстве случаев, обеспечивать заметный качественный рост духовно-нравственного уровня учащихся. Миссионерская работа в данном случае должна смещаться в сторону сохранения положительных тенденций, накопленных в предыдущие периоды.

Методика дидактических программ в этой возрастной группе должна основываться на совмещении христианских жизненных принципов с патриотическим, спортивно-физическим воспитанием, освещении семейных отношений в свете Евангельского благовестия. Присущий этому возрасту протестный дух, стремление дистанцироваться от духовных ориентиров родителей и официальных мировоззренческих доктрин требует от миссионера свидетельства собственными личностными качествами, в том числе поведенческими. Авторитетность слов во многом будет зависеть от установления личного духовного контакта с подростковой аудиторией.

4. Старшеклассники, вузовская молодежь:

Познавательный процесс выстраивается на доказательной методике, что создает определенную инерцию в критерии определения истины. Миссионерские методики должны учитывать это обстоятельство, и эффективность просветительской деятельности во многом зависит от умения сочетать богословский материал с данными естественнонаучных дисциплин. Особенно это важно при изложении онтологических основ христианского мировоззрения: сотворение мира и человека, смысл жизни, душа, посмертная участь, возможность воскресения.

Очень важно умение логически выстраивать беседу, подбирая аргументы для убеждения не столько из богословского «багажа», сколько из того «материала», на котором строится подро-

стковое мировоззрение. Для миссионера очень важно разбираться в таких направлениях науки, как история, археология, палеонтология, философия, логика, психология, литература, физика, астрономия, так как круг вопросов, задаваемых данной подростковой группой молодых людей, сводится в основном к этим направлениям.

В качестве учебного пособия для данной категории учащихся может быть рекомендована книга профессора А.И. Осипова «Путь разума в поисках истины», либо иные печатные/видео материалы апологетического характера.

В целом миссионерское служение в учебных заведениях требует освоения педагогических методик, знания возрастной психологии, искренней любви к детям и готовность свидетельства о Христе не только в слове, но и в жизни.

2.6.8. Проповедь среди заключенных

Работа с режимными учреждениями ГУИН (Главное Управление Исполнения Наказаний) отличается своей особой спецификой и является одним из самых сложных направлений в миссионерском служении Православной Церкви. Для успешной многолетней работы одного состава людей в режимном учреждении необходимо учитывать специфические особенности данного направления служения.

Желательно не менять часто людей, занимающихся служением, так как контингент привыкает, «испытывает» человека, и нарушать установленный контакт — значит заново строить доверительные отношения. Священнослужитель, изучая свою тюремную паству, знает и ее особенности: кому он наложил епитимию, кому нельзя подходить ко Причастию, кому нельзя на исповеди на глазах у других осужденных прикладываться ко Кресту и Евангелию. Кроме того, у каждого верующего свои особенности характера и такие тонкости нужно знать — пастырь будет общаться не с простыми прихожанами. Для налаживания работы следует поставить некоторые основные вопросы и ответить на них.

В России сотни тюрем и они поставляют ежедневно людей, побывавших «по ту сторону забора». Если преступление не серийное, не хорошо спланированное, а на бытовой почве, то человек, попавший в зону, вовсе не закоренелый преступник, а обычный обыватель, нарушивший закон. Может, он сделал это в

нетрезвом состоянии (таких преступников большинство), или в состоянии аффекта, потеряв на какое-то время контроль над собой. Такие люди, пройдя лагерную школу, зная уже, что такое тюрьма, легко идут на преступление снова и снова. Таким людям чаще других нужна духовная поддержка, еще она нужна молодым ребятам из неблагополучной социальной среды, они промышляли, чтобы выжить, мелкими кражами и никогда не видели тепла и сочувствия.

Получается замкнутый круг: с одной стороны тюрьма мало кого лечит, а в основном — калечит, с другой — не спросить за преступление, значит, настроить на безнаказанность. Вот почему присутствие Церкви так необходимо в колониях: кто еще сможет поддержать в человеке человеческое против звериного и даже научить правильно жить духовной жизнью?

В городе каждый живет своей жизнью, и никому нет дела, кто рядом с ним стоит на службе, какой у него социальный статус. Здесь, в колонии или тюрьме, все друг друга знают, живут в одном или соседнем бараке и часто случается, что унижающий и унижаемый встанут рядом. Им придется по-настоящему, а не лицемерно ломать свою гордыню, а значит и привычный уклад жизни, только тогда собравшихся в храме можно будет назвать общиной.

Как говорил один из миссионеров нынешнего времени, священник Глеб Каледа: «Наши тюрьмы, наши лагеря, наши заключенные всегда остаются с нами, как наши кровоточащие и гноящиеся раны. И нам их лечить». В последнее время делается активный упор на работу психологов в колониях. Но психологи не могут в полном объеме решать возникающие вопросы. Например, вопросы духовного возрождения через покаяние психология не решает. Без покаяния, о чем свидетельствует Евангелие, преобразование личности невозможно, а значит, невозможен доступ Благодати в душу человека.

Все люди, которые находятся в тюрьме, рано или поздно выйдут, хоть на какое-то время на свободу и тогда перед ними встанет выбор жизненного пути. По словам самих же осужденных, человек боится попасть в тюрьму только в первый раз, а потом, когда психологический порог уже преодолен, он больше склонен к преступлению и гораздо равнодушнее его совершает. Поэтому служение в колонии, говоря формальным языком, является «профилактикой предотвращения правонарушений». Не нужно забывать, что раньше государство проявляло

социальную заботу об освободившихся, а теперь полностью самоустранилось от обязанности помогать трудоустройством и жилплощадью. У многих после освобождения прерываются контакты с родственниками, нет жилья и работы. За годы, проведенные в заключении, человек часто отвыкает самостоятельно мыслить, и когда встает вопрос нравственного выбора между преступлением и поиском выхода из жизненных ситуаций, его личная воля должна быть употреблена на доброе разрешение сложных вопросов.

Церковь во все времена рассматривала помощь людям, находящимся в заключении, как богоугодное дело: «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: Ибо...в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! Когда мы видели Тебя...в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25.34-40).

Миссионеру, окормляющему людей, находящихся в заключении, необходимо помнить, что они нуждаются в помощи. Правда, реально желающих научиться христианской жизни с каждодневной молитвой, преодолением лени и ложного стыда будет не больше, чем в миру, то есть в обыкновенном российском городе — примерно 2-2,5%. Если в колонии «сидит» две тысячи человек, то в такой общине будет 35-40 постоянных прихожан. Но именно эти люди и станут опорой в служении священника.

1. С кем нужно познакомиться миссионеру?

Как театр начинается с «вешалки», так и тюрьма начинается со штаба. Один штаб вне пределов колонии называется «вольным», второй — на территории самой колонии. В нем проходят внутрилагерные мероприятия, например, комиссии по помилованию или суды. Чаще всего священнику придется «сталкиваться» с начальником колонии, заместителем начальника по воспитательной работе, отделом безопасности и оперативным отделом.

Главным человеком, способным помочь священнику в работе с заключенными, является начальник колонии, который может разрешить одним словом любую его проблему, однако, так как деятельность миссионера попадает под ведение воспитатель-

ного отдела, то все текущие вопросы он должен будет решать с заместителем начальника по воспитательной работе. От отношения последнего к православной вере зависит многое в миссионерском служении. Священнику необходимо беседовать с ним по возможности, убеждать его примерами из жизни и истории, что Православие всегда играло огромную роль в России, и, если у него есть понятия о чести офицера и чувство долга, то со временем эффект от этих бесед будет ощутимым.

Священнику следует попросить вышеуказанных лиц дать ему советы по особенностям его служения — это важно не только потому, что начальник и его заместитель по воспитательной работе обычно люди с большим опытом, но и потому, что люди, наделенные властью, любят, когда их спрашивают. Полезно будет побеседовать и с оперативниками.

2. К чему нужно быть готовым?

Не нужно проносить запрещенные предметы, так как это нарушение установленного порядка и закона. Конечно, никто не станет это делать сознательно, во вред себе, но так всегда случается, когда хочется сделать «доброе дело». Сегодня без разрешения священник принес своим подопечным полкилограмма конфет, завтра понесет «на волю» письма, послезавтра принесет деньги. Схема такого грехопадения будет достаточно проста: «заблудший раб Божий» слезно попросит отправить мамочке, братику, любимой девушке и т.д. письмо: ведь, по его словам, письма из колонии не доходят или идут очень долго. Как правило, это уловка, так как сейчас нет ограничений на общем и строгом режиме для отправки писем. Скорее всего, либо в письме лежит открытка, сделанная своими руками, либо содержится информация, нежелательная для глаз оперативников, либо священника просто проверяют. После того, как такой «добрый» священник поддастся на уговоры, его сделают постоянным курьером, и в какой-то момент, когда он понесет все подряд: чай, конфеты, сигареты, конверты, ручки и т.д., он может жестоко поплатиться за свою беспечность.

Кроме того, священнику, работающему в колонии, необходимо помнить, что здесь среди служащих всегда есть люди, которым может не нравиться миссия Церкви, будь то сектанты, атеисты или просто циники, которые могут применить все усилия, чтобы незначительная оплошность миссионера получила широкую негативную огласку.

3. Что такое «зона»?

Территорию «зоны» можно охарактеризовать как государство в государстве. Несмотря на то, что почти все осужденные с кем-то переписываются, общаются на свиданиях с родственниками, смотрят телевизор, читают прессу, но все равно, тюрьма — отдельная система со своими законами жизни. Все отношения между «смотрящими», «ворами», «мужиками», теми кто «шестерит» и «опущенными», похожи на взрослую игру, если бы игра не была для всех принимающих в ней участие жизнью.

Отчасти, как бы миссионер не хотел быть вне игры, он все равно ее часть. Не нужно только забывать, что Церковь Христова над-мирна и живет Святым Духом. Это ее главное отличие от клуба, барака, промзоны и училища — замкнутого круга тюремной жизни.

4. Для чего миссионер пришел в тюрьму?

Важно правильно определить смысл своего служения и не ставить себе ложных целей. По слову апостола, здесь миссионер должен быть всем для всех: внешне честным, без двусмысленностей, не слишком эмоциональным, эмоции в таком деле не советчики, в меру дружелюбным. Осужденные — прекрасные психологи и отлично чувствуют фальшь или стеснение. Здесь священник на их территории, а нужно вести себя так, как будто его ничего не может смутить, и он чувствует себя здесь как в любом обществе.

Смысл апостольского служения содержится в словах, которые Христос по вознесении сказал ученикам: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28.20).

Иногда возникает иллюзия, что священник и есть луч света в темном царстве, но на самом деле этот луч — благодать Божия, для которой открылось место в душах, страдающих за колючей проволокой. Большинство из тех, кто будет ходить в храм в колонии, после освобождения не будут посещать церковь, но самое главное, что у них появится стремление устроить свою жизнь по-человечески, а возвращение в Отчий Дом рано или поздно произойдет. Конечно же, кроме обычных катехизаторских занятий, литургий и т.д., нужно будет готовить людей и к крещению.

5. Первый раз в зоне:

Вот миссионер переступает порог тюрьмы, за ним захлопнулась дверь и не одна. Пока он доберется до нового места служения, таких дверей за спиной закроется еще четыре — пять. Провожать его, скорее всего, будет зам. начальника по воспитательной работе или его помощник. В душе каждый из них будет переживать, но священник будет думать о неизвестном будущем, а тот о священнике.

Когда пастырь войдет в тюремный храм или молельную комнату, ему не следует торопиться протягивать руки всем, кто попадется на пути, лучше тепло и скромно поздоровайтесь словом. Здесь можно сделать непростительную ошибку, которая перечеркнет все дальнейшее служение, и как бы люди не хотели узнать Православие, они к нему больше не подойдут.

6. Отношения с осужденными:

Многие из тех, кто придет в храм или молельную комнату — люди интеллектуально развитые, как это ни странно звучит. Дело в том, что придут ищущие люди, которым надоело лежать целыми днями на койке в бараке и играть по ночам в карты, они почувствовали духовный голод. Но до того как пришел священник, они уже много прочитали и не всегда «чистого» православия. В тюрьме много свободного времени и для тех, кто хочет, всегда найдется книга.

Миссионер может услышать много вопросов, порой настолько сложных и неожиданных, что и ответить сразу будет невозможно. По опыту известных в православной полемике людей, не стоит сразу искать тут же ответ. Человек не энциклопедия и не может знать всего, поэтому не нужно бояться попросить время для того, чтобы подготовиться к ответу. Это будет лучше, чем неправильный ответ, после которого за священником может закрепиться нехорошая слава лгуна. Очень любят полемизировать по вопросам истории и места Церкви в ней: «Почему Церковь молчала тогда-то... А как относиться к канонизации Николая II, если было «кровавое воскресенье» и он курил» и т.д. и т.п.

Не стоит доверять никому больше, чем в рабочем порядке; излишняя близость, нарушение дистанции могут привести к обязательствам — просьбам, в которых трудно будет отказать. Однако это не значит, что нужно держаться с людьми холодно; нужно побольше беседовать индивидуально, если есть чувство, что человеку это необходимо. Многие идут в храм в поисках

душевной теплоты, которой они не видели со времени заключения. Такая беседа не обязательно исповедь, человеческий разговор открывает не только душу, но и помогает лучше узнать обстановку в храме или молельной комнате. То, что может быть надежно скрыто от священника, но в свое время принести большие неприятности (например, некоторые могут склонить старосту прятать в храме разные вещи или сотовые телефоны). Когда оперативники, получив информацию, найдут спрятанное, то никому не удастся отговориться, вместе со старостой обвинят и священника.

7. Пастырское душепопечение:

Пастырь, миссионер должен понимать тюремную среду, ее чаянья и представления, и стремиться донести христианские истины на понятном языке, пользуясь доступными для их восприятия обычаями и символами, отмечая незаконное содержание. То есть там, где возникают глубинные противоречия и противоборство падшего человеческого разума закону Христову, приспособление невозможно, но где имеют место только недоразумения и «псевдопроблемы», их следует разрешать мудрой снисходительностью, щадящим отношением и гибкостью. Следует также помнить, что некоторые преступления церковные каноны судят намного строже, чем государственный уголовный кодекс.

Внутренняя свобода во Христе позволяет христианину, для пользы немощных, снисходить, не отвергать и даже принимать некоторые их взгляды, мнения, привычки и обряды, как имеющие вес в глазах неопита. Особо приемлем для миссионеров в пенитенциарной структуре принцип ап. Павла: «Для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона перед Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых» (2Кор. 9.20-22).

Апостолы проявляли творческую инициативу и гибкость, что требовало известной степени внешней мудрости, культуры, наблюдательности и достаточного уровня знаний в области религии и обычаев данного народа. Этот способ можно обозначить как метод катехизации, восполнение многих духовных положительных ориентаций. Рациональные доказательства и обо-

снования веры устраняют некоторые препятствия интеллектуального плана. Они могут разрушить ложные стереотипы в сознании людей, но все же усвоение веры — дело Божественной благодати.

Пастырь, миссионер должен вести не к себе, а ко Христу. Если ему удастся смягчить чьи-то страдания, поддержать кого-то в минуты отчаяния, то можно считать, что его скромный труд в изоляторе, тюрьме, колонии оправдан. Одна из главных задач миссионера — пробудить в душе всех заблудших, оступившихся, надежду на спасение, внушать, что никто не потерян для Бога, даже если общество считает его потерянным. В каждом человеке запечатлен образ Божий, заложено доброе начало, ведь душа каждого человека «по природе своей христианка» (Тертуллиан).

Из Евангелия видно, как Господь использует различные формы проповеди — прямое обращение, обличения, притчи, символические действия, чудеса; эта проповедь живая и образная, в ней много примеров из жизни. Отмечается дифференцированный подход, обусловленный характером аудитории, ее общекультурным и духовным уровнем. Особого внимания заслуживает воспитательный подход Божественного Учителя в отношении учеников, которые постепенно были подготовлены к восприятию глубоких тайн Евангельского учения. Все эти формы применимы к миссии и среди заключенных.

Миссионеру важно использовать разнообразные формы проповеди Евангельского благовестия, но не в ущерб ее духовному содержанию. Как свидетельствует один из современных афонских подвижников, «сколько бы ты не убеждал такого человека, если благодать Божия не просветит его, пользы не выйдет. Он может слушать твои слова какое-то время, но затем, словно пленный, возвращается к своему прежнему состоянию».

Лучшей формой усвоения материала является аподиктическая (вопросно-ответная) форма преподавания, что позволяет определить насущные проблемы, уровень познания собеседников, видеть духовный рост и запросы собеседников. Аподиктические беседы дают ответ на большинство вопросов, способствуют найти конкретный правильный выход из тяжелых жизненных ситуаций. Вопросно-ответная форма, в силу категоричности мышления и точных приемов заключений, способствует освещению каждого понятия с разных точек зрения, ибо вопросы и ответы, при краткости, охватывают эти понятия разносторонне. Богословское разветвление каждой темы приводит к рассмотре-

нию вспомогательных пунктов. Такая форма изложения облегчает работу и тем, кто будет ею пользоваться.

В православном свидетельстве об Истине никогда не должно иметь место желание произвести эффект посредством какого-либо ложного чуда или откровения и т.п. Таким образом, обращаемые должны быть уверены в безупречной честности проповедника в этом отношении. Для этого катехизатор не должен обещать и земные награды, чтобы привлечь в лоно Церкви больше новых членов.

Не следует высокие евангельские истины предлагать людям, явно не способным к их восприятию по причине крайнего ожесточения или предубежденной вражды этих людей к евангельскому учению, или в высшей степени аморальным и циничным, нравственно извращенным и духовно деградировавшим личностям, доведшим себя грязными пороками и нечестием до скотоподобного состояния. Это выражено в таком предостережении Христа Спасителя: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7.6). Здесь важно не отчаиваться проповеднику и из-за таких заключенных не делать вывода обо всех, тем более что нередко явные противники становятся ревностными христианами.

Целью православной миссии на первом этапе должно быть не только крещение или даже проповедование абсолютно всем заключенным, но и обучение отобранных руководителей — старост, и создание христианских общин.

Миссионеры из среды заключенных, сотрудников благодаря знанию законов, особенностей терминологии, обычаев и верования своих соотечественников могут гораздо лучше любого катехизатора проповедовать Евангелие и руководить церковной общиной. Конечно, нехватка богословского знания может отрицательно сказаться, поэтому здесь важен контроль со стороны священника или опытного руководителя. Богословское образование или духовный опыт таких местных тюремных благовестников может не стоять на высоком уровне, но в данном случае важнее укрепить в них веру в преображающую силу Евангелия, церковных Таинств (особенно покаяния и причастия); воспламенить ревность и желание к миссионерскому служению. Однако необходим и серьезный подход, чтобы «не было порицаемо служение» (2Кор. 4.3) и «не дать повода ищущим повода» (2Кор. 11.12) для противников благовествования.

2.6.9. Проповедь в иноверческой среде

«Внешняя миссия. Это православное свидетельство среди народов, не имеющих истинно христианских основ в своей национальной традиции и культуре. Внешняя миссия осуществляется в различных этнокультурных и этноконфессиональных условиях. Она всегда играет значительную роль в жизни Вселенской Православной Церкви; благодаря ей возникали новые Поместные Церкви...

...Миссия примирения. В современном мире, в котором глобализационные процессы, социальное расслоение, активные и массовые миграции людей сопровождаются нагнетанием насилия, проявлениями террористического экстремизма и этноконфессиональной напряженности, свидетельство и провозглашение возможности примирения между людьми различных национальностей, возрастов и социальных групп, должны стать одним из ключевых содержаний православной миссии.

Миссия примирения должна помогать людям осознать возможность и необходимость созидания мира на различных уровнях личного, семейного и общественного бытия, в соответствии с апостольским призывом: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12.14).

Православные христиане по своей вере, обычаям и традиции терпимы в бытовой и социальной сферах к иным культурам и религиозным убеждениям. Заповедь Господа Иисуса Христа призывает любить ближнего. А ближний для нас — любой человек, независимо от веры, национальности, пола и социального происхождения. Такое отношение к ближнему, обществу и ко всему миру является действием Божественной благодати согласно ангельской песни: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2.14).

Миссия примирения развивается как «диалог жизни», когда христиане живут и общаются в бытовой и социальной сферах с людьми других вероисповеданий и идеологий. Так люди узнают друг друга, уважают друг друга, учатся друг у друга, потому что, по слову свт. Иоанна Златоуста, «у нас нет ничего общего только с дьяволом, со всеми же людьми мы имеем много общего».

Миссия примирения включает в себя «диалог общественной деятельности», посредством которого люди различных вероисповеданий трудятся вместе ради достижения гражданского мира, предотвращения конфликтов и экстремистских угроз. Действуя совместно ради созидательных традиционных духовно-нравствен-

ных ценностей и более справедливых законов, защищая священный дар жизни и противостоя опасностям глобализации, можно достичь мира между конфликтующими народами, национальностями и культурами, социальными группами и странами.

Одним из важных аспектов миссии примирения является «миссия примирения в памяти», когда примирение происходит в социально-политическом сознании людей, снимая конфликты, разделения и отчуждения, вызванные гражданскими войнами и резкой мировоззренческой поляризацией общества. В мире, разрываемом политическими, социальными и религиозными конфликтами, миссионеры должны осознавать, что служение примирения и мира дано нам, «потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя [людям] преступлений их, и дал нам слово примирения» (2Кор. 5.19).

Все виды миссионерского служения основываются на принципе Божественной любви. Поэтому, непременно оставаясь верными Православию, мы обязаны уважать в человеческом отношении представителей других религиозных убеждений. В то же время наше мирное сосуществование с людьми иных вероисповеданий не должно пониматься как возможность смешения различных религиозных традиций».

Слова Господа «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28.19) показывают, что Евангелие адресовано всему человечеству, и никакая нация не может быть лишена права услышать о Христе. Понимая это, Православная Церковь издревле стремилась распространить благую весть среди многих народов и племен. Среди святых Православной Церкви есть немало таких, которые до своего крещения исповедовали иные религии; данное обстоятельство показывает, что никакая другая религия или идеология, распространенная среди того или иного народа, не может быть помехой для тех его представителей, которые захотят откликнуться на призыв Божий и прийти в Церковь.

Многие православные святые говорили, что на России лежит долг просвещать светом веры Христовой живущих в ней инородцев-нехристиан. В частности, прп. Макарий (Глухарев) писал: «Поскольку Христианская Церковь в России есть Церковь Апостольская, то сделаться и явиться таковою для стольких народов, не знающих Иисуса Христа, но покоренных Державе Российской Вседержителем Иисусом Христом, есть священнейший подвиг и венец чести, который ей принадлежит; просветить

сии народы, сидящие во тьме и тени смерти, верою в Иисуса Христа, есть высокое назначение народа Российского; и племена сии преданы ему Провидением для того, чтобы он передал им тот же дар Божий, который самому ему передан от народа, предварившего нас в Царствии Божиим».

За время царской власти у Русской Православной Церкви был накоплен немалый опыт проповеди нехристианам, однако теперь, в изменившихся исторических условиях, этот опыт требует глубокого переосмысления в приложении к реалиям настоящего дня.

Некоторые обстоятельства осложняют дело — например, очевидно, что сейчас, в отличие от дореволюционного времени, Православие не является государственной религией России, и современные миссионеры не могут рассчитывать на финансовую и административную поддержку со стороны государства. Но некоторые обстоятельства можно расценить как более благоприятные для миссии — например, если до революции почти все нехристианские народы, проживающие в России, жили компактными, замкнутыми общинами, крепко держащимися своей религии и в целом мало знакомыми с русским языком, так что для миссионера зачастую было весьма непросто проникнуть к ним с проповедью, а для тех, кому понравилась проповедь миссионера, очень нелегко было решиться на переход в христианство из-за жестких общественных и семейных связей, то теперь, в результате общественных изменений XX в., значительная часть представителей тех же народов расселена по традиционно русским городам и смешана с православным населением, владеет русским языком как родным или наравне с родным, из-за ослабления семейных связей уже не испытывает в своих действиях зависимости от мнения рода, и зачастую лишь формально относит себя к основной религии своего этноса, не имея к ней сознательной и сердечной приверженности.

Все это открывает перед современными православными миссионерами такие возможности, какими не располагали миссионеры дореволюционные: инородцы оказались гораздо доступнее для проповеди и гораздо свободнее для принятия крещения. Кроме того, распространение грамотности и современных средств связи (прежде всего, Интернета), сделали информацию о Православии значительно более доступной.

Во многом благодаря этим благоприятным условиям за прошедшие двадцать лет свободного существования Церкви, даже

без специальных миссионерских усилий немалое количество представителей традиционно неправославных народов сами пришли ко крещению. Представляется, что дело миссии среди этих народов, прежде всего, следует начинать с устройства должного пастырского попечения над теми, кто уже обратился и стал православным.

В этом деле важнейшую роль играет возможность обучаться христианской вере и духовной жизни, для чего, во-первых, необходимо переводить и издавать православную литературу на языках тех нехристианских народов, которые в наибольшем числе представлены на территории пастырской ответственности Русской Православной Церкви. Хотя некоторые народы к настоящему времени русифицированы достаточно глубоко для того, чтобы их представители в своем духовном самообразовании могли свободно обращаться к русскоязычной литературе, однако это можно сказать далеко не про всех. Важно, чтобы православные издания на языках нехристианских народов были анонсированы широко и были легкодоступны. Издание не должно ограничиваться собственно книгами, но включать и аудиодиски, а также фильмы.

Во-вторых, можно приветствовать и поддерживать совместные встречи православных христиан, обратившихся из того или иного традиционно нехристианского народа. Такие встречи, проводимые при должном духовном окормлении священника-миссионера, могут укрепить в вере новообратившихся, помочь избавиться от чувства отчуждения, с которым некоторые из них сталкиваются в результате своего выбора. Помимо прочего, на этих встречах удобнее всего искать возможных миссионеров, переводчиков или, по крайней мере, проводить апробацию переводов православных текстов.

В-третьих, следует обеспечить возможность новообратившимся молиться и служить Богу на родном языке. Для этого следует сделать перевод основных молитв и службы, но нужны и сами богослужения на этих языках, проведение которых можно приурочить, например, к упомянутым выше встречам.

Все вышеуказанные меры, направленные на духовное окормление крестившихся «неофитов», будут способствовать и собственно миссии среди тех представителей этих народов, которые традиционно ассоциируют себя с иными религиями.

подавляющее большинство нехристиан никогда не читали Евангелие. Поэтому при общении с иноверцем важно дать ему

возможность познакомиться со Словом Божиим. В настоящее время уже существуют переводы Евангелия на все языки СНГ, как и на все основные языки мира, есть возможность их приобрести, а если по каким-то причинам это затруднительно, — все они выложены в открытом доступе в сети Интернет. Подарок в виде Евангелия на родном языке и последующее обсуждение прочитанного могут дать замечательный повод для миссионерского разговора с иноверцем и ненавязчивой проповеди ему.

1. Основные православные принципы проповеди среди инославных:

«Господа Бога святите в сердцах ваших; [будьте] всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением. Имейте добрую совесть, дабы тем, за что злословят вас, как злодеев, были постыжены порицающие ваше доброе житие во Христе» (1Пет. 3.15-16).

Перед тем, как говорить о Боге с другим, миссионер должен удостовериться, что он делает это ради Христа, а не ради собственной славы или корысти. При этом нужно понимать, что данная беседа — это не состязание эрудиции и ума, а духовная «брань» во имя Христа за человеческую душу. А потому Сам Бог является помощником и наставником миссионера в такой беседе, который не должен сомневаться в правоте Евангелия и Православия. Всякой такой встрече и беседе должна предшествовать, сопутствовать и последовать молитва миссионера. Об этом говорит и свт. Иннокентий в своих наставлениях миссионерам: «Всегда, и особенно пред всякой беседой с неведущими, которых желаешь просветить словом истины, обращай к Богу с теплой молитвой».

С собеседником надобно делиться не только своими познаниями, но и любовью к Богу. Поэтому необходимо набраться терпения, изгнать из сердца раздражение и предвзятость к иноверцу, относиться к нему с уважением, ибо и за него умер Христос. Во время разговора необходимо наблюдать за состоянием своего сердца, чтобы не возобладали в нем страсти, — например, гнева или превозношения, что очень часто бывает в споре. Дело, сделанное со страстью, плода не даст, и слово, даже формально правильное и красивое, но сказанное по страсти, никого не убедит. Свт. Николай Японский советовал «говорить со всеми кротко, разумно, от любви, — тогда слово большей частью будет производить хорошее действие, по крайней мере, не

будет вредить; говорить же гневно, гордо, нетерпеливо, — слово будет гнилое, — люди так и примут его, и хорошего ничего не выйдет».

Миссионеру надлежит, как указывает свт. Иннокентий, «иметь всегда скромное и смиренное расположение духа». Самое главное — иметь в сердце любовь к тем, кому проповедуешь. Ибо, как говорит тот же святой, «если проповедник не будет иметь в себе любви, как к своему делу, так и к тем, кому проповедует, то и самое лучшее и красноречивейшее изложение учения может остаться без всякой пользы, ибо только любовь созидает».

Как правило, у оппонента всегда извращена суть христианской религии, а потому необходимо вначале разобраться и объяснить ему его ошибку и заблуждение во взгляде на христианство, а затем уже говорить о сущности своей религии.

Проповедь иноверцу должна заключаться в положительном изложении православного вероучения, причем самых главных основ его, перечисленных в Символе Веры. Не стоит вовлекаться в споры по малозначащим вопросам либо обсуждать частности учения собеседника. Изложение должно быть в простых словах, последовательно и целостно раскрывать истины Христовой веры.

Свои суждения следует по возможности подкреплять Священным Писанием, примерами из агиографии, естественнонаучными фактами и, очень важно, ссылками на религиозные тексты и историю веры оппонента. Основной упор в проповеди нужно делать на Божественности Иисуса Христа, Его Искупительной Жертве и Воскресении из мертвых. Немаловажны также рассуждения о грехе (как источнике бед и несчастий для человека), о свободе воли и путях спасения человеческой души в Церкви Христовой. Очень важно поддерживать во время беседы авторитет Библии и Церкви в глазах собеседника.

Не следует стесняться какой-либо из истин православной веры, противоречащей убеждениям собеседника-иноверца, пытаться скрыть или представить ее в «компромиссном», сглаженном виде. Как говорил свт. Николай Японский, «ни единым догматом, ни единой чертой в догмате мы не можем поступиться, так как все, что мы содержим до йоты — Божие учение, Божий смысл и внушение, данные роду человеческому для спасения».

А самое главное — миссионер должен четко понимать сам, и не скрывать от собеседника, что речь идет не в плоскости «чей

клуб лучше», или «что у нас есть интересного», а о том, где Истина, дарующая спасение и ведущая от смерти в жизнь. Православный миссионер должен всегда помнить, что, как говорил прп. Макарий (Глухарев), «христианская вера, основанная на Слове Божиим... есть единственный, Богом открытый для человеков путь к истинному блаженству... и нет спасения вне распятого Иисуса Христа; и без веры во Имя Его, как Бога истинного, явившегося во плоти, никто не может очиститься от греха, просветиться и войти в Царство Небесное».

Вместе с тем, без крайней нужды не следует в миссионерском диалоге с иноверцем критиковать его религию и полемизировать с нею. Без предварительного уяснения слушателем логики христианского учения такая полемика будет бесполезна и лишь вызовет раздражение с его стороны. Впрочем, миссионер не должен и уклоняться от прямых вопросов, подразумевающих критическое сопоставление христианства и другой религии, если сам собеседник такие вопросы поднимает. В этой связи для миссионера полезно изучать книги о православной полемике и апологетике в отношении других религий, чтобы, во-первых, понимать, на что делать упор при изложении веры данному человеку, а во-вторых, знать наиболее типичные вопросы к христианам со стороны последователей этой религии и быть готовым ответить на них.

Приверженцы некоторых культов утверждают, что их религиозная позиция, по сути, не отличается от христианства, что существует только внешнее различие в терминах. В таком случае следует делать упор на три аспекта религии: понимание Бога, человека и спасения, — и сразу будут видны принципиальные расхождения христианства со всеми иными религиями.

Последователи ложных учений часто приводят в подтверждение своей правоты испытанные ими сверхъестественные переживания и ощущения. На это следует отвечать, что всякое переживание может быть ложно понято, так как не все переживания имеют сверхъестественный источник своего происхождения (многие обуславливаются естественными физическими процессами организма).

Стоит не только отвечать на вопросы, но и самому задавать их собеседнику. В ответах может появиться противоречие и самокритика, что позволит натолкнуть собеседника на размышления.

Для знакомства иноверцев с Православием можно использовать разные формы. Например, успешно опробована такая

форма, как устройство специальных экскурсий в тот или иной православный монастырь. Возможность увидеть православные святыни, услышать рассказ о них и о Православии на родном языке, пообщаться в неформальной обстановке с населенниками и с миссионерами, совместное чаепитие — все это производит большое впечатление на экскурсантов. В конце поездки каждому участнику дарят подарки, включающие, помимо сувениров, брошюры о Православии на их родном языке. В этих брошюрах должен быть вкладыш с указанием контактного телефона для тех, кто захочет более глубоко узнать Православие.

Даже если нет возможности устройства больших экскурсий, имеет смысл использовать при миссионерском общении с иноверцами такую форму как приглашение их в православный храм (во внебогослужебное время). Во время небольшого знакомства с храмом (его устройством, значением, иконами и т.д.) можно с большой наглядностью, но при этом ненавязчиво рассказать слушателям основные истины христианской веры. Многие иноверцы испытывают интерес к посещению православного храма и с готовностью примут такое приглашение. Если же по каким-то причинам в храм их еще рано вести, может пригодиться опыт московских миссионеров, которые вместе с желающими иноверцами посещали музеи, где рассказывали о православной вере на примере представленных в экспозиции икон.

Для миссионера может быть нелегко найти возможность выйти с проповедью к многим иноверцам ввиду отсутствия живых контактов с ними. В таких обстоятельствах особенное внимание стоит уделить тем иноверцам, которых Господь уже привел к стенам Церкви. Например, подавляющее большинство храмов в России в последние годы строится или ремонтируется с привлечением рабочих-иноверцев. Необходимо проводить для них во внерабочее время хотя бы небольшой цикл бесед, посвященных Православию, обязательно дарить Евангелие на родном языке, окружать благожелательным вниманием.

В разговоре с иноверцем важно подчеркнуть, что Православие не ограничено никаким национализмом, что это не «вера русских», а вера истинная и вселенская, что призыв Христов обращен ко всем народам, а объятия Церкви открыты для каждого, кто захочет прийти. Для многих иноверцев, заинтересованных в Православии, немалым препятствием на пути к купели

является именно смущение национальным вопросом. Здесь хорошо миссионеру знать и указывать примеры упомянутых выше святых Православной Церкви, которые обратились из той религии, к которой принадлежит собеседник, знать историю христианства в его народе (а она, даже пусть совсем небольшая, есть у многих традиционно нехристианских народов СНГ)⁷.

Наиболее плодотворной для миссии с иноверцем является форма беседы «один на один», когда собеседник может держаться наиболее свободно и открыто. Конечно, при предварительном знакомстве с Православием вполне можно и нужно обращаться к группам иноверцев (если это позволяют обстоятельства, как, например, на экскурсиях или публичных лекциях), но не стоит ожидать, что кто-либо из них, даже если в душе у него разгорелся подлинный интерес к Православию, решится показать его на виду своих единоверцев. Тем более что в группе собеседники будут всегда друг друга поддерживать в разговоре и следить за тем, чтобы у кого-либо не возникло никаких сомнений или критического мышления.

Поэтому очень важно, чтобы миссионер имел место для встреч наедине и регулярное время приема, тогда после публичных выступлений перед иноверцами он мог бы приглашать желающих приходить туда для более серьезных бесед. Такая практика доказала свою успешность на примере православных реабилитационных центров.

В настоящее время успешная проповедническая деятельность греческих миссионеров в Африке и Азии неразрывно связана с делами милосердия — заботой о бедных, больных, детях-сиротах и т.д. То же можно видеть и на примере русских выдающихся миссионеров, например, прп. Макария (Глухарева). Действительно, в деле проповеди иноверцам крайне важно, чтобы она, по возможности, не ограничивалась только словами. Проповедь о Евангелии Христовом наиболее убедительно будет звучать именно тогда, когда и в делах миссионера иноверец сможет видеть исполнение евангельских заповедей, как Сам Господь сказал: «Так

⁷ Список некоторых православных святых, до своего обращения исповадовавших другие религии: Ислам — св. Або Тбилисский, св. Антоний-Равах Дамасский, св. Варвар, Бывший Разбойник, св. Авраамий (Болгарский), свв. Петр и Стефан Казанские, прп. Серапион Кожеозерский, св. Амир Иерусалимский, св. Ахмед Писец, св. Константин Агарянин, св. Иоанн Албанский; Буддизм — многие из 222 мучеников Китайских; Индуизм — св. Иоасаф, царевич Индийский; Иудаизм — свт. Епифаний Кипрский, прп. Роман Сладкопевец, прп. Константин Синадский.

да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5.16). Полезно, по возможности, вникнуть в жизненные нужды человека, с которым сводит Господь и, если требуется, оказать помощь, если не требуется, то выразить живое сочувствие.

Такое отношение полезно в первую очередь для самого миссионера, поскольку именно оно прокладывает в его сердце настоящую любовь к тем, кому он проповедует. Во-вторых, полезно оно и для самого дела проповеди, ибо язык добрых дел понимают люди любой национальности, религии и языка. В-третьих, полезно оно и для тех, кому проповедуют — поскольку даже у тех, которые не обратятся сразу, тем не менее, сердце более смягчится и расположится по отношению к Православию, чем до того, как они столкнулись с бескорыстной помощью и искренним участием со стороны православных.

Разумеется, оказывать помощь и поддержку собеседнику нужно с уважением к нему, без каких-либо условий, и без увязывания этого с тем, как он относится к проповеди Христа. Но при этом следует избегать и той крайности, в которую впали некоторые инославные миссионеры, которые занимаются исключительно социальной деятельностью среди иноверцев, ни слова не говоря им о Христе.

Беседуя с иноверцем, миссионеру необходимо знать не только свое богословие и священные тексты, но и разбираться в религии собеседника, иначе беседа ни к чему не приведет. А потому следует заранее подготовиться к беседе, уделять больше внимания таким предметам, как История Религий и Сектоведение. Во всякой религии и культуре есть нечто, что привлекает людей. Лишь поняв это, миссионер сможет раскрыть перспективу и глубину Православия перед иноверцем.

Далее даны общие рекомендации и направления мысли, на которые можно будет опираться миссионеру во время проповеди среди иноверцев.

2. Беседа с атеистом:

Атеизм — «псевдо-религия» Советского Союза и многих постсоветских людей. В основе ее стоит неверие в Бога Творца и Промыслителя, отрицание духовности и загробной жизни. Философским мировоззренческим «фундаментом» атеизма являются материализм (первоэлементом мироздания считается материя, а первопричиной — физические законы), эво-

люционизм (теория эволюции, то есть постепенного развития жизни на земле), гуманизм (высшей ценностью на земле является человек), психоанализ (теория трех составляющих человеческой души, как совокупности инстинктов, самосознания и социальной зависимости). Что касается смысла жизни атеиста, то есть две наиболее распространенные концепции: гедонизм (жизнь ради удовольствия и наслаждения) и утилитаризм (жизнь ради пользы обществу). В основе же любого мировоззрения атеиста лежит эгоизм (вера в самого себя, в собственные силы и значимость).

Несогласие с христианством:

— Отрицание веры в Бога на основании научно «доказанных» фактов (на самом деле гипотез) эволюционного происхождения вселенной, жизни и человека.

— Обвинение Бога в мировом зле и несправедливости (причиной которых является не Бог, а грех).

— Отрицание Церкви как несовершенного института «порочных» и «корыстолюбивых» людей (и полное игнорирование примеров святости и церковного служения обществу).

Точки соприкосновения:

— Бытие Бога — очевидный факт, которому имеется множество доказательств: космологический аргумент (причинность мирового порядка как всеобщий закон бытия, имеющий первопричиной сверхбытие, то есть Бога); телеологический аргумент (гармония, закономерность и совершенство мироздания свидетельствуют о сверхразумности и всемогуществе Силы, его создавшей, то есть Бога); онтологический аргумент (понятие человеческого ума о всесовершенном Существо возможно лишь при действительном бытии такого Существа, то есть Бога); психологический аргумент (идея о Сверхсуществовании в человеческой психике не могла возникнуть сама по себе, если бы не имела своим источником Самого Бога); исторический аргумент (истории неизвестно ни одного атеистического племени или народа).

— Существование человеческой души, как субстанции духовной и богоподобной, примером чего является множество аргументов: свобода воли (порабощенной грехом), нравственный закон (присущее человеку свойство различения добра и зла, голос совести и внутреннее требование правды), нравственное совершенство (как высшая цель человеческого существования) — все это свидетельствует о душе человека, как образе и подобию Бога.

— Смысл жизни человека, действительную оценку и значение которому придает только смерть. И если смерть — это конец человеческого бытия, то рождение нового человека становится бессмысленным.

3. Беседа с иудеем:

Нельзя смешивать иудаизм и ветхозаветную религию, целью которой была подготовка пришествия Мессии и которая перестала существовать с разрушением Иерусалимского Храма (70 г.), гармонично войдя в христианство. В ветхозаветной религии слово «иудей» означало, прежде всего, человека по его национальной, а не религиозной принадлежности, то есть того, кто жил на территории Иудеи (в отличие от самарян и галилеян, живших на территории бывшего Израиля, а также евреев и эллинистов, живших в диаспоре).

После разрушения римлянами Храма, как центрального культового места ветхозаветной религии, партия фарисеев в рассеянии начинает формировать новую религию, называемую Иудаизм. Основными особенностями ее является составление новых священных текстов — Мишна и Гемара (Талмуд), формирование нового синагогального культа и устройства, где место первосвященника занимает патриарх, а священников — раввины (учителя). Но самое главное в новой религии — отрицание мессианского достоинства Иисуса Христа и крайняя степень превосходства иудейской нации над всеми другими народами, как знак богоизбранности евреев. Помимо этого в иудаизме существует эзотерическая теософия (каббала), совершенно искажающая учение Ветхозаветных Писаний (сохраняющихся в иудаизме) и библейское богословие.

Смыслом жизни иудея является исполнение «Закона» (Торы), регламентирующего все сферы жизнедеятельности иудея и гарантирующего ему посмертное спасение.

Несогласие с христианством:

— Христиане считаются идолопоклонниками, так как они поклоняются «богочеловеку» Иисусу, как «посреднику» между Богом Творцом и людьми (эту же функцию у язычников выполняют идолы).

— Иисус из Галилеи считается самозванным мессией, обманщиком и волшебником, увлекшим за собой часть богоизбранного Израиля.

— Крестное распятие Христа — это позорная казнь, которую совершили язычники, подвергнув проклятию и Христа, и Его последователей.

— Любой нееврей, а тем более христианин, называется «гой», «акум», то есть «недо-человек», с душой либо животного, либо демона, над которым иудею дается полная власть и разрешается любая несправедливость.

Точки соприкосновения:

— Мессианские пророчества из Ветхого Завета, которые все сбылись на Иисусе Христе (основные из них приведены в Евангелии от Матфея), хотя ни на одном другом иудейском «мессии» не сбылось даже пяти пророчеств.

— Жертвенная Смерть Христа и Его Воскресение из мертвых также не противоречат Библии, а наоборот, имеют в ней ряд прообразов, пророчеств и аллегорий.

— Сам Господь Иисус и первые христиане были по плоти иудеями, а потому, становясь христианином, иудей не предаст своего национального достоинства и народного самосознания.

— Каббалистическое учение о Боге, сеферотах, переселении душ и т.п. противоречит учению Библии и появилось благодаря влиянию гностицизма, неоплатонизма и языческих мистериальных культов.

— Превозношение Талмуда над Торой сильно принижает значение последней, хотя сам Талмуд содержит в себе много противоречий во мнениях раввинов и, являясь комментариями на толкование Торы, в свою очередь продолжает комментироваться противоречивыми высказываниями раввинов, которые обладают одинаковым по значению авторитетом. Таким образом, происходит путаница и произвол во мнениях, обосновываемый всевозможными каббалистическими способами толкования Торы, допускающими любую интерпретацию.

4. Беседа с мусульманином:

Ислам — религия «покорности» Аллаху, единому Богу, «Господу миров, милостивому, милосердному, царю в день суда», основанная «пророком и посланником» Мухаммадом как монотеистическая религия Авраама и сына его Измаила, рожденного от наложницы Агари.

Бог ислама трансцендентен, однако Он открыл Себя человеку в Коране, а потому человек теперь подзаконен Корану, как ниспосланному слову Бога. Мухаммад является лишь передат-

чиком прямой речи Бога, обращенной к людям. Источник Корана — его небесный архетип, из которого Бог через архангела Гавриила посылал Откровение Мухаммаду, как последнему пророку, а до него оно открывалось Аврааму в мудрости, Моисею в Торе, Давиду в Псалтыри и Иисусу в Евангелии.

Помимо Писания в исламе существует священное предание (Сунна) и правовая система (Шариат), регламентирующие жизнь правоверных мусульман. Культ сводится к нескольким предписаниям: пятикратной ежедневной молитве, одноразовой ежесуточной милостыне, одномесячного ежегодного поста и единственного в жизни паломничества в Мекку.

Еще две очень важные особенности ислама: фатализм (всеобщее предопределение человеческого спасения Аллахом) и джихад (война с неверными, то есть политеистами, не имеющими Откровения — иудеи и христиане к этой категории не относятся).

Смыслом жизни мусульманина является покорное исполнение «столпов веры» (перечисленных выше), за которое его ждет в земной жизни благоденствие, а в жизни будущей прекрасный сад с вечными наслаждениями — преимущественно сексуального и гастрономического, а также отчасти эстетического характера.

Однако следует помнить, что в исламе существует большой раскол на суннитов (правоверных) и шиитов, а также множество течений и сект, часто эзотерического характера, с выраженным пантеистическим учением (напр. суфизм). Помимо этого, следует особо выделять экстремистскую исламскую секту ваххабитов, считающую распространение джихада возможным не только на язычников, но и на «людей Писания». В современное время в среде мусульман появилась особая фундаменталистская идеология — исланизм, вдохновители которой, прикрываясь исламским религиозным наследием, пытаются вернуть времена пророка Мухаммада и раннеисламского джихада, а потому не брезгают использовать такие антиморальные методы, как диверсии, захват заложников и терроризм с использованием «смертников-камикадзе», которых они называют шахидами (свидетелями веры, мучениками, убитыми во время священной войны).

Несогласие с христианством:

— Христианская Троица есть выдумка, противоречащая монотеизму, единственности Аллаха (христиане чтят Аллаха как одного из трех богов, вместе с Иисусом и Марией).

— Иисус (Иса), сын Марии (Марйам), Мессия — не может быть Богом (Аллахом) или Его Сыном, так как Он является всего лишь «рабом Божиим», «посланником Бога», «Его словом» и «духом», и хотя Он был зачат непорочно, но все же был сотворен из праха земного словом Аллаха, подобно Адаму.

— Распятие Иисуса, Его искупительная смерть и Воскресение есть выдумка христиан. На самом деле Распятие было призрачным и только казалось иудеям, а Аллах исключительным актом Своего милосердия избавил Его от страданий и вознес на небо.

— Христиане специально исказили Писание, написав вместо одного Евангелия четыре и придумав много других книг, тем самым они свернули с истинного спасительного пути, продолжая думать и убеждать других в том, что их религия правдива и исключительна.

— Коран характеризует христиан как пустословов, распутников, завистников, лжецов, мечтателей, сеющих вражду, ненависть и месть, отступивших в нравственном и духовном плане от своего Писания и не исполняющих его моральных требований.

Точки соприкосновения:

— Ислам — это монотеистическая религия, создавая которую Мухаммад попытался отбросить все знание о Боге, что «накопилось» с веками в Библии, хотя многое он взял именно из нее, в том числе и наименование «Бог» (Аллах). Но так как сам «пророк» не умел читать, то многие библейские данные, полученные им, видимо, на слух от христиан и иудеев, были либо превратно истолкованы, либо искажены.

— Иисус для мусульман значительно больше, нежели один из пророков, посланных Богом к сынам Израиля. Как «второй Адам» Он объемлет все человечество, как «знамение Бога» для миров и людей вместе со Своею Матерью Он освещает всю историю человечества, включая и историю мусульманской общины, как эсхатологическое «знамение Часа» Он завершает на земле божественный замысел спасения.

— Мария, мать Иисуса, глубоко почитается в Коране, Ей иногда возносят молитвы, Она «лучшая среди женщин» на земле и глава, «владычица женщин» в раю.

— Сам «пророк» Мухаммад очень симпатизировал христианам при жизни, двоюродный брат его жены Хадиджи был христианином, он никогда не воевал с христианами, хотя сражался с языческими и иудейскими племенами, и даже отправил часть

своих единоверцев под защиту христианской Эфиопии. Лишь в конце своей жизни, претерпев ряд неудач в диспутах с христианами, Мухаммад изменил свое мнение по поводу них, поэтому в Коране встречаются как восхваляющие христиан аяты, так и прямые проклятия.

— Судя по Корану, Мухаммад не был знаком с ортодоксальным христианским вероучением, а лишь со всевозможными еретическими и гностическими течениями, постоянно спорящими между собой, которые переселялись в Аравию вследствие гонений в Византийской империи. Поэтому Коран наполнен докетическими, несторианскими и апокрифическими высказываниями Мухаммада.

— Понятие греха, отсутствующее в исламе, совершенно не снимает вопроса нравственного совершенствования, практическую недостижимость которого ислам пытается объяснить фатализмом. Понятие святости, как жизни в Боге, также не приемлемо в исламе (за исключением суфизма), так как непосредственное богообщение невозможно для человека. Данные категории очень важно осветить в перспективе христианства.

5. Беседа с буддистом:

Буддизм — религиозно-философская доктрина, возникшая в VI в. до н.э. на базе религии Брахманизма и философии «сансары». Сутью Брахманизма было учение о тождестве Атмана (Мировой души) и атмана (человеческого духа), воссоединению которых мешала карма (закон воздаяния за прижизненные дела), вследствие чего человек попадал в круговорот сансары (колеса перевоплощений) и перерождался до тех пор, пока, наконец, не рождался брахманом (жрецом высшей касты), у которого, если он проживет правильную жизнь, был шанс вырваться из сансары и достичь мокши (освобождения).

Сиддхартха Гаутама предложил иной путь освобождения. Во-первых, он отменил кастовые и половые условности для своих последователей, и, во-вторых, объявил, что достичь «спасения» можно посредством знания (4 благородных истин) и правильных самостоятельных действий (восьмеричного пути). Под спасением Будда (Просветленный) понимал «нирвану» (угасание), то есть полное исчезновение и обезличивание человека.

Смыслом жизни буддиста является принятие монашества и следование пути, указанному Буддой (учителем, но не боже-

ством), для достижения подобного состояния просветления, чтобы при жизни получить «свободу» как от злых, так и от добрых желаний, а после смерти достичь нирваны (то есть небытия). Такой буддизм называется «Хинаяна» (малая колесница) или «Тхеравада» (учение старцев), и в настоящее время его последователи составляют численное меньшинство из общей массы всевозможных течений и буддийских сект, распространенных по всему миру.

Другая ветвь буддизма, наиболее распространенная — «Махаяна» (большая колесница), великий буддийский раскол, отменяющая необходимость принятия монашества для достижения состояния «будды», а потому получившая более широкое распространение. Особенностью этого буддизма является учение о «Пустоте» (великой иллюзии всего окружающего мира, в которой находится человек, являющийся в свою очередь всего лишь набором физических элементов) и «Бодхисаттвах» (людях, достигших просветления, но сознательно не выходящих из сансары ради любви к остальному человечеству, дающих обет при вступлении в буддизм помогать окружающим, пока не будет спасен последний человек).

Наконец, третье основное течение буддизма — «Ваджраяна» (алмазная колесница), называемая еще «Тантрический буддизм», — тайное учение, обещающее посвященному достижения состояния будды при помощи йогических практик в сочетании с эзотерическими и магическими знаниями, медитации, чтении мантр и почитании духовного наставника. При этом уже при жизни буддист достигает не только просветления, но и сверхъестественных способностей.

Эти течения имеют множество школ и сект, друг от друга рознящихся и друг другу противоречащих. Поэтому следует сразу определяться при беседе с буддистом, к какой школе какой «колесницы» он принадлежит.

Но в России существует иная форма буддизма — ламаизм (тибетский буддизм), являющаяся смесью махаяны, ваджраяны и шаманизма. В ламаизме очень развит церемониальный культ, имеются множество храмов, «божеств» и изображений, совершаются «богослужения» и возносятся молитвы. Так как буддизм ваджраяны очень эклектичен, то он включал в себя почитание местных народных божеств под видом различных проявлений Будды, что привело к широкому почитанию в ламаизме культа предков и духов природы.

Несогласие с христианством:

— Будда считал, что знание о Боге — бессмысленная и пустая философия, лишь отвлекающая человека от «спасения». Бог, если Он и существует, ничем не может помочь человеку в его стремлении к «саморазрушению» (нирване).

— Искупительная смерть на Кресте и Воскресение Иисуса Христа не понятны для буддиста, у которого совсем иные представления о загробной жизни, а именно противоположная христианскому учению идея о реинкарнации (метампсихозе, то есть перевоплощении души).

— Для достижения совершенства человеку не обязательно следовать одной конкретной доктрине, так как, по мнению ряда буддийских школ, есть много путей и возможностей, которые каждый человек должен выбирать для себя индивидуально, но все они ведут к спасению.

Точки соприкосновения:

— Прежде всего, путем дружелюбных вопросов следует уяснить взгляд собеседника на проблему спасения, после чего раскрыть положительное знание о Христе в контексте посмертного воздаяния, праведной жизни, природы греха и возможности его преодоления.

— Будда не отрицал существование Бога, он просто о Нем не хотел говорить. Для большинства буддистов Будда — это не Бог, хотя некоторые его обожествляют (ламаизм), с другой стороны Иисус Христос — исключительная Божественная Личность, не просто подающая пример подражания, но реально действующая в христианах.

— Всевозможные аватары (нисхождения, воплощения) Будды, на которые настраивают себя буддисты во время медитации, есть не что иное, как разные качества человеческого характера, которые буддист пытается выявить в себе. Но из-за их великого множества происходит раздробленность в сознании человека, тогда как все добродетели имеют единую концентрацию в Иисусе Христе, обращаясь к Которому в молитве человек не рассеивает и не обезличивает своего сознания (как во время медитации), но трезво и осознанно вступает в единение с Богом для того, чтобы стяжать главную добродетель — любовь.

— Многобожие ламаизма является деградацией и извращением учения Гаутамы, где основной акцент ставился на бессмысленности жизни человека, здесь же буддизм становится частью

быта и обыденности. Однако смысл человеческой жизни придает любовь Божия, ради которой Бог «отдал Сына Своего Единородного» (Ин. 3.16) на смерть, а потому если человек отвергает эту Любовь, то он становится богоотступником и сораспинателем Христа.

6. Беседа с шаманистом:

Шаманизм — языческая религия, распространенная на территории России среди так называемых «неписьменных» или «малых» народов. Сутью его является вера в сосуществующих совместно с человеком и активно вмешивающихся в жизнь различных духов, разделяемых на служебных человеку (либо симпатизирующих ему, либо «прикормленных»), нейтральных (духов природы и стихий) и враждебных (злых демонов). Что интересно, добрые по природе (а не по отношению к человеку) духи в шаманизме по большей части отсутствуют.

В мире и жизни шаманиста нет места Богу Творцу, и хотя Его существование не отрицается, Он выносится «за скобки» взаимоотношений с человеком, который все свои «дела» решает с миром ангельским, то есть тварным.

Для шаманиста мир трехсоставен: это небо, земля и преисподняя. Причем все они имеют одинаковую структуру, являясь «зеркальным» отражением друг друга, и разделяются на множество ярусов, управляемых различными духами.

Душа человека тоже многосоставна, и что самое важное, она находится не в человеческом теле, а блуждает за его пределами, и если заблудится, заболит или будет похищена злым духом, то для человека это грозит болезнью или смертью. Потому, чтобы излечить больного, шаману (посвященному знахарю-колдуну) следует отыскать душу в духовных параллельных «мирах», освободить ее и вернуть хозяину.

Смыслом жизни шаманиста является наиболее комфортная земная жизнь, в которой никуда не деться от мира духов, а потому следует выстраивать с этим миром «деловые» отношения: либо «приручить» помощников, либо «обезопасить» себя от врагов. После смерти каждого человека ждет такой же (а может и лучше) подземный мир «буни», для достижения которого не требуется никаких особых действий или нравственных усилий, а только прижизненное посвящение в магический ритуал (среди некоторых шаманских религий) и правильные погребальные действия после смерти, совершаемые шаманом.

Несогласие с христианством:

— Бог христиан является великим духовным Существом, однако Он не всемогущ и не единственен, а является одним из множества духов-создателей вселенной. Почитать Его можно, но не следует забывать и об остальных, иначе те могут разозлиться и мстить.

— Христианство очень сложная религия, требующая от человека непонятных нравственных идеалов и ограничивающая его в удовольствиях жизни, которые только и остаются у человека, чтобы хоть как-то «скрасить» его трудовые будни.

Точки соприкосновения:

— Знание о Боге-Творце существует практически во всех шаманистских религиях, Ему несколько раз в году даже возносят молитвы (особенно во время стихийных бедствий). А духи — это только ангелы, сотворенные Богом, и не имеют никакого божественного достоинства (большинством шаманистов они также не обожествляются).

— Шаманизм, отвергший веру в Бога добра и любви, отверг тем самым и «общение» со светлыми Ангелами, которое не может строиться на потребительских принципах, как в отношении остальных духов.

— При своем посвящении шаман сознательно отрекается от своей воли и своей души, и получает иную душу — духа (демона), который служит ему, помогая в камлании (колдовстве), а перед смертью покидает шамана, ища себе нового «посредника» с миром людей, и когда находит, то насильно заставляет подчиниться и стать шаманом.

— Обязанность «шамана» — это не привилегия, а тяжелое бремя, которое никто не желает нести, и только по принуждению духов человек ломает свою волю и подчиняется.

— Господь Иисус Христос меняет не только земную жизнь человека, но и дает ему обновление души, освобождение от внутреннего зла, и что самое важное, независимость и свободу от мира духов, так как Он является их Творцом и Владыкой.

7. Беседа с сатанистом:

Сатанизм — «псевдорелигия» зла и вседозволенности, получившая широкое открытое распространение в XX в., особенно среди молодежи. Смыслом его является поклонение злу, как духовной реальности, существующей в земном мире, и дьяволу, как «князю мира сего».

Теоретический (философский) сатанизм не обязательно предполагает веру в дьявола как реальное существо. Был наиболее развит Энтони Шандор Ла-Веем, написавшим «Сатанинскую библию» и основавшим «Церковь Сатаны». В своем учении Ла-Вей обожествляет человека, позволяя ему вседозволенность как способ самоутверждения личности и реализации своих возможностей. Все, что мешает человеческому наслаждению, должно либо игнорироваться, либо уничтожаться.

Практический (мистический) сатанизм, существующий с древнейших времен как демонопоклонство и чернокнижие, ярким своим представителем и идейным вдохновителем в XX в. имеет оккультиста и астролога Алистера Кроули. Поклонение сатане носит осознанный характер, ритуал сложен и имеет ряд посвящений человека, восходя по которым, он может достигнуть личного контакта с дьяволом. Для этого используются различные магические и оккультные практики. «Черная месса», как наиболее распространенный вид ритуала, является оборотнической пародией на христианскую литургию, а сами действия сатанистов направлены на сознательное и извращенное богохульство, часто выливающееся в кровавые жертвоприношения (иногда человеческие) и осквернение священных (заупокойных) мест и предметов.

Смыслом жизни сатаниста является удовлетворение собственных инстинктов и желаний, которое он понимает как свободу от предубеждений и комплексов, а также борьба с традиционными религиями во имя зла, за что сатанист надеется получить от дьявола некоторую власть и привилегии в аду (мучить грешников и т.п.).

Несогласие с христианством:

— Бог оставил этот мир, бросив его на произвол судьбы, а потому, чтобы выжить, человек должен вступить в союз с «князем и правителем» этого мира — сатаной.

— Иисус Христос — слабый и неудачный лидер, давший Себя распять иудеям, а потому все христиане, подставляющие вторую щеку после того, как их ударят в лицо, тоже «слабаки».

— Христианство состоит из одних запретов, которые ущемляют человеческую свободу, унижают достоинство и ограничивают совершенствование личности.

— Церковь — это общество людей, обманывающих народ, служащих только своим корыстным интересам и политическим целям.

Точки соприкосновения:

— Дьявол — это «человекоубийца», «клеветник», «отец лжи», который ненавидит тех, кто ему противостоит и презирает тех, кто ему служит. Это горделивый дух, который завидует человеку, как образу Бога, и всеми способами пытается его поработить и отвратить от Творца.

— Вседозволенность не является фактором развития человеческой личности, а наоборот, приводит к ее деградации, так как человек становится рабом своих желаний и инстинктов, которые только вначале приносят ожидаемое наслаждение, а после начинают мучить человека, доставляя лишь страдание («страсти»), попытка освободиться от которых очень часто приводит сатаниста к самоубийству.

— Все учение сатанизма является лишь противоположным «перевертышем» христианства (10 заповедей «сатанинской библии», понимание греха как добродетели, а добродетели как порока и т.п.), а культовая практика — извращенной пародией на христианское богослужение (ночная «месса», при свечах из жира, перевернутый крест, вместо престола живот блудницы, обязательное распятие крови из единой чаши, «братское» совокупление и свальный разврат (часто с наркотиками) вместо целомудрия и трезвости мыслей и т.п.). Все это происходит по той причине, что дьявол является «обезьяной» Бога, то есть может лишь копировать и извращать законы духовной жизни и религиозного культа.

— Сатанизм является антисоциальной «религией», так как воспитывает в человеке чувство собственного превосходства и эгоизма, и предполагает унижение или презрение к окружающим, часто доходящее до ненависти. Многие ритуальные действия сатанистов расцениваются как вандализм и святотатство, за них государством установлена уголовная ответственность.

2.6.10. Методика диспута с сектантами

Людам, желающим отстоять православие от нападков сектантов, можно предложить использовать следующие советы (исполнимые, естественно, только при том условии, что у собеседников есть достаточно времени для общения и взаимный интерес друг к другу):

1. Начав обсуждение некоторой темы, миссионер не должен позволять ее сменить. Очень часто сектант, видя, что его заявле-

ние по данному вопросу не достигает нужного ему эффекта (потому что оно рассчитано на людей, не знакомых ни с Библией, ни с православной мыслью), быстро меняет тему: «Ну, ладно, что мы с этими иконами, а вот скажите, почему вы...».

Поэтому надо в начале дискуссии четко обозначить ее тему и попросить собеседника самостоятельно ее сформулировать или согласиться с предложенной формулировкой обсуждаемой проблемы. И затем, до тех пор, пока этот сюжет не будет проговорен достаточно детально, не позволять перескакивать на иные темы, вновь и вновь возвращаясь к изначальной теме дискуссии: «Извините, у нас с вами разговор сейчас не об этом».

2. Следует внимательно проверять библейские цитаты, приводимые сектантами. Иногда они ставят точку там, где стоит всего лишь запятая, и от этого теряется значительная часть смысла.

Например, столь часто употребляемая ими библейская фраза: «Бога не видел никто никогда», имеет продолжение: «Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1.18). И если первая часть фразы явно говорит против всякой возможности иконописания, то вторая как раз открывает возможность для изображения: явленное изображимо.

Если приводятся слова о том, что «Бог... не требует служения рук человеческих», то нужно дочитать эту фразу до конца: «как бы имеющий в чем-либо нужду» (Деян. 17.24-25). Сектанты используют начало этой фразы как для отрицания крестного знамения, которым православные осеняют себя, так и для отвержения икон, не вдумываясь в то объяснение, которое ап. Павел дает своим словам в конце этого предложения. Чтобы понять эту мысль апостола, надо задуматься — а только ли в служении рук человеческих Бог не имеет нужды? А в чем Он имеет нужду? В «служении ртов» человеческих, воспевающих «аллилуйя»? В служении «ног человеческих» (миссионеров, обходящих вселенную, чтобы возвестить Евангелие)? В служении «кошельков человеческих», раскрываемых для уплаты церковной десятины? Бог действительно не имеет нужды ни в чем. Он — полнота всякого бытия. Не имеет Он нужды ни в мире, ни в людях, ни в человеческих душах. По слову одного православного богослова: «мы Богу не нужны; мы — желанны». Бог просто дарит людям Себя, Свою любовь. Он просит: «придите ко Мне не ради Моей нужды в вас, а ради вас самих; придите не затем, чтобы Мне

стало радостнее, а чтобы Вы жили». Поэтому не только служение рук человеческих не нужно Богу, но и служение сердец и служение совести. Богу не нужны Евангелия, написанные и издаваемые человеческими руками, но Евангелие нужно самим людям. Иконы не нужны Богу, но они нужны христианам для того, чтобы чаще вспоминать о Нем. Крестное знамение напоминает о Жертве Любви — и что же плохого в этом напоминании? Богу оно не нужно. Означает ли это, что все, что не нужно Богу, не нужно и его ученикам? Бог не требует пищи. Может быть, и человеку в таком случае не стоит есть?

Если приводятся слова: Бог «не в храмах рукотворенных живет» (Деян. 7.48), то можно попросить сектанта посмотреть на поля этой библейской странички. Там указаны параллельные библейские места к этому стиху. Пройдя по указанной ссылке 3Цар. 8.26-30, окажется, что это мысль Соломона. Но высказал он ее как раз в молитве по окончании постройки Иерусалимского Храма: «Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил. Но призри на молитву раба твоего. Да будут очи твои отверсты на храм сей. Услышь моление народа твоего, когда они будут молиться на месте сем». И что же — мысль, высказанную библейским мудрецом при постройке храма, теперь надо считать аргументом против строительства христианских храмов? По милости Своей Бог был с народом Ветхого Завета в его храме. По той же Своей милости Он пребывает со Своим новым народом — тем народом, которому Он даровал Свое Тело и Кровь. Храм — это стены, которые строятся вокруг людей, собравшихся у Евхаристической Чаши.

3. В ходе дискуссии вполне может оказаться, что оппонент использует взаимоисключающие аргументы и выдвигает обвинения, уничтожающие друг друга. Например, сектантам очень нравится собственная «современность», «западность», и в принципе они считают себя на порядок образованнее православных. У православных-де — только невежественные суеверия, средневековая магия и языческие пережитки. А на стороне сектантов (протестантов) — вся мощь современной культуры. Поэтому, если в разговоре скажут: «Вы, православные, Библию не изучаете, а лишь бездумно исполняете свои обряды», стоит сложить эти слова у себя в сердце. Через некоторое время, после того как собеседнику будет изложено, например, православное богословие ико-

ны или другие стороны православной мысли и жизни, оппонент начнет говорить нечто ровно противоположное: «Ну, это все умствования, это все философия. А у нас есть Библия, и христианину достаточно только ее одной». Итак, сначала он с апломбом заявлял, что Православие слишком примитивно для того, чтобы быть истинным, а затем утверждает, что Православие слишком сложно, чтобы быть истинным.

Во многих беседах сектанты следовали именно такому сценарию. Услышав же один за другим оба этих тезиса, миссионер вправе предложить собеседнику все-таки определиться: либо Православие для него слишком примитивно, либо слишком сложно...

4. Первой темой дискуссии следовало бы предложить избрать вопрос о христианском единстве: «Да будет одно стадо и один пастырь» (Ин. 10.16); «Отче, да будут все едины» (Ин. 17.21) — это не только молитва Христа ко Отцу, но и Его заповедь всем христианам. От сектанта надо услышать согласие с тезисом о том, что единство христиан есть благо, что христиане должны беречь единство и стремиться к нему. Но если некий человек или группа проповедует принципы, заведомо мешающие делу спасения человека, — тогда можно прекратить с ними общение. В остальных же вопросах для любого христианина очевидно должен быть приемлем принцип, сформулированный блаженным Августином: «В главном — единство, во второстепенном — разнообразие, и во всем — любовь».

Христиане не имеют права разрывать единство Тела Христова лишь по обрядовым вопросам или из-за различий в педагогической или миссионерской методике. Поэтому каждая из взаимных претензий друг к другу должна рассматриваться с учетом первосвященнической молитвы Спасителя о единстве христиан: достаточно ли это весомый повод для разрыва? Дерзнет ли каждый из собеседников на Страшном Суде перед Христом и в присутствии апостолов (особенно — ап. Павла, который так много учил христиан взаимной терпимости) сказать: мы порвали общение с этими христианами вот из-за этого повода? Разрыв же по недостойному поводу есть грех.

Если этот раскол произошел из-за недостаточной осведомленности о воззрениях и практиках осуждаемой группы христиан — то это грех простительный. Если же раскол вдохновлялся лишь похотью власти или похотью противостояния, или

похотью диссидентства («Да, да, я знаю, что вы этот вопрос понимаете иначе, и что у вас есть основания толковать его иначе, но я все равно считаю единственно возможной лишь практику моей общины»), — то это грех уже несравненно более тяжелый. Этот грех из числа тех, что вопиют к Богу, к Его Суду и к Его отмщению.

5. Следующая тема для обсуждения и согласия — это собственно выявление предмета, материала дискуссии. Надо сразу условиться, что дискуссия носит богословский характер и что поэтому сравнению подлежат вероучительные позиции общин: не грехи тех или иных прихожан или пастырей, не отступления от вероучительных принципов, а сами принципы. Если выяснится, что православные не всегда следуют принципам своей же собственной Церкви, то это не повод для разрыва с православными. Это будет просто призывом к последовательности. Это будет призыв попробовать стать лучшим православным, чем некоторые из знакомых собеседнику.

6. После этих предварительных соглашений первой темой для собственно богословского обсуждения можно избрать вопрос об интерпретации Писания. Не нужно слишком поспешно возводить своих оппонентов в ранг оппонентов Библии. «Если человек не согласен со мной — может быть, это значит, что он всего лишь не согласен с моим пониманием Библии, а не с самой Библией и не с Богом».

Расхождение Православия и протестантизма (разделившегося на множество сект) — это расхождение толкований Слова Божия. Те или иные библейские стихи допускают весьма различное толкование и применение в жизни. И поэтому надо смотреть, какое же из толкований учитывает большее число библейских свидетельств. Здесь задача православного участника дискуссии — «сбавить азарт» сектантского собеседника, привыкшего считать, что его толкование Библии самоочевидно и что иначе понимать Писание просто невозможно.

7. Переход к следующей части разговора будет легким. Протестантствующий собеседник к этому времени и так уже устанет из-за того, что ему не дают выпалить все то, что его научили осуждать в Православии, и потому он с удовольствием начнет воспроизводить дежурные упреки в адрес Церкви: иконы,

крещение детей, почитание святых, «никого не называйте отцом», «если кто прибавит или убавит слово в книге сей», «Бог не требует служения рук человеческих», «спасение от веры». О каждой из этих тем следует беседовать последовательно, раскрывая перед сектантом православный взгляд и учение на все вопросы, и не давать ему раньше времени перескакивать с одной темы на другую.

А после того, как каждая очередная тема исчерпывается, миссионер должен требовать от собеседника: «Теперь, когда Вы знаете, почему Православие это делает и как оно это свое действие понимает, Вы по-прежнему считаете нас вероотступниками и язычниками? Считаете ли Вы именно этот вопрос достаточным поводом для нашего разделения? И не говорите мне, мол, «если бы все православные понимали это действительно так, как Вы мне только что изложили...», — мы же договорились, что сопоставляем вероучительные принципы наших богословских традиций, а не меру их понимания и исполнения некоторыми нашими прихожанами. Итак, этот вопрос не стоит раскола? И этот? И этот? Так, извините, из-за чего же Вы считаете православных неверными язычниками, из-за чего же Вы отделены от нас? И припомните хорошенько — на ком лежит грех неправомочного отделения? Мы, православные, отделились от баптистов или же протестанты отделились от нас? Наша раздельность — это Ваш грех, и, значит, на Вас лежит долг покаянного исправления...».

Понятно, что покаяние есть действие благодати, а Дух дышит, где хочет, и совсем не обязательно, что покаянное настроение действительно «проснется» в собеседнике-сектанте именно в эту минуту. Но на рациональном уровне (а он зависит уже от миссионера) этот раздел беседы может иметь такое завершение: «Итак, Вы теперь знаете что, скажем, православное понимание иконопочитания не есть измена Слову Божию. Можете ли Вы дать мне, себе, Богу, в конце концов, честное слово, что впредь Вы никогда больше не будете обвинять православных за почитание икон? А, может, Вы сможете у себя в общине призвать свою паству, своих учеников к тому, чтобы и они выбросили это ржавое оружие из своего арсенала? Обвинение, идущее от невежества, — это одно. Но если человек уже знает реальное положение дел, но продолжает говорить нечто противоположное — это уже клевета. Зачем же Вам брать на душу грех лжесвидетельства? Обвиняя православных в мнимом

нарушении второй заповеди, Вы с этого момента будете сами нарушать девятую заповедь (Втор. 5.20: «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего»).

8. На следующем этапе разговора можно предложить собеседнику экскурсию в мир православия. «Раз уж мы христиане, то, может быть, за две тысячи лет христианской жизни и мысли мы накопили что-то такое, что могло бы пригодиться и Вам? Это, прежде всего, мир православной аскетики, антропологии, далее, это мир православной культуры (икона, храм, музыка) и мир православной мысли. Чтобы понять и принять эти наши «нажитки» и дары, даже не обязательно становиться православным».

Православное богословие немало взяло за последние века у католического и у лютеранского богословия, но не перестало быть православным. Точно так же можно многое брать из православного мира, оставаясь сектантом (хотя, может быть, уже и не «южным баптистом» или «иеговистом»).

9. Теперь можно перейти к обсуждению тех проблем, что создает само себе протестантское богословие, то есть к обсуждению внутренних противоречий сектантства. Самое главное из них — это попытка оторвать Библию от Предания, от Церкви. Адресат Откровения — Церковь. Автор «канона» Священных Книг — Церковь. Библия составлена на внебиблейской основе. Кем именно эти книги включены в состав Писания? — Церковью.

Церковь как литургическая община первичнее, нежели Церковь как община, слушающая чтение Писания. И когда еще не были собраны новозаветные книги, и даже когда они еще не были написаны — Церковь уже была, и в ней уже была Евхаристия. Сейчас православные на литургии сначала слушают чтение Евангелия, затем причащаются. Но в апостольскую эпоху было иначе: сначала устная проповедь апостолов и их учеников (предание), затем Причастие, и лишь много позже — получение списка «Евангелия по ...».

Церковь начала причащаться раньше, чем читать Новый Завет. И канон Нового Завета согласовывался с Евхаристией, а не наоборот. Православные христиане причащаются не потому, что так сказано в Новом Завете. Новый Завет христиане первых веков признали потому, что на его страницах они узнали тот же дух, что почувствовали на своих «Вечерях». И противопоставлять

книгу Церкви жизни Церкви, ее Преданию — это все-таки нелогично. В конце концов это вопрос о том, что оставил Христос после Себя: книгу о Себе или Самого Себя? Протестанты говорят, что Христос оставил сборник воспоминаний о Себе; католики — что Своим заместителем Он оставил папу. Православные утверждают, что Он просто Сам остался в Церкви «во все дни до скончания века» (Мф. 28.20).

Сектанты «заклеивают» Христу уста и говорят: «не прибавляй ни слова!». Для них книга — единственный способ общения с Богом, единственный путь познания Бога, единственная дверь, через которую они разрешают Богу входить в человеческую жизнь. Православие говорит, что Дух дышит, где и как хочет, и это Его дыхание и запечатлевается в истории христианства как Предание. Христос передает Себя, а не Свои заслуги, которые Отец соглашается считать как бы общими и вменяет их в заслугу всем поколениям.

Среди других странностей протестантизма можно отметить односторонность учения о «спасении через веру».

10. Самый же сложный этап разговора — это обсуждение вопроса о том, что же именно в протестантизме, как богословском движении, вызывает критику со стороны православных? Если общее разногласие не в обрядах, то — в чем же? Если Православие не сливается с протестантизмом, но с очевидной болью воспринимает его распространение в России, то, значит, с точки зрения православных есть в нем что-то такое, что оценивается как нечто смертельно опасное. Что же в перспективе христианского богословия, которое на все смотрит под знаком «нас ради человек и нашего ради спасения», в перспективе спасения души оказывается фатальным изъяном протестантизма?

Это вопрос о Евхаристии. Православие полагает, что «мы действительно должны стать Телом Христа, и только тогда наше воскресение будет «воскресением в жизнь»». Протестантизм полагает, что Евхаристия не более чем символический обряд, напоминающий учение Христа. Вся жизнь Православия строится вокруг Литургии (так же, как жизнь протестантов строится вокруг проповеди Евангелия). И в православной перспективе отрицание Евхаристии есть не просто искажение одной из черточек Христова учения, но нечто гораздо более страшное: это отторжение самого дара спасения, подмена освящающего и спасающего причастия Христу словами о Христе. Это подмена Божия дара человеческими словами о величии этого дара.

Есть некоторые протестантские общины, которые заявляют, что они признают Евхаристию таинством. Но здесь надо различать два вопроса: одно — это что люди сами думают о своих действиях, и другое — на самом ли деле их действия столь благодатны, как им кажется. В протестантских общинах нет апостольского преемства, а это значит, что нет непрерывного потока «агап», «хлебопреломлений», таинств, льющегося от апостолов сквозь все века. Значит, нет участия в апостольской Евхаристии, а есть всего лишь самодеятельность, подражающая апостольскому Таинству...

11. В заключение еще одно напоминание для православных миссионеров: христианину никогда не зазорно каяться. «Да, наша церковная жизнь далека от нормальной. Да, много грехов в нашей истории и в современности. Совсем не все, что есть и что было в церковной жизни или в приходской практике, нуждается в оправдании». Об ином надо прямо сказать: это греховная привычка, прижившаяся в современных храмах вопреки учению Церкви (например, икона Новозаветной Троицы, изображающей Бога Отца в виде старца, вопреки постановлению VII Вселенского Собора и Стоглавого Собора Русской Церкви).

Сектанты не умеют говорить о болезнях или грехах своей общины. Они воспитаны в духе непрестанной похвалы, непрестанных самовосхвалений: «Это раньше я был грешником, потому что был атеистом, но теперь и я святой, и он святой, и все наши святые!». Вот уж в чем подражать сектантам никак не стоит. Покаянный, честный разговор о Православии — это помимо всего прочего средство обезоруживания сектантской критики в свой адрес. «Мы живем внутри Церкви, поэтому лучше посторонних людей знаем свои болезни. Но кроме них мы знаем еще и духовный свет, который есть в Православии. Мы этот свет своими грехами гасим — а он все-таки светит».

Сквозь все века проходит плач Церкви о себе самой: «Или ты не знаешь, что тело Церкви подвержено большим болезням и напастям, нежели плоть наша; скорее ее повреждается и медленнее выздоравливает?». «Спрашиваешь, каковы наши дела? Крайне горьки. Церкви без пастырей; доброе гибнет, злое снаружи; надобно плыть ночью, нигде не светят путеводительные звезды. Христос спит во главе корабля». «А Церкви почти в таком же положении, как и мое тело: не видно никакой доброй надежды: дела непрестанно клонятся к худшему». «Церковь зем-

ная — это не сонм торжествующих праведников, а толпа кающихся грешников».

Все это высказывания разных отцов Церкви Христовой, которые явственно осознавали всю глубину поврежденности в церковном «организме» так называемого «человеческого фактора», и не стыдились признавать эту «ненормальность». Однако же это слова не пессимизма, а реальности; не отчаяния, а раскаяния. И следует всегда помнить высказывание свт. Василия Великого, писавшего о Церкви своего времени, которое сейчас в патрологии именуется «золотым веком» святоотеческой письменности: «Церковь утопает в грехах человеческих, но воскресает в благодати Божией!».

Делать вид, что у православных все хорошо, неумно хотя бы потому, что в большинстве случаев русский сектант — это человек, который пытался быть православным, он заходил в храм, пытался молиться, а может даже поститься, но что-то его испугало, оттолкнуло. Так что богословски, исторически — на сектантах лежит грех раскола, а по-человечески — на самих православных. «На нас смотрит человек вопрошающими глазами: не у нас ли сострадающее лицо Бога? И потому, что не видит его у нас, он идет к другим» (Протоиак. Андрей Кураев). Поэтому не сверху вниз следует миссионеру смотреть на своего собеседника, не врага видеть в нем, а потерянного брата. «Мы его потеряли, вовремя не подошли, не протянули руку, не объяснили, не поддержали... Когда-то мы не сказали ему, может быть, всего одно доброе слово — а теперь, чтобы объясниться, приходится с ним беседовать часами...».

И еще: нельзя строить свою защиту Православия лишь на противопоставлении «русского» — «американскому». Православие — не национальная, а вселенская, мировая религия. И в самой Америке Православная Церковь насчитывает несколько миллионов членов. К сердцу может быть обращен такой аргумент: «Что же ты? Не горько ли оказаться иностранцем в своей стране?». Но и обращаясь к разуму, с Библией в руках вполне можно пояснить правоту и глубину святоотеческого мышления.

2.6.11. Проповедь среди мигрантов

«К внешней миссии можно отнести миссионерскую деятельность среди мигрантов. Миссионерам надлежит обратить внимание на то, что:

— переселенцы, имея свое религиозное мировосприятие, могут влиять на православных, которые еще не до конца утверждены в вере Христовой, и от этих соблазнов их необходимо предостеречь;

— важно направить усилия миссии на изучение культурных традиций и мировоззренческого базиса каждой конкретной этнической группы, дабы православное просвещение осуществлялось на основе принципа церковной рецепции всех созидательных компонентов национальных культур; для этого необходимо организовывать специальные духовно-просветительские центры, которые в своих миссионерских программах учитывали бы этнокультурные и этнорелигиозные особенности переселенцев;

— переселенцы при освоении новых территорий несут с собой свою культуру. Это может привести к социальным конфликтам, в том числе и в духовной сфере, что вызывает необходимость проведения особой миссионерской работы. Характер этой работы можно определить как «миссию диалога».

В условиях существующих этноконфессиональных конфликтов «миссия диалога» становится важнейшей духовной обязанностью православных христиан, которые должны избегать всякого участия в экстремистских действиях.

В данном контексте «миссию диалога» следует рассматривать как необходимый образ действия христиан в целях поиска ненасильственных путей разрешения конфликтов в духе любви к ближнему. Поэтому «миссия диалога» основывается на миссионерской приветливости, открытости, социальной отзывчивости. Для нее важно личное свидетельство о вере каждого христианина в повседневной жизни».

Мигранты — люди, временно (или постоянно) проживающие на территории чужой страны, как правило, это рабочие, трудящиеся в России, после чего уезжающие в свои родные страны. Некоторые по тем или иным причинам «оседают» в России и даже получают гражданство. Часть мигрантов в России являются православными (из Белоруссии, Украины, Молдовы), однако большинство приезжают из стран Средней Азии, где основной религией является ислам.

Проповедь среди таких людей очень важна не только потому, что эти люди могут стать православными христианами, но и потому, что они могут стать миссионерами у себя на родине. И хотя официальное миссионерство в странах «шариата» запрещено и карается смертью, большинство стран Средней Азии не

придерживается этого сурового закона, и в них помимо мусульман существуют и христиане.

Стоит также напоминать мигрантам, считающим отречение от своей веры предательством предков, что задолго до появления ислама большинство их предков исповедовали христианство, и лишь после завоевания халифатом азиатских земель многие вступили в «Умму», то есть общество мусульман.

С современными мигрантами самое сложное для миссионера — это выйти на контакт, поскольку они живут как бы в своем закрытом мире, который с внешним миром почти не пересекается. Являясь чужими в чужой стране (где многие относятся к ним негативно, следуя или нацистским, или шовинистским принципам), подавляющее большинство простых тружеников, не бандитов, банально прячется, боится ходить по улицам. Их можно застать только на рабочем месте. А потому миссионер должен обязательно учитывать эти обстоятельства, не видеть в человеке «восточной» внешности врага-террориста (помня, что терроризм — метод не ислама, а исламизма), а воспринимать его как ближнего, которого тоже любит Бог.

Мигранты очень плохо знают русский язык, религиозной лексики они совсем не знают, даже те, кто более-менее сносно объясняется на бытовую тематику. Так что без серьезной миссионерской работы по переводу и изданию православных листовок и брошюр на языках мигрантов нечего и думать о какой-либо продуктивной миссии среди них.

Далее будут представлены некоторые практические миссионерские наработки, осуществление которых даст возможность проповеди среди мигрантов:

1. Если есть возможность, миссионер должен договариваться с православными бизнесменами, которые нанимают мигрантов, о том, чтобы те для своих работников раз в неделю в течение рабочего дня устраивали беседы с православным проповедником, освобождая на это час времени. Посещение должно быть добровольное — кто не хочет слушать миссионера, в этот час будет продолжать свою работу.

И уж тем более необходимо устраивать миссионерские беседы с теми мигрантами, которых нанимают для работы на православных объектах. Будет большим безобразием и ошибкой, если даже тем, которых Господь привел прямо в храм, ни слова не говорить о Христе.

2. Если у миссионера нет возможности выхода на высшее начальство, а только можно договориться на строительном участке (с прорабом) о посещении объекта, на котором работают мигранты, то желательно в какой-либо из больших церковных праздников посещать трудящихся, поздравлять их с праздником, дарить небольшие подарки к случаю, в наборе которых должны быть краткие брошюры о Православии или Священное Писание на их языках. Если будут заинтересовавшиеся, обмениваться контактами, затем созваниваться для дальнейшего общения. Кого-то можно приглашать в ближайший храм на экскурсию и совместное чаепитие.

3. Многие мигранты, которые хотели бы «осесть» в России, сами желали бы подучить русский язык, получить больше знаний о русской истории, культуре и т.д. Для этого, например, в Санкт-Петербурге действует частная «вечерняя» школа-курсы для мигрантов и пользуется огромным спросом со стороны последних.

Считается целесообразным организовать подобные учебные заведения и на местах (епархиальным миссионерским отделом), где помимо указанных филологических, исторических и культурологических предметов, рассказывали бы и о Православии, что вполне уместно, так как это неотъемлемая часть русской культуры.

4. Очень много мигрантов лежит в больницах (особенно в хирургических отделениях — с разными ранениями и травмами). Из бесед с ними было выяснено, что они вполне открыты для общения о вере. А потому очень хорошо было бы миссионерам устраивать походы в больницы, которые можно также приурочивать к церковным праздникам, поздравлять, дарить подарки, узнавать, не нужно ли чего-нибудь из предметов первой необходимости (мигранты обычно подарками от русских не избалованы и ценят их высоко). Дарить литературу на их языках. В больнице человек имеет массу свободного времени, и там читают даже те, кто в обычной жизни не любит читать.

5. Еще одна идея, созданная убитым в Москве миссионером иереем Даниилом Сысоевым. Это идея «миссионеров из школы», занимающихся уличной миссией. Группы молодых миссионеров идут по улицам и обращаются строго к лицам «неславян-

ской» внешности, заговаривают с ними, дают листовки на их языках. Ребята могут заниматься этим несколько раз в месяц.

Такая миссия приносит свои плоды, так как многие мигранты охотно беседуют о вере с молодыми людьми, попадаютя и заинтересовавшиеся Православием.

2.7. Миссионерское служение мирян

«Миссионерское поручение — часть общественного служения христианина; оно включает мирян в миссионерскую деятельность прихода, чтобы каждый из них чувствовал свою причастность к общему делу миссии.

Главной задачей миссионерских поручений является актуализация живого миссионерского опыта Церкви.

Миссионерские поручения могут быть реализованы через:

— участие мирян в богослужении (несение клиросного и алтарного послушаний, организация престольных праздников, крестных ходов и других церковных торжеств), а также установление постоянных храмовых дежурств мирян и совместно со священнослужителями для общения с невоцерковленными людьми;

— привлечение мирян к участию в социальной диаконии;

— широкую организацию миссионерских приходских кружков;

— участие мирян в церковных конференциях, диспутах, интернет-форумах, в теле- и радиопередачах, благотворительных акциях и иных формах общественной активности.

К особым миссионерским поручениям можно отнести приобщение мирян к участию в миссионерских экспедициях, к катехизаторской работе (в приглашении и оглашении), к иным видам деятельности Церкви по научению основам веры...

...В целях распространения миссии во всех сферах жизнедеятельности общества необходимо:

— привлекать мирян к активной церковной работе посредством выполнения конкретных миссионерских поручений;

— помогать в комплектовании школьных и публичных библиотек церковными книгами миссионерского содержания, использовать сеть библиотек для создания в них миссионерских просветительских центров и проведения тематических выставок, посвященных важным событиям церковной жизни;

— ориентировать мирян на особый вид миссионерской деятельности, направленной на церковное присутствие в интернет-пространстве;

— поощрять общение мирян во внебогослужебное время, в частности, через проведение собраний и совместных трапез прихожан после совершения богослужения в первую очередь с целью обсуждения вопросов духовной и церковной жизни;

— находить точки соприкосновения с различными возрастными слоями населения посредством организации общедоступных мероприятий по интересам: клубов, летних лагерей, походов;

— вести просветительскую работу с группами социального риска (наркозависимыми, ВИЧ-инфицированными, беспризорными и др.);

— осуществлять миссионерскую, катехизаторскую, богословскую подготовку светских преподавателей, врачей, психологов, юристов, экономистов, военнослужащих, деятелей культуры и науки для расширения поля миссионерского служения.

С древних времен особо важной является роль женщин в православном свидетельстве (Рим. 16.1-15; Фил. 4.23; Кол. 4.15; 1Кор. 11.5; 1Тим. 5.16). Церковь призывает женщину к исполнению задач, связанных с духовным просвещением людей. Сегодня проповедь Евангелия осуществляется в условиях «постхристианской» цивилизации, которая отвергла попечение Церкви, негативно относится к христианским ценностям, понимает их искаженно. Необходимо, чтобы христианское свидетельство дочерей Церкви продолжалось, расширялось, усиливалось и было доступным для всех людей, искренне ищущих Бога. Это служение может быть и частным, и оформленным как православное миссионерское сестричество.

Миссионерское служение женщин имеет ряд специфических отличительных черт, вытекающих из особой роли женщины в семье и обществе. В этой связи в числе наиболее перспективных направлений миссионерской работы женщин можно указать особо:

1. Создание специальных благотворительных учреждений по примеру Марфо-Мариинской обители, основанной преподобномученицей Елисаветой.

2. Служение в больницах (особенно в родильных домах и гинекологических отделениях) для несения проповеди слова Божия и утешения страждущих.

3. Воспитательно-просветительское служение в детских домах и интернатах.

4. Служение в местах лишения свободы для женщин с целью наставления заключенных в основах вероучения».

«Вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда не помилованные, а ныне помилованные» (1Пет. 2.9-10).

Евхаристическая община — это есть собрание народа Божиего. Ап. Петр называет его «царственным священством», «взятыми в удел». В Новом Завете священство принадлежит всей Церкви. Христиане призываются к служению в ней каждый в отдельности, ибо никто не может приступить к крещению, не будучи призван Самим Богом. Каждый член Церкви призван Богом, Им поставлен, как член Церкви, через сообщение дара Духа. Следовательно, каждый член Церкви призван к жизни, к действию, к деланию, к служению в Церкви, так как Дух есть принцип жизни и активности в Церкви.

Выражение «царственное священство», которое ап. Петр применяет к христианам, указывает на высоту христианского служения, но главное, это напоминание каждому христианину о том, что он имеет помазание Духа Святого и реальную возможность богообщения, участия в литургии не в качестве «профанного» (непосвященного) наблюдателя, но как непосредственный молитвенный «верный» соработник «общего дела».

Прп. Максим Исповедник говорит, что человек был создан для того, чтобы всю тварь привести к Богу, что он создан как участник двух миров: вещественного и духовного, он в себе совмещает эти два полюса. И в этом смысле всякий верующий в Церкви является священником, то есть человеком, который освящает тварь, который делает ее святой, что значит — Богу посвященной и пронизанной Божественной благодатью. Это призвание каждого христианина, а не только священника. И мирянин — это не только человек, который живет «в миру», это человек, который Христом послан в мир для того, чтобы все, к чему он прикоснется, сделать святыней: он священник в этом отношении.

Мирянин вступает на этот путь в момент, когда его готовят к принятию крещения, потому что через крещение человек соединяется со Христом и в этом Таинстве погружения в воды «смерти и жизни», выходя из них новым существом, делается уже как бы носителем Христа. Когда совершается миропомазание, Святой Дух сходит на человека, и он уже — в малой мере, конечно, не в той мере, в какой Христос действовал — является

присутствием Божественной благодати, ему поручено это тайносовершенство. Это своего рода рукоположение; человек делается частью тела Христова.

Вопрос о деятельности мирян в Церкви — это вопрос, который, по существу говоря, решается не только в согласии со здравым смыслом, но имеет свое основание в Священном Писании. В слове Божиим встречается так много упоминаний о деятельности в первичных христианских общинах лиц непосвященных, лиц-мирян, что даже лица посвященные, имеющие духовный сан, такие, как ученик ап. Павла Тимофей и т.д., выглядят не столько как руководители каких-то общин, сколько как «выдвиженцы», то есть люди, которые выдвинулись из общей среды верующих людей, из общехристианской среды благодаря или своему благочестию, что, прежде всего, являлось несомненным условием такого выдвижения, или благодаря тому, что они были просто очень активны, или проявляли заботу не только о своем личном спасении, но и о спасении окружающих их людей. Это невольно делало их учениками апостолов, это невольно делало их людьми, которые приносили пользу, и окружающие стремились создать такие условия, чтобы эта польза была максимальной, и потому выдвигали их на «передний план».

Латинский перевод еврейских текстов Ветхого Завета употребляет слово *laikos*, «лаик» (мирянин), по отношению к вещам, а не к людям. Например, «земля» (1Цар. 21.4), «хлеб» («ἀρτοι βέβηλοι» в Септуагинте, «panes laicos» в Вульгате, «хлебы простые» в Синодальном) суть вещи «профанные» (несвященные), то есть не пригодные к употреблению в храмовом богослужении (1Цар. 21.5-6, Иез. 48.15).

Первый христианский текст, употребляющий слово «лаик», — это так называемое Послание к Коринфянам свт. Климента Римского (около 95 г.). В нем говорится о поведении народа согласно «правилам лаиков» (мирян). Начиная еще с III в., с Тертуллиана и свт. Киприана Карфагенского, в северной Африке термин «лаик» входит в употребление наряду со словом «клирик». Здесь видна уже в зачатке та правовая интерпретация, которая противопоставляет «лаика» «клирику». Наконец, у блж. Иеронима (начало V в.) находится не определение, но констатация факта, причем явно с пренебрежительным оттенком: отделенные, в противоположность клиру, от святых, лаики суть те, кто занят делами мира сего, кто женится, торгует, возделывает землю, воюет и ведет тяжбы в суде.

Хотя само слово «лаик» в Библии редко и неясно, в ней, тем не менее, содержится самое полное и ясное понятие о «народе Божиим». Наряду с функциональным священством, священнической кастой левитов, Писание утверждает всеобщее Священство «народа Божия» в целом. Со времени дарования Закона Моисею Господь говорит: «Вы будете у Меня царством священников (евр. *tamleket kohanim*) и народом святым» (Исх. 19.6). В греч. тексте это переведено как «*βασιλευοιν ιεράτευμα*», «царское священство», то есть «народ священников», служащих Царю Небесному.

В Новом Завете ап. Петр вновь употребляет это выражение: «Вы народ избранный, царское священство... некогда не народ, а ныне народ Божий (греч. *λαός Θεού*)» (1Пет. 2.9-10). Отделенный и собранный некогда в Иерусалимском Храме, теперь народ Божий, собранный в Церковь, перестает жить ветхозаветными пророчествами, и входит в самую реальность полученных им Откровений. Отныне он собран во Христе, Который «соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле» (Откр. 5.10).

Сами миряне принижали присущее им достоинство «царственного священства» и потому епископы неизбежно все больше и больше становились средоточием священного, священнического, «посвященного». Дистанция увеличивалась и продолжает увеличиваться прогрессирующим охлаждением, оскудением «лаиката», его страшным отказом от даров Духа Святого. Это настоящее «отпадение лаиков», предательство ими своей священнической природы. Два полюса «лаоса», народа Божия — христианский царь, который защищал Церковь и именовался «епископом внешним» и «вселенским диаконом» (титул византийских императоров), и монах, жизнь которого целиком посвящена духовному деланию, — еще сохраняли харизматическое достоинство «лаиков», но то, что находится между этими двумя полюсами, падает в пустоту действительно профанную; большинство, хотя и крещеное, отождествляется с вещами мира сего, возвращается к ветхозаветному смыслу слова «*laic*», который прилагался к вещам, и таким образом само становится одной из профанных вещей мира сего.

В состоянии такого стремительного упадка и появляются пренебрежительные названия: «*βιωτικοί*» (греч. житейские) и «*ἀγίεροί*» (греч. неосвященные), то есть живущие в миру, чуждые вещам священным и святым. Отсюда и негативное определение

«лаичества»: лаик (мирянин) — это тот, кто способен только лишь на пассивное восприятие (рецепцию), ему нечего делать в Церкви (кроме денежного пожертвования), поскольку у него нет еkkлeзиологической функции, нет служения, нет харизмы.

Однако в Послании к Диогнету (начало III в.) говорится: «Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; для них всякое отечество есть чужбина, и всякая чужбина — отечество. Находятся на земле, но суть граждане неба». Этот текст лишь развивает учение ап. Павла: верные, «лаики» — сограждане святым и свои Богу, они не имеют отечества на земле. Ап. Петр также обращает свое Послание к «пришельцам, рассеянными..., избранными... к послушанию и окроплению Кровию Иисуса Христа» (1Пет. 1.1,2). Очевидно головокружительное падение этого достоинства «святых» (освященных в крещении, посвященных Богу и потому призванных к святости) до «профанного» состояния тех, кто занят лишь делами мира сего. Это крайняя профанация святости.

Но даже в этих условиях упадка истинное Предание остается неизменным; оно сохраняется в догматах, в сакраментальном и литургическом сознании, в богатом и ясно выраженном учении отцов Церкви.

Всеобщее священство никак не противопоставляется священству клира. Однако это священство не является и производным от «лаиката», представительством конгрегационалистского типа. Церковь, в соответствии с божественным замыслом, начиная с установления коллегии Двенадцати, получила иерархическое устройство. Народ дифференцирован Богом по «священническому принципу» посредством харизматических служений. Епископат избран из народа, взят от его священнической плоти и крови, но он не составляет особой структуры над ним, поскольку он есть органическая часть Тела, онтологического единства всех членов. Но его установление — божественное, он существует через преемство от апостолов. Всякий кандидат поставлен Богом: «Я избрал и утвердил вас» (Ин. 15.16). Священное право совершать таинства и, прежде всего, быть апостолическим свидетелем Евхаристии, право утверждать вероучительные определения — принадлежит епископату в силу апостоличности Церкви; также и пастырская харизма вести Тело, Царство Священников, к Парусии во славе. У живого образа Христа, епископа, единственно истинная власть — любовь, единственно истинная сила убеждения — мученичество.

В дореволюционной России (и особенно на бывшей территории Галицкой Руси, захваченной Речью Посполитой) был значительный положительный опыт существования «братств» и «сестричеств», которые организовывали миссионерское и диаконическое служение мирян. В первые годы советской власти, вплоть до своего уничтожения, многие братства служили опорой для верующих в новых страшных условиях гонений. После «перестройки» снова появилась возможность опереться на всевозможные организации мирян и свободно регистрировать их в качестве юридических лиц. И хотя в ряде случаев этим воспользовались люди со специфическими идеологическими или коммерческими целями, это не делает порочной саму идею братств. Успех деятельности братства во многом определяется тем, насколько тесно оно связано с жизнью прихода. Если в его основе — часть приходской общины, то не только духовное руководство священника, но и вся богослужебная жизнь укрепляет дух братства. При этом возможность существования братства, состоящего из прихожан различных приходов, никоим образом не исключается.

Именно братства или просто приходские кружки мирян могли бы организовывать совместные проекты, объединяющие два или несколько приходов. Речь идет о внутрицерковном сотрудничестве приходов, но также известны случаи межконфессионального партнерства приходов. О роли мирян в деле управления Церковью говорят не только исторические свидетельства древней Церкви, но и материалы Поместного Собора 1917-1918 гг., на котором каждую из 65 епархий представляли, наряду с архиереем и двумя священнослужителями, по три мирянина, избранные на епархиальных съездах. Были миряне и среди представителей духовных школ, Думы и Государственного совета. Всего мирян было 299 из 564 делегатов Собора (при 80 архиереях, 149 пресвитерах и 15 псаломщиках)⁸.

⁸ На Поместном Соборе 2009 г. в качестве делегатов также присутствовало по 1 мирянину от каждой епархии, принимавших участие в голосовании. В целом картина делегатов Собора была следующая: епископат составил 30,4% от участников собора, духовенство — 40%, миряне — 23,4%, монашествующие (включая духовенство, но без епископата) — 21,4%. Мужчины составили 89,7%, женщины — 10,3% от общего числа делегатов. Социальный состав мирян следующий: среди тех, кто назвал основное место работы — 8,6% составляют бизнесмены, в том числе генеральные директора предприятий, 5,2% — государственные служащие, сотрудники церковных учреждений — 40,1%, представители общественных организаций — 3,9%, преподаватели ВУЗов — 3,2% (По данным сайта www.sobor09.ru).

О единстве мирян и духовенства следует говорить, прежде всего, в рамках экклезиологии, в частности, опираясь на работы проф. прот. Николая Афанасьева. Более полувека назад он обращал внимание православных на то, что школьное богословие его времени уделяло вопросу единства мирян и духовенства недостаточное внимание и даже искажало Православное Предание, относясь с подозрением к учению о царственном священстве народа Божиего. «Вопреки школе церковная жизнь в догмате, в традиции и в своем литургическом сознании хранит истинное учение о Церкви и о народе Божием. В Евхаристическом собрании под председательством епископа Церковь исповедует царственное священство своих членов и различие дела служения — многообразии благодатных даров, которые Сам Бог разделяет каждому, как Ему угодно. Отказ от царственного священства есть отвержение даров Духа... Церковь учит, что все в ней обладают полнотой благодати на пользу всех, а не учит о том, что каждый из нас получил дары Духа, чтобы их хранить бездейственными, как талант, закопанный в землю. В Церкви мы приняли «благодать на благодать» для жизни, действия и служения». Роль мирян в деле религиозного воспитания, катехизации, социального служения осознается сегодня многими. Православная экклезиология (так, как она излагается прот. Николаем Афанасьевым) позволяет обратить внимание на служение мирян в области священнодействия, церковного управления и церковного учительства.

Нет необходимости подчеркивать важность активных мирян в деле миссии. По слову миссионера-подвижника, прп. Макария (Глухарева): «Если не можешь быть ловцом человеков, то лови рыбу для питания ловцов человеков». Важно указать также и на его понимание «апостольства» Церкви: «Созерцаая подобный небесам образ первой Церкви Христовой, начертанный в Книге Деяний Апостольских, мы видим, что она вся была Апостольской, что дружина действователей не ограничивалась ни числом двенадцати, ни числом семидесяти апостолов, но возрастала с удивительной быстротою; что все верные или действовали непосредственно, как апостолы, или содействовали и помогали апостолам; что между тем, как святой Петр, скованный двумя цепями, находился в темнице, из которой потом изведен чудотворною десницею Ангела, Церковь прилежно молилась о нем Богу; что все принимали живейшее участие в деле Иисуса Христа, которое было своим для

каждого, и между тем, как одни приобретали Ему новых учеников, другие принимали на себя обязанность пеших о бедных между новыми братьями; что не только все вещественное было у верных общим, но и сердце одно, единого ищущее и единого любящее, и душа одна, исполненная одних чувствований и помышлений, одних склонностей и отвращений, одних радостей и печалей, происходивших от живого сознания во всех и каждом общего всем назначения. Как чада света, по самому свойству света, который неминуемо сообщает себя всему тому, в чем противления не находит или в чем побеждает противление, они светили Христовым светом своей окружности, находились ли среди братии и в церкви, назидая и утешая друг друга и меняясь друг с другом разными благотворениями, или действовали на внешних, или действителям служили. Но как Господь Иисус Христос во веки Един и Тот же и обещался не различаться со Своими до скончания века, то первая Церковь Его есть образец, которому Христианская Церковь должна подражать во всяком деле. И хотя внешние выражения, в которых открывается дух Евангелия, могут принимать изменения, но самый дух истинной Церкви Христовой всегда один и тот же — любовь к Богу и к человекам во Христе Иисусе. Чем изобильнее и явственнее сей дух чистой любви Божией в Христианской Церкви, тем более жизни и света Христова в сей Церкви. А чем более жизни и света Христова в Церкви, тем в ней более ревности, усердия и способности к распространению благодатного Царствия Божия на земле, тем в ней имя Церкви Апостольской плодотворнее».

В последние годы в России можно заметить появление новой формы псевдо-активности мирян — критику иерархии. Примечательно, что осуществляется она не по вопросам нравственности или политических симпатий, не в плане оценки тех или иных архипастырей как пастырей или организаторов, но представляет собой критику по догматическим вопросам, с обвинениями в неправославии, ереси и т.д.. Особенно остро обсуждается тема «экуменизм».

Выглядит все это очень странно: и нецерковно, и ненаучно. Люди, не имеющие богословского образования, в большинстве своем неопиты, критикуют вероучительную позицию архиереев или профессоров богословия, которые не только сами получили специальное образование, но и отвечают за уровень и качество образования нынешних студентов-богословов. Оправдание для

себя авторы критических материалов находят в одной из фраз Окружного послания Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам (1848 г.), приводя ее зачастую неточно, неверно. Ссылаясь на Послание, они утверждают: «Народ — хранитель чистоты вероучения», понимая под народом себя и только себе приписывая право выносить суждение о догматической истине. Однако текст Послания следующий: «У нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия нас есть самое тело Церкви, то есть самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласною с верою отцев его...». Во-первых, буквально употреблено здесь слово, означающее «благочестие, обряд, почитание», а, во-вторых, речь идет о том, что все тело Церковное является критерием Истины, хранителем Истины (в данном случае благочестия) — все тело, но не тот или иной редактор газеты или ее автор.

Единство мирян и духовенства предполагает определенное смирение мирян, а также отсутствие осуждения — качества, глубоко почитаемые в Православии. Смирение — это духовная ценность, которую следовало бы не только провозглашать, но и культивировать. Конечно, данные качества предполагаются также у духовенства и священноначалия, при этом ответственность за те или иные богословские суждения, как и послушание «учительства», лежит, прежде всего, на них, а не на мирянах. По благословению священноначалия миряне могут и должны проповедовать, активно участвовать в деле миссии, однако только «по благословению».

Поэтому сейчас особое внимание обращено на служение мирян и восстановление должностей диаконов и диаконис (от греч. *διακονία* — общественное служение, благотворительность). Следовало бы уточнить, что эти должности могут быть работой, за которую исполняющий ее будет получать некоторое вознаграждение, поскольку рассчитывать только на пенсионеров и на энтузиазм людей, совмещающих такую работу с основной, было бы неправильным. Такая деятельность нередко требует отдачи всего времени и всех сил.

Как общественное служение, диакония не является только лишь прерогативой одних диаконов, так же точно и литургия есть дело всего «народа Божиего», а не обязанностью «клерикальной касты», как это было и в античных культах, и в иудейской древности. В Новом Завете понятие «священство» упот-

ребляется в двух смыслах. Во-первых, Христос предстает как единственный Первосвященник, — это главная тема Послания к Евреям. Именно Христос ходатайствует за людей перед престолом Отца, вознося Жертву единожды за всех. Этим актом священство Ветхого Завета завершено или, вернее, в совершенстве исполнено в лице Христа, пребывающего Первосвященником вовеки. Во-вторых, Новый Завет распространяет понятие священства на всех христиан: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел» (1Пет. 2.9). Это есть распространение священства Самого Христа, поскольку Церковь есть не что иное, как Тело Христово, которому вверено исполнение в мире священнического служения Самого Христа. При крещении человек «облекается во Христа» (Гал. 3.27), становится членом Тела Христова, а следовательно, и участником Христова священства. Знаменательно, что термин «священник» (греч. ιερέος) в Новом Завете никогда не применяется ни по отношению к епископу (греч. ἐπίσκοπος — надзиратель, блюститель), ни к пресвитеру (греч. πρεσβύτερος — старец, старейшина).

Таким образом, в совершении литургии функция священника осуществляется всей общиной, в силу крещения ее членов. Функция же рукоположенного клира — председательствовать в общине священников, объединять их священническую молитву. Вот почему в литургических молитвах первое лицо всегда стоит во множественном числе. В то время, как в языческой или иудейской практике только священник приносит жертву, христианская «литургия» (греч. λειτουργία — общее дело), совершается всем собранием, всем священническим народом.

Тем не менее, современная практика совершения литургии часто затемняет этот факт, и мало кто из мирян даже знает, что анафора — это их молитва. Действительно, уже в течение многих веков миряне не могут даже слышать слова евхаристической молитвы, которая произносится «тайно» священником, стоящим за закрытыми воротами алтаря. И, в еще более недавнее время, даже ответные реплики народа были отобраны у него хорами, которые часто стоят не вместе с общиной, а в удалении от нее, на «хорах». Таким образом, миряне становятся зрителями, наблюдающими за представлением, «разыгрываемым» клириками и хором. Как часто можно услышать, что «это епископ/священник служит литургию», — но понимают ли говорящие, что в действительности означают эти слова?

Понимание литургии как зрелища еще более вдохновляется многочисленными символическими толкованиями литургии, как бы подчеркивающими, что литургия — это наглядное представление жизни Христа. Все эти изменения привели к тому, что роль мирян в богослужении свелась к минимуму, они превратились в пассивных зрителей. И поскольку миряне не вовлечены в богослужение, оно оказывает очень слабое преобразующее действие на их жизнь.

Поэтому первое, что необходимо сделать — это предпринять сознательные усилия к тому, чтобы вернуть мирянам свойственную им роль. Некоторые шаги уже были сделаны, по крайней мере, в некоторых общинах. Наиболее распространено частое причастие, постепенно получает поддержку чтение евхаристической молитвы вслух. Но многое еще остается сделать.

Со дня Пятидесятницы Бог вводит в этот мир Свой Дух через человека-христианина, когда тот встречается с Ним в молитве. Чтобы евангельское свидетельство было свидетельством не об идеологии, а о живом присутствии Христа, христиане должны все время учиться молитве и углублять в себе опыт таинств. Только молящийся человек может стать настоящим богословом, христианином-делателем, апостолом Христовым.

Таким образом, «апостолат мирян» не означает простую передачу накопленной информации. Это жизнь, наполненная благодатной и нравственной силой. «Дрессированные» люди, не познавшие великого тяготения Божией любви, не способны передать свою веру дальше — только набор правил, которые со временем теряют изначальный смысл и становятся пред-рассудками. Напротив, молитва делает православную веру настоящей, и это проявляется в милосердии, справедливости и ответственности.

Некоторые члены Церкви оправдывают свою пассивность ссылками на авторитет, который есть у священника, и которого нет у мирянина. Представление о необходимости авторитета надо преодолеть. Авторитарно говорить о Христе не только не нужно, но и вредно, а навязывать свою веру тем более не следует. Нужно учиться разговаривать с людьми так, чтобы не «насиловать» человеческую свободу и не скрываться за саном.

Сами апостолы не пользовались своим авторитетом и привилегиями. После того, как ученики пережили смерть и Воскресение Христа, они не хотели влиять на людей, совершать чудеса, мистифицировать, не стремились к собственному возве-

личиванию; они только хотели служить Слову. Писание не указывает у апостолов ни тени мистификации. Апостолы могли бы использовать те почести, которые им воздавали, чтобы как-то усилить свою власть в Церкви, свое положение в обществе, но они никогда этого не делали. «Или мы не имеем власти есть и пить? Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие апостолы, и братья Господни, и Кифа? Или один я и Варнава не имеем власти не работать?... Однако мы не пользовались сею властью, но все переносим, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову» (1Кор. 9.4-6,12), «мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, — не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам» (2Фес. 3.7-9).

«Осмысление понятия народа Божия и его актуализация — всегдашняя забота Церкви от апостольских времен до наших дней. Эта тема необычайно тонка и требует к себе внимания как ученых богословов, так и тех, кто начинает свой путь в Церкви; как епископов, священников, так и мирян». О поставлении и служении мирян подробно, опираясь на Апостольские правила, труды Святых Отцов и практику древней Церкви, также говорит прот. Николай Афанасьев, экклезиологически точно используя термин «лаик» вместо «мирянин». Расслоение церковной общины на мирян и духовенство — явление, лишь постепенно пришедшее в Церковь: «в ранней Церкви этого разделения не было в том смысле, что было одно живое Тело, в котором разные члены имели различные функции. Но функция — это одно, а сан и возвышенность — совершенно другое... Миряне — это не стадо, и духовенство — это не вожди и не начальники, а слуги».

Церковь — не просто совокупность тех, кто призван быть с Иисусом, но, и это более важно, те, кто призван участвовать в том, что делает Иисус. Это возможность, установленная в Воскресении: Христос призвал учеников быть с Ним в Его служении и поручил им определенные дела во имя Его; после Воскресения этот призыв был обновлен и укреплен. Этот призыв не могли заглушить ни смерть, ни отречение самих учеников. И в жизни по Воскресении этот призыв не является уже призывом главным образом извне, но импульсом изнутри, возникновение и возможность действовать которому дает Святой Дух (Рим. 8.15; Гал. 4.6).

Таким образом, принадлежать к христианскому «народу» — означает быть вовлеченным в Божественное действие, которое прежде всего является делом жертвоприношения. Принадлежность к священническому народу означает принятие в свою жизнь примера жизни Христа, что предполагает открытость человеческого сердца в отношении Бога и решимость следовать путем Христовым, иметь «те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Фил. 2.5), — это и является священнической задачей народа, его жертвой хваления.

2.8. Миссионерский приход

«Образ жизнедеятельности и сам облик современного церковного прихода должен быть максимально приспособлен к миссионерским потребностям, исходя из интересов миссии Церкви.

Приход, подтвердивший свою способность (по уровню подготовленности и практическим результатам) заниматься миссионерской деятельностью постоянно и плодотворно, приобретает статус миссионерского прихода.

Существуют следующие отличительные особенности миссионерского прихода:

1. Главная его цель — осуществление миссионерской деятельности на территории его пастырской ответственности.

2. Желательно, чтобы его клир знал богословие миссии и приобретал практический опыт миссионерства.

3. Целесообразно, чтобы миссионеры имели или приобретали светское высшее образование.

4. Приходское собрание данного прихода должно состоять преимущественно из прихожан, активно участвующих в миссионерской деятельности, знающих проблемы и нужды современной миссии.

5. Приход обязан заниматься социальной диаконией.

6. В миссионерском приходе необходимо сформировать институт миссионерских катехизаторов. Миссионерское служение мирян необходимо скоординировать по разным аспектам работы в соответствии с образованием и профессиональными навыками конкретного миссионера.

7. В приходе богослужения должны иметь преимущественно миссионерскую направленность.

8. Миссионерскому приходу по благословению епархиального Преосвященного желательно постоянно поддерживать контак-

ты в методической сфере с Миссионерским отделом Московского Патриархата».

«Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» в той своей части, которая рассматривает практику миссионерского служения, говорит о таком понятии как «миссионерский приход». Необходимо отметить, что подобная терминология вводится в оборот впервые, в связи с чем сразу возникают законные вопросы, что это означает? Для этого необходимо обратиться к тексту «Концепции», в которой отмечается, что «ближайшей целью миссии является созидание евхаристических общин «до края земли» (Деян. 1, 8)». Таким образом, необходимо отметить, что миссионерский приход это, прежде всего, «евхаристическая община», состоящая из верных чад Церкви, осознающих свою ответственность перед Богом, Церковью и людьми за свое служение.

Евхаристическая община немыслима без участия всех ее членов в таинстве Евхаристии. Стремление к совместному принятию таинств Церкви должно воспитывать в прихожанах ответственность и осмысленность всеобщего свидетельства народа Божьего о вере Церкви перед лицом всего остального мира. В таинстве Евхаристии Церковь являет себя миру, приоткрывая, насколько это возможно вместить, таинство Царства Божьего. Каждый приход Русской Православной Церкви должен соделаться не столько местом, где люди находят возможность удовлетворения своих религиозных запросов, но должен стать общиной братьев и сестер во Христе, объединенных общей верой, общими молитвами, совместным принятием таинств и общим усилием свидетельства. Можно сказать, что созидание общин на каждом приходе есть миссионерская сверхзадача Церкви, главная локальная цель всех церковных миссионерских усилий.

Понятие «миссионерский приход» сразу ставит проблемный вопрос, а могут ли быть приходы «немиссионерскими»? Если согласиться с тем, что созидание евхаристических общин является ближайшей целью православной миссии, то должно ответить — нет, не могут. Каждый приход Православной Церкви может предпринять усилия для того, чтобы преодолеть инертность и нежелание действовать. Миссионерство является всеобщим призванием, а это значит, что каждый православный приход призывается к активному свидетельствованию. Очевидно, что ситуация меняться будет только там, где

эту ситуацию изменить желают. А для того, чтобы миссионерские усилия современных приходов были убедительными, необходимо создание в церковной среде атмосферы братского доверия и взаимопомощи.

Общинная жизнь должна основываться на христоцентричности — верующие собираются в храме на богослужение для того, чтобы через всеобщность их молитвы была явлена Церковь как Тело Христово, частью Которого являются все православные христиане. Без разрешения главного вопроса человеческого церковного бытия — отношения к Таинству Евхаристии, невозможно говорить о разрешении других вопросов.

1. Очевидно, что тот приход, который пожелает ориентироваться на общинно-миссионерский характер в своей деятельности, должен создать условия для научения всех желающих принять таинство Крещения основам православной веры. О необходимости оглашения желающих креститься особо отмечено в тексте «Концепции» и задача миссионерского прихода должна заключаться в том, чтобы были созданы все условия для реализации подобных усилий⁹.

В связи с тем, что в настоящее время еще не выработана общецерковная практика подготовки желающих принять таинство Крещения, необходимо понимать, что короткая беседа перед совершением таинства не может считаться удовлетворительной. Как минимум, необходимо провести одну беседу с оглашаемыми взрослыми (либо непосредственными родителями и крестными, в том случае, если речь идет о крещении маленьких детей) в отдельное время, не связанное со временем совершения таинства. Будет очень хорошо, если на этой беседе храм подарит оглашаемому Священное Писание, в связи с чем может быть предъявлено предкрещальное требование о прочтении одного из Евангелий (лучше Марка или Луки) родителями и крестными. Также следует напомнить о том, что и сами родители (восприем-

⁹ «Необходимо особо подчеркнуть каноническую недопустимость в обычных случаях Крещения взрослых людей и молодежи без предварительной полноценной катехизации (Крещение без оглашения запрещается 78-м прав. VI Вселенского Собора и 46-м прав. Лаодикийского Собора). Конечно, никто не должен накладывать на людей «бремена неудобноносимые» (Лк. 11, 46), однако того, кто не хочет посильно потрудиться ради Бога и осознанного, ответственного вступления в Церковь, крестить «по первому требованию» вряд ли полезно» (Концепция миссионерской деятельности РПЦ).

ники) являются православными христианами, и что им следует подготовиться к крещению их детей не только интеллектуально, но и духовно (то есть приступить по возможности к Таинствам исповеди и причастия).

Для взрослого оглашаемого человека можно предложить хотя бы один раз посетить божественную литургию (объяснив в какой момент следует покинуть богослужение), чтобы он мог на личном опыте ощутить действие «призывающей» благодати, являемой в богослужении (не стоит забывать, что именно этот фактор явился определяющим для принятия православия на Руси). Также считается необходимым условием для такого оглашенного знание наизусть молитвы «Отче наш».

О качестве развития общинно-приходской жизни можно будет говорить по степени вовлеченности всей общины в дело научения оглашаемых основам веры. Степень организации оглашения на приходе будет являться одним из лучших показателей степени укорененности общины в миссионерском и литургическом предании Церкви.

2. Учительная функция приходской общины не должна ограничиваться только лишь огласительными занятиями. Одной из главных болевых точек современных церковных реалий является непонимание совершаемого богослужения определенной частью прихожан.

Согласно «Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» «ради облегчения вхождения и пребывания невоцерковленного человека в Церкви целесообразно предоставить приходам, по благословению священноначалия, право проведения особых миссионерских богослужений, в которые были бы внесены элементы катехизации». Периодическое совершение подобных богослужений должно помочь в разрешении одного из проблемных вопросов церковной жизни и дать возможность прихожанам узнать о смысле и значении совершаемого богослужения.

Элементами таких богослужений на приходе могут быть: чтение Евангелия священником на более высоком уровне к народу; чтение Апостола и Евангелия на русском языке (либо сразу, либо после славянского текста); обязательная проповедь после чтения Священного Писания, объясняющая смысл прочитанного; совместное пение с народом некоторых избранных песнопений (помимо Символа Веры); распространение печатного «богослужебного пос-

ледования» на церковно-славянском и русском языках (параллельных) для того, чтобы народ мог следить за ходом литургии; словесное комментирование некоторых богослужебных действий (возможное в определенные моменты между молитвенными священнодействиями), которое, однако не должно затягиваться и разрывать строй богослужения и молитвенный настрой прихожан; чтение «синаксария» на Всенощном бдении после 6-й песни канона (это могут быть небольшие отрывки назидательных святоотеческих творений), и т.п.

Следует при этом помнить, что если пастырь собирается вводить на приходе то или иное «новшество», он должен обязательно объяснить прихожанам (или в проповеди, или на собрании), для чего он это делает. Главная миссионерская цель пастыря — привлечь людей ко Христу, а не отвратить от Него.

Также очень важно создание единой молитвенной атмосферы всех молящихся, а не только внимания «молитвенному диалогу» священника и хора. Для этого можно начать с простых вещей. Священник перед службой, сразу после часов обращается к прихожанам: «Братья и сестры, в ближайшие дни будет рожать наша прихожанка N. Прошу вас сегодня на службе помолиться об успешном исходе ее первых родов» (Поводов для молитвенного участия в чужой судьбе может быть много: «муж ушел», «дети заболели», «работу нужно искать» и т.п.). Многие прихожане (и особенно «захожане») настолько погрязли в эгоизме, что даже на «Общее дело» — Литургию, приходят только с личными просьбами и желаниями. Подобные же просьбы священника о молитве рожают любовь и сопереживание. Причем совместная молитва людей, часто, если не всегда, будет рождать ответы в виде чуда. Люди почувствуют, что молитва влияет на мир, что Бог, Который есть Первопричина бытия, через молитву дает и Своим чадам побыть причиной.

3. При приходе обязательно также должна действовать воскресная школа для детей и катехизаторские курсы для взрослых. Что касается школы, то предметы в ней не должны ограничиваться одним «Законом Божиим», но следует также учить детей некоторому мастерству, развивать их творчество. Для этого можно привлекать к участию тех прихожан, которые могут научить детей чему-нибудь интересному и полезному, освоить какой-либо «ремесленный» вид деятельности.

Для взрослых следует проводить отдельные беседы (лекции, курсы), на которых помимо приходских тем и личных вопросов стоит отдельно говорить о двух сторонах духовной жизни христианина: понимания Священного Писания («теория» веры) и осмысленного участия в Богослужении («практика» веры). При проведении бесед можно устраивать чаепитие или просмотр художественных кинофильмов (с их обязательным обсуждением). Время для проведения таких бесед пастырь должен назначать, исходя из ситуации и личной занятости, но лучше, чтобы это был не воскресный день (так как после длительной воскресной литургии мало кто будет оставаться еще и на беседы), а какой-либо из дней на неделе (например, пятница), и не с утра, а после окончания рабочего дня (лучшее время с 19 до 21 ч.).

Важным фактором, помогающим сплочению членов приходской общины, является возможность проведения небольших совместных трапез после окончания воскресного либо праздничного богослужения. Совместные трапезы дают возможность прихожанам знакомиться друг с другом, помогают преодолеть всевозможные средостения внутриприходской жизни. Ситуация, когда люди в течение нескольких лет посещают храм и не знают друг друга даже по имени, не должна считаться нормальной. Жизнь церковной общины невозможна без поддержания прихожанами друг с другом добрых христианских отношений.

4. Реалии современной церковной жизни говорят о необходимости миссионерской деятельности на приходе таким образом, чтобы в нее помимо клира храма были вовлечены активные миряне. По благословению Святейшего Патриарха Кирилла каждый приход Русской Православной Церкви должен озаботиться наличием ответственных за социальное и молодежное служение. Очевидно, что усилий одних священнослужителей явно недостаточно для того, чтобы организовать полноценную миссионерскую работу.

Социальная «диакония» (служение) — один из важных факторов сплочения общины и реализации христианской любви. Вокруг храма есть очень много людей, нуждающихся в социальной и материальной помощи, а христиане (действительные, а не формальные) всегда отличались жертвенным служением окружающему миру, исполняя заповедь Господа Иисуса Христа: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5.16).

5. Милосердие — есть подражание Самому Богу. Для прихода милосердие реализуется в виде милостыни, пожертвования. Тот же человек, который не умеет отдавать, жертвовать, не может быть христианином в принципе. Древняя «десятина» — есть решение приходских финансовых вопросов; внушить эту мысль прихожанам и побудить их быть не чужими в храме — вот еще одна задача для пастыря-миссионера. Храм для прихожан должен стать «домом», а не «клубом» или «собранием по интересам».

Почти все прихожане бедны поодиночке. Однако вместе все, если и не богаты, то уж точно не бедны. Любой приход, при мудром руководстве пастыря, обладающего авторитетом в глазах паствы, может решать множество житейских вопросов. «В складчину» можно не только ремонтировать и строить, но и помогать друг другу. Лекарства, квартплата, текущий ремонт, одежда, еда — все это может время от времени приобретаться для нуждающихся силами общины. Никто пусть не считает себя, по нищете, неспособным на милостыню. Неспособный на милостыню обречен быть нищим по жизни до последнего вздоха. Евангельская вдовица с ее двумя лептами — живой упрек всем, не хотящим думать о чужих нуждах.

Свт. Иоанн Златоуст в одном из «Слов» советовал в воскресный день каждому христианину откладывать некую сумму денег, пусть даже самую маленькую. Эти деньги надо считать святыми, и брать из них для себя категорически запрещено в любом случае. Они именно святы, ибо отложены ради Бога для тех, кому хуже, чем тебе. При таком обычае самый бедный человек раз в месяц будет способен на реальную милостыню. И давать он ее будет тому, о ком знает, что там нужда реальна. В случае же общественных нужд не нужно будет «отрывать» что-либо от семьи, так как деньги уже будут собраны.

6. Миссионерский приход должен быть «открытым внешне» (его двери всегда, кроме литургии верных, открыты для всех, зашедший даже случайно в него человек может купить церковную литературу, поговорить с дежурным миссионером или катехизатором, помолиться в тишине или просто побыть в новом для себя пространстве) и «внутренне» (не только священники, но и все постоянные члены прихода должны приветливо и заинтересованно относиться к каждому человеку, помочь ему войти не только в храм, но главное — в общение с Богом, услышать ответы на свои внутренние вопросы).

Кроме того, миссионерский приход должен быть динамичным, то есть каждый человек, и постоянный член прихода, и вновь пришедший должны ощущать, что приходская община способна реагировать на изменение ситуации их жизни, на их конкретные обстоятельства. А для этого люди должны ощущать, что в них заинтересованы как в личностях, а не полезных функциях, как говорил апостол Павел: «Ищу не вашего, а вас» (2Кор. 12.14). Как говорит «Концепция миссионерской деятельности»: «образ жизнедеятельности и сам облик современного церковного прихода должен быть максимально приспособлен к миссионерским потребностям, исходя из интересов миссии Церкви».

2.9. Миссионерский стан

«С апостольских времен существовали общины, которые выполняли функции миссионерских станов, занимаясь миссией по преимуществу. Такой общиной была, например, антиохийская община, при поддержке которой начал свою первую миссионерскую экспедицию св. апостол Павел. Эту общину можно считать первым миссионерским станом.

Миссионерский стан — региональный центр православной миссии, в функции которого входят:

- координация, методологическое обеспечение и обобщение опыта миссии, осуществляемой на определенной территории;*
- организация работы по созданию миссионерских переводов на национальные языки народов, проживающих на территории данного региона, Священного Писания и богослужебных текстов;*
- связь с миссионерскими приходами;*
- обеспечение деятельности миссионерских приходов специальной литературой и иными методическими материалами;*
- предоставление, при возможности, гуманитарной помощи в целях осуществления гуманитарной миссии.*

Миссионерские станы находятся в каноническом подчинении епархиального архиерея и обслуживаются силами как епархиальных, так и (по приглашению епархиального Преосвященного) синодальных миссионеров.

В настоящее время накопленный опыт работы миссионерских станов свидетельствует об их реальной эффективности. Постоянное пребывание миссионеров в распоряжении епархиальных архиереев позволяет планировать долгосрочные программы. Особое вни-

мание в работе миссионерских станов уделяется просветительским программам в труднодоступных районах.

Одним из методов деятельности в рамках миссионерского стана можно считать миссию в транспортных потоках. Для ее успешного осуществления требуются:

— бесплатная раздача миссионерской литературы на авто-, авиа-, водном и железнодорожном транспорте (на маршрутах дальнего следования);

— строительство часовен и храмов на вокзалах, в аэропортах, в морских и речных портах;

— привлечение для проповеди Благой вести особо подготовленных мирян;

— осуществление миссионерской катехизаторской деятельности среди обслуживающего персонала на транспорте.

Возможности транспорта следует использовать и для решения другой миссионерской задачи. Миссия Церкви должна распространяться не только в мегаполисах, но и в труднодоступных районах. Для того чтобы нести Благовестие «даже до края земли» (Деян. 1.8), миссии нужна мобильность. Необходимо задействовать все современные виды транспорта, что особенно важно для отдаленных регионов (храмы-автомобили, храмы-корабли, храмы-вагоны, палаточные храмы и т.д.)».

Первичными «миссионерскими станами» можно считать общины христиан, описанные в «Деяниях святых апостолов». По крайней мере, они имели главные признаки этого апостольского учреждения: территориальность, постоянную связь с Церковью и поставление апостолами сотрудников из местных «аборигенов». Например, ап. Павел в течение двух лет преподает основы веры в Ефесе, в училище Тиранна так, что его за это время смогли услышать все окрест живущие греки и евреи, после чего, оставив там местных пресвитеров, удаляется, но не порывает связи с этой общиной.

В Византийский период специфика исторического развития Восточной Церкви как имперского института не позволяет четко выделить традицию миссионерских станов. Разве что в Кирилло-Мефодиевском опыте появляется еще один важный их признак — акцент на местную культуру и язык. Солунские братья даже претерпевают гонения за использование славянского языка в проповеди и молитве.

В немалой степени, развитием традиции «миссионерских станов» можно назвать и монашескую колонизацию сначала Рус-

ского Севера, а позже, в XVIII в., Сибири и Дальнего Востока. Монастырь всегда становился центром евангельской проповеди окрестным народам, своеобразным «координатором» миссионерской деятельности среди языческого населения.

В западном, инославном миссионерстве, традиция миссионерских «станций» получает в то время большее развитие (собственно говоря, сам термин перешел в православие из западного миссионерства). К XVII в. на католическом Западе существует множество миссионерских организаций, таких как доминиканское «*Societas fratrum peregrinantium propter Christum inter Gentes*» (Объединение братьев, странствующих среди народов ради Христа) и им подобных. В 1622 г. папой Григорием XV создается «*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*» (Святая Конгрегация Пропаганды Веры), преобразованная в 1988 г. в «Конгрегацию Евангелизации Народов». Все эти организации управляют миссионерскими станциями преимущественно в Азии, Индии, Китае и Северной Африке. Также в XIX-XX вв. особенный размах приобретают протестантские миссии.

Миссионерские станции становятся для западных христиан генеральным методом евангелизации языческих территорий, но, впоследствии, в протестантском мире наступает разочарование: «В современной миссионерской стратегии, «станциям миссии» отводится малая роль, так как исторически они показали свою неэффективность. В «станциях миссии» часто обращались в веру люди, которые были замечены как изгои в своей семье и культурной группе. Во многих случаях среди новообращенных людей были только сироты, воспитанные в приюте станции. Современные миссионерские доктрины обращения в христианство теперь сосредотачиваются на том, чтобы сеять христианские воззрения в уже сформировавшихся группах местных жителей, не навязывая им другую чужеродную культуру» (Д. Бош).

Смена дискурса связана с тем, что западный опыт устройства миссионерских станций в своем большинстве (за исключением западных миссионеров, подобных Роберто ди Нобили, Бартоломео де лас Касасу или Франциску Ксаверию) не имел целью созидание местной христианской общины, базирующейся на автохтонной культуре, и к XX в. западная миссиология констатирует неудачу такого подхода.

На территории Российской империи исторически миссионерские станы состояли, как правило, либо из комплекса компактно расположенных строений с богослужебным помещением

(походная церковь), либо из нескольких сел с церквями, часовнями и школами; на них возлагался широкий комплекс миссионерских задач — проповедь, культурно-просветительская деятельность и благотворительность¹⁰.

Для православной традиции устройства миссионерских станов изначально были характерны следующие, основополагающие принципы:

¹⁰ Современные примеры возрождения практики миссионерских станов: со 2 по 20 июля 2000 г. сотрудниками Синодального миссионерского отдела была осуществлена экспедиция в Чукотский автономный округ. Миссионерская программа осуществлялась пятью группами в пяти регионах округа: Чукотском, Беринговском, Билибинском, Анадырском и Providенском. За время экспедиции состоялось более 200 встреч-бесед и духовных вечеров в учреждениях культуры, образования, здравоохранения, в воинских частях и т.д. В результате миссионерской экспедиции были организованы миссионерские станы, которые действовали с декабря 2000 г. по январь 2003 г. на территории Чукотки, где совершали миссионерское служение выпускники Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). Постоянно посещая отдаленные районы, миссионеры проповедовали, крестили, создавали общины, которые в дальнейшем становились приходами. Подобная практика оказалась своевременной и полезной, и была востребована в Магаданской, Петропавловско-Камчатской, Якутской, Южно-Сахалинской и других епархиях.

В самом северном поселении России, в Якутской епархии, в п. Тикси с апреля 2009 г. существует миссионерский стан «Спасский». В 2006 г. в военном гарнизоне п. Тикси-3 был построен храм Спаса Нерукотворного. С 1 апреля 2009 г., Синодальным миссионерским отделом туда была направлена группа миссионеров в составе священника и катехизатора. К этому времени приход состоял из трех женщин, которые старались проводить воскресные службы мирским чином. До этого священник из Якутска прилетал туда раз в полгода. За полтора года существования миссионерского стана «Спасский» обе православные общины (в военном поселке и в отстоящем на 7 км — гражданском, где существует домовый храм в квартире жилого дома) выросли до 30-40 человек. Совершаются две литургии в неделю и по праздникам. Регулярно проводятся тематические классные часы в общеобразовательных школах и встречи с личным составом двух воинских частей, расположенных в поселках. Постоянно печатаются статьи катехизической направленности в местной газете «Маяк Арктики», а к праздникам издается цветная газета «Спас на Тикси». Создан сайт прихода: www.spas-na-tiksi.prihod.ru. В богослужение вводятся ектении на якутском языке, напечатаны иконы с якутскими надписаниями. Была совершена поездка в национальное эвенское поселение Таймылыр, где получено разрешение на устройство молитвенного дома. Проводятся встречи со школьниками в п. Быков мыс. Осенью 2009 г. была предпринята экспедиция на полярные метеостанции и на о. Котельный; на станции «Санникова» — поставлена Крестовоздвиженская часовня. На престольный праздник прихода 29 августа 2010 г. в центре поселка Тикси был воздвигнут Поклонный Крест. Устроен молитвенный кивот в аэропорту, где бесплатно распространяется просветительская литература.

— территориальность — проповедь Евангелия, охватывающая конкретную территорию «миссионерской ответственности»;

— связь с Церковью — через посланничество миссионеров, через материальную помощь на первых порах, через преемство в хиротонии пресвитеров;

— поставление сотрудников из местных жителей — важная составляющая часть Кирилло-Мефодиевской традиции;

— использование местного языка и культуры — признак универсальности Евангелия и вселенского характера проповеди Христа.

Базой для создания миссионерских станов являются православные общины, имеющие свой храм или молитвенный дом и ориентированные преимущественно на служение благовествования. В стане непременно должен иметься постоянный священник-миссионер.

Наибольшее влияние на каноническое обоснование и формирование структуры миссионерских станов в православной традиции имеет опыт алтайской миссии, описанный прп. Макарием (Глухаревым), и труды свт. Иннокентия, митр. Московского. В свое время, известный переводчик и миссионер Н.И. Ильминский проповедь именно этих двух великих тружеников сравнил с пламенем: «По силе и благодати Божией, явились нерукотворно, то есть без человеческой миссионерско-научной и искусственной подготовки и выправки, два миссионерских огня в Сибири: Иннокентий и Макарий Глухарев».

Вот как наставляет свт. Иннокентий нушаганского миссионера, иеромонаха Феофила: «Поставь себе в правило: во время посещения отдаленных мест (таких, где уже положено начало христианства) не начинать отправления богослужений и треб дотоле, пока не предложишь посещаемым тобою прихожанам хотя краткого поучения.

Проповедь слова Божия естественно начинать прежде там, где ты будешь иметь постоянное местопребывание; но если обстоятельства заставят, или будут представляться случаи быть и в других дальнейших местах, то, несмотря на то, что ты еще немного успел между живущими с тобою, не упускай случая быть где только можно и предлагай слово свое везде и всем сообразно возрасту, состоянию и времени.

Время для поучений и бесед с инородцами избирай преимущественно то, в которое они бывают в сборе; для сего ты можешь или идти к ним, или, если можно, приглашать их к себе.

В начале по незнанию языка инородцев ты должен употреблять переводчика (толмача) твоих речей; старайся избирать его из самых благочестивых и благонамеренных и заблаговременно обучай его катехизису. Лучше, если переводчик при тебе будет всегда один и тот же».

В общей истории христианского миссионерства, русского православного в том числе, христианизация часто начиналась и заканчивалась актом крещения, после чего новообращенный предоставлялся самому себе. К крещению, по большей части, относились как к деянию самодостаточному, так сказать, «магически» предопределяющему искомый результат. «Издержки» подобного миссионерства достаточно известны, засвидетельствованные многочисленными сообщениями об отпадении крещеных обратно в язычество. Поэтому, по слову Господа, очень важно крестить людей, «уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28.20), не оставляя на «самотек» их духовное развитие, по крайней мере на первых порах становления в вере. Для этого, если нет возможности иметь непосредственного общения и духовного руководства, то следует поддерживать связь по переписке или с помощью средств коммуникации.

Алтайская миссия, благодаря ее «отцу-основателю», сразу же определила для себя иной путь. Сохранились описания того, как прп. Макарий (Глухарев) готовил обращаемого к крещению: «Обычно он узнавал так или иначе, что в том или ином пункте имеется инородец, расположенный к принятию христианского учения. Тогда он спешил в то место, оглашал инородца, затем крестил, поручал надежному восприемнику, который и ограждал новообращенного от вредных влияний... Оглашение продолжалось от одного дня до двух недель, в зависимости от возраста и развития, умственного и нравственного, оглашаемого». За крещением следовало обязательное приобщение новообращенного к жизни церковной общины.

Основываясь на опыте «делателей» христианского свидетельства, можно вывести следующие основополагающие принципы православной традиции устройства «миссионерских станов»:

— поскольку разовые и кратковременные миссии не в состоянии служить главному делу христианского свидетельства — основанию устойчивых евхаристических общин, целесообразно устраивать постоянно действующие миссионерские станы;

— месторасположение миссионерского стана должно позволять координировать миссионерскую деятельность на максималь-

ной территории, для чего его следует располагать на транспортном и коммуникационном узле;

— для обеспечения слаженной деятельности необходимо наличие двух и более священников и не менее двух катехизаторов;

— священники и катехизаторы обязаны получить специализированную миссионерскую подготовку, прежде чем начать свое служение;

— если миссионерский стан расположен на территории компактного проживания какого-либо этноса, то священники и катехизаторы обязаны овладеть начатками языка и местной культуры;

— богослужение должно совершаться с элементами молитв на местном языке или, при существовании одобренного перевода богослужения, — как можно чаще полностью на местном языке;

— следует уделять особое внимание подготовке местных сотрудников и получению ими духовного образования с перспективой последующего рукоположения в священник;

— миссионерский стан не может быть самоокупаемым, так как не предполагается обязательное требование денег за свечи, частные богослужения, поминальные записки и проч. Необходимо (хотя бы на начальном этапе) связь с Синодальным миссионерским отделом в виде финансовой и материальной помощи сотрудникам;

— деятельность миссионерского стана (включая финансовую отчетность) должна быть максимально прозрачной для всех;

— сотрудники миссионерского стана должны сохранять высокие духовные стандарты в жизни и не подавать соблазна для окружающих своим поведением. Необходимо немедленно устранять нарушителей этого правила от практической деятельности с последующим увольнением;

— миссионерские станы создаются на основании п. 3.3 «Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» и являются региональными центрами православной миссии, координирующими и обеспечивающими миссионерскую деятельность на определенной территории;

— миссионерский стан в вопросах богослужебной деятельности действует по благословению епархиального архиерея и в полном каноническом подчинении ему;

— миссионерский стан в вопросах организации и практической реализации миссионерских программ подотчетен в своей деятельности председателю Синодального миссионерского отдела.

2.10. Миссионерское богослужение

«Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в докладе на епархиальном собрании духовенства Московской епархии в 2004 году отметил: «Говоря о восприятии богослужебной или пастырской традиции, не следует забывать, что следование Преданию не есть механическое копирование внешних форм, а живое осмысление и творческое претворение в жизнь перенятого опыта... Практический вывод из сказанного может быть только один: не должно быть ни самоволия, ни самообольщения. Во всем должна быть разумная дисциплина и благоустроенная свобода».

Богослужение Церкви, по своему существу, всегда носит миссионерский характер, закрепленный в свято хранимых Церковью чинопоследованиях. Литургические молитвы за оглашенных свидетельствуют о том, что Церковь простирает свою любовь и на тех, кто живет пока еще вне полноты общения с Богом и Церковью. А богослужебная проповедь, носящая экзегетический характер, представляет собой особую форму осуществления вероучительного попечения Церкви о своих пасомых.

Каждый член христианской общины нуждается в полноценном участии в литургической жизни. Напряженная духовная жизнь включает в себя постоянное самоиспытание, следование заповедям Христовым, истинное покаяние, воздержание, стремление к сознательному единству духа, веры и дел.

В Определении Архиерейского Собора 1994 года «О Православной миссии в современном мире» записано: «Собор считает исключительно важным глубокое изучение вопроса о возрождении миссионерского воздействия православного богослужения» и усматривает «крайнюю необходимость развития практических церковных усилий» в том направлении, чтобы сделать более доступными пониманию людей смысл священнодействий и богослужебных текстов.

Ради облегчения вхождения и пребывания невоцерковленного человека в Церкви, целесообразно предоставлять приходам, по благословению священноначалия, право проведения особых миссионерских богослужений, в которые были бы внесены элементы катехизации:

1. Богослужение без нарушения его цельности и молитвенного настроения верующих в необходимых случаях сопровождается богословскими комментариями или посредством распространения брошюр с объяснением смысла богослужения и совершаемых молитв.

Подобная катехизация также необходима при совершении всякого Таинства и обряда.

2. Во время совершения Божественной литургии проповедь может произноситься непосредственно после Евангельского чтения и должна носить, по преимуществу, экзегетический характер. При необходимости Священное Писание может быть прочитано на национальном языке просвещаемого народа или на русском языке с богословскими комментариями.

3. Для совершения миссионерских богослужений в населенных пунктах, не имеющих храма, допустимо использовать в качестве алтаря любые приспособленные помещения, даже палатки. На месте совершения такого богослужения целесообразно воздвигать поклонный крест, пред которым верующие могли бы молиться.

4. Главной задачей совершения миссионерских богослужений является приближение литургической культуры Православия к пониманию наших современников. В зависимости от степени воцерковленности членов приходской общины желательны осуществлять программы литургического обучения как взрослых, так и детей».

Основной задачей развития миссионерского служения Русской Православной Церкви сегодня является создание евхаристических общин, то есть таких общин братьев и сестер во Христе, которые осознают свою ответственность перед Богом, Церковью и людьми в необходимости всеобщего свидетельства, всеобщей молитвы и всеобщего участия в таинствах Церкви. Все это невозможно без разрешения одного из главных противоречий современной церковной действительности — православное богослужение для достаточной части православных прихожан остается непонятым. Люди могут годами посещать богослужения, даже не подозревая, что слово «литургия» в переводе с греческого языка означает «общее дело», то есть дело не одних только священнослужителей, но всех верных чад Божиих, собирающихся в храме за богослужением.

Православное богослужение назидательно, в каждом молитвословии, строчке стихире или тропаре канона содержится богословское богатство веры, которому не должно пребывать под спудом человеческого непонимания. В большинстве случаев народ привыкает к тому, что богослужение свято, но непонятно. Часто насаждается такая точка зрения, согласно которой «простому народу» не обязательно вникать в суть происходящего за богослужением, главное — присутствовать, а понимание — это

удел «профессионалов». Понятно, что с точки зрения православного предания, такая позиция не выдерживает никакой критики. Тем не менее сила инерции, противящаяся просвещению людей, велика, и пастырю нужно предпринимать немало усилий только лишь для того, чтобы доказать необходимость осмысленного участия всех верных в богослужении.

«Миссионерское богослужение» — одна из форм миссионерства. Однако следует всегда уточнять: «миссионерское богослужение» — это, прежде всего, «технический» термин, который вовсе не говорит о том, что совершается принципиально новое богослужение. Литургия в Церкви — всегда Божественная, и на это должно обращать внимание всех участников богослужения.

Основной метод, применяемый на таком богослужении — тематические комментарии, вставляемые в определенные моменты литургии (как правило, перед самым началом, после Малого входа, после чтения Евангелия, после Великого входа и по Запричастном стихе), с помощью которых прихожанам объясняется смысл происходящего и акцентируется их молитвенное внимание на особо важных моментах литургии¹¹.

¹¹ 14 апреля 2005 г. в Преображенском кафедральном соборе г. Белгорода по благословению архиеп. Белгородского и Старооскольского Иоанна была совершена Литургия Преждеосвященных Даров с комментариями. Литургия Преждеосвященных Даров — одно из наиболее сложных и непонятных для прихожан богослужений. Практика совершения подобного богослужения с разъяснениями дала возможность постепенно пояснить необходимость совершения Литургии в вечернее время. Многие приходы постепенно возвращаются к древней традиции совершения Литургии Преждеосвященных Даров вечером, так как это соответствует литургическому преданию Церкви и, что немаловажно, дает возможность принять участие в богослужении работающим людям, которые в утреннее время при всем желании не имеют возможности присутствовать на богослужении.

Подобная практика совершения богослужения с комментариями не стала отличительной особенностью миссионерских усилий Белгородской епархии. Прот. Всеволод Чаплин неоднократно делился опытом совершения подобных богослужений в молодежной среде, что давало возможность разъяснять смысл совершаемых священнодействий и молить, призывая всех собравшихся к активному участию в литургии. Миссионерское богослужение усилиями сотрудников епархиального миссионерского отдела совершается также в Смоленской епархии.

10 февраля 2008 г. в ходе серии презентаций «Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» в Екатеринбургской епархии, Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста с комментариями была совершена в Вознесенском храме г. Екатеринбурга. Богослужение совершалось при большом стечении молящихся и вызвало живой отклик духовенства и мирян Екатеринбургской епархии.

Выбор места для разъяснения богослужения основан на святоотеческом наследии и литургическом предании Православной Церкви. Свт. Иннокентий Московский в своем «Наставлении священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» пишет о необходимости хотя бы краткой проповеди перед началом всякого богослужения. Проповедь, следующая после евангельского чтения, также освящена церковным преданием. Св. мч. Иустин Философ, описывая совершение евхаристического богослужения, подчеркивает значимость и необходимость проповеди после чтения Священного Писания: «И читаются, сколько позволяет время, сказания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова делает наставление и увещание подражать тем прекрасным вещам».

Возможность произнесения поучений за богослужением основывается также на евхаристических беседах ап. Павла: «В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел... беседовал с ними и продолжал слово до полуночи» (Деян. 20.7-11). Евхаристические беседы ап. Павла стали основой для развития литургического чина, в который вошла его доксологическая формулировка: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога и Отца и причастие Святого Духа...» (2Кор. 13.13).

Следующая отличительная особенность миссионерского богослужения — это возможность использования различных национальных языков при чтении Священного Писания. Чтение Священного Писания является кульминационной частью литургии оглашенных, то есть той части литургии, которая преимущественно направлена на вовлечение в благодатную церковную жизнь всех желающих стать христианами. И здесь опять-таки необходимо обращение к святоотеческому опыту. Кирилло-Мефодиевское наследие Церкви говорит не только о возможности, но и о необходимости использования различных богослужебных языков. Свт. Иннокентий Московский всякий раз наставлял миссионеров в необходимости изучения национальных языков просвещаемых народов и, соответственно, в необходимости перевода Священного Писания на эти языки. Возможность использования разных богослужебных языков при чтении Священного Писания — это всегдашний миссионерский опыт Церкви, который неизменно использовался всеми великими миссионерами.

Миссионерское богослужение ни в коем случае невозможно навязывать. Его совершение возможно лишь там, где это действительно необходимо и где встречаются сложности с организацией катехизаторской работы во внебогослужебное время. Каждый священнослужитель вправе сам решать, как часто стоит ему совершать подобные богослужения. Возможно, что некоторые части миссионерского богослужения, и особенно проповедь после чтения Священного Писания, станут отличительной особенностью всякого богослужения, если на то будет желание духовенства.

Миссионерское богослужение только по своему наименованию кажется чем-то новым, на самом деле это возвращение к хорошо забытому «старому» — необходимости постоянно проповедовать и разъяснять значение и смысл православного богослужения.

2.10.1. Об изменяемости и неизменности богослужения

Богослужение — молитвенная основа церковной жизни, выражение ее сокровенных глубин и, одновременно, самой сути ее земного бытия. Для того чтобы адекватно это выразить, Церковь, основываясь на словах ап. Павла «все должно быть благопристойно и чинно» (1Кор. 14.40), уже в первом тысячелетии своего существования выработала богослужебный чин, лежащий в основе того, который используется и по сей день. Этот чин — сложный, он предполагает «включенность вероучения в контекст богослужения» и использует для этого чтение и пение специальных текстов, священные изображения, особую одежду, утварь, храмовую архитектуру и т.д.

Участие в таком богослужении было достаточно органичным для человека средневековой культуры, в которой Церковь занимала главенствующее положение. Однако оно весьма затруднительно для современного человека, живущего среди благ секулярной цивилизации, для которой Церковь зачастую воспринимается лишь как одно из них. Сейчас, в качестве реакции на это затруднение, можно проследить две внешне противоположных тенденции. Первая: противостоять «миру сему», создав из богослужения особый замкнутый мир, в котором все сохранится полностью неизменным с глубокой древности. Вторая — наоборот, принципиально изменить богослужение, сделать его современным, то есть максимально прак-

тичным, «технологичным», рациональным. Однако обе эти тенденции в итоге приводят к отделению человека от духовной реальности, подменяя ее выстроенным по своей мерке искусственным пространством.

Специфика такой реальности выражается, в частности, в том, что в Церкви существует «единство структуры богослужения, которое подкрепляется разнообразием» — подкрепляется, а не разрушается.

Русская Православная Церковь, обращаясь к миру с проповедью Евангелия Христова, одной из главных целей своего миссионерского служения ставит «приближение литургической культуры к пониманию современников» (Концепция миссионерской деятельности). Нужно особо отметить, что понимание здесь предполагает не только рациональное уяснение символики и практики существующего богослужения, но и возможность существенных изменений в богослужении, основанных на его принципиальном внутреннем единстве. Как отметил Святейший патриарх Алексий II, «следование Преданию не есть механическое копирование внешних форм, а живое и творческое претворение в жизнь перенятого опыта... Во всем должна быть разумная дисциплина и благоустроенная свобода» (Доклад на епархиальном собрании московского духовенства в 2004 г.).

Предоставление возможности максимального личного участия в богослужении всем полным членам Церкви («верным»), свидетельство об этом тем, кто готовится в нее войти («оглашаемым»), а также тем, кто относится к Церкви безразлично или враждебно, и является в полной мере миссионерским действием.

Теперь следует рассмотреть, в чем конкретно состоит миссионерское значение православного богослужения, а также в чем и как оно может быть изменено в миссионерских целях без искажения и умаления его сути и полноты.

Православное богослужение имеет миссионерское значение:

- в своем внешнем выражении (в красоте пения, чтения, храмового искусства, проповеди);
- в своем внутреннем содержании (молитва о мире, его спасение и преображение в Евхаристии).

1. Содержание богослужения:

- Содержание богослужения, его образный строй раскрывается через музыку, живопись, прикладное искусство, архи-

тектуру. Духовная сила слова соединяется с «синтезом искусств» (как называл внешнюю сторону богослужения свящ. Павел Флоренский), символизирующим преобразование мира под действием Божией благодати. Это оказывает огромное, прежде всего умиряющее и очищающее воздействие практически на всех присутствующих.

Примером может служить обращение послов святого князя Владимира от язычества к истинному Богу, происшедшее в храме Святой Софии в Константинополе и описанное в «Повести временных лет»: «Пришедши же к Грекам, и ведоша нас, идеже служат Богу своему, и не разумели, на небесах ли есмы были, или на земле: несть бо на земли такого вида или красоты такой... Мы убо не можем забыть красоты той».

Миссионерское воздействие церковного искусства учитывал также просветитель зырян свт. Стефан Пермский. Он строил храмы и писал в них иконы, чем не только укреплял новопросвещенных зырян в вере, но и привлекал их неверующих родственников и знакомых, свидетельствуя им о силе и глубине христианства.

— Чтение Писания и проповедь разъясняет содержание прочитанного в храме или выраженного в пении и изображении, для применения его в жизни.

— Главное содержание богослужения — молитва не только за Церковь, но и за весь мир, что, будучи услышано и пережито «случайно» пришедшими в храм, может стать первым шагом на их пути к Богу и в Церковь.

При этом миссионерское качество богослужения зависит, прежде всего, не от художественного уровня использованных в нем произведений церковного искусства, ораторских и других приемов проповедника, и даже не от богословского содержания используемых богослужебных текстов и их донесения до сознания присутствующих, но от того, как сама Церковь совершает богослужение независимо от конкретной миссионерской ситуации.

Задача Церкви — сочетание внешнего и внутреннего, сохранение и того, и другого аспекта своей жизни в их полноте.

— Целостность и полнота церковной жизни дают возможность изменяемости внешних форм богослужения при сохранении неизменности его духовной основы. Какова же принципиальная возможность изменения церковного богослужения?

Служение Церкви в мире и, в частности, ее богослужение в своей духовной основе неизменно. К нему не может быть ничего приложено, как от него ничего не может быть и отнято, поскольку проявление и сообщение полноты, исходящей от Самого Христа и поэтому присущей Церкви, составляет жизнь Церкви.

Богослужение выражает веру всей Церкви, а не отдельных людей, общин, Поместных Церквей, поэтому оно несводимо лишь к определенным обрядам и текстам, мелодиям и изображениям, характерным для того или иного исторического «образа» Церкви.

2. Принципы богослужения:

— Сохранение единства богослужения по его духу и внутреннему содержанию, независимо от того, находятся ли в храме верные (полноценные «члены» Церкви), оглашаемые или неверующие.

— Различение в возвещении «керигмы» и «мистагогии» в богослужении с учетом духовного и церковного статуса (ищущий, оглашаемый, верный, кающийся), социального статуса, возраста, образования, духовного и церковного опыта присутствующих и т.д.

Для неверующих или нецерковных людей определенные части богослужения или даже отдельные службы должны быть закрыты (например, евхаристический канон на литургии, как, собственно, и все таинства), что также способствует миссионерскому эффекту богослужения, поскольку если Церковь не различает верующих и неверующих, своих членов и посторонних, то она фактически превращается в музей, а пояснения к богослужению — в экскурсию.

— Максимальная возможность для включения в богослужение всех присутствующих: местный язык богослужения, ответственное его названию время суток (вечерня — вечером, утреня — утром), проведение богослужения в удобное для большинства людей время, внутренне и внешне обоснованная длительность. Возможность сокращения богослужения или включения в него дополнительных текстов, сокращения количества или даже полного отсутствия некоторых дополнительных богослужебных атрибутов (кроме необходимых непосредственно для совершения Таинств) в зависимости от ситуации.

3. Примеры изменения устава:

а) Устав может быть изменен в зависимости от исторических условий и эпохи. В истории Церкви можно видеть, во-первых, множество богослужебных уставов (в каждом монастыре — свой устав, то есть Типикон — от греч. τύπος — знак, образец, тип). Во-вторых, формирование богослужебного устава — дело динамичное (то есть, устав — это не «законсервированное» отношение к молитве, а постоянно развивающееся, в зависимости от обстоятельств времени и места действия). И в-третьих, в Русской Православной Церкви сосуществовало несколько уставов: Великой Церкви (соборный), Студийский, Иерусалимский и Афонский (монастырские). В конечном счете, это привело к синтезу и частичному их смешению, так что нынешний «славянский Типикон» — смесь этих уставов, хотя доминирует среди них именно Иерусалимский, постепенно принятый в РПЦ, начиная с XV в.

Столь значительные реформы богослужения не только не вызывали протеста в церковной среде, но будучи принятыми повсеместно, никогда не вызывали такой реакции, какую вызвала реформа патр. Никона в XVII в.

Божественная литургия за почти двухтысячелетнюю историю существования Церкви неоднократно подвергалась всякого рода видоизменениям, дополнениям и сокращениям, притом, что в каждой Поместной Церкви было несколько «своих» литургий. И, однако, неизменными были в литургии не молитвы или действия (которые во всех литургиях отличаются), а основные ее части (чтение Священного Писания, проповедь, молитвы за Церковь и Евхаристия), которые являются необходимой принадлежностью каждой Божественной литургии.

б) В зависимости от места совершения богослужения:

- обычный храм;
- памятник истории и культуры;
- открытое место (лес, городская площадь, поле);
- квартира;
- тюрьма, больница;
- частный и общественный транспорт.

в) В зависимости от задач богослужения:

- специальное богослужение в миссионерских целях;
- будничное приходское богослужение;
- праздничное приходское богослужение;
- монастырское богослужение.

г) В зависимости от состава участников богослужения (наличие случайно зашедших людей, оглашаемых).

Миссионерское значение богослужения заключается не только в наличии миссионерских особенностей — пояснений или отдельных действий миссионера (открытые Царские врата и т.д.), применяемых изредка и в специальных целях, а выражением жизни самой Церкви. Разнообразие форм богослужебной жизни Церкви, вдохновенное и при этом внятнее совершение служб само по себе является сильным миссионерским свидетельством. Поэтому одни «миссионерские приходы» не в состоянии решить все миссионерские задачи Церкви, нужно по мере возможности и необходимости использовать различные миссионерские «элементы» в любых богослужебных действиях, с тем, однако, чтобы не смутить народ Божий и не внести своим поведением разделение в умах и сердцах верующих.

2.10.2. Богослужебный язык

«Достижение поставленных целей в православной миссии требует решения следующих задач:

— ...освящение тех национальных черт, которые позволяют народам, при сохранении своей культуры, самоуважении и самоидентификации, внести свой уникальный вклад в молитвенное прославление Бога, пребывая при этом в гармоничном единстве со всей полнотой Церкви;

— проповедь Евангелия и совершение миссионерского богослужения на национальных и искусственных (например, разработанных для глухонемых) языках...»

«В день самого зарождения Церкви — Святой Пятидесятницы — были установлены принципы церковной миссии:

1. Принцип использования разных языков. Благодаря воздействию Святого Духа, ученики «начали говорить на иных языках», а толпа, собравшаяся по этому случаю, пришла в смятение, «ибо каждый слышал их говорящих его наречием» (Деян. 2.1-9). В тот день было обнаружено, что для того, чтобы слушатели понимали Евангелие, его надо провозглашать на их «собственном языке»».

В Русской Православной Церкви существует многовековая практика употребления особого языка молитвы — церковнославянского, а также многолетняя острая полемика по поводу

употребления церковно-славянского языка, и главные аргументы касаются именно миссионерской роли языка богослужения.

1) История существования богослужебного языка:

Исторически язык молитвы и Священного Писания всегда был определенным образом обособлен от языка быта или языка небиблейской культуры (напр., языческой, светской). В свете последних научных исследований обнаружено, что при переводе Священного Писания Ветхого Завета на греческий язык (Септуагинта) переводчики копировали во многом строй языка оригинала (языка текстов Ветхого Завета), не ориентируясь на нормы «литературного греческого». Язык Нового Завета следовал традиции, заложенной Септуагинтой, это был «язык сакральных текстов», ориентированный на образцы Септуагинты, а не так называемый «κοινὴ» (греч. — общая речь), то есть разговорный язык больших городов, как считала наука прошлых веков.

Язык Богослужения в византийской культуре изначально существенно отличался от разговорного греческого языка. До сих пор Богослужение в Греческих Церквах совершается на древнегреческом языке, в отличие от общеупотребительного разговорного новогреческого.

Точно так же славянские первоучители создавали язык-кальку, копируя словообразовательные модели, синтаксические модели и словоупотребление, свойственные именно языку греческих текстов Нового Завета, а не исконным славянским языкам. В строго научном смысле слова равноап. Кирилл и Мефодий и их последователи в другие века не переводили Священное Писание и Богослужение на какой-нибудь «родной язык» славян (как когда-то считала наука), а являлись «языкотворцами», создателями особого литературного языка — «языка славянских переводов Священного Писания и Богослужения». Церковно-славянский никогда не был разговорным языком славян. Этот особый «язык переводов» использовал славянский языковой материал, но при его использовании следовал не нормам славянских языков, а нормам языка текста оригинала¹². (В обыденном сознании народа само понятие «язык» обычно отождествляется именно с чувственно воспринимаемым языковым материалом (напр., звучанием слов), в то время как наука природу языка видит именно в нормах употреб-

¹² Подробнее об этом в книге: Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. М., 1997.

ления этого материала, которые в каждом языке — свои). Поэтому корректно будет говорить о свойственных Православной традиции переводах на «понятный язык», но не на «родной язык» (в роли которого изначально выступает язык быта или язык небиблейской культуры)¹³. В древнерусской культуре сосуществовали, влияли друг на друга, но не смешивались языки церковно-славянский и древнерусский. Древнерусский язык был разговорным языком, языком быта (и, по мнению некоторых ученых, языком некоторых «светских» жанров письменности). Церковно-славянский же был языком Богослужения и письменной культуры (по крайней мере, ее церковных и близких к ним жанров).

Надо также заметить, что появление подобного «национально-церковного языка» всегда способствовало дальнейшему просвещению национальной культуры светом Христовой Истины. Нередко этот национально-церковный слой культуры становился базовым для всей культуры (как было в древнерусской культуре), освящал и облагораживал другие, в том числе и языковые слои (например, через заимствования), при этом не подвергаясь профанации и утрате своего духовного содержания. Главной же чертой Кирилло-Мефодиевской традиции было то, что такой особый язык богослужения был действительно «понятным языком», то есть был достаточно близок к родному, в некотором смысле был целиком построен на заимствованиях из родного языка.

Коротко можно сказать, что такой язык был понятен, но «не-обычен», и поэтому воспринимался не обыденно (в этом есть определенная доля сложности для восприятия, однако ее нельзя путать с «непонятностью» языка). В чем же причина того, что Церковь в своем опыте всегда приходила к «языкотворчеству» и использованию таких «национально-церковных языков»?

2) Соотношение родного и богослужебного языков:

Родной, «природный» язык для человека — это не тот язык, на котором он разговаривает, а тот, на котором он думает.

¹³ Такое же «языкотворчество» можно заметить и в более современных переводах, сделанных великими миссионерами Русской Православной Церкви. Например, свт. Николай Японский использовал старинные формы слов, образовывал новые слова (отличающиеся от разговорных), отступал от языковой нормы японского языка. Особенно это заметно при переводе богословски содержательных текстов. Схожие процессы можно наблюдать и при других переводах: например, по свидетельству священников, имевших в начале XX в. опыт служения за границей, «английский богослужебный язык отличается от разговорного».

Однако этот естественный язык задает для думающего на нем так называемую «языковую картину мира», и она первоначально оказывается, как правило, очень далека от христианского мировосприятия: ведь в древности язык складывался как отражение бытового или язычески-религиозного опыта. В современности «языковая картина мира» соотносится в первую очередь с бытовой, хозяйственной и иной «не-сакральной» деятельностью.

Христианская проповедь, обращенная ко всем людям, естественно, брала и их язык для своих целей, но вынуждена была нарочито его переосмыслять, давать словам новые толкования, вкладывать в них новые, христианские смыслы. В первую очередь так поступал Сам Христос — в притчах, в проповедях. Примером может служить то переосмысление слова «ближний», которое Христос дал в известной притче о милосердном самарянине (вне евангельского контекста, для «непосвященного» оно не будет иметь хорошо известного евангельского смысла). Такому же переосмыслению подверглось и ключевое слово христианской нравственности — «любовь» (Ср.: Мф. 5.46-47). Кроме того, многие слова употреблялись для обозначения «новой реальности» Царства Божия, приобретали символическое значение (начиная от таких слов, как «небо», и заканчивая часто встречающимися в богослужении образами из притч, например, «пир», «трапеза» — в значении Евхаристии и Царства Божия). Таким образом, большинство слов «христианского лексикона», будучи «по происхождению» обычными словами, получили в итоге либо особое символическое толкование, и своими значениями теперь указывают на духовные реалии, либо специальное толкование в свете христианских истин¹⁴.

¹⁴ Например, слово «помиловать» для носителя русского языка связано с юридическим понятием «помилование», несет отчетливо «судебный» оттенок. В церковно-славянском же контексте оно употребляется как синоним слова «милость», а не «помилование» (в ектениях, где молящиеся испрашивают у Господа милостей словами «Господи, помилуй»). Такое понимание коренится в Евангельском представлении о Всеблагом и Любящем Боге. Другой пример: в контексте русского языка слово «чистота» всегда будет обнаруживать обычные бытовые ассоциации, в то время как в контексте церковно-славянского языка «чистота» употребляется в значении «чистота духовная, чистота сердечная», даже если эти эпитеты и не используются (в молитве «Боже, очисти мя грешного» церковно-славянский язык отсылает отнюдь не к бытовому контексту, а к библейскому: к тому переосмыслению понятия чистоты, которое дал Христос в Нагорной проповеди, сказав, что блаженны не просто «чистые» (в ритуально-буквальном смысле), а именно «чистые сердцем»).

В контексте русского языка пропадают особые символические значения, которые те или иные слова получили в притчах и поучениях Христа, и напротив, обнаруживаются неуместные бытовые ассоциации, понимаемые в богословии аллегорически. Пропадают при перемене контекста (на контекст светского языка) и богословские оттенки значений большинства слов, которые они получили в Евангелии (можно сравнить «свет» в контексте пролога Евангелия от Иоанна и в бытовом контексте, «любовь» в Евангельском контексте и современном светском).

Отчетливо это явление можно увидеть на примере слов, попавших в светский лексикон из церковного. Здесь произошла подмена христианского смысла слов каким-либо бытовым. Такие слова, как «святой», «духовный», «божественный», «избранный», «блаженный», «благодать» и многие подобные в светском языке потеряли свои христианские значения, часто используются как слова оценочные (причем нередко иронично). И то «светское» значение слова, которое воцерковленный человек сочтет «переносным», для невоцерковленного окажется основным.

Как же «заблокировать» все неправильные, «небиблейские» по духу и смыслу значения слов в человеческом восприятии, как создать условия для верного «прочтения» священных текстов, несущих и осуществляющих Благую весть? Все вышеприведенные «библейские смыслы» слов хорошо обнаруживаются человеком воцерковленным (он их может узреть даже и в светском контексте), однако для человека невоцерковленного «автоматически» увидеть эти «библейские смыслы слов» невозможно¹⁵. С точки зрения науки, значение слова состоит из многих элементов, так называемых «сем», и именно контекст определяет в конце концов те значения, которые «работают» в каждом конкретном случае. То есть не только слово и его «словарное» значение, но и в большой степени контекст формирует смысл, передаваемый словом в высказывании. Для передачи же христианского мировоззрения (как и любого мировоззрения) в первую очередь ва-

¹⁵ Обычно этого явления не замечают, потому что в первую очередь обращают внимание на слова с предметным значением (указывающим на ту или иную вещь, предмет) и на «предметные значения» многозначных слов, а предметные значения, конечно же, совпадают и в светском, и в библейском контекстах. Здесь нужно заметить, что с точки зрения современной науки значение слова ни в коем случае не ограничивается его предметным значением, а включает в себя много уровней.

жен не предметный уровень значения, а иные: оценочные, переносные (метафорические), символические и иные ассоциативные элементы значений слов. Поэтому так важно формальное (чувственно осязаемое) разграничение контекстов (тем более таких противоположных, как бытовой и сакральный).

В этом плане существует проблема: при переводе богослужебных текстов на русский язык почти каждое слово должно быть прокомментировано, или у почти каждого слова должен стоять в некотором роде особый знак, особая помета: «это слово следует понимать в библейском, духовном смысле». На деле же роль такого особого знака (на уровне подсознания) играют особые формы церковно-славянского языка, отличающиеся от форм русского. Особый язык молитвы служит надежным разграничителем контекстов: библейского и светского, бытового. Сталкиваясь с таким разграничителем на первых порах, носитель русского языка осознает церковно-славянские слова как «требующие понимания», не поддающиеся автоматическому пониманию (в привычном ему светском контексте). Таким образом, особый язык молитвы создает возможность (но только возможность) правильного понимания слов молитвы (в библейском, евангельском значении этих слов), и даже указывает путь такого понимания, четко показывая тот контекст, в котором выявляются нужные значения слов (тексты Библии, богослужения). Если же слова не осознаются изначально как «необычные», «непонятные», автоматически происходит понимание их в привычном человеку светском или бытовом значении, а значит их неправильное понимание.

Кроме того, молитва как «жанр» предполагает особый настрой, особое чувство благоговения, называемое также «страхом Божиим». Этот особый настрой (как и другие эмоциональные настройки) также передается языковыми средствами. Неслучайно церковно-славянизмы в русском языке стали показателями «высокого стиля», то есть возвышенной речи. Современный литературный язык в этом отношении является нейтральным, — «нормой», которому противопоставлены как «низкие», так и высокие стили речи. Перенос текста из «высокого» контекста в «нормальный» делает невозможным языковое выражение этого особого молитвенного эмоционального состояния (это же касается и слушания Священного Писания, которому внимать верующие должны также с благоговением, выражаемым как неязыковыми знаками (наклоном головы и т.д.), так и языковыми).

Сегодня многие обращают внимание на то, что человек думает на одном языке (родном), а молится на другом (сакральном). Этот зазор естественен, поскольку круг ежедневных мыслей в обычном, нецерковном обществе (а значит, и формирующихся в языке понятий) вращается вокруг совершенно иных целей и задач, чем те, которые христианин реализует в молитвенном делании. В этом отношении язык молитвы — это язык священный, но только в плане того, что смыслы слов в его контексте несут то отношение к миру, то видение мира и человека, которое соответствует Божественному Откровению, учат видеть мир в свете Христовой Истины и служат, таким образом, просвещению человека. В этом смысле священные (связаны с Благой вестью) особые, небытовые значения слов языка молитвы, но, конечно, никак не формы языка (приставки, суффиксы, окончания, синтаксические модели и т.д.). Последние никакой сакральности сами по себе не несут и ценны лишь тем, что служат разграничению контекста: они «блокируют» светский контекст и наоборот, соотносят любой текст с контекстом библейско-богослужебным. Благодаря особым формам церковно-славянского языка происходит «абстрагирование» слушающего от традиционных для него бытовых и иных светских ассоциаций, связанных с тем или иным словом (при его традиционном звучании в контексте родного языка)¹⁶.

Таким образом, церковно-славянские формы «сакральны» лишь в силу того, что помогают передавать сакральное, библейско-богослужебное содержание слов, задавая нужный контекст, а не в силу своего происхождения, строения и т.д. Формы церковно-славянского языка менялись исторически, и нет никаких оснований «обожествлять» сами формы (те или иные) — они могут и должны меняться, чтобы язык оставался живым. Важно лишь то, что особые формы (те или иные) выполняют функцию разграничения контекстов (светского и богослужебно-библейского), и это разграничение должно оставаться неизменным.

3) Проблема понятности богослужебного языка:

Однако зазор между языком быта и языком молитвы не должен становиться пропастью, которую невозможно преодо-

¹⁶ Это явление хорошо иллюстрирует широко известная цитата из А.С. Шишкова: «Когда поют: се Жених грядет в полунощи, я вижу Христа; но когда скажут: вон жених идет в полночь, то я отнюдь не вижу Христа, а просто какого-нибудь жениха».

леть. Язык молитвы, в соответствии с Кирилло-Мефодиевской традицией, должен оставаться понятным языком, должен сохранять свою живую близость к родному языку народа. Иначе язык молитвы не сможет выполнять ни своих прямых функций (понимания Священного Писания и Богослужения), ни играть той миссионерской роли, которую он должен играть, помогая воцерковляющемуся усваивать именно библейское понимание слов (то есть значения слов, сформированные Богослужением и Библией, выработанные для передачи свидетельства о Боге).

В традиции Русской Православной Церкви, от Крещения Руси до Книгопечатания, приблизительно каждые сто лет богослужебные книги претерпевали редакцию, применительно к временному восприятию верующих. Церковно-славянский язык имел живую, непосредственную связь с древнерусским языком (языком быта в древнерусской культуре), существовал в виде «древнерусского извода церковно-славянского языка» и иных изводов в последующие эпохи. После того, как повсеместно распространились печатные книги, и особенно после никоновских «правок» — редакции богослужебных текстов практически прекратились¹⁷, и эта связь между родным языком и языком богослужебным была утрачена. Способствовала утрате этой связи и секуляризация русской культуры после реформ Петра I, со времен которого в русской культуре светская и духовная культура начинают существовать параллельно, на разных языках, и основой языка светской культуры становится со временем язык разговорный. Во многих слоях общества теряется традиция обучать грамоте по церковно-славянским богослужебным книгам. В итоге церковно-славянский перестает влиять на культуру в той степени, как было до реформ Петра I, а обратное влияние русского на церковно-славянский и вовсе прекращается. Поэтому на богослужении Церковь «говорит», фактически, на церковно-славянском языке XVII в., то есть в его весьма старом изводе, а за воротами храма уже давно XXI век. Такой язык сегодня не выполняет свою миссионерскую роль, не доносит «библейское мировосприятие» до слушающего уже хотя бы потому, что он для многих не поддается пониманию.

¹⁷ В богослужебных книгах, например Псалтыри, Евангелии или Апостоле, некоторые непонятные слова выносятся в сноску, где дается их перевод. Однако в сам текст книги такой перевод уже не вносится, непонятные слова не заменяются, а только предлагается их понятное прочтение на усмотрение чтеца.

«Апостол языков», св. Павел, в связи с вопросом о глоссо-
 лалии¹⁸ (говорении языками), прямо подчеркивает миссионер-
 скую функцию языка богослужения, то есть его влияние на лю-
 дей, его обращенность к людям, а не только к Богу: «Кто гово-
 рит на [незнакомом] языке, тот говорит не людям, а Богу; по-
 тому что никто не понимает [его], он тайны говорит духом; а
 кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и
 утешение. Кто говорит на [незнакомом] языке, тот назидает
 себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь. Желая, чтобы
 вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествова-
 ли; ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит язы-
 ками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь полу-
 чила назидание. Теперь, если я приду к вам, братия, и стану
 говорить на [незнакомых] языках, то какую принесу вам пользу,
 когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или
 пророчеством, или учением? И бездушные [вещи], издающие
 звук, свирель или гусли, если не производят отдельных тонов,
 как распознать то, что играют на свирели или на гусях? И
 если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет го-
 товиться к сражению? Так если и вы языком произносите не-
 вразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы бу-
 дете говорить на ветер. Сколько, например, различных слов в
 мире, и ни одного из них нет без значения. Но если я не разу-
 мею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и гово-
 рящий для меня чужестранец. Так и вы, ревнуя о [дарах] духов-
 ных, старайтесь обогатиться [ими] к назиданию церкви. А по-
 тому, говорящий на [незнакомом] языке, молись о даре истол-
 кования. Когда я молюсь на [незнакомом] языке, то хотя дух
 мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать?
 Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь ду-
 хом, буду петь и умом. Ибо если ты будешь благословлять ду-
 хом, то стоящий на месте простолюдина как скажет: «аминь»
 при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты гово-
 ришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается. Бла-
 годарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; но в цер-
 кви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других

¹⁸ В древней Церкви существовал особенный дар Святого Духа — «глоссо-
 солалия» (от греч. γλῶσσα — язык, речь, наречие, и λαλέω — говорить, болтать,
 лепетать), то есть «языкоговорение», которое было особой молитвенно-про-
 роческой речью, произносимой на неведомом языке (по некоторым толкова-
 ниям, на «праязыке», существовавшем у людей до вавилонского разделения).

наставить, нежели тьму слов на [незнакомом] языке... Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, — все сие да будет к назиданию. Если кто говорит на [незнакомом] языке, [говорите] двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу» (1Кор. 14.2-19,26-28).

Свт. Феофан, затворник Вышенский, писал о назидательной ценности всего, что написано на церковно-славянском языке, и о необходимости новых переводов именно как о миссионерской (в широком смысле слова) потребности: «Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоучение христианское, и все утешения и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений непонятна совсем. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие сего новый перевод церковных книг богослужебных неотложно необходим» (Собр. Писем, вып. 2, пис. 289). Таким образом, вся назидательная, миссионерская ценность языка молитвы и того, что на нем написано, пропадает, если этот язык настолько сильно удаляется от родного, что перестает быть понятным.

Проблема непонятности богослужебного языка и необходимости тех или иных языковых реформ была глубоко осознана Русской Церковью в ходе подготовки к Поместному Собору в начале XX в. В предсоборных «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» около половины архиереев высказалась по этой проблеме. Подавляющая часть выступала за исправление старых переводов, либо за новые переводы на церковно-славянский язык (появился даже термин «новославянский язык»), а также за специальные «комментирующие» богослужение издания для мирян, и лишь очень немногие — за перевод самого богослужения на русский язык.

Один из примеров — высказывание преосв. Иакова, архиеп. Ярославского: «Богослужебные книги наши изложены на церковно-славянском языке, от которого общеупотребляемый русский язык далеко ушел в своем развитии. В богослужебных книгах много речений устаревших, непонятных не только

мирянину, не получившему образования, но и священнику, получившему специальное богословское образование. Что такое «амфо», «прóсти», «песне и глезне», «ровенник», «сходники», «гаждение», «вресноту» и т.д.? Немало и таких слов, которые, хотя и употребляются теперь, но совсем с другим значением, например: «судьба», «понос». Точно так же немало встречается и целых выражений, где за греческой расстановкой слов или слишком буквальным, механическим переводом едва уловляется смысл. Чтение и пение их по этой причине не имеет назидания. И возвышеннейшее богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение для поющих, читающих и слушающих... Необходимо немедленно приступить к новому переводу богослужебных книг на новославянский язык, всем понятный и вразумительный».

Говорилось о «новославянском языке, подобном языку чина литургии или Евангелия, с полным приближением его синтаксической конструкции к речи русской», причем подчеркивалось, что это «дело насущной и первой необходимости» (Стефан (Архангельский), еп. Могилевский). О важности «нового славянского перевода богослужебных книг, чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке», писал и будущий Святейший Патриарх Тихон (Белавин). Отмечалась преемственность такого нового перевода и его отличие от перевода на русский: «Язык богослужения — старый и неисправный — должен быть приспособлен к пониманию молящихся, не утрачивая в то же время своих славянских особенностей» (отзыв из Олонецкой духовной консистории). По сути дела, ставился вопрос не о «реформе» как таковой, а о сохранении церковно-славянского языка (для понимания людей, именно как языка, а не внешнего атрибута), и необходимых для этого изменений в самом церковно-славянском языке.

В плане решения проблемы богослужебного языка как миссионерской проблемы нужно строго различать два подхода. С одной стороны, это изменение богослужебного языка, новые переводы, редакции (например, русифицирующие), наконец, новый «извод» церковно-славянского языка и т.д., то есть все то, что всегда имело место в церковно-славянском языке (до XVIII в.), позволяло ему поддерживать живую связь с древнерусским языком и в то же время отделять библейский контекст употребления слов от бытового. С другой стороны, воз-

можно не органическое изменение богослужебного языка, а его механическая отмена, переход на язык быта и светской культуры; при этом, естественно, тексты молитвословий и богослужения будут прочитываться в контексте бытовой сферы и светской культуры — такое прочтение будет задано самими механизмами языка, вне желаний того или иного человека¹⁹. И если для ранее воцерковленного человека подлинно церковный смысл молитв и богослужения уже известен (и перевод на русский язык его не собьет со смысла), то для невоцерковленного он подменится секулярным, обмирщенным прочтением этих текстов²⁰. Последнее никак не может служить целям миссионерства.

Против второго подхода, отменяющего особый язык молитвы как таковой, неоднократно высказывались с позиций науки выдающиеся ученые современности, например, академик Д.С. Лихачев. Ученый писал: «Непонятность» богослужения лишь усилится, если языком его станет разговорный (обыденный, бытвательский) язык, не имеющий всех богословских нюансов в своем словаре».

4) Современное восприятие богослужебного языка:

Проблема использования языков в богослужении (и любых реформ) наталкивается на особенности восприятия богослужебного языка в сознании верующих. Можно условно наметить три типа отношения к церковно-славянскому языку как к богослужебному, которые в том или ином виде присутствуют в современном сознании православных христиан:

а) Статус священного начинают приобретать сами языковые формы, в сознании людей «сакрализуется» звучание слов и их написание. Если что-то изменить в этих формах, в уже существующих текстах, то, в представлении таких людей, это повлечет за собой искажение истины. А потому лю-

¹⁹ При этом надо помнить, что переводится текст, а не отдельные слова. Невозможно просто «оставить отдельные слова без перевода»: новый контекст будет задавать их новое прочтение. Даже простое «Помилуй» в русском контексте также обнаруживает совсем иные ассоциации, чем в церковно-славянском, а перевод русским словом «прости» никак не соответствует глубине церковно-славянского значения.

²⁰ Причем факт такого секулярного восприятия богослужения другим человеком невозможно будет непосредственно увидеть человеку воцерковленному, поскольку ему самому доступно правильное понимание текста; такое неправильное восприятие станет заметным позже, по результатам.

бой перевод, любая новая редакция и т.д. с их точки зрения уже не допустимы. Такое наделение силой не содержания, а лишь звучания текста, по своей сути, является магическим отношением к языку, подобным тому, какое встречается в каббале, или в язычестве по отношению к заклинанию. Подобное восприятие есть пережиток дохристианского сознания и в определенном смысле «обрядовереие» и не соответствует ни опыту Церкви, зафиксированному в ее истории, ни ее учению.

Иногда «защитники буквы» видят в церковно-славянском языке святыню наподобие икон, несущую особую благодать, и потому неприкосновенную. Обычно сторонники такого взгляда ссылаются на «намоленность» языка, на то, что он «освящен традицией», а посему благодатен; при этом данные обороты речи фактически подменяют догматическое учение Церкви (согласно которому не «намоленность», происходящая от людей, освящает и является источником благодати — источником освящения и благодати является только Сам Бог). В этих случаях стоит помнить, что «освященными» и «намоленными» объявляются почему-то формы, восходящие к редакциям XVII в., и существенно отличающиеся от древнейших лингвистических редакций (в том числе и Священного Писания), употреблявшихся в Русской Церкви в XI или, например, XVI вв., и хорошо известных церковной науке²¹.

Кроме того, стоит помнить, что святость образа (например, иконы) не связана с какими-либо требованиями к исключительной сохранности ее первоначальной формы (отсутствия иконописных поновлений, реставрации, киота или ризы, и т.п.). Наконец, при любых рассуждениях о мистическом характере церковно-славянского языка и преимущественной ценности этого мистического характера для Церкви (по сравнению со способностью языка нести смысл), необходимо помнить приведенные выше слова ап. Павла из 14-й главы 1-го послания к Коринфянам.

Близко к описанному подходу и фактическое отождествление Христа, присутствующего в Церкви «во все дни до скончания века» (Мф. 28.20), с теми или иными национально-

²¹ Однако нелепо было бы утверждать, что «благодатность» святынь возникает в Церкви только в XVII в., или что период последних трех веков — это период особой, «преизбыточествующей» благодати в Церкви, воспрещающей изменение каких бы то ни было традиций и устоев.

религиозными формами (временными по своему характеру). При таком отношении нация «присваивает» себе Истину, превращает ее из Благой вести «даже до края земли» в часть своего собственного культурного наследия, в «свою» веру, намертво закрепляя ее за теми или иными богослужебными формами (например, языковыми) именно из отождествления Православия с национальной культурой, «культурой предков»²². Здесь аргументами становятся слова о том, что «русский народ любит церковно-славянский язык без всяких исправлений, пусть и не особо понимает его», что эти формы языка «освящены народной историей» (как многовековой историей их употребления) и т.д. Корни такого отношения — в подмене религии национальной идеологией, в желании придать временным по своей природе национальным формам религиозности (как и любым формам национальной культуры) абсолютный, «вечный» характер и смысл, отождествить национальную культуру с Истиной и оправдать исключительность нации в собственном мировоззрении.

б) Противоположное отношение: церковно-славянский язык, в силу своей непонятности для людей, его не знающих, отвергается или умаляется. Предлагается использование русского языка в богослужении не в качестве языка «изъяснений», но в качестве основного и единственного языка богослужения. В этом случае имеется некритическая оценка таких понятий, как «понимание» (проблема «непонимания» сводится исключительно к языку, в то время как не учитывается вообще проблема возможного «неправильного понимания» на русском языке), и «родной язык» (в угоду тем или иным теориям игнорируется фактический опыт Церкви, всегда имевшей в употреблении «церковно-национальные», а не просто «родные» языки). Тем самым, вместе с языком отвергается и многовековая традиция Русской Православной Церкви. В этих случаях полезно помнить, что молящиеся в православном храме не «выслушивают» богослужение (как «потребители», предъяв-

²² Можно вспомнить, что традиционное наименование Православия в XIX в. было «Греко-российская вера». «Церковное Предание» здесь отождествляется с «родной стариной», а эта родная старина становится священной сама по себе. Происходит подмена: не церковность (в глубоком смысле слова) становится критерием святости жизни народа, а напротив, народ и народность объявляется *de facto* критерием святости, в том числе и самой Церкви, и церковной жизни (например, языка богослужения).

ляя к нему требования «комфортности»), а полноценно участвуют в нем, действуют, стремясь к освящению и духовному росту — и эта духовная работа должна быть отражена и в языке. Помнить, что миссия — это не просто ориентация на интересы «внешних» («захожан»), которые чего-то не понимают в Церкви, — это путь, который помогает «внешним» перестать быть таковыми.

Оба вышеуказанных типа восприятия церковно-славянского языка ведут к потере богослужебного языка как такового. В первом случае теряется понимание церковно-славянского языка (если утрачивается понимание, то язык воспринимается лишь в качестве внешнего атрибута богослужения). Во втором случае окончательно «узаконивается» потеря языка (понимание которого было уже утрачено раньше).

в) Третий тип отношения к церковно-славянскому языку соответствует исторически зафиксированному опыту Церкви и ее учению, и в то же время он соответствует и современным научным представлениям о языке как особом единстве «сферы выражений» (знаков) и «сферы значений», он не разрывает эти два плана и не мыслит язык лишь как «форму».

В основе такого подхода — отношение к языку как способу передачи слова Божия и способу достижения цели миссии — евхаристического общения; иными словами — миссионерское отношение к языку. Язык используется для благовестования, для провозглашения Царства Божия и призыва к «перемене мысли», покаянию (и здесь в качестве языка проповеди и языка изъяснений может использоваться и обычный язык — именно ради передачи слова Божия и вести о Христе). Но так же язык непосредственно служит не только для рассказа о Христе и Царстве Божиим, но и для евхаристического общения, для присутствия этого Царства Божия, этой «Жизни будущего века» уже в настоящем времени. С его помощью приносится «словесная жертва», на нем звучат слова Христа и людские молитвы Духу Святому, вводящие реальность «грядущего эона» в человеческую жизнь. Такой язык, служащий на богослужении для присутствия в земной жизни воплощенного Слова Божия, Самого Христа, в буквальном смысле отлагает все «житейские попечения», формирующие «сферу понятий» языка быта, потому что слова в контексте особого богослужебного языка оказываются чуждыми бытовых ассоциаций.

Относясь к языку как к способу благовествования и средству достижения локальной цели миссии (то есть евхаристического общения), третий подход направлен на сохранение этих функций языка. В отношении богослужения это значит, что он направлен на сохранения языка богослужения, что всегда было свойственно церковной традиции. Если священный текст становится непонятным или понимается неправильно, его необходимо перевести заново — именно для сохранения вышеуказанных функций языка как носителя слова Божия (таким образом, только в новых переводах и редакциях возможно сохранение функционирующего языка).

Кроме того, в тех же миссионерских целях требуется и изъяснение богослужения, и в нем может непосредственно использоваться обычный язык. Очевидно, что при изъяснении — проповеди, толковом переводе и т.д., при использовании обычного языка есть возможность уточнять смысл слов именно с помощью разъяснений, толкований, и нет нужды в смыслообразующем «разграничении контекстов» (чем всякий «комментарий» к священным текстам, будь то проповедь или параллельный перевод, и отличается от самого священного текста). Русская Православная Церковь традиционно использует на богослужении, в соответствии с «принципом использования разных языков», как минимум два различающихся языка — богослужебный церковно-славянский и обычный литературный язык как язык для «изъяснений», язык церковной проповеди.

В итоге, можно сказать, что при первом подходе язык объявляется не средством, а источником освящения, во втором же, полагая язык средством, предлагается действовать «без разбора средств», а точнее, по принципу «цель оправдывает средства». В третьем же случае язык полагается средством благовестия и средством богослужения и евхаристического общения, и в зависимости от этих целей к средству предъявляются соответствующие требования.

5) Современное состояние богослужебного языка:

Сегодня среди ученых — лингвистов и филологов преобладает мнение, что церковно-славянский язык не является для носителей русского языка «иностранным» или «мертвым» языком; эти языки мыслятся взаимосвязанными, взаимодополняющими, образующими единую систему. Однако, что ка-

сается богослужебного языка, то многие церковно-славянские тексты в их нынешней форме, к сожалению, не понятны носителю современного русского языка, особенно каноны, стихиры и псалмы. Это часто приводит к печальной ситуации, когда на общем богослужении каждый из присутствующих молится «для себя» (священник, хор и народ). Здесь по-прежнему актуальными остаются приведенные выше слова свт. Феофана Затворника о необходимости новых переводов на церковно-славянский язык, а также новых, исправленных редакций (что и будет естественным способом реформирования языка²³). В 1907-1917 гг. работала Комиссия по исправлению богослужебных книг под руководством митрополита Сергия (Страгородского), будущего патриарха всея Руси; при сохранении церковно-славянского языка комиссия существенно прояснила смысл правленных текстов, заменяя непонятные синтаксические формы и слова на новые, заимствуемые из современного русского языка. Однако работа комиссии не была закончена из-за революции (было осуществлено лишь несколько изданий Триодей)²⁴.

Вопрос о реформировании богослужебного языка был поставлен на Поместном Соборе 1917 г., но не был решен (из-за роспуска Собора большевиками). Доклад, подготовленный соответствующим подотделом Собора, имеет сегодня рекомендательный характер; он включал в себя, во-первых, тезисы о том, что «Славянский язык... должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения. ...Необходимо принять меры к широкому ознакомлению с церковно-славянским языком богослужения как чрез изучение его в школах, так и путем разучивания церковных песнопений с прихожанами для общего церковного пения», а кроме того, содер-

²³ Нужно понимать, что главной проблемой является не абстрактное «непонимание языка», то есть его отдельных слов и выражений, а непонимание конкретных богослужебных текстов. В контексте богослужения многие непонятные слова не мешают общему пониманию смысла текста, а текст может быть куда более понятен, чем отдельные составляющие его слова. Поэтому может ставиться задача исправления, редактирования и перевода текстов, но не задача абстрактного «реформирования языка».

²⁴ Нужно признать, что комиссия осуществляла не только лингвистическое, но и богословское редактирование некоторых церковно-славянских текстов, что сегодня вызывает неоднозначное отношение. Поэтому во второй половине XX в. издания церковных книг осуществлялись по старому, неправленому варианту.

жал предложения о параллельном чтении Евангелия на разных языках, о создании комиссии по исправлениям церковно-славянских книг и новым переводам, о частичном возможном использовании русского и украинского языков для богослужебных целей.

Применительно к вопросам понятности богослужения и богослужебных переводов профессор П.П. Мироносицкий высказывался так: «Нам не следует охранять мертвость церковно-славянского языка, как что-то ценное, и его отграниченность от русского языка, как от иного». Проблема обновления богослужебного языка должна быть решена таким образом, «чтобы дать волю давно начавшемуся историческому процессу, который сочетал славянский язык с русским в одно органическое и живое целое. Пусть славянский язык становится все живее, благодаря русскому, а русский все богаче, благодаря славянскому» (Речь на акте Богословского института 11/24 мая 1921 г.).

Что касается последнего вопроса, то сегодня существует не один вариант перевода на русский язык всего корпуса основных богослужебных текстов, которые могут использоваться для изъяснения. В отношении Священного Писания, главным текстом на русском языке, по сути, выполняющим изъяснительную роль, является так называемый «Синодальный» перевод Священного Писания. Синодальный перевод Священного Писания на русский язык, осуществленный благодаря свт. Филарету Московскому, существует уже около полутора столетий, он освящен не только церковной традицией и многими годами душевспасительного прочтения, но и имеет церковное благословение Священноначалия для литургического употребления в миссионерских целях.

Однако даже этот перевод вызывал и вызывает в церковной среде разное отношение. Известны трудности, с которыми столкнулся свт. Филарет при осуществлении Синодального Перевода: ему противостоял ряд иерархов Русской Церкви, а также некоторые чиновники, считавшие такой перевод недопустимым. До того времени, как известно, все попытки перевести Писание на русский язык заглохали. И лишь благодаря его личному влиянию и иерархическому положению, в Русской Православной Церкви появляется Синодальный перевод Священного Писания, который, к сожалению, до сих пор признается еще не все-

ми, вызывая в некоторых пастырях и прихожанах суеверный страх и отвержение.

Святейший Патриарх Алексий II так озвучил проблему богослужебного языка во время посещения им Тбилисской Духовной Академии при вручении ему звания почетного доктора богословия: «Славянский язык не для всех понятен: поэтому многими литургистами нашей Церкви давно уже ставится вопрос о переводе всего круга богослужебных текстов на русский. Однако попытки перевода богослужения на современный разговорный язык показали, что дело не исчерпывается только заменой одного словарного состава на другой, одних грамматических форм на другие. Литургические тексты, употребляемые в Православной Церкви, являются наследием византийской древности: даже переведенные на современный язык, они требуют от человека специальной подготовки... Поэтому проблема непонятности богослужения не исчерпывается только вопросами языка, которые, безусловно, должны ставиться и решаться. Перед нами более глобальная, по истине миссионерская задача — научить людей понимать смысл богослужения».

Действительно, миссионерская задача — донести до человека смысл богослужения — не сводится к вопросу о языке молитвы, и решаться она может многими способами. Значение здесь имеет культура чтения (внятность, скорость и т.д.), культура церковного пения (нередко музыкальная сторона превалирует над словесной и заслоняет ее). Без учета этих факторов останется непонятным даже и богослужение на русском языке.

Известно также, что многие гимнографические тексты (каноны и др.) были переведены в свое время с сохранением инверсий (нарушенным порядком слов), что имело в греческом оригинале свои, музыкально-ритмические цели, и не имеет их в церковно-славянском переводе. Именно инверсия, то есть поэтические, литературные, а не языковые средства, во многом затрудняют понимание текста. Решаются эти проблемы новыми переводами на церковно-славянский язык или их новыми редакциями (во многом они были решены в изданиях, исправленных Комиссией 1907-1917 гг.).

Для достижения этой миссионерской задачи (понимать смысл богослужения) важнейшую роль играет также и «изъяснение», о котором не раз говорил ап. Павел в вышеприведен-

ном отрывке из послания к Коринфянам. Миссионерскую роль русского языка именно в изъяснении богослужения невозможно переоценить. И, к сожалению, сегодня эта (изъяснительная) роль русского языка в богослужении используется очень мало. Преосвященный Иларион (Алфеев), епископ Венский и Австрийский (ныне митрополит Волоколамский), отвечая на вопрос о «языковой проблеме», сказал: «Я думаю, что отказ от славянского языка и перевод всего богослужения на русский язык недопустим. Однако некоторые части богослужения вполне допустимо читать по-русски. Например, псалмы, Апостол и Евангелие... Возможно, что наиболее сложные для понимания каноны, посвященные праздникам, можно было бы тоже читать по-русски... И, наконец, необходимо, чтобы у нас в храмах в свободном доступе для использования за богослужением имелись тексты на славянском языке с параллельным русским переводом хотя бы основных служб: литургии, вечерни и утрени, всенощного бдения. В таком случае каждый желающий мог бы следить за ходом службы по переводу» (Интервью, данное корреспонденту газеты «НГ-Религия», 19 декабря 2007 г.).

Использование таких переводов для изъяснения богослужения, как в письменной форме, так и для изустно произносимых изъяснительных проповедей (во время миссионерского богослужения) — это большой миссионерский резерв и задача для будущих миссионеров и пастырей, это основная перспектива для миссионерского использования русского языка. К сожалению, этот резерв еще мало задействован сегодня, и перед миссионером открываются большие возможности для использования русского языка в изъяснительных целях (в виде параллельных переводов, сопровождающих богослужение, комментариев и т.д.).

Безусловно, изменения в богослужебном языке — тема очень болезненная для многих православных христиан, примером чего явился многовековой «старообрядческий» раскол. Поэтому миссионеру нужно очень осторожно пользоваться различными переводами (как всего богослужения, так и некоторых его частей или песнопений), которые в нынешнее время существуют в достаточном разнообразии, не забывая о функции изъяснения (ради которой обычно и создавались собственно русские переводы), чтобы, во-первых, миссионерский принцип «использования разных языков» не обернулся

анти-миссионерским соблазном для прихожан и, во-вторых, не стал образцом для дальнейшей секуляризации и обмирщения при понимании церковных текстов еще не воцерковленными людьми²⁵.

2.11. Миссионерские экспедиции

После более чем семидесятилетних попыток государства уничтожить Церковь многие области России остались без какого-либо церковного окормления. Если в больших городах все эти годы действовал хотя бы один храм, то в областях, где храмов было не много, все они были закрыты, как правило, еще в 30-х гг. С тех пор жители этих областей перестали иметь возможность креститься, а многие люди никогда даже не видели священника, хотя храмы и часовни оставались свидетелями веры их предков. В таких районах живут, как правило, люди небогатые, поэтому они не могут окупить даже расходы на дорогу священнослужителей до их места жительства, и это часто является причиной того, что епархиальные священники их «почти» не посещают. Но такие люди всегда бывают рады, если кто-то может им помочь. Поэтому на базе местной епархии, миссионерского стана или Синодального миссионерского отдела в такие регионы полезно осуществлять «миссионерские экспедиции».

Перед началом миссионерской поездки должен быть составлен приблизительный план, который должен включать миссионерский, канонический, финансовый, нравственно-педагогический, литургический, организационный, географический и временной аспекты миссионерского путешествия.

1. Миссионерский аспект:

Данный аспект бывает вызван запросом из епархии (жителями или церковными властями). Приняв решение о миссионерской поездке, можно обязательно ждать искушений, так как дьявол будет всячески стараться отклонить это богоугодное дело.

²⁵ Как отмечают ученые, например, Е.М. Верещагин в книге «История возникновения древнего общеславянского литературного языка», первым переводом Библии, ориентировавшимся на «народный», то есть разговорный, бытовой язык народа, был лютеровский перевод, ставший, таким образом, первым шагом на пути секуляризации в протестантской традиции; о языке для перевода Священного Писания, по мнению Лютера, «надо спрашивать хозяйку в доме и простого человека на рынке, им нужно смотреть в рот, а уж потом переводить».

Перед началом и по окончании путешествия собравшимся вместе миссионерам можно отслужить молебен (молебны).

2. Канонический аспект:

Клирики миссионерской группы обязаны испросить благословения своего правящего архиерея и архиерея, на канонической территории которого будет проходить миссионерская деятельность. После этого желательно связаться со священнослужителями приходов, расположенных наиболее близко от места проведения миссионерской поездки, которые или сами, или через своих благочинных должны предупредить органы государственной власти и местное православное население о приезде миссионерской группы (можно воспользоваться СМИ). В районах, в которых находятся стратегически важные объекты (космодромы, военные заводы и т. п.), важно заранее осведомить об этом органы государственной безопасности.

3. Финансовый аспект:

Главным побуждением в миссионерских трудах должна быть жажда духовного просвещения. Миссионер должен отличаться бескорыстием, то есть с тех, кому проповедуется слово Божие, стараться ничего не брать, тем более ничего не требовать. Не стоит думать, что поездка может принести какие-либо материальные выгоды — наоборот. «Простое, усердное и безвозмездное поучение вере, — говорил о. Иоанн Вениаминов (будущий свт. Иннокентий Московский), — какое и ожидается от служителя Евангелия, гораздо более действенно... нежели усердное и красноречивое поучение, вознаграждаемое дарами». Однако для организации закупки и подготовки миссионерской поездки необходимо изыскивать средства от епархий (откуда отправляется и куда следует экспедиция), ктиторов (спонсоров), общественных организаций, братств, государственных органов, частных предприятий и т.д., то есть лиц и организаций, заинтересованных или поддерживающих миссионерскую деятельность.

Над всеми средствами необходимо вести четкий контроль и своевременную отчетность, включая и отчет об итогах миссионерского служения.

4. Нравственно-педагогический аспект:

Очень хорошо, если в миссионерской поездке будут принимать участие минимум четыре человека, включая священ-

нослужителя. Большим подспорьем будет, если в составе группы примет участие также и врач, так как он может принести пользу и группе, и местным жителям, что послужит на благо миссии.

Если в поездке участвуют несколько миссионеров, то в школах они могут вести несколько занятий параллельно у разных классов, а другие могут пойти в детский сад или на ферму и т.п. Вообще, лучше отправляться на проповедь не одному, а в составе миссионерской группы.

Нужно заранее продумать и подготовить темы миссионерских бесед: с представителями администраций районов; с преподавателями в школах, детских садах; со школьниками с 1 по 11 класс на уроках в школах; с рабочими во время перерыва на фермах, заводах и т.п. учреждениях; с готовящимися принять крещение; с новокрещеными; с пришедшими в храм на богослужение (в этом случае миссионерская беседа может быть построена по принципу проповеди).

Прежде чем отправляться в поездку, в которой предстоит давать уроки, нужно подготовиться к ним, давая подобные уроки в школах родного города. Для миссионерских бесед должны быть подобраны соответствующие наглядные пособия (иконы, картины, видеофильмы) и, по возможности, звуковое сопровождение (церковные или народные песнопения). Если едет несколько человек, то можно распределить беседы по тематике и возрастной специфике (например: один готовит уроки для старшего школьного возраста, другой — для среднего).

После занятий в школах желательно оставить литературу для учащихся и школьной библиотеки.

Важно, чтобы школьники до следующего миссионерского приезда выполняли какую-нибудь работу на благо Церкви (например, расчистили бы от мусора окрестность вокруг храма). Для этого нужно найти среди них людей, которые бы возглавили эту работу. До своего следующего приезда нужно поддерживать связь со школьниками (например, переписываться, посылать им посылки).

Для того чтобы миссионеров беспрепятственно допустили в школы, желательно иметь разрешение на проведение занятий в образовательных учреждениях от районного (областного) отдела образования. Очень хорошо, если темы бесед будут перекликаться с учебным планом занятий, например: тема

«Крещение Руси. Распространение христианства при князе Владимире и его преемниках» изучается по истории Отечества; тема «Теория эволюции и другие теории происхождения животного мира» — на уроках биологии; тема «А.С. Пушкин. Вечное в творчестве поэта» — на уроках по литературе, и т.п. Такие беседы могли бы проходить вместо соответствующих уроков. Очень хорошо, если миссионерам удастся побеседовать с преподавателями.

Миссионеру необходимо добиваться того, чтобы после разговора с человеком его беседа еще долго бы ему вспоминалась и таким образом миссионерская деятельность продолжалась бы и без непосредственного участия самого миссионера. А как этого добиться? Можно подарить этому человеку какой-либо подарок, тогда каждый раз, как он увидит эту вещь, он будет вспоминать беседу, связанную с человеком. А еще лучше, если это будет какая-нибудь православная книга или аудиозапись проповеди. Если у этого человека есть маленькие дети, то для них тоже можно сделать подарок в виде аудио- или видеозаписи детских сказок.

Следует стараться не вводить в соблазн людей, у которых останавливается группа. Соблазном могут служить не только явно греховные и сомнительные примеры, но иногда даже дозволенные и предосудительные, например: после проведенного в нелегких трудах дня, кто-то захочет посмотреть какой-либо фильм по телевизору; дома в этом не было бы ничего плохого, но неутвержденные души могут сказать внутри себя: «если миссионер смотрит, то уж мне и подавно можно смотреть» и, имея в себе такое оправдание, после отъезда группы будут смотреть все подряд. В этом и подобных случаях попечение о пользе ближнего должно ставить выше собственной выгоды: «все мне позволительно, но не все назидает» (более точный перевод с греч. «созидает» — имеется в виду здание Церкви) (1Кор. 10.23).

5. Литургический аспект:

Если поездка до места проведения миссии занимает значительное количество времени, то можно попробовать договориться, чтобы к приезду экспедиции просфоры приготовил священник на последнем приходе, который предстоит посетить группе. Крестить множество людей лучше в открытых водоемах.

Литургии можно совершать не только в храмах, но и часовнях, освящая их по чину малого освящения храма²⁶.

Дополнительные советы при проведении богослужения:

1. Немаловажное значение играет мастерство певцов церковного хора.

2. Богослужения не должны быть очень длительными.

3. Если есть возможность, очень хорошо устраивать крестные ходы.

4. Для совершения богослужений необходимо взять с собой следующие предметы:

— Антиминс (во все время поездки священник должен носить его на своей груди);

— Св. Чашу, Дискос, звездицу, копие, лжицу, губку, покрывцы, воздух, ковшик, дощечку и тарелочки для просфор;

— вино для Евхаристии, немножко чистой воды, просфоры (их надо специальным способом «консервировать»), термос (в нем будет сохраняться кипяток, приготовленный до начала литургии для теплоты);

— облачения на престол и на жертвенник;

— богослужбное Евангелие и Апостол (они могут быть небольшого формата и желательно старые, так как их бумага легче, чем у новых);

— Требник, Служебник;

— семисвечник — он может быть небольшим и разборным, его можно поставить на престол;

— напрестольный крест — если его прислонить к семисвечнику, то он, став видимым в храме, будет одновременно и запрестольным. (Если священников едут двое, то нужен еще один крест, чтобы один мог исповедовать во время чтения часов или утрени);

— лампадку на жертвенник;

— священническое облачение;

— кадило, ладан, уголь;

— немного Крещенской воды;

²⁶ Для этого обычно посередине храма (часовни) совершается молебен святому, во имя кого построен храм, и освящают воду. После этого читают две молитвы «на обновление храма». Первая из них: «Господи Боже наш...» — та же самая, которая читается при первоначальном освящении храма. Затем предстоятель кропит святой водой престол со всех сторон, весь алтарь, иконостас и весь храм, после чего кадит в таком же порядке. После этого возглашается «Премудрость» и поется многолетие.

- кропило;
 - иконы Спасителя и Божией Матери — для того, чтобы поместить их перед Царскими вратами;
 - три маленьких подсвечника — один на престол перед Св. Дарами и два — перед местными иконами;
 - свечи, желательно восковые;
 - для Воскресной службы Учебный Октоих (так как он очень маленький, но в связи с тем, что в нем нет экзапостилариев, их надо переписать заранее);
 - для будничных служб можно взять Минею Общую;
 - Часослов, Псалтырь;
 - ноты богослужбных песнопений;
- Помимо этого также необходимо взять:
- крестильный ящичек;
 - дароносицу;
 - крестики для новокрещаемых;
 - памятные иконки или календари;
 - ноты (лучше размножить самые необходимые);
 - иметь объяснение празднуемых событий, евангельских чтений, значения и смысла богослужения на весь период поездки.

Для священных предметов должна быть отдельная сумка.

Не нужно отчаиваться, если на богослужение пришло совсем не много людей. Так и должно было быть, было бы удивительно, если бы произошло иначе.

6. Организационный аспект:

За время пребывания нужно постараться создать группу людей, которая организовывала бы возрождение храма. Нужно ориентировочно решить, кто из этих людей чем будет заниматься, например, через кого при воссоздании храма будет осуществляться связь с властями населенного пункта, кто будет собирать средства и т.п. Глубоковерующие люди из среды местных жителей, благодаря знанию обычаев и того, чем живут их соотечественники, могут гораздо лучше любого приезжего проповедовать Евангелие и организовывать церковную жизнь общины. Для того чтобы укрепить веру в самих этих людях, можно пригласить их в паломническую поездку к святыням той епархии, из которой прибыла миссионерская группа (либо же к ближайшим святыням).

За время поездки миссионеры должны всячески стараться сохранить любовь между собою и послушание начальнику мис-

сии, так как диавол будет пытаться разрушить их. Никогда нельзя спорить между собою перед слушателями, а если и возникают какие-то разногласия, следует разрешать их наедине. «Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы вы говорили все одно, да не будут в вас распри и раздоры, да будете утверждены в одном духе, в одних мыслях», — писал ап. Павел в своем послании к Коринфянам (1Кор. 1.10). Между участниками группы должна быть любовь, которая миссионерствует без слов: «Потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13.25).

Миссионеры из среды местного населения, благодаря знанию языка, обычаев и верований своих соотечественников, могут гораздо лучше любого «иностранца» проповедовать Евангелие и руководить церковной общиной. Естественно, богословское образование или духовный опыт таких местных благовестников может не стоять на высоком уровне, но в данном случае важнее укрепить в них веру в преображающую силу слова Божия, воспламенить ревность и желание к миссионерскому служению и «открыть им глаза» на дар и силу Святого Духа, постоянно пребывающего в Церкви, Который и восполнит их немощи и недостатки.

Обучение будущих руководителей из местных верующих было приоритетным направлением деятельности самих апостолов. Ап. Павел пишет Тимофею: «Что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2Тим. 2.2). Часто апостолу в его миссионерских путешествиях сопутствовали несколько молодых христиан. Это было для них школой миссионерства. Потом они становились соратниками ап. Павла и посылались им в качестве руководителей в те города, где он основывал местные Церкви. Такая практика была довольно плодотворной и в короткое время позволяла не только охватить благовестием большие регионы, но и заложить там прочный фундамент христианской веры.

Таким образом, локальной целью православной миссии является не крещение или даже проповедание всему народу, но обучение отобранных руководителей и создание живых Евхаристических общин, которые действуют как евангелические центры для всей местности. Поэтому, прежде всякой лекции, всякого миссионерского делания, миссионеру следует помолиться Богу о том, чтобы Господь привел этих людей к Себе.

Заслуживает внимания и такой метод миссионерской работы, который предполагает объединение проповедников в миссионерские группы. Господь посылает апостолов попарно. В книге Деяний видно совместное служение апп. Петра и Иоанна; Павла, Варнавы и Марка; Павла, Луки и Силы, и других. Такие объединения имеют многие преимущества. Во-первых, апостолы посланы по два, «дабы они были смелее и друг друга поддерживали», — говорит блаженный Феофилакт. Во-вторых, это нужно было для свидетельства об истинности их учения. Кроме этого, само отношение между апостолами в духе самоотверженной любви и смирения могло служить сильным и наглядным аргументом в пользу их проповеди. И, наконец, «чем больше разнообразия несла миссионерская группа в лице своих членов, тем многочисленнее примеры для людей в понимании веры».

7. Географический и временной аспекты:

В первую поездку в незнакомый район лучше отправляться в теплое время года, взяв с собой некоторый запас провизии и рассчитывая ночевать в палатках, если местное население не пригласит группу в свои дома. Необходимо очень внимательно просмотреть маршрут планируемой миссионерской поездки и возможности его прохода пешком или на транспорте, согласовав маршрут по этой местности и климатические условия со знающими, компетентными в этой области людьми.

8. Отчетность:

Еще в практике древней Церкви апостольского века можно наблюдать такое явление, как отчетность благовестников Матери Церкви о результатах своей миссии (См.: Деян. 14.27-15.4; 21.19). Это, несомненно, вело к взаимному обогащению опытом миссионерской работы, а также вызывало радость и благодарность Богу в сердцах верующих.

В настоящее время очень широкий круг возможностей запечатления миссионерской деятельности: фото, аудио, видео, электронное, текстовое ведение хроники поездки. После поездки составление видеофильма, презентаций, текстовых отчетов для владык, благочинных, прихожан, ктиторов, общественных организаций и всех, кто помогал в подготовке, организации и проведении миссионерской поездки, а также накопления и передачи опыта для следующих поездок или орга-

низации таких поездок по другим епархиям (включая и заграничные). Вся необходимая информация должна храниться в доступном виде. Одна из лучших форм в настоящее время — это размещение ее на сайте.

2.12. Миссия и катехизация

«Воспитательная миссия (воцерковление). Это миссионерская работа с ищущими Бога, с готовящимися ко святому Крещению, а также с теми, кто, будучи уже крещеным, не получил должного научения основам христианской веры. Цель такой миссии — включение приглашаемых, оглашаемых и крещеных людей в полноту церковной жизни, помощь в формировании православного содержания и стиля их жизни.

Введение человека в церковную жизнь начинается со свидетельства и «приглашения» (свт. Кирилл Иерусалимский) и оглашения.

Поэтому традиционно воцерковление взрослых некрещеных людей проходит ряд ступеней: свидетельство (приглашение) — оглашение — Крещение — научение (тайноводство) (Мф. 28.19).

Огромное значение в деле воспитательной миссии приобретают известные формы православного социального служения, ибо в делах милосердия явно проявляется сила христианской любви.

Воспитательная миссия строится на принципиально важных богословских основаниях, которые должен глубоко понимать и принимать новоначальный:

— признание Богодухновенности Священного Писания (2Тим. 3.16) и принятие Священного Предания во всей его полноте, как приоритета в жизни православного христианина;

— убежденное вхождение в Церковь как в Тело Христово, частью Которого является каждый член общины (1Кор. 12.27), а единым Главой — Сам Господь Иисус Христос;

— свидетельство о Церкви как о радости жизни во Христе нового человека, облеченного во Христа в Таинстве Крещения (Гал. 3.27) и получившего в лоне Церкви благодатные дарования для раскрытия своей личности во всей полноте;

— восприятие Евхаристии как центра жизни православного христианина и христоцентричности всей его деятельности;

— осознание смысла участия в богослужении как соучастия в Таинстве Спасения.

Воспитательная миссия предполагает усиление миссионерской направленности приходской жизни путем:

- проведения специальных миссионерских богослужений, на которых богослужение сочетается с элементами катехизации, предполагающими употребление одобренных священноначалием богослужебных форм, более доступных для понимания новоначальных;
- укрепления тех сторон социокультурной среды, которые содействуют воцерковлению наших современников;
- привлечения всех клириков и инициативных мирян, катехизаторов прихода к участию в процессе воцерковления новых членов общины;
- стимулирования создания при крупных приходах, благочиниях и епархиальных управлениях специализированных миссионерских центров духовного развития детей и молодежи, которые могли бы принимать непосредственное участие в миссионерско-просветительской работе и организовывать процесс катехизации».

Одним из главнейших принципов и признаков православной миссии является ее неразрывность с катехизацией (греч. *κατήχησις* — устное поучение, назидание). Подлинный опыт миссии всегда требует внутреннего продолжения в усилении воцерковления обратившихся через целостное, последовательное, личностное и церковное научение основам христианской веры, молитвы и жизни. Именно в практике такого научения (катехизации) Церковь всегда выражала и выражает ответственность за свое миссионерское свидетельство и за обратившегося к Богу человека, а поэтому воспринимала и миссию, и катехизацию как единое служение. Без выраженной таким образом ответственности миссия неизбежно теряет качество полноты и церковности. Поэтому православная традиция неизменно включала в апостольский труд и миссию, и катехизацию.

В тексте Нового Завета находится множество подтверждений тому, что миссия и катехизация (как свидетельство и научение обратившихся) были единой задачей для апостолов. Особенно это видно при сравнении тех мест из Евангелия, которые говорят о последней заповеди Господа ученикам после Его Воскресения (Мф. 28.19-20; Мк. 16.15; Лк. 24.46-48; Ин. 20.21-23). Вчитываясь в эти стихи, можно легко прийти к выводу, что каждый из вариантов формулировки этой заповеди, используя распространенный в Библии прием называть часть, указывая на целое, исходит из того, что посланничество, свидетельство, научение, совершение покаяния и крещения, учение, хотя бы первоначальное, всему, что заповедал Господь, после крещения — необходимые части единой заповеди Господа Иисуса Христа всей

Церкви об апостольстве, а значит необходимые звенья единого служения миссии и катехизации.

Таким же свое служение видел и ап. Павел, который благовестие понимал не только как свидетельство, направленное на обращение неверующих к вере во Христа, но и как научение, катехизацию. Особенно ярко это видно в местах, где ко Христу обращалось большое количество язычников, а не иудеев и так называемых «боящихся Бога». И иудеи, и «боящиеся Бога» не нуждались в длительной катехизации, так как по примеру богатого юноши, «сохранили» навык послушания заповедям Закона. Таковые нуждались только в свидетельстве о Христе.

Там же, где обращалось большое количество язычников, для рождения общины апостолу необходимо было останавливаться на длительное время и проводить катехизические беседы (См.: Деян. 18.1-11; 19.8-10).

Все значимые примеры миссионерского служения в истории Церкви говорят о том, что служение свидетельства, научения и воцерковления было единым.

Не является исключением здесь и Русская Православная Церковь. Выдающиеся и всеми признанные примеры миссии в истории Русской Церкви одновременно являются примерами и в истории катехизации. Опыт равноапостольного служения солунских братьев Мефодия и Кирилла, св. равноап. кн. Владимира, свт. Стефана Пермского, прп. Макария Алтайского, свт. Иннокентия Московского, свт. Николая Японского — яркое тому доказательство. Каждый из этих святых являл не только убедительное свидетельство о Христе «распятом и воскресшем», но и осуществлял длительный труд воцерковления обратившихся. Для этого серьезно изучались язык и культура народов, переводились Св. Писание и богослужение и т.д.²⁷

²⁷ Примеры: Сам Господь Иисус Христос, избравший вначале Своей проповеди 12 учеников, по Своем Вознесении оставил после Себя около 120 человек (Деян. 1.16), однако вскоре, по прошествии Пятидесятницы, крестились сразу 3000 человек, а после этого «Господь ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2.47).

Свт. Николай Японский прибыл в «Страну Восходящего Солнца» в 1860 г., но первых японцев крестил лишь через восемь лет — в апреле 1868 г. В следующем году к первой троице добавилось еще 9 человек (и еще 25 ходили в чине оглашенных). Однако к кончине свт. Николая в 1912 г. прихожан было уже более 33000. Причем 627 из них приняли православие во время русско-японской войны 1905 г.

1) Принципы катехизации:

Миссия и катехизация, являясь неотъемлемыми частями апостольского служения, имеют единые основные принципы. К таким принципам можно отнести «церковность», «личностность», «целостность» и «последовательность».

Миссионерское свидетельство и катехизация, будучи явлением силы Духа Святого, имеют, согласно Евангелию, одновременно личностный и церковный характер. Это значит, что всякое подлинное свидетельство и научение являются, прежде всего, откровением Христа и откровением Святой Троицы. Причем одно предполагает другое и одно приводит к другому.

Целостность как миссии, так и катехизации, основана на признании взаимосвязи и соответствия в них (как, впрочем, и во всей жизни Церкви) закона молитвы, закона веры и закона жизни (лат. *lex orandi, lex credendi, lex vivendi*). Именно поэтому христианские вера, молитва и жизнь в миссии и катехизации являются путями свидетельства и научения.

Принцип последовательности выражает себя в том, что и миссия, и катехизация традиционно понимаются как процессы постепенно нарастающего Богооткровения и опыта Богопознания, то есть тем, к чему слова Христа «верный в малом — и во многом верен, а неправедный в малом — неправеден и во многом» (Лк. 16.10) имеют прямое отношение. Именно поэтому церковная традиция всегда старалась выявить и выявляла этапы или периоды, как миссионерского свидетельства, так и катехизации, отражающие духовные состояния человека, обратившегося к Богу. В связи с выявлением таких этапов появилась и *disciplina arcani* (лат. тайное учение) — практика секретности, предполагающая запрет учить или допускать к участию в чем-либо человека, который к этому не готов. Например, допускать к таинствам того, кто не прошел полную катехизацию.

2) Каноническая основа практики православной миссии и катехизации:

Православная церковная традиция содержит определенные требования к тому, какой должна быть практика миссии и катехизации. Так практика, которая использует эти требования, может быть названа канонической.

Для канонической практики миссии и катехизации характерно соответствие библейскому и святоотеческому опыту, она

воплощает единство принципов миссии и катехизации. Диак. Павел Гаврилюк в своей книге «История катехизации в Древней Церкви» следующим образом описывает процесс древнецерковной огласительной практики:

«Общая структура катехизации на Западе в главных чертах совпадала с той, которая была принята на Востоке. В связи с этим можно говорить о канонической огласительной практике, которая является собирательным опытом Восточной и Западной Церквей. Главные составляющие канонической огласительной практики были следующими (в квадратные скобки взяты те элементы, которые отсутствовали в Восточной церкви):

1. Предложение. Первое знакомство с христианством для язычника было по случайным беседам, рассказам друзей и книгам. Поводом к приходу в Церковь могли быть чудеса, исцеления, а также пример святых и мучеников.

2. [Предварительное собеседование. С теми, кто пришел в Церковь впервые, устраивали предварительное собеседование, которое мог проводить диакон. Будущие катехумены рассказывали о себе, о роде своих занятий, а также о том, что побудило их прийти в церковь. Представитель церкви читал им краткую проповедь о христианском пути и о главных отличиях христианства от язычества.]

3. Посвящение в катехумены. Те, кто выражал на то свое согласие, был посвящен в катехумены первого этапа. Обряд посвящения состоял в осенении печатью креста [экзорцистском «дуновении» с чтением молитвы], возложении рук [и вкушении соли]. Младенцы и маленькие дети могли участвовать в обряде наравне со взрослыми.

4. «Первый» этап мог продолжаться неопределенно долго и во многом зависел от желания и готовности катехуменов принять крещение. Три года считалось оптимальным сроком. Особых занятий с катехуменами первого этапа в большинстве случаев не проводили. Им позволялось присутствовать на всех богослужениях, за исключением Литургии верных. Они читали Священное Писание, пели гимны, участвовали в общих молитвах и слушали проповеди.

5. Собеседование с епископом. Те, кто желал креститься в недалеком будущем, должны были пройти [повторное] собеседование, которое чаще всего проводил епископ. Об образе жизни катехуменов, их добрых делах и об искренности их мотивов

свидетельствовали не только они сами, но и их крестные родители, игравшие роль поручителей.

6. Второй этап. Прошедшие собеседование записывались в церковную книгу и отделялись от общего числа катехуменов. Большинство взрослых крестилось в канун больших праздников, чаще всего на Пасху. Интенсивный подготовительный период длился около сорока дней.

7. «Предкрещальный катехизис» как история спасения. Специальные занятия с катехуменами на этом этапе нередко проводились ежедневно. На этих занятиях могли обсуждаться главные события истории спасения, центром которой было Боговоплощение. От этого центрального события история спасения простиралась в прошлое Израиля, продолжалась в литургической жизни церкви и была обращена к будущему дню всеобщего воскресения.

8. «Моральный катехизис» имел свободную форму и во многом зависел от инициативы катехизатора и подготовки кандидатов. Такой катехизис мог быть объяснением «Двух Путей», «Десятилетия Моисея» и заповедей «Нагорной проповеди», заповеди любви к Богу и ближнему, призывом жить, во всем подражая Христу, или просто обличением пороков и увещанием к добродетельной жизни.

9. «Предкрещальный катехизис» как комментарий на Символ веры. В том случае, если вышеупомянутые вопросы были катехуменам уже известны, катехизатор мог уделить гораздо большее внимание вопросам «догматики». Тогда объяснение Символа веры было не просто итогом догматического катехизиса, но его основным содержанием.

10. Практическая сторона катехизации. Занятия были нераздельно связаны с молитвенной, экзорцистской, покаянной и аскетической практикой Поместной Церкви.

11. «Передача и возвращение Символа». В начале или ближе к концу катехизиса епископ «передавал» катехуменам Символ веры. Все кандидаты должны были «вернуть» Символ веры Церкви, то есть прочесть его на память перед епископом. В Западной Церкви этот обряд имел более публичный характер и совершался в присутствии всех верных.

12. «Передача и возвращение Молитвы Господней». Этот обряд совершался после «передачи и возвращения Символа», накануне крещения. [Помимо этого, в Неаполе имел хождение обряд «передачи и возвращения псалмов»].

13. «Отречение от сатаны» было отрицательно-очистительным итогом катехизации и подчеркивало радикальность разрыва с языческим прошлым, его моралью и идолами. В некоторых случаях обряд отречения был соединен с обрядом сочетания со Христом.

14. Крещение. Объяснение обряда крещения в одних Церквях совершалось перед, а в других — после самого Таинства. Сразу после погружения и миропомазания неофиты принимали свое первое причастие.

15. «Тайноводственный катехизис» состоял в объяснении обряда отречения от сатаны, крещения, евхаристии и, в некоторых случаях, всей Литургии верных. Этот катехизис могли проводить частично до, а частично после крещения, в зависимости от поместных обычаев. О евхаристии во всех Церквях рассказывали только неофитам».

3) Возможная практика единого миссионерско-катехизационного служения в Русской Православной Церкви в современных условиях:

Современные условия церковной жизни позволяют проявить творческую верность церковной традиции и осуществлять предложение, а также все этапы катехизации. Для этого можно использовать миссионерско-катехизационный потенциал приходов, братств, общин и других официальных и неформальных объединений православных христиан.

Необходимо сделать и важное замечание, что, исходя из реалий современной церковной жизни, идти на катехизацию призваны не только некрещеные, но и крещеные люди с целью подготовиться к ответственной церковной жизни, в частности — к участию в таинствах покаяния и евхаристии. Не случайно Святейший патриарх Алексий II говорил в 2007 г.: «В особом пастырском и педагогическом сопровождении при вхождении в церковную жизнь нуждаются не только готовые к Таинству Крещения, но и те, кто был крещен без подготовки, формально, не сподобившись «родиться свыше» (Ин. 3.7)»²⁸.

²⁸ Из приветствия Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II организаторам, участникам и гостям круглого стола «Катехизация в современной Церкви: вопросы, опыт, пути развития», проведенного Синодальным отделом религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви и Патриаршим центром духовного развития детей и молодежи 29 ноября 2007 г.

«Предоглашение» может начинаться с нескольких встреч открытого характера, куда можно пригласить всех интересующихся христианством. По имеющемуся современному опыту, лучше такие встречи проводить не при храме, а на «нейтральной» для приходящих территории, где приглашенные могли бы чувствовать себя вполне уверенно. Главным на таких встречах является проявление благодатной христианской приветливости и диалог, в процессе которого очевидной становится убедительность для ума и сердца слушающих премудрости, дарованной Христом Его ученикам.

После начальных двух-трех таких встреч с интервалом в одну неделю, вести которые могут и подготовленные миряне, можно провести еще несколько встреч, на которых можно более подробно раскрыть суть христианской веры и жизни, ответить на вопросы. Главное, чтобы была достигнута цель предоглашения — помочь слушающим (интересующимся или даже противящимся) с помощью свидетельства и общения преодолеть сомнения и предрассудки, и обрести решение встать на путь веры и познания Единого Бога и посланного Им Иисуса Христа. Для многих же соотечественников целью предоглашения будет еще обрести веру в Церковь и желание жить в ней, так как, будучи крещеными, они никаким образом не явили свое стремление приносить Богу плод своего крещения в Его народе.

Для тех, кто уверовал, возможен переход на «первый этап» катехизации. Его цель — актуализировать на практике потенциал Закона как «детоводителя ко Христу» (Гал. 3.23-25). Это происходит через научение «малейшим заповедям» (Мф. 5.19), без чего невозможно всерьез говорить о жизни по Евангелию. Спаситель сказал ученикам: «Если ваша праведность не будет больше праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5.20). Именно поэтому Господь Свой ответ юноше, вопрошающему о вечной жизни, начинает с предложения исполнять заповеди Закона (См.: Мф. 19.17).

Для того чтобы осуществить такое научение на практике, оглашенному необходимо одновременно следовать четырем направлениям:

— читать «синоптические Евангелия» с целью понимания и соотнесения со своей верой и жизнью;

— ежедневно лично молиться, начиная с самого простого — с молитвы «своими» словами;

— участвовать в церковных богослужениях, за исключением тех, на которых совершаются Таинства;

— исправлять свою жизнь в соответствии с требованиями совести и Закона Божьего.

Для того, чтобы следование этим направлениям было плодотворно, можно проводить еженедельные встречи в группах по 10-20 человек, на которых можно было бы в свободной обстановке обсуждать возникающие вопросы как внешнего, так и внутреннего характера. Вести такие встречи может священник, а также имеющий опыт и благословение катехизатор-мирянин, в том числе женщины.

Если человек или группа оглашаемых явили первые плоды веры и покаяния, то через какое-то время (от месяца до года) можно говорить о переходе на «второй этап» катехизации, то есть к непосредственной подготовке к исповеди за всю жизнь и восприятию таинств Покаяния, Крещения и Миропомазания (в случае с некрещеными). Оглашаемые второго этапа на Востоке именовались в традиции «просвещаемыми», а на Западе их называли или «избранными», или «требующими». Второй этап, в отличие от первого, длится, как правило, до 10 недель, в течение которых проводятся еженедельные (часто — 2 раза в неделю) встречи. Кроме таких встреч, на которых проводятся беседы по Символу веры, Заповедям Моисея и Блаженств, молитве «Отче наш», обязательным для просвещаемых становится еженедельное участие в вечернем богослужении и на литургии оглашаемых, которая является «литургией Слова». Продолжается и работа по исправлению жизни: просвещаемые стремятся исполнить все этические (то есть не культовые и бытовые) требования Закона.

С начала таинственной жизни начинается «третий этап» катехизации — «мистагогия», то есть таинствоводство. Его цель — помочь новопросвещенным войти в новую глубину жизни Церкви, в дух и смысл церковных таинств веры, молитвы и жизни. Этот этап может длиться от одной до восьми недель (в зависимости от условий и готовности новопросвещенных). В любом случае первая неделя предполагает ежедневное участие в евхаристии и ежедневные таинствоводственные беседы (в этом смысле так называемой «Светлой седмицы»).

Проведение всех этапов катехизации должно предполагать возможность изменения в зависимости от условий, здоровья,

уровня культуры и образования, возраста и числа оглашаемых. При этом необходимо строго блюсти цель и основные критерии качества катехизации²⁹.

²⁹ Синодальный отдел религиозного образования и катехизации. Об организации катехизической деятельности Русской Православной Церкви (24 июня 2010 г.): Основными направлениями катехизической деятельности на приходе являются:

— оглашение (подготовка людей, уверовавших в Бога, к Таинству Крещения);

— пастырская деятельность по подготовке прихожан к участию в Таинствах, проповедь Слова Божия;

— совершенствование пения и чтения на богослужении и разъяснение его содержания;

— систематическая духовно-просветительская работа с прихожанами (в том числе воскресная школа для взрослых, беседы, приходская библиотека, регулярные паломничества и др.);

— православное воспитание и образование детей, подростков и членов их семей (преимущественно через церковно-приходскую воскресную школу);

— приходское консультирование по вопросам православной веры и церковной жизни;

— катехизация в процессе социального служения (в больницах, тюрьмах, детских домах и т.п.).

Ответственность за организацию и осуществление катехизической деятельности в приходе лежит на настоятеле. Для эффективного развития этой деятельности настоятелям следует иметь помощника на должности педагога-катехизатора в штатном расписании прихода (Определение Архиерейского собора 2004 г. «О вопросах внутренней жизни РПЦ» п.10, Постановления Архиерейского совещания 2 февраля 2010 г., п.1.8). Такой сотрудник должен быть аттестован в епархиальном отделе религиозного образования и катехизации...

В настоящее время большинством духовенства сознается недопустимость практики совершения Таинства Крещения без предварительного оглашения и, в то же время, недостижимость повсеместной полноценной подготовки к Таинству. Следуя церковной икономии, Отдел предлагает принять во всех епархиях следующие правила подготовки к совершению Таинства Крещения:

1.1. Оглашение следует проводить со всеми взрослыми и детьми старше 12 лет, желающими принять Таинство Крещения. Недопустима практика совершения Таинства Крещения над людьми, к нему не подготовленными (за исключением особых случаев, например, страха ради смертного). В случае крещения младенцев обязательную подготовку должны пройти родители и воспитатели.

1.2. Священникам и крещаемым следует стремиться к возможно более полной подготовке к Таинству, а крещаемым — настраиваться на церковную жизнь и после Крещения.

1.3. При отсутствии возможностей или условий для продолжительного (от нескольких месяцев и более) оглашения священниками должны строго соблюдаться требования минимального обязательного оглашения в следующем объеме:

4) Проблемы современной миссионерско-катехизационной практики в Русской Православной Церкви:

а) Отсутствие традиционной практики миссии и/или кате-

А) проведение двух предварительных бесед, ориентирующих оглашаемого в основных понятиях христианской нравственности, православного вероучения и церковной жизни, и направленных на укрепление его веры и его готовности изменить свою жизнь ради Христа. (В первой беседе внимание должно быть уделено выяснению мотивов обращения человека с просьбой о крещении и помощи ему в осознании подлинных христианских мотивов крещения, ответам на его вопросы. Во второй — акцент должен быть сделан на нравственных аспектах христианской жизни и на проверке правильности усвоения им вероучительных знаний. В период между беседами предполагается самостоятельный духовный труд: чтение Евангелия, обретение опыта личной молитвы и посильное участие в литургической и церковно-общинной жизни прихода).

Б) Перед совершением Таинства необходима исповедальная беседа, во время которой священник раскрывает смысл обетов Крещения и выявляет отношение к ним оглашаемого. Выясняет, нет ли в жизни человека препятствий к участию в Таинстве Крещения, как то, блудное сожителство, работа или иная деятельность не соответствующая нормам христианской нравственности и т.п. В случае выявления препятствий совершение Таинства должно быть отложено до времени решительного исправления жизни оглашаемого.

В) После Крещения требуется наставление новокрещеного к последующей церковной жизни с подчеркиванием особого значения Таинства Евхаристии для православного христианина. Такое наставление должно содержать конкретные предложения по его участию в жизни прихода.

1.4. В приходах, где создаются благоприятные условия, желательно повышать уровень минимальных требований к оглашаемым, как это сделано в ряде приходов, где обязательным условием крещения является цикл тематических бесед (3-12 и более) для группы оглашаемых в сочетании с их самостоятельным духовным трудом, а послекрещальное наставление развернуто в цикл тайноводственных бесед. При индивидуальной подготовке оглашаемого к принятию таинства Крещения продолжительность периода оглашения и количество бесед можно варьировать, но, несомненно, длительность подготовки играет положительную роль.

1.5. Критерием готовности человека к принятию Таинства Крещения следует признать его сознательное и ответственное отношение к обетам Крещения.

1.6. С родителями и восприемниками крещаемых детей, практически не участвующими в благодатной жизни Церкви, следует проводить разъяснительные беседы о смысле и значении Таинства Крещения и о необходимости самим взрослым жить полноценной церковной жизнью, воспитывать в вере детей и регулярно причащать их после Крещения. Уместно предложить родителям и восприемникам подготовиться к Таинству крещения младенца через личное участие в Таинстве Исповеди и Причащения. В каждом конкретном случае условия подготовки к Таинству Крещения должны определяться священником с пастырской любовью и рассудительностью.

1.7. Само совершение Таинства Крещения может и должно стать существенной частью катехизации. Желательно возрождение древней практики

зации на уровне приходов (иногда и на уровне епархий). Это случай, когда есть необоснованная уверенность, что «народ у нас и так православный», хотя его жизнь, подчас впрямую противоречащая заповедям Божиим, с элементами духовного невежества, предрассудков и суеверий, этого не подтверждает. Часто думают, что главное — построить храм, а он неизбежно сам наполнится³⁰.

совершения Крещения на крещальной литургии накануне великих праздников в торжественной обстановке (после проведения цикла огласительных бесед для группы обратившихся).

2.1. Для новопрощенных христиан, а также для тех, кто, будучи крещен ранее, хочет возобновить молитвенно-евхаристическое общение с Церковью, необходимо предлагать систематические катехизические беседы и занятия, которые могут проводиться в форме воскресной школы для взрослых или в иных удобных формах.

2.2. Нужно расширять практику изучения Священного Писания на приходах в форме библейских, евангельских бесед и кружков. Работа в небольших группах с обсуждением текстов Библии обычно помогает участникам глубже воспринимать Слово Божие и руководствоваться им в своей жизни.

2.3. Богослужения, Таинства и обряды Церкви, в которых участвуют новоначальные христиане, полезно сопровождать своевременным катехизическим пояснением, раскрывающим их духовный смысл. Целесообразно проводить занятия и беседы для желающих глубже понять содержание богослужений.

2.4. Должное внимание надо уделить созданию и развитию приходских и епархиальных библиотек и медиатеки, ориентированию прихожан в православных ресурсах сети Интернет.

2.5. Экскурсионно-паломническая деятельность имеет высокий духовно-просветительский потенциал, который следует в полной мере использовать.

При современном кризисе семьи особое внимание необходимо уделять подготовке к Таинству Венчания. Брачующиеся должны осознавать высокий христианский смысл брака, как пути спасения, и ответственность за него. Целесообразно ввести порядок подачи письменных прошений о совершении Таинства Венчания заблаговременно (за 1-2 месяца) по аналогии с правилами, установленными государством для регистрации брака. Это время, благоприятное для углубления церковной жизни вступающих в брак, может быть эффективно использовано для катехизической работы: объяснения будущим супругам непосредственной связи Таинства Брака с Таинством Евхаристии, христианского смысла семьи, как пути спасения, как малой церкви. Церковное попечение о семье должно продолжаться и после совершения Таинства Брака. Важной задачей является организация православной психологической консультации для семей.

³⁰ Статистика о Православии в России за 2007 г. (по данным РНИСиНП, РОМИР, ВЦИОМ), население страны — 142 млн. человек. Православными себя назвали 63%. Из них:

Верят в существование Бога — 77%

Верят в существование высшей силы, духа, разума — 17%

Не верят в существование сверхъестественного — 3%

Верят в Божий суд — 50%

Никогда не причащались — 68%

В этом случае миссия воспринимается как пассивное присутствие, а вместо последовательного научения заповедями Божиим (катехизации) совершается простое обслуживание духовных нужд населения. На почве отсутствия позитивной и активной миссии и катехизации начинают неизбежно произрастать их различного рода «темные двойники». Главные из них:

— подмена цели миссии и катехизации или ее сужение: желание (пусть и скрытое) привести людей не к Богу и в Церковь, а только в свой приход, в свою общину, к какому-то духовнику, или иной какой-нибудь церковный круг или кружок;

— «контрмиссия», или миссия «против», связанная со скрытым превозношением и запугиванием: это — позиция и церковная практика, доказывающая свою правоту путем явного или неявного унижения других людей, в частности, исповедующих другую веру. Катехизация в таком случае становится научением всякого рода идеологии, разделяющей людей по национальному или религиозному признаку;

— «лжемиссия», или превращение миссии из свидетельства в рекламу, когда православие раскрывается как лучшая форма решения таких проблем, как здоровье, достаток, семейное благополучие, психологический комфорт и так далее потому, что помощником и гарантом здесь является Сам Бог или те или иные святые. С лжемиссией, как правило, бывает связано и научение людей всякого рода предрассудкам, суевериям и обрядоверию.

б) Отрыв катехизации от миссии или миссии от катехизации. Это явление связано, как правило, с нецелостным восприятием миссионерско-катехизационного предания Церкви. В результате этого отсутствует полное представление о процессе обращения человека к Богу и его научения. В этом случае и миссия, и катехизация, как правило, становятся «самостоятельными», отдельными. Это обстоятельство приводит к существенному изменению и перво-

Часто общаются со священником — 3%

Соблюдают пост — 4%

Почти половина никогда не раскрывали Библию

Регулярно посещают Церковь — 10%

Ходят в храм только по праздникам — 43%

Молятся каждый день — 17%

Молятся раз в неделю — 13%

Молятся раз в полгода — 10%

Реже — 12%

Вообще не молятся — 31%

го, и второго. Миссия, не обеспеченная последующим научением, обрекает обратившихся людей на пустоту, когда их загоревшаяся, но еще слабая вера не находит поддержки, когда некому ответить на вопросы пробужденных совести и разума, что приводит почти всегда к трагическим последствиям для духовной жизни. Катехизация, в случае отрыва от живого опыта миссии, теряет, как правило, силу свидетельства и ходатайства, и неизбежно становится скучной, формальной, идеологизированной школой.

в) с нецелостным восприятием миссионерско-катехизационного предания связана еще одна проблема: редукция миссии и катехизации, то есть сведение их к частичным и, как правило, периферийным моментам.

Миссия в таком случае почти всегда сводится к попытке «прицерковить», то есть как можно быстрее подвести человека к участию в таинствах. А ведь известно, что к ним человек мог быть допущен только после первого и второго этапа катехизации. Усилие свидетельства тогда сводится только к одному строительству храмов, к километрам проезженных или пройденных дорог, обилию внешне крещеных и врученных им подарков.

Катехизация же сводится, как правило, к детскому «ликбезу», к поверхностному, разрозненному и несвоевременному знакомству с догматическим учением и литургическими таинствами. Катехизация может редуцироваться и в «протестантскую» сторону, то есть к совету «молись да читай Писание, а остальное само управится».

д) проблемой является и взимание платы за Крещение и подготовку к нему, что является каноническим нарушением³¹, противоречит призыву Христа «даром получили, даром и давайте» (Мф.10.8), и может вносить в само делание миссии и катехизации чуждые им дух и смысл.

2.13. Основные принципы планирования и организации миссионерской деятельности на общецерковном, епархиальном, благочинническом и приходском уровне

«Воплощение в жизни миссионерских целей и задач возможно лишь тогда, когда каждый член Церкви Христовой осознает свою личную миссионерскую ответственность.»

³¹ См. 38 правило Эльвирского собора: «Новокрещенные не должны класть деньги в крещальню, поскольку это будет значить, что священник продает то, что является свободным даром».

Миссионерская ответственность епископа предполагает:

1. Организацию и поддержку на территории вверенной ему епархии миссионерской деятельности на основании общецерковных документов, определяющих направления, цели и задачи миссии.

2. Заботу о миссионерских кадрах, повышение миссионерской квалификации священно- и церковнослужителей.

3. Создание на базе епархиального управления координационного центра для разработки методических рекомендаций и пособий по миссионерской деятельности, для обобщения епархиального миссионерского опыта с учетом местных культурных и этноконфессиональных особенностей.

4. Обеспечение финансовой поддержки епархиальным миссионерам при проведении ими миссионерской деятельности (например, путем образования специализированного епархиального миссионерского фонда или иных епархиальных финансовых учреждений, имеющих миссионерские цели и задачи).

Миссионерская ответственность священников, на которых епархиальным архиереем возложены соответствующие обязанности в рамках прихода/благочиния, предполагает:

1. Организацию миссионерской деятельности с учетом социального статуса мирян, находящихся на территории пастырской ответственности данного прихода/благочиния.

2. Привлечение активных прихожан к миссионерскому служению.

3. Ориентирование воскресных школ на миссионерскую деятельность.

4. Воспитание в приходском активе миссионерского духа посредством личного примера.

5. Введение практики миссионерских поручений на приходе и обеспечение их ответственного исполнения.

Миссионерская ответственность мирян предполагает:

1. Знание основ православного вероучения и активное участие в жизни прихода.

2. Свидетельствование об истине Православия всей своей жизнью, по слову святого апостола Петра: «Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1Пет. 3.15).

3. Внесение, при надлежащем попечении духовников, личного вклада в дело миссионерского свидетельства в соответствии с образованием, способностями и профессиональными навыками».

«Всякий, кто призовет имя Господне, спасется», — пишет величайший христианский миссионер и апостол. И далее он вопрошает: «Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как верить в Того, о Ком не слышали? как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы?» (Рим. 10.13-15).

Итак, в деле приведения человека к спасению ключевая роль отводится Господом благовествующему: «Как слышать без проповедующего?» — восклицает учитель языков. В словах апостола видна определенная целенаправленность миссионерского дела от послания миссионера к спасению слушающего. Безусловно, послание предполагает и определенное задание, своеобразный план. Посланный не блуждает бесцельно. Он знает, куда и зачем идти. Сам ап. Павел был уполномочен на дело миссии у язычников Апостольским Собором. Безусловно, апостольская миссия была под особым водительством Духа Святого. Но ошибочно представление о том, что миссия апостольской Церкви была хаотична. Апостолы, по преданию, разделили мир на миссионерские уделы и каждый отправился в свою область. И сам ап. Павел осуществлял свою миссию по определенному плану. Он тщательно продумывал свои путешествия и умело организовывал своих учеников и сотрудников, что во многом и способствовало такому удивительному росту основанных им общин.

Продуманность, взвешенность, организованность миссионерских инициатив и усилий и в дальнейшей истории Церкви доказывает свою принципиальную важность.

1) Организация миссионерской работы на епархиальном уровне:

Любое планирование и организация начинаются с оценки существующей ситуации, выявления проблем и нахождение путей их решения. Акцентируя внимание на активизации миссионерской деятельности, можно тем самым признать некоторую неудовлетворительность сегодняшней ситуацией. Отчетливое и правдивое осознание проблемы — первый шаг к ее решению. Каковы же проблемы, препятствующие успешной организации миссии?

Безусловно, они разнообразны и коренятся во многих сферах жизни церковного организма. Здесь можно назвать неумение организовать для церковного служения активных прихожан, отсутствие миссионерского мышления, недостаточный уровень

миссионерского образования, не развитость общинной жизни прихода, дефицит идей и материальных средств и пр.

Что касается организационных проблем, то в первую очередь можно отметить некоторую недооценку роли планирования и организации миссионерской деятельности: так сказать, пренебрежение миссионерской «теорией». И как следствие — недостаточная развитость миссионерского мышления, раздробленность миссионерских инициатив. Как правило, обычно приветствуются отдельные удачные примеры организации миссионерской работы, зависящие от индивидуальной инициативы активных священников и мирян, при этом пренебрегается принцип общецерковного и епархиального планирования. От того миссия Церкви теряет свою целостность и представляет совокупность единичных инициатив различных приходов и священников. Все это не позволяет придать миссии организованный характер.

Перед потенциальным миссионером вырисовывается перспектива «один воин в поле». Каждый активный священник вынужден бороться со своими проблемами в одиночку. Отсутствие реальной возможности контроля приводит, к сожалению, к тому, что миссионерство становится темой своеобразной спекуляции. В ожидании поощрения епархиального начальства отчеты могут подаваться с некоторым преувеличением или приукрашиванием достигнутых успехов, что не позволяет видеть реальной эффективности того или иного начинания. Иногда создается лишь видимость миссионерской работы. К примеру, епархиальный центр инициирует создание братств и сестричеств. В реальности же происходит то, что обычную группу прихожан называют братством или сестричеством, и хорошо, если эта «миссионерская» организация хотя бы регулярно собирается, не говоря уже о внешней активности.

Отдельную тему занимает вопрос финансирования миссионерской деятельности. Это та сфера, в которой наиболее болезненно проявляется проблема отсутствия солидарности и раздробленности миссионерских инициатив. Для организации и проведения серьезной миссионерской программы требуется вложение определенных финансовых и материальных средств. Зачастую, для организации задуманного не хватает возможностей одного прихода. Особенно необходима солидарность и поддержка в тех случаях, когда масштаб миссионерского мероприятия выходит за пределы одного прихода и оказывает воздействие на регион в целом.

2) Епархиальный миссионерский отдел:

В виду таких обстоятельств и трудностей представляется целесообразным обратиться к удачному опыту организации миссионерской деятельности в некоторых епархиях Русской Православной Церкви. И, прежде всего, следует рассмотреть пример епархиальных «миссионерских отделов». Этот орган осуществляет планирование, организацию, координацию миссионерской деятельности на епархиальном уровне. Его деятельность направлена на разработку и воплощение в жизнь общеeparхиальных миссионерских программ, инициирование и поддержку миссионерских инициатив на благочинническом и приходском уровнях. Работа миссионерского отдела позволяет адекватно определить миссионерские цели и задачи, придать миссионерской работе характер целенаправленности и единства, объединить и скоординировать возможности и усилия всех миссионеров и активных священников.

В задачу епархиального миссионерского отдела входит:

- а) создание годового календаря миссионерских предприятий;
- б) контроль над выполнением миссионерской работы на местах;
- в) анализ ситуации в тех или иных регионах епархии;
- г) миссионерское образование и подготовка миссионеров (миссионерские курсы);
- д) формирование фонда поддержки миссионерской деятельности;
- е) распределение средств для осуществления миссионерских мероприятий;
- ж) сбор и формирование методических материалов, баз данных, пособий, миссионерской литературы и пр.

Миссионерский епархиальный отдел, как правило, возглавляется или непосредственно подчинен епархиальному архиерею. В его состав могут входить секретарь епархии, миссионеры благочиний, руководители миссионерских организаций (братства, сестричества, социальные центры и пр.), священники, отвечающие за взаимодействие с теми или иными структурами и организациями, священники с богатым опытом миссионерского служения.

Кроме того, данный орган, как и в целом, миссионерская работа, должны быть структурированы по определенным направлениям: миссия в сфере образования, апологетическая и антисектантская деятельность, взаимодействие с вооруженными

ми силами, тюремное служение, больничное служение, молодежный отдел и пр.

Миссионерский епархиальный отдел регулярно, с периодичностью примерно раз в месяц проводит свои заседания, на которых его члены представляют текущую информацию, докладывают о проделанной работе и достигнутых результатах, планируют и корректируют дальнейшую деятельность.

3) Организация миссионерской работы в благочиниях:

Миссионерские отделы благочиний, руководимые миссионером благочиннического округа, выполняют на местах решения и программы миссионерского отдела епархии. В состав миссионерского отдела входит благочинный, руководители братств и сестричеств, активные священнослужители благочиния.

В задачи миссионерского отдела благочиния входит:

а) планирование и проведение миссионерских мероприятий, охватывающих все приходы благочиния;

б) выработка собственного календаря миссионерских мероприятий и его согласование с общепархиальным календарем;

в) содействие в осуществлении приходских миссионерских мероприятий;

г) миссионерское взаимодействие со светскими государственными и общественными структурами;

д) изучение специфики региона, благоприятных и неблагоприятных факторов для проведения миссионерской работы;

е) противодействие прозелитической деятельности среди православного населения: сбор информации о внешней активности инославных и сектантских организаций, передача этой информации в епархиальный миссионерский отдел.

4) Организация миссионерской деятельности на приходе:

Миссия — не есть удел и задача одного лишь священника. К миссии призвана вся община. И, пожалуй, самые удачные примеры миссионерской деятельности на приходе можно видеть там, где священнику удалось вовлечь в дело миссии своих прихожан. В «Концепции миссионерской деятельности» используется доселе неизвестное понятие «миссионерский приход». Это, конечно же, не данность и не констатация факта, а, скорее, желанная цель. Хорошо, когда священник активно проповедует, но еще лучше, когда он умеет организовать для достижения миссионерских целей своих прихожан.

Даже самый ревностный приходской священник зачастую бывает перегружен литургической и организационной деятельностью. Сам он не может объять необъятного. Поговорка «один в поле не воин» применима и к этому случаю. Поэтому, при оценке уровня миссионерской деятельности на приходе, нужно, пожалуй, в первую очередь учитывать степень вовлеченности в миссионерское служение рядовых членов общины. Сама по себе внебогослужебная активность прихожан есть уже косвенный миссионерский фактор, способный заинтересовать людей нецерковных.

Миссионерская деятельность на приходе должна начинаться с пробуждения миссионерского духа у прихожан. В этой связи следует обратиться еще к одному новому понятию, используемому в миссионерской концепции — «миссионерское поручение». Миссионерским поручением для мирян, в зависимости от уровня их воцерковленности, образованности, способностей могут быть следующие задания:

а) участие в сфере социального служения (помощь одиноким старикам, помощь детям из неблагополучных семей, попечение о больных и пр.);

б) участие в апологетической миссии (борьба с сектантством и инославным прозелитизмом);

в) участие в информационной миссии (написание статей в СМИ, участие в теле- и радиопередачах, Интернет-форумах и пр.);

г) участие в образовательной миссии — различные виды деятельности по научению основам веры, катехизаторская работа.

Участвуя в миссионерском служении, мирянин чувствует, что его способности востребованы в церковной жизни, крепче привязывается к приходской жизни. В идеале, в большинстве приходов могли бы существовать своего рода миссионерские братства.

«Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ин. 20.21) — звучат слова Спасителя. Отец действует в мире через Сына, а Сын — через Церковь, Главой которой Он является. На служителей Церкви Господь возлагает ответственность за то, чтобы не слышавшие услышали, не веровавшие уверовали и не призывающие Господа призвали Его и спаслись, как об этом говорит ап. Павел (Рим. 10.13-15). И в этом деле, конечно же, планирование и внешняя организованность не заменит силы Духа и ревности по Боге. Но сам Спаситель говорит о том, что человек не должен начинать строительство башни, не подумав прежде о том, «что

нужно для совершения ее» (Лк. 14.28). Господь объединяет людей в Церкви для того, чтобы в деле служения Ему они могли воспользоваться теми дарами, которыми Небесный Отец одарил каждого в отдельности и всех вместе.

2.14. Перспективные направления миссионерского служения

«Среди наиболее перспективных направлений современного миссионерского служения Церкви следует выделить:

— обобщение накопленного опыта миссионерской деятельности с целью его анализа и дальнейшего применения;

— распространение положительного опыта миссионерской деятельности, накопленного в разных епархиях (использование речных судов, поездов, автобусов, создание выездных групп, работа со светскими педагогами, библиотеками, проведение крестных ходов);

— усиление миссионерской направленности в учебно-воспитательном процессе духовных школ: совершенствование преподавания миссиологии и связанных с ней дисциплин, участие воспитанников в миссионерско-катехизаторской практике;

— поддержка на общецерковном уровне миссионеров, несущих свое служение в отдаленных епархиях;

— создание на каждом приходе особой миссионерской духовной и культурной атмосферы, находясь в которой возможно было бы противостоять негативным воздействиям из внешнего мира;

— поощрение внебогослужебного общения людей, в частности, через проведение собраний и совместных трапез прихожан после совершения богослужения с целью общения и обсуждения насущных вопросов;

— развитие священнослужителями внутрприходской миссии;

— привлечение мирян к активной церковной деятельности посредством выполнения определенных миссионерских поручений и участия в социальной диаконии;

— широкое применение различных языков миссионерской проповеди: от высокого храмового литургического слога до речи, понятной детям, молодежи, воинам, государственным служащим, деятелям науки и культуры — по слову апостола Павла: «для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор. 9.22);

— возрождение практики оглашения взрослых людей перед Крещением, привлечение к оглашению активных и подготовленных членов общины;

— совершение богослужений и издание православной литературы на местных языках, создание переводческих историко-архивных комиссий в епархиях, при церковно-богословских центрах и духовных школах; тщательная богословская оценка поступающей в приход литературы;

— работа с группами социального риска;

— создание на каждом приходе обстановки, способствующей укреплению института семьи и восприятию семейной жизни как церковного служения;

— развитие всех приемлемых (не противоречащих православной нравственности и не нарушающих светское законодательство) форм антисектантской деятельности и разработка целенаправленных миссионерских программ по нейтрализации прозелитизма и религиозного экстремизма;

— создание особых центров по социальной, психологической и духовной реабилитации бывших адептов сектантских организаций (деструктивных культов)».

Все эти направления миссионерского служения, перечисленные в «Концепции миссионерской деятельности», являются перспективой осуществления благовестнического служения Церкви, которая призвана Спасителем просветить все народы, крестив их во имя Святой Троицы, и научить Истине, открытой человечеству Иисусом Христом. Эти направления не являются всеобъемлющими задачами миссионерского делания, они лишь характеризуют наиболее актуальные цели и возможности проповеди для их осуществления Русской Православной Церковью на ее канонической территории.

2.15. Библиография ко 2-й части

1. Александр, архиеп. Костромской и Галичский. Церковь и молодежь на пороге XXI века. // Встреча. 2000. №8

2. Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп. О работе священника в летних детских православных лагерях. // Детские лагеря. Под ред. Куломзиной С.С. — М., 1995

3. Амфилохий (Радович), митр. Миссия Церкви и ее методика (в исторической перспективе). Пер. с серб. С. Луганской // Альфа и Омега, 2001. — № 30

4. Амфилохий (Радович), митр. Основы православного воспитания. Сборник статей. — Пермь, 2000

5. Анастасий (Яннулатос), архиеп. Цель и мотивация миссии // Православная община, № 37
6. Антоний, митр. Сурожский. Пастырство. — Минск, 2005
7. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (29 ноября — 2 декабря 1994 г.). Деяния. — М., 1995
8. Афанасьев Н., протопресв. Служение мирян в Церкви. — М., 1999
9. Афанасьев Н., протопресв. Церковь Духа Святаго. — Париж, 1971
10. Бабурин С. свящ. Пастырское окормление молодежи. — Сергиев Посад, Лавра, 2001
11. Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников (репринт). — М., 1997
12. Бенигсен Г., прот. Вопросы религиозного воспитания в детских лагерях. // Детские лагеря. — М., 1995
13. Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. — М., 1999
14. Бош Д. Преобразования миссионерства. — С-Пб., 1997
15. Вениамин (Милов), еп. Пастырское богословие с аскетикой. — М., 2002
16. Владимиров А., прот. Уроки целомудрия в деле нравственного воспитания учащихся. — М., 1997
17. Гаврилюк П. История катехизации в древней церкви / Под ред. свящ. Георгия Кочеткова. — М., 2001
18. Гарнак А. Миссионерская проповедь и распространение христианства в первые три века. — С-Пб., 2007
19. Гзгзян Д.М. Православная миссия сегодня и завтра // Православная община, № 37
20. Гиллквист П. Возвращение домой от протестантизма к православию. — М., 1996.
21. Гинкель А.В. Психология наркомании с точки зрения православной антропологии. — Белгород, 2005
22. Данилов В. свящ. История католических миссий. — Гродно, 2003
23. Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях. — М., 1996
24. Диакония и попечение в пенитенциарных учреждениях России: Материалы международного семинара. — М., 1997
25. Дионисий, иером. Идеалы православно-русского инородческого миссионерства. — Казань, 1901

26. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. — М., 1994
27. Западные молодежные субкультуры 80-х гг. Под редакцией Оборонко В.Н. — М., 1990
28. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — М., 1996
29. Зуев В.А. Если вы пришли в тюрьму: В помощь православному миссионеру: священнослужителю и мирянину. — Кунгур, 2005
30. Ильин И.А. Основы христианской культуры. // Статьи, речи, лекции. — М., 1993
31. Иннокентий, митр. Московский и Коломенский. Наставления священнику, назначенному для обращения иноверных и руководства обращенных во христианскую веру // Православная община, № 39
32. Исламитина Т.Г. Молодежные субкультуры. — Казань, 1997
33. Итоговый документ конференции «Миссия церкви и современное православное миссионерство» // Православная община, № 35
34. Каледа Г., прот. Домашняя Церковь. — М., 1997
35. Каледа Г., прот. Остановитесь на путях ваших. (Записки тюремного священника). — М., 1995
36. Каноны или Книга Правил. — Монреаль, 1974
37. Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. — Клин, 2002
38. Кирилл (Гундяев), митр. Воспитывать в христианских принципах. // Не такой как все. — М., 2000
39. Кирилл (Гундяев), митр. Легко ли быть молодым в Церкви. // Встреча. 2000, № 2
40. Кобзарь С., диак. Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом. — Житомир, 2002
41. Кондратов И., прот. Архиепископ Николай (Касаткин) — Апостол Японии. — Л., ЛДА, 1965
42. Копейкин К., прот. Лестница в небо. Пояснения к таинствам крещения и причастия. — СПб., 2009
43. Кочетков Г., свящ. В начале было слово: Катехизис для просвещаемых. — М., 2007
44. Кочетков Г., свящ. Таинственное введение в православную катехетику: Пастырско-богословские принципы и рекомендации совершающим крещение и миропомазание и подготовку к

ним: Диссертация на степень *maitrise de theologie* в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже. — М., 1998

45. Кураев А., диак. Миссия миссионеров. // Православная беседа. 2001. № 1

46. Кураев А., диак. Перестройка в Церковь. — М., 2009

47. Кураев А., диак. Традиция. Догмат. Обряд. — М., 1995

48. Лука (Веронис), свящ. Традиционные методы миссии и евангелизма // Миссионерское обозрение. — Белгород, 1996. — № 6

49. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Я полюбил страдание. — М., 1995

50. Макарий (Глухарев), архим. Мысли о способах к успешному распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе. — М., 1894

51. Макарий (Глухарев), архим. Слова. — СПб., 1995

52. Макарий (Невский), митр. Московский и Коломенский: Слова и беседы по миссионерскому делу (1884-1913 гг.). — Сергиев Посад, 1914

53. Макарий (Невский), митр. Московский. Письма к духовной дочери. — М., 1999

54. Максимов Ю. Религия креста и религия полумесяца. Христианство и ислам. — М., 2008

55. Мейендорф И., протопресв. Живое предание: Свидетельство Православия в современном мире. — СПб., 1997

56. Миряне в Церкви. Материалы международной богословской конференции. — М., 1999

57. Миссионерский пролог. — М., 2000

58. Миссия Церкви и современное православное миссионерство: Международная богословская конференция к 600-летию преставления свт. Стефана Пермского. — М., 1997

59. Наставления Высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского нушаганскому миссионеру, иеромонаху Феофилу // Церковные ведомости, 1903. — № 3

60. Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. — Белгород, 1999

61. Николаева О. Современная культура и Православие. — М., 1999

62. Николай-До: Святитель Николай Японский: Краткое жизнеописание, выдержки из дневника. — СПб., 2001

63. Николай Японский, свт. Дневники. — Хоккайдо, 1994
64. Орехов В. Свет Храма приходит в «зону» // Преступление и наказание. 1997. № 9
65. Остапов А., прот. Пастырская эстетика. — М., 2000
66. Паглазова Н. Собор Русской Православной Церкви о внешней и внутренней миссии. — М., 2000
67. Пастырь духовный. Разъяснения святоотеческие о пастырях и пастырстве. — М., 1999
68. Певницкий В., проф. О священстве. Основные пункты в учении о пастырском служении. — Киев, 2001
69. Пивоваров Б., прот. История миссионерской деятельности Русской Православной Церкви и современность // Миссионерское обозрение. — 1997, № 1 (15)
70. Попов Е., прот. Беседы с заключенными в тюрьмах. — СПб., 1870
71. Православная миссия сегодня: Сборник текстов по курсу «Миссиология» для православных духовных школ и богословских учебных заведений // Сост. прот. Владимир Федоров. — СПб., 1999
72. Приход в Православной Церкви. Материалы международной богословской конференции. — М., 2000
73. Проблемы проповеди Евангелия и контекст современной церковной жизни в России // Доклад проф. свящ. Георгия Кочеткова на конференции «Миссия Русской православной церкви», прошедшей в Бозе (Италия). — М., 2006
74. Рогозянский А. Педагогика в зеркале современности // ЖМП. 2001. № 1
75. Сборник научно-богословских трудов преподавателей Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). — Белгород, 2006
76. Сергей (Страгородский), архим. По Японии: (Записки миссионера). — М., 1998
77. Скабалланович М. Толковый Типикон. — М., 2004
78. Солодков А.И. Отчет о работе и организации лагеря для наркозависимых. // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. — Белгород, 1999
79. Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию / Под ред. иеродиак. Николая (Сахарова). — Эссекс-М., 1997
80. Спиридон, архим. Из виденного и пережитого. — Рига, 1993
81. Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. — Сергиев Посад, 2005

82. Уминский А., свящ. Православное воспитание и современный мир. // Альфа и Омега. 2000, № 32
83. Устав Православного Миссионерского общества (проект) // Православная община, № 13-15
84. Шестун Е., свящ. Православная педагогика. — Самара, 1998
85. Шмеман А., протопр. Миссионерский императив // Православная миссия сегодня. Сборник. Сост. прот. В. Федоров. — СПб., 1999
86. Шмеман А., протопресв. Церковь, мир, миссия. Мысли о православии на Западе. — М., 1996
87. Янушкявичюс Р.В. Основы нравственности: Учебное пособие для школьников и студентов. — М.: 2002

МИССИОЛОГИЯ

учебное пособие

По благословению и под общей редакцией Высокопреосвященнейшего Иоанна, архиепископа Белгородского и Старооскольского, председателя Миссионерского отдела Русской Православной Церкви

Миссиология: Учебное пособие. Издание 2-е, исправленное и дополненное. — М.: Миссионерский отдел Русской Православной Церкви, 2010. — 400 с.

Миссионерский отдел Русской Православной Церкви.
107031, г. Москва, Мал. Кисельный пер., д. 6 стр. 1,
тел./факс: (495) 628-45-74, 628-38-22.
www.portal-missia.ru
e-mail: missotdel@gmail.com.

Подписано в печать 25.10.2010.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. п. л. - _____. Тираж 5000 экз. Заказ 10066.

Отпечатано в ЗАО «Белгородская областная типография».
308002, г. Белгород, проспект Богдана Хмельницкого, 111а.